

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

События в Екатеринбурге
и Алапаевске
в воспоминаниях
принцессы Елены Сербской

«Русская культура»
Санкт-Петербург
2023

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

События в Екатеринбурге
и Алапаевске в воспоминаниях
принцессы Елены Сербской

«Русская культура»
Санкт-Петербург
2023

УДК 82-94
ББК 63.3(2) ; 84(4)
П62

Выражаем благодарность за содействие в написании этой книги архиепископу РПЦЗ Михаилу (Донскову), Ивану и Мари-Клер Фараче, маркизам ди Виллафореста, А.В. Абраменковой (Россия), А.Б. Арсеньеву (Сербия), О.И. Барковец, Елене и Жюльену Блан (Швейцария), А.В. Громовой, И.Н. Засыпкиной, Н.А. Кузнецову, Анне Радун (Сербия), Марине Тодич (Сербия), Кире Рюшти (Франция), М.М. Перекалиной (Россия), а также доцентам Ж.А. Храмушкиной и С.А. Ивановой, сотрудникам кафедры иностранных языков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, сотрудникам МБУК «ЦБС» Центральная городская библиотека имени Пушкина МО город Алапаевск и ее директору О.В. Середкиной

П62 Последний свидетель: события в Екатеринбурге и Алапаевске в воспоминаниях принцессы Елены Сербской / Авторы-составители вступительных статей, комментариев и именного указателя Н.Б. Неуймин, О.Н. Потемкина, Г.И. Шевцова. — Санкт-Петербург, 2023. — 392 с. (ил.)

Впервые публикуемые в России воспоминания принцессы Елены Сербской «Я была в Екатеринбурге» являются ценным историческим источником, дополняющим картину последних дней Империи и последующих трагических событий лета 1918 года в Екатеринбурге и Алапаевске. Свой рассказ о двух последних годах жизни в России Елена Петровна ведет и как член Дома Романовых, и как сербская принцесса, дочь короля и сестра короля.

Анализ воспоминаний принцессы Елены Сербской и сопоставление их с уже выявленными ранее документами позволили авторам-составителям поставить ряд исследовательских проблем, связанных не только с реконструкцией известных событий на Урале летом 1918 года, но и их периодизацией. В работе уделено значительное внимание основным этапам жизни принцессы Елены и ее детей после отъезда из России, а также помощи русским беженцам от ее имени в Сербии.

Авторы-составители дополнили издание комментариями, именным указателем и документами разного рода, в той или иной мере подтверждающих рассказ княгини и дающих представление об эпохе.

Работа написана на основании широкого круга иностранных и отечественных источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Издание адресовано историкам, культурологам, краеведам и всем, кто интересуется отечественной и новейшей историей.

© Авторы-составители, 2023
© НП «Русская культура», 2023

Талина Шевцова

ПРИНЦЕССА ЕЛЕНА СЕРБСКАЯ:
Я ГОРДА ТЕМ, ЧТО РАЗДЕЛЯЮ СУДЬБУ,
ПОСТИГШЮЮ ВСЕХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ

100-летняя годовщина трагической гибели императорской семьи в 2018 году была отмечена большим количеством выставок, конференций и публикаций¹. Однако, несмотря на несомненный исследовательский и общественный интерес, мы до сих пор не можем сказать, что белых пятен в изучении темы не осталось.

К настоящему времени в научный оборот введен огромный массив документов — официальных, личного характера, фото и киноматериалов. Но их поиск продолжается. До сих пор на русском языке не были опубликованы воспоминания принцессы Елены Сербской, в отечественной истории более известной как княгиня Елена Петровна, единственного представителя Дома Романовых, оставшегося в живых после трагических событий в Екатеринбурге и тюремного заключения в Перми и Москве. О них многие слышали, отрывок из них был опубликован на сербском языке в журнале «Нови живот»² за 1922 год. Эти материалы, как и устные рассказы княгини Елены Петровны использовал управляющий городом Павловском, а впоследствии секретарь ее королевского высочества, Сергей Николаевич Смирнов в своей работе «Autour

¹ Одной из самых заметных публикаций стала работа сотрудников ГА РФ «Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Материалы предварительного следствия судебного следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколова». Отв. ред. и отв. сост. О.В. Лавинская, сост. В.М. Хрусталева. М.: Кучково поле, 2017.

² Из мемуара княгини Елене // Нови живот. X. 2 — 25.VI.1922.

de l'assassinat des Grands-Ducs. Ekaterinbourg-Alapaievsk-Perm-Pétrograd» (Вокруг убийства великих князей. Екатеринбург-Алапаевск-Пермь-Петроград), изданной в Париже в 1928 году³. Отрывки из этой работы были опубликованы в том же году в нескольких номерах газеты «Време» в Сербии под названием «Принцеза Јелена у ропству большевика. Успомене г. Смирнова бившег гувернера царског апанаже у Павловску (Принцесса Елена в плену у большевиков. Воспоминания г. Смирнова, бывшего управляющего царскими имениями в Павловске)⁴.

Известно, что воспоминания принцессы Елены Сербской на французском языке хранятся в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета. Также были сведения, что ее воспоминания вышли в свет то ли во Франции, то ли в Швейцарии, то ли в 20-е, то ли в 30-е годы XX века. Эти документы в России никогда полностью не публиковались и, насколько нам известно, в научной литературе не цитировались, за исключением уже упомянутых отрывков, напечатанных в сербской прессе.

После обнаружения текста воспоминаний принцессы Елены Сербской в швейцарском еженедельном журнале *L'Illustré*⁵, нам удалось сравнить оба текста и выяснить, что они идентичны, имеют общее название «Я была в Екатеринбурге» и разбиты на небольшие главки, каждая из которых озаглавлена.

Мы предполагаем, что в основе публикации в *L'Illustré* лежит текст, обнаруженный в американском архиве. Этот

³ *Smirnoff Serge*. «Autour de l'assassinat des Grands-Ducs. Ekaterinbourg-Alapaievsk-Perm-Pétrograd». Paris: Payot, 1928. На русском языке эта работа была опубликована в Белграде в 2016 году Корнелией Ичин под названием «В плену у цареубийц» и практически сразу стала библиографической редкостью.

⁴ Принцеза Јелена у ропству большевика. Успомене г. Смирнова бившег гувернера царског апанаже у Павловску // Време. 1928. 3, 4, 5 априла.

⁵ *L'Illustré*. 1958. № 41 (9 октябрия), 42 (16 октябрия), 43 (23 октябрия), 44 (30 октябрия), 45 (6 ноябрия), 46 (13 ноябрия), 47 (20 ноябрия).

вариант представляет собой машинописную копию⁶, не имеющую окончания: текст обрывается в момент встречи арестованной княгини Елены Петровны с 1-м заместителем председателя ВЧК Я.Х. Петерсом в ноябре 1918 года в Москве.

К сожалению, историю написания воспоминаний принцессы Елены Сербской установить не удалось. Есть версия, что работу над мемуарами княгиня начала в начале 1950-х годов. Однако, судя по тому, что первый отрывок о последней встрече с государем был опубликован, как уже упоминалось, в сербском журнале «Нови живот» («Новая жизнь») в год 5-й годовщины отречения императора Николая II и был повторен слово в слово спустя тридцать лет в швейцарском издании, можно было бы предположить, что княгиня начала свои заметки практически по свежим следам. Но тогда возникает вопрос, почему в тексте присутствуют некоторые неточности, искажения не только фактов, но и хронологической последовательности. Это тем более удивительно, что многие события со слов княгини уже были описаны в упомянутой работе С.Н. Смирнова. Попытаемся в этом разобраться.

Текст воспоминаний принцессы Елены Сербской предваряет большая вступительная статья, написанная кем-то из окружения княгини. Ее наличие наводит на мысль о подготовке отдельного издания, по каким-то причинам не состоявшегося. Текст предисловия написан хорошо образованным человеком, знакомым с российской историей, монархистом и антикоммунистом по своим убеждениям.

Как уже было отмечено, даты начала и окончания работы над воспоминаниями принцессы Елены определить не удалось, что же касается предисловия, то оно, несомненно, было закончено вскоре после окончания Второй мировой войны. В нем автор излагает довольно распространенную версию

⁶ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (Бахметьевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета). Helene Romanoff Papers. (MN#: 98-8019).

революционных событий в России и последующего отречения императора Николая II. По его мнению, царь был принесен в жертву коммунистическим идеям. Кроме того, в тексте дается оценка некоторым российским политическим деятелям и Временному правительству, «жалкому» и состоявшему «из малозначимых людей».

Рисуя образ императрицы Александры Федоровны, автор предисловия показывает ее трагическое разобщение с обществом: «в скромном наряде сестры милосердия, как и в роскошной мантии из горноста, она не встретила ни доброжелательности, ни понимания».

Стоит обратить внимание, что он сравнивает судьбу императора Николая II с судьбой короля Людовика XVI, а государыни — с судьбой королевы Марии-Антуанетты: «оклеветанные, отвергнутые, гонимые». Этот образ выбран не случайно — он перекликается со строками в воспоминаниях принцессы Елены Сербской, где гобелен с портретом французской королевы и ее детей, висевший в одной из гостиных Александровского дворца, является символом и предвестником будущих несчастий.

С оценкой личности государя и государыни, как и происходивших вокруг них событий, можно спорить или соглашаться, но автор предисловия пишет о них с любовью и уважением. Кроме того, для него являются значимыми сакральный характер императорской власти и особы императора, поэтому он связывает убийство Николая II, как и короля Людовика XVI, с убийством идеи существования Бога.

Швейцарский вариант, подготовленный к печати в L'Illustré⁷, имеет анонсы для каждой из публикуемой частей, а также собственное предисловие. Предлагать вариант вступления, сохранившийся в американском архиве, массовому европейскому читателю смысла не было — его не интересовало то, что волновало Русское Зарубежье, тем более, «в далеком прошлом». Ему были нужны если не сенсация или скандал,

⁷ Издается в Лозанне с 1921 года.

то, во всяком случае, что-то актуальное, притягивающее внимание читающей публики в данный момент.

Поэтому несмотря на то, что воспоминания принцессы Елены Сербской увидели свет в 1958 году, в 40-ю годовщину гибели членов царской семьи в Екатеринбурге и Алапаевске, поводом для их публикации стала не память об этом трагическом событии, а возобновление Гамбургского процесса, «в ходе которого будут вновь предприняты попытки разгадать таинственную историю неизвестной женщины, вытащенной из канала в Берлине после попытки самоубийства 38 лет назад, той, которая сейчас известна под именем Анны Андерсон⁸ и которая с неумолимым упорством утверждает, что является великой княжной Анастасией [Николаевной], чудом спасшейся в ходе расстрела семьи русского императора».

Как можно увидеть из текста публикации, принцессу Елену эта тема практически не волновала. Она даже не отметила в записках, что ей уже приходилось встречаться с одной из первых самозванок «царского рода» в пермской тюрьме⁹. По поводу притязаний Анны Андерсон на имя великой княжны княгиня высказалась жестко, со свойственной ей прямоотой

⁸ Андерсон Анна (16 декабря 1896 — 12 февраля 1984), одна из самых известных претенденток на имя великой княжны Анастасии Николаевны, погибшей в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. 17 февраля 1920 года берлинский полицейский спас из канала Ландвер неустановленную особу после попытки суицида. С 1922 года стали распространяться слухи о том, что это чудом спасшаяся младшая дочь царя. В 1938 году она начала в Берлине судебный процесс о признании ее личных и наследственных прав члена Дома Романовых. В 1958 году судебное заседание было перенесено в Гамбург.

⁹ Вот как описывает этот эпизод С.Н. Смирнов: «...прошло недели две-три после нашего прибытия в Пермь и вот однажды к княгине в камеру вошел член местной ЧК и начал ее расспрашивать, бывала ли она в царской семье и знала ли великих княжон. Получив... утвердительный ответ, он спросил: «Ну, так, если бы мы Вам предъявили одну из них, Вы бы ее узнали?..». Княгиня, конечно, подтвердила и это. ...Через неделю ее привели, но она оказалась потом уличной девицей, почему-то назвавшейся великой княжной» // *Смирнов С.Н. В плену у царевубийц. Белград, 2018. С. 77–78.*

и категоричностью: «“тайны Анастасии” нет и не может быть, поскольку единственная настоящая Анастасия погибла вместе со своими близкими в Екатеринбурге». Принцесса Елена Сербская не без основания полагала, что весь шум вокруг темы «Анастасии» имеет финансовую подоплеку и что, в конечном итоге, инициаторов ждет разочарование.

Редакция L'Illustré, подогревая интерес своего читателя к публикации, представила записки Елены Сербской как свидетельские показания. Но по форме это, скорее, эссе.

Мемуары сербской принцессы дышат любовью к навсегда потерянной Императорской России и связанных с нею надеждам, а также погибшей Императорской Семье, частью которой она осталась навсегда.

Принцесса Елена пускает нас в тот мир, в котором живет сама. Там реальные события переплетаются с желаемыми и, в какой-то мере, восстанавливается справедливость: императорская семья знает, что не одинока и не покинута всеми в своем заточении, а княгиня снова и снова убеждает себя, что сделала все возможное, чтобы спасти Иоанна Константиновича. Она почти ничего не пишет об Алапаевске и убитом там муже — эта рана так и не затянулась.

Воспоминания принцессы Елены Сербской «Я была в Екатеринбурге» несут отпечаток прожитых лет: автор сосредотачивается на том, что действительно ценит и о чем действительно жалеет. Поэтому рассказчик иногда нарушает последовательность событий, порой сгущает краски, не следит за точным воспроизведением деталей. Эти «мелочи» приносятся в жертву общему стилю и драматизму изложения, позволяющему сосредоточиться на главной теме и удерживать интерес читателя от самого начала до конца.

И все же, несмотря на особенности, присущие практически всем документам такого рода, воспоминания принцессы Елены Сербской «Я была в Екатеринбурге» — это ценный исторический источник, позволяющий значительно дополнить общую картину последних дней Империи и последовавших

за этим репрессий в отношении членов императорской семьи. Многие факты, изложенные ею, дополняются и (или) подтверждаются другими свидетельствами — материалами предварительного следствия Н.А. Соколова, мемуарами других очевидцев из разных слоев общества.

Повествование ведется от первого лица и написано легким, литературным языком. Принцесса Елена почти ничего не рассказывает о людях, ее сопровождавших и помогавших ей в период тюремного заключения. Даже княгиню М.Д. Палавандову, служившую при ней, с перерывами, около пятнадцати лет, она представляет как едва знакомого человека. Берем на себя смелость утверждать, что подобный стиль изложения был вызван осторожностью, нежеланием навлечь неприятности на людей, оставшихся в России. Тем более, что прецедент уже был. Графиня Екатерина Константиновна Зарнекау (04 сентября 1864, Кутаиси — 24 декабря 1963, Париж), дочь от мorganатического брака герцога Константина Петровича Ольденбургского, сумела в 1929 году выбраться из советской России и шаг за шагом описала, как ей это удалось, в мемуарах, опубликованных в эмигрантской печати. Таким образом обстоятельства ее побега и имена лиц, ей помогавших, стали известны ОГПУ, что привело к аресту около тридцати человек, часть из которых была вскоре расстреляна. Для эмигрантской среды это стало потрясением. Принцесса Елена прекрасно знала Тину Зарнекау, как звали ее близкие. Братья княгини дружили в подростковом возрасте с братьями графини, кроме того, она была подругой братьев ее мужа — князей Гавриила Константиновича и Игоря Константиновича.

В предлагаемых читателю воспоминаниях затронуты хорошо известные нашим соотечественникам (но не европейцам) темы, среди которых события в Александровском дворце в период отречения императора, отъезд в ссылку принцессы Елены вместе с мужем и другими родственниками, жизнь августейших ссыльных в Вятке, Екатеринбурге и Алапаевске,

отношение к ним местных жителей и советских властей, встреча с сербской миссией, аресты и зарисовки быта советских тюрем, получение известий о гибели императорской семьи и «побеге» узников Напольной школы и многое другое.

В то же время есть эпизоды, о которых могла знать только принцесса Елена Сербская: темы ее бесед с императором накануне его отречения, «совещание» по поводу ее отъезда и прощание с родными в Алапаевске, разговоры на допросах в Екатеринбурге и Москве, момент расставания с Россией и так далее. В заключение она дает читателю самые общие сведения о жизни своей семьи после крушения Империи.

К достоинствам текста воспоминаний Елены Сербской можно отнести то, что он не заслоняет от нас личность принцессы, поступки и оценки которой позволяют судить о ее взглядах и характере. Например, настойчивые попытки встретиться с арестованной царской семьей и горячее желание вернуться к мужу, когда пришла весть об ухудшении его положения, по нашему мнению, свидетельствуют о таких ее чертах как верность, преданность, решительность и бесстрашие.

О себе и своей семье принцесса Елена пишет очень скупо, поэтому позволим себе остановиться на некоторых фактах ее биографии настолько подробно, насколько позволяют имеющиеся в нашем распоряжении источники.

Принцесса Елена: от рождения до замужества

Изучая биографию принцессы Елены Сербской невозможно отделаться от мысли, что ее тесная связь с Россией была predetermined еще до ее рождения. Балканские династии, к которым принадлежали ее родители, многие свои надежды связывали именно с Домом Романовых.

Княжна Елена (домашние звали ее Ябе) родилась 23 октября (4 ноября) 1884 года в Черногории и стала старшим ребенком сербского князя-изгнанника Петра Карагеоргиевича и княгини Зорки-Любицы, дочери черногорского

владельческого князя Николы Петровича-Негоша¹⁰. В шестилетнем возрасте она лишилась матери и новорожденного брата. В течение жизни она сохранила нежную привязанность к своей черногорской родне, сумевшей скрасить ее детское горе. Князь Петр, овдовев, вторично так и не женился.

В 1894 году вместе с отцом и младшими братьями, князьями Георгием и Александром, она переехала в Швейцарию, где получала образование в частной гимназии. По отзывам современников, князь Петр приучал детей к скромности и демократическим взглядам, готовя их к возможным жизненным испытаниям¹¹. Кроме того, в них с детства воспитывалась любовь к России и всему славянскому. Большое внимание уделялось физической подготовке: молодые Карагеоргиевичи с детства занимались верховой ездой и плаванием.

В 1896 году по приглашению великой княгини Милицы Николаевны, младшей сестры матери, княжна Елена переехала в Россию. Это был период близости императрицы Александры Федоровны с черногорками Милицей и Анастасией, бывшими замужем за членами Императорской Фамилии — великим князем Петром Николаевичем и герцогом Георгием Максимилиановичем Лейхтенбергским (впоследствии мужем Анастасии Черногорской стал великий князь Николай Николаевич).

В доме своей августейшей тетки княжна Елена получила прекрасное образование: изучала Закон Божий, русский и иностранные языки, литературу, историю, рисование, музыку, пение и другие предметы гуманитарного цикла. По отзывам современников, она прекрасно играла на фортепьяно.

Серьезное увлечение великокняжеской семьи Милицы Николаевны и Петра Николаевича философией, археологией

¹⁰ Никола I Петрович-Негош (7 октября 1841, Черногория — 1 марта 1921, Франция), черногорский владетельный князь (1860–1910), а затем король (1910–1918).

¹¹ *Живојиновић Драгољуб*. Краљ Петар I Карађорђевић. Живот и дело. У отаџбини 1903–1914 године. (2): Београдски издавачко-графички завод, 1990. С. 352.

и архитектурой не могли не сказаться на кругозоре сербской княжны. Из архивных данных известно, что впоследствии, будучи замужней женщиной, она выписывала иностранные и российские газеты, следила за книжными новинками. В ее личной библиотеке были не только романы, но и книги по истории, археологии, искусству.

В 1903 году в Сербии произошел государственный переворот. Король Александр Обренович и королева Драга были убиты заговорщиками. Сербский трон по приглашению Скупщины занял князь Петр Карагеоргиевич. Елене, теперь уже как дочери короля, пришлось уехать из России в Сербию, которую она до того времени не видела. Теперь ее ждала череда официальных мероприятий, постоянные визиты в различные благотворительные учреждения, ежедневные аудиенции и многое другое, что почти не оставляло времени для того, что она любила: чтения, музыки, верховой езды и путешествий. У нее не было подруг: свое внимание королевская дочь была обязана делить между подданными поровну. Принцесса Елена была искренне рада, когда удавалось уехать на несколько месяцев в Италию к еще одной сестре матери, королеве Елене Савойской¹², или погостить у деда и бабушки — короля¹³ Николы и королевы Милены Черногорских.

Связь с российскими родственниками и их приближенными принцесса Елена не потеряла. В переписке с ними она часто отмечала, что хотела бы вернуться в Петербург или Крым, хотя бы на время: «Меня так тянет к вам, в Россию! Мне кажется, что, если я не приеду летом в Петергоф, то умру» (апрель

¹² Королева Елена (8 января 1873 — 28 ноября 1952), дочь князя Николы I Черногорского и его жены Милены Вукотич. В 1896 году вышла замуж за наследника итальянского престола, представителя Савойской династии, будущего короля Виктора Эммануила III.

¹³ Черногория при поддержке европейских государств в 1910 году была провозглашена королевством // *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX и XX вв. // *Императорский Дом Романовых и Балканы. Сб. статей.* М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 292.

1904), «Я очень скучаю по России! Боже мой, кажется, нигде не может быть так хорошо, как в Петергофе!» (июнь 1904)¹⁴.

Несомненно, Елена была искренна в своих чувствах. Но нельзя сбрасывать со счетов и политику: Сербии были выгодны самые тесные взаимоотношения с Императорским Двором на всех уровнях. Принцесса не могла не знать об этом и делала все от нее зависящее. И наконец, свершилось то, что могла сделать для своей страны только дочь короля — породнила свою династию с одной из самых могущественных династий Европы — Домом Романовых.

Летом 1911 года в летней резиденции итальянской королевской семьи Ракониджи принцесса Елена познакомилась с князем Иоанном Константиновичем, старшим сыном великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Он родился 23 июня 1886 года и, как правнук императора, в соответствии с внесенными в том же году изменениями в «Учреждение об Императорской Фамилии», стал первым князем крови императорской Дома Романовых.

Князь Иоанн Константинович получил образование, соответствующее своему высокому положению. Сначала он занимался с домашними преподавателями, затем поступил в Николаевское кавалерийское училище, которое окончил в 1907 году по 1-му разряду, и был выпущен в лейб-гвардии Конный полк в чине корнета. В 1908 году Иоанн Константинович принял две присяги: как член императорской фамилии и военную, тогда же был назначен флигель-адъютантом. Военная служба князю нравилась, а к своим обязанностям в полку он относился очень серьезно.

Иоанн Константинович с ранних лет осознавал свое место в семье как старшего сына великого князя и старался ему соответствовать. Он трудно сходился с людьми, но если они становились его друзьями, то он им открывался и был искренне

¹⁴ ГА РФ. Ф. 620 (великая княгиня Милица Николаевна). Оп. 1. Д. 22. Л. 13–13 об.

предан. Его страстью и серьезным увлечением была музыка. Иоанн Константинович был глубоко религиозным человеком, с детства его привлекало церковное пение. В юности он имел опыт написания духовной музыки для Божественной Литургии.

В семье, в детском и подростковом возрасте, Иоанна Константиновича ласково называли «Иоанчиком», а позже — Джоном. Современники отмечали его редкие душевные качества — доброту, отзывчивость, скромность.

В организации «случайной» встречи в Ракоиджи приняли участие две королевы, итальянская и греческая¹⁵, и две великие княгини, Елизавета Маврикиевна и Мария Георгиевна¹⁶. Князь Иоанн и принцесса Елена понравились друг другу — тут же состоялась неофициальная помолвка, с радостью воспринятая как в России, так и в Сербии. Сотрудник императорской миссии в Белграде, коллежский советник М.М. Бибииков 14 (27) июля 1911 года сообщил в МИД, что сербская печать «без различия партий указывает на важность этого события... и многочисленные депутации, произносящие поздравления королю, выражают свою радость по поводу этого счастливого в Королевском Доме события»¹⁷.

Подготовка к свадьбе заняла около месяца. В Петербург в сопровождении короля Петра и престолонаследника Александра¹⁸ высоконараченная невеста прибыла 19 августа

¹⁵ Королева эллинов Ольга Константиновна, старшая сестра великого князя Константина Константиновича и крестная князя Иоанна Константиновича.

¹⁶ Великая княгиня Мария Георгиевна была младшей дочерью королевы Ольги Константиновны, вышедшей по настоянию матери замуж в Россию за великого князя Георгия Михайловича.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482. Д. 2875. Л. 2.

¹⁸ Александр I Карагеоргиевич (4 декабря 1888, Цетинье — 9 октября 1934, Марсель), престолонаследник (1909), затем король сербов, хорватов и словенцев (1921–1929), король Югославии (1929–1934). В 1914 году становится принцем-регентом при своем престарелом отце. Во время Первой мировой войны — верховный главнокомандующий сербской армией. Был убит террористом в Марселе 9 октября 1934 года.

1911 года. Бракосочетание князя Иоанна Константиновича с сербской принцессой Еленой состоялось 21 августа 1911 года в церкви Большого Петергофского дворца. Накануне ей был пожалован орден св. Екатерины, а императорская семья преподнесла Казанскую икону Божьей Матери. После бракосочетания принцесса Елена получила титул «её королевское высочество княгиня Елена Петровна».

В большой Императорской семье. Семейная жизнь Елены Петровны

Умная, живая, с хорошим чувством юмора, молодая княгиня довольно быстро нашла общий язык со всеми членами семьи, в том числе, с младшими братьями и сестрами мужа. Елена Петровна была цельной натурой, с сильным характером. В частности, позже об этом писал посланник Мирослав Спалайкович: «тот, кому посчастливилось хотя бы раз встретить эту замечательную женщину, никогда не забудет ее мягкий и пронизательный взгляд, большие глаза с отсветом темного сапфира, в которых отражается ее утонченная скромность, глубокий ум и редкая сила характера. Судьба даровала мне возможность быть рядом с ней в трагические дни русской революции, и я с душевным волнением вспоминаю человеческие качества принцессы, этого ребенка из чудесной сказки, и в то же время — те страшные испытания, которые ей довелось пережить с замечательной стойкостью, самоотверженностью и смирением...»¹⁹.

От отца и черногорского деда Елене Петровне досталось умение очаровывать собеседников приветливостью и простотой общения. Знавшие княгиню люди отмечали и ценили ее искренность и непосредственность. Пройдя вместе с Еленой Петровной все испытания в советских тюрьмах, в одном из писем жене (7 августа 1919 года) С.Н. Смирнов написал, что

¹⁹ *Smirnoff Serge*. Op. cit. P. 9.

«к числу качеств княгини надо отнести, что она кого любит, так уж любит, кого оценит по хорошим качествам — защищает лихо, но уж кого невзлюбит — скрывает плохо»²⁰.

Особенно теплые отношения связывали княгиню Елену Петровну с греческой королевой Ольгой Константиновной, приходившейся ее свекру старшей сестрой, а мужу — крестной. Что касается князя Иоанна Константиновича, то он был от жены в восторге. 11 (24) декабря 1912 года он написал матери такие строки: «Я прямо не налюбуюсь ею. Благодарю Бога и тебя, Мусь, что нашли для меня такую чудную, отзывчивую жену. Никто не понимает меня так, как она... Душевное мое состояние никогда, кажись, не было так хорошо, как теперь»²¹.

Елена Петровна смогла найти верный тон и в отношениях с императором и императрицей. В своих воспоминаниях она приводит эпизод на собственной свадьбе, когда с одобрения отца она раз и навсегда определила свое место в Императорской семье. Зная о постоянной борьбе внутри Дома Романовых за влияние, император и императрица не могли этого не оценить.

Хорошее отношение императорской четы ни Елена Петровна, ни Иоанн Константинович не потеряли и во время монархического кризиса, связанного с убийством Григория Распутина. Они оказались в числе тех, кто подписал письмо императору 29 декабря в защиту великого князя Дмитрия Павловича. Тем не менее, на добром отношении к ним императора и императрицы это не отразилось.

С первых дней замужества княгиня Елена Петровна принимала участие в придворных и светских мероприятиях, занималась благотворительностью. Будучи дочерью короля, она

²⁰ НБС. Р-699/1/8. С. 37. Письмо Н.А. Смирновой от 7 августа 1919 года. Так как фонд Р-699 (Фонд С.Н. Смирнова) находится в стадии обработки и опись только формируется, то ссылки на опись и номер дела будут даваться только в том случае, если они существовали в момент работы автора в фонде.

²¹ ГА РФ. Ф. 660 (Великий князь Константин Константинович). Оп. 2. Д. 154. Л. 128 об.

имела значительный опыт общественной деятельности, в том числе, международной. Например, в период русско-японской войны принцесса Елена возглавила в Сербии сбор пожертвований в пользу русских раненых, за что в 1906 году по распоряжению императрицы Марии Федоровны была награждена знаком отличия Красного Креста 1-й степени²².

В России княгине Елене Петровне дали время, чтобы она выбрала интересующее ее направление деятельности. 6 марта 1912 года с Высочайшего согласия она становится попечительницей детского приюта великой княгини Александры Николаевны²³. Спустя почти год, 5 января 1913 года, в манеже Мраморного дворца княгиня проводит свое первое крупное благотворительное мероприятие — елку для 110 беднейших детей столицы²⁴. Кроме того, Елена Петровна жертвовала из личных средств различным благотворительным организациям, на обучение пансионеров, от ее имени выдавались пособия на лечение и образование по прошением и многое другое.

События на Балканах заставили княгиню Елену Петровну расширить свою благотворительную деятельность: 5 (18) октября 1912 года началась 1-ая балканская война. При поддержке семьи великого князя Константина Константиновича и на привлеченные средства княгиня Елена Петровна сформировала санитарный отряд и снарядила лазарет на 50 кроватей²⁵. В составе этого отряда 12 октября 1912 года она выехала в Белград. Лазарету княгини предстояло работать как в тылу, так и в прифронтовой зоне. Вот что писал о ней один

²² АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 9654. Л. 1.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 411 (Петроградский совет детских приютов. 1839–1917). Оп. 3. Д. 1256. Л. 1.

²⁴ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 342. Л. 3 об.

²⁵ Подробнее о деятельности санитарных отрядов княгини Елены Петровны в годы балканских и первой мировой войны см.: *Шевцова Г.И.* Санитарные отряды княгини Елены Петровны (1912–1914) // Константиновские чтения — 2013. Сборник материалов научной конференции 30 октября 2013 г.: сборник статей // Государственный комплекс «Дворец конгрессов». СПб., 2013. С. 83–93.

из военных корреспондентов: «Княгине очень идет костюм сестры милосердия. Она весь день, буквально с утра до вечера, работает, как всякая другая сестра. ...Она помогает при перевязке, при операциях, подбадривает раненых, успокаивает их. Она пользуется всеобщей любовью. И она этого вполне заслужила»²⁶. Для сербских солдат княгиня Елена Петровна стала зримым символом нерушимого союза России и Сербии.

Оказывая помощь сербским раненым воинам, княгиня серьезно заинтересовалась медициной. Похоже, она стала одной из первых представительниц Дома Романовых, принявших решение профессионально изучить сестринское дело. Для этого она обратилась в Кауфманскую общину, имевшую опыт подготовки медперсонала. Для Елены Петровны была составлена специальная программа, которую она с успехом освоила. Кроме того, в течение первых пяти месяцев 1913 года она прослушала лекции профессоров Военно-медицинской академии по специальным дисциплинам. Эти знания ей пригодились в годы Первой мировой войны.

В июле 1913 года началась 2-я балканская война. Медицинский персонал, отправленный княгиней Еленой Петровной, был командирован сербскими властями в XXV резервный госпиталь Белграда. По окончании военных действий княгиня Елена Петровна и князь Иоанн Константинович внесли пожертвование на строительство в сербской столице приюта во имя св. Елены для сирот воинов²⁷. В октябре 1913 года король Петр пожаловал Елене Петровне сербский орден «Крест Милосердия»²⁸.

Среди официальных обязанностей княгини Елены Петровны были и представительские функции. Она принимала делегации, прибывшие из Сербии, а также членов различных

²⁶ *Табурно И.* О сербских битвах. Впечатления очевидца войны сербов с турками в 1912 году. СПб., 1913. С. 116–117.

²⁷ Правительственный вестник. 1913. 11 (24) августа. С. 3.

²⁸ Там же. 5 (18) октября. С. 4.

славянских организаций. Князь Иоанн Константинович делал карьеру военного, занимался благотворительностью, интересовался церковным строительством, был членом и председателем ряда строительных комитетов. Созданный им церковный хор был способен соперничать с профессиональными коллективами.

Единственное, что омрачало семейное счастье князя и княгини — это отсутствие детей. Появления первенца княжеской чете пришлось ждать почти три года.

Князь Всеволод Иоаннович, праправнук императора Николая I, родился 7 января 1914 года. Восприемниками от купели стали император Николай II и великая княгиня Елизавета Маврикиевна. Как старший сын князя крови императорской он получил титул «его высочества». Следующий ребенок, княжна Екатерина Иоанновна, появилась на свет 12 июля 1915 года и в официальных случаях именовалась «ее светлостью».

Общественная деятельность княгини в годы Первой мировой войны

Размеренное течение семейной жизни князя Иоанна Константиновича и княгини Елены Петровны прервала Первая мировая война. В начале августа муж княгини Елены Петровны в чине поручика (капитана) лейб-гвардии Конного полка одновременно с четырьмя младшими братьями, служившими в Гусарском и Измайловском полках, ушел на фронт. Они доблестно сражались и были отмечены боевыми наградами. За два с половиной года войны Иоанн Константинович дослужился до чина ротмистра (подполковника), его командир в начале 1917 года представил его к званию полковника, но последующие революционные события прервали его карьеру, заставив выйти в отставку.

Княгиня Елена Петровна, как и другие представительницы Дома Романовых, занялась организацией помощи больным

и раненым воинам. В августе 1914 года по ее инициативе семья великого князя Константина Константиновича снарядила передвижной лазарет Мраморного дворца. По желанию августейших попечителей это лечебное учреждение должно было работать в расположении 1-й гвардейской дивизии на Северо-Западном фронте.

Пока решались организационные вопросы, княгиня Елена Петровна открыла небольшой склад в Мраморном дворце. В его задачу входил сбор вещей и пожертвований для лазарета Мраморного дворца и полков, где служили Иоанн Константинович и его братья. После трагических событий осени 1915 года в Сербии и исхода сербской армии на чужбину на складе был создан сербский отдел, оказывавший помощь сербским беженцам и военнопленным.

Санитарный отряд Мраморного дворца выехал к месту назначения 14 (27) августа 1914 года. Вместе с ним в качестве сестер милосердия отправились княгиня Елена Петровна и великая княгиня Мария Павловна, внучка королевы Ольги Константиновны. В течение войны, двигаясь за передовыми частями лейб-гвардии, лазарет Мраморного дворца постоянно расширялся. Он финансировался из личных средств семьи великого князя Константина Константиновича до конца марта 1917 года.

Княгиня Елена Петровна вернулась в Петроград в начале сентября 1914 года, не предполагая, что в зону боевых действий она больше не вернется. Этому помешала целая череда обстоятельств. Сначала требовалось время, чтобы восстановить имущество санитарного отряда, потерянное во время отступления русской армии в августе 1914 года, затем пришло известие о смертельном ранении в одном из боев 27 сентября (10 октября) 1914 года одного из младших братьев своего мужа, князя Олега Константиновича, поэтому вместе с другими членами семьи Елена Петровна участвовала в траурных мероприятиях в Петербурге и великокняжеском имении Осташево, а потом она узнала о своей беременности.

Не имея больше возможности работать в качестве сестры милосердия, княгиня сосредоточилась на делах своего склада²⁹. В РГИА сохранился отчет о денежных поступлениях в сербское отделение склада Елены Петровны с 7 января по 24 февраля 1915 года, позволяющий в какой-то мере оценить объемы его деятельности. За это время было собрано 12 825. 32 рубля³⁰. В отдельных случаях княгиня Елена Петровна помогала сербам по запросам славянских организаций. Например, Славянское благотворительное общество попросило ее содействия в снаряжении лазаретов для Сербии и Черногории. Эта помощь была оказана³¹.

В глазах многих подданных Империи княгиня Елена Петровна была представителем сербского народа, поэтому именно к ней направлялись целевые пожертвования. Таким образом, под покровительством княгини Елены Петровны оказался ряд российских организаций, занимавшихся помощью сербам (Сербский комитет, попечительство св. Саввы и другие).

Княгиня Елена Петровна и царская семья

Имеющиеся в научном обороте источники не позволяют нам в полной мере судить о том, имела ли княгиня Елена Петровна возможность, по примеру своих августейших теток, оказывать влияние на те или иные государственные реше-

²⁹ Подробнее о его деятельности см.: *Шевцова Г.И. Деятельность склада княгини Елены Петровны в пользу русских и сербских воинов и их семей (1914–1915) // XXV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. М.: Издательство ПСТГУ, 2015. С. 194–196.*

³⁰ РГИА. Ф. 538 (Контора Двора великой княгини Елизаветы Маврикиевны). Оп.1. Д. 910. Л. 1.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 400 (Петроградское славянское благотворительное общество). Оп. 1. Д. 1663. Л. 128–130.

ния, касающиеся ее родины. Правда, особой необходимости в этом не было. Сербия с начала XX века стала одним из стратегических партнеров России на Балканах³².

Тем не менее, можно с уверенностью говорить о выполнении княгиней некоторых «деликатных» поручений балканской родни. Похоже, Елене Петровне это вполне удавалось. В первые годы после замужества она, в меру своих возможностей, действовала через старших родственников мужа — королеву Ольгу Константиновну, великого князя Константина Константиновича и великую княгиню Елизавету Маврикиевну. Например, в период 1-й балканской войны в одном из писем она делится со свекром своими сомнениями относительно того, что интересы ее родины, несмотря на победы сербской армии, будут учтены³³. Великий князь живо интересовался балканской политикой и сочувствовал освободительному движению славянских и греческих народов³⁴. Елена Петровна не могла об этом не знать. Обсуждал ли эту тему Константин Константинович с императором, не установлено. Великий князь старался не вмешиваться в политику и не делал открытых попыток влиять на двоюродного племянника-императора, но Николай II к его мнению прислушивался.

Постепенно княгиня выстроила собственные отношения с каждым из членов императорской семьи. Еще в ранней юности, когда она жила у великой княгини Милицы Николаевны, княжна Елена подружилась с великой княжной Ольгой Николаевной и часто бывала в гостях в царской семье³⁵. После замужества Елены Петровны эти отношения укрепились.

³² *Сергеев Е., Улуян Ар.* Не подлежит соглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. М.: Реалии-Пресс, 2003. С. 385.

³³ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 164. Л. 18.

³⁴ *Дневник великого князя Константина Константиновича.* 1907–1909 гг. М.: ООО Буки-Веди, 2015. С. 320.

³⁵ *Алексеева Т.А.* «В те счастливые времена...». К 100-летию бракосочетания князя императорской крови Иоанна Константиновича и королевны Сербской Елены Петровны // Константиновский

Если княгине требовалось что-то сообщить императрице или попросить о встрече, то она, как правило, обращалась к ней через Ольгу Николаевну. Этим же каналом общения Елена Петровна пользовалась, когда надо было передать информацию от черногорских родственников. Например, 8 февраля 1916 года она передала старшей дочери императора адресованное ей письмо от королевы Веры Черногорской, на которое спустя несколько дней последовал ответ. Судя по сопроводительному письму княгини Елены Петровны, письмо черногорской принцессы касалось трагических событий в Черногории³⁶. Императрица Александра Федоровна не доверяла черногорскому королю, в письмах к мужу в январе 1916 года резко о нем отзывалась: не последнюю роль в этом играло ее отношение к великим княгиням Милице Николаевне и Анастасии Николаевне. Мы не знаем, что произошло за последующие полтора месяца, но 31 марта 1916 года, когда у императрицы обедали королева Ольга Константиновна, великая княгиня Елизавета Маврикиевна и княгиня Елена Петровна, тон государыни поменялся на сочувственный. В письме императору в этот день Александра Федоровна отметила: «Елена читала нам очень интересное письмо от Веры о тех ужасных днях, которые они пережили в Черногории, и об их чудесном спасении! Она пишет так умно и так живо, — настоящий кошмар»³⁷. Для черногорского короля в изгнании было важно донести свою версию событий до императора, и его внучка вполне с этим справилась.

Конечно, об укреплении личного авторитета Елены Петровны эти факты говорят лишь косвенно. Однако ее тактичное и продуманное поведение способствовало не только

дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы. Сборник статей. СПб.: ФГБУ «Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина», 2011. С. 116–117.

³⁶ ГА РФ. Ф. 673 (Великая княжна Ольга Николаевна). Оп. 1. Д. 143. Л. 13, 14–14 об.

³⁷ Переписка Николая и Александры. М.: Захаров, 2013. С. 546.

усилению позиций внутри Императорской семьи самой княгини, но и поддерживало репутацию князя Иоанна Константиновича. Чем старше он становился, тем чаще ему поручали участие в значимых официальных мероприятиях или государственных проектах. Например, в 1913 году Иоанн Константинович был назначен председателем строительного комитета по сооружению огромного Троицкого собора. Позже было принято решение сделать его Храмом Славы в память второй Отечественной войны (как называли Первую мировую войну современники). Это строительство находилось под августейшим попечительством императрицы Александры Федоровны.

В Доме Романовых, как и в других династиях, было важно положение в иерархии, близость к трону. В этом направлении у княжеской четы, как это ни странно звучит, некоторые перспективы были. Информацию на эту тему можно обнаружить в частном письме С.Н. Смирнова секретарю королевы Ольги Константиновны М.Ю. Гаршину от 29 июня 1915 года: «Иоанчику, кажется, дадут великого князя; это влечет свои последствия как для него, так и для потомства»³⁸. Похоже, внутри императорской семьи велось обсуждение вопроса о возможности получения титула великого князя старшим из правнуков императора в каждой ветви. По желанию императора Николая II эта тема уже обсуждалась на закрытом совещании великих князей в марте 1912 года. Тогда восемь голосов великих князей против трех (Дмитрий Константинович, Николай Михайлович и Кирилл Владимирович) признали это целесообразным³⁹. Насколько решительно был настроен император в этом вопросе, не установлено. Вероятно, какие-то обсуждения были продолжены, раз к этой теме вернулись в годы Первой мировой войны.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 2185 (С.Н. Смирнов). Оп. 1. Д. 20. Л. 156 об. – 157.

³⁹ Дневник великого князя Константина Константиновича. (К.Р.). 1911–1915. М.: ПРОЗАиК, 2013. С. 166.

Смерть великого князя Константина Константиновича 2 июня 1915 года изменила статус князя Иоанна Константиновича. Ему, как старшему сыну, предстояло стать во главе семьи и взять на себя некоторые обязанности отца. В наследство ему достался майорат — город Павловск, включавший огромное поместье с дворцом, который он и княгиня Елена Петровна очень любили и считали своим домом. Они намеревались реформировать и модернизировать городское хозяйство, за короткий срок успели многое сделать для улучшения быта его жителей. По свидетельству С.Н. Смирнова, ставшего в апреле 1916 года управляющим делами Иоанна Константиновича, по многим вопросам князь советовался с княгиней, которая живо интересовалась его планами, а также давала толковые и жизненные советы. Революционные события 1917 года не позволили Иоанну Константиновичу и Елене Петровне воплотить свои замыслы в полном объеме.

Дочь сербского короля в России

Свой рассказ о двух последних годах жизни в России Елена Петровна ведет и как член Дома Романовых, и как сербская принцесса. Для нее эти две ипостаси были неразрывны. Поэтому несмотря на то, что основной темой воспоминаний принцессы является крушение Империи и последовавшие за этим испытания, через все повествование красной нитью проходит сербская тема: здесь и благотворительные организации в помощь сербским беженцам, и Сербской Добровольческий корпус, и многое другое.

Менее чем за месяц до драматических для Династии Романовых событий, в январе 1917 года, княгиня посетила Сербский Добровольческий корпус в Вознесенске и сербских беженцев, состоявших, в основном, из женщин, стариков и детей, нашедших убежище в Елисаветграде и Одессе⁴⁰.

⁴⁰ В заседании Совета министров Сербии 6 февраля 1917 г. на острове Корфу была заслушана телеграмма посланника М. Спалайковича

С этого факта и начинается повествование принцессы Елены Сербской.

Автор пишет, то эта поездка состоялась по поручению великой княжны Татьяны Николаевны, председательницы комитета для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет). Эта организация возникла в начале Первой мировой войны и помогала беженцам всех национальностей, в том числе, сербам.

Однако С.Н. Смирнов в своих воспоминаниях дает более подробную и точную информацию. Эта поездка, состоявшаяся в сопровождении сербского посланника Мирослава Спалайковича и одной из служащих склада княгини, дочери покойного российского посланника в Сербии Людмилы Николаевны Гартвиг, была предпринята по поручению короля Петра. По-видимому, некоторое отступление от истины было вызвано желанием княгини подчеркнуть роль царской семьи в поддержке сербов, в противном случае, европейскому читателю требовались бы дополнительные разъяснения.

Воспоминания Елены Сербской содержат волнительные моменты ее встречи с сербскими беженцами. Впечатления княгини и ее описание событий по свежим следам можно найти в письме королеве эллинов Ольге Константиновне от 24 января 1917 года: «это так невыносимо тяжело, что я не могу это... [вспоминать]! Бедные, несчастные люди, почти без платья, с изнуренным лицом — но все полны надежды. Я всем руки дала и разговаривала с ними. Было очень трогательно, и все были страшно рады меня видеть... Почти все потеряли мужей и сыновей. Все в страшной бедноте и нужде»⁴¹.

Встреча с сербским войском вызывает у Елены Петровны волнение и трепет: «Целуя складки на знаменах, я чувствовала

с сообщением о посещении княгиней Еленой Петровной сербских беженцев в Одессе и Елисаветграде. За эту поездку княгине Елене была объявлена благодарность от имени сербского правительства // Записники седаница Министарског Савета Србије. 1915–1918. Београд, 1976. С. 373–374.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 686 (Великая княгиня Ольга Константиновна). Оп. 1. Д. 167. Л. 30-30 об.

прикосновение к моей далекой родине. Несмотря на попытки скрыть волнение, я не смогла сдержать слез, которые сразу же замерзали на моих щеках».

По придворному протоколу княгиня Елена Петровна была обязана доложить об итогах своей официальной поездки императрице, поэтому по возвращении в Петроград она попросила об аудиенции. Из Царского Села ответили, что ждут ее к завтраку 21 февраля 1917 года.

Княгиня Елена Петровна свидетельствует, что в свою последнюю встречу с императором Николаем II они обсуждали причины неудач сербской армии в 1915 году, героизм сербского народа и многие другие вопросы, связанные с ее родиной. Кроме того, княгиня попросила государя о награде для одного из воинов Добровольческого корпуса Георгиевским крестом и получила согласие.

Своим повествованием княгиня Елена Петровна всячески подчеркивает, насколько император благоволил Сербии и как далеко готов был пойти в поддержке сербских планов послевоенного устройства. Елена Петровна передает слова, сказанные государем в тот день: «Ты можешь сказать своему отцу и всем твоим соотечественникам, что я сумею добиться признания и защитить их интересы, когда будет заключен мир. Я сделаю все для того, чтобы Сербия получила все территории, на которых живут сербы».

Не знаем, как европейскому, но сербскому читателю эти слова должны были напомнить о том, как много российский император сделал и еще мог сделать для их родины, если бы не февральская революция. Главной задачей сербов в Первой мировой войне было создание объединенного государства югославян — сербов, хорватов и словенцев, — включающем территории Сербии, Черногории и югославянских земель Австро-Венгрии. Ее реализации, отстаивая свои интересы, препятствовали ряд европейских держав и США⁴².

⁴² Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М.: Издательство «Наука», 1968. С. 235.

Похоже, принцесса Елена, хотя об этом она и не пишет, прекрасно помнила еще об одной памятной дате — 1 декабря 1918 года было провозглашено Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 — королевство Югославия). Его создание было главной идеей ее отца, воплощенной ценой невероятных усилий и жертв сербского народа. Но без поддержки императора Николая II она рисковала стать призрачной.

Не удивительно, что потеря такого союзника как Императорская Россия, воспринималась в Сербии как катастрофа. Когда цель была так близка, сербскому правительству пришлось практически в одиночестве преодолевать бесчисленное количество препятствий. Поэтому «внезапность» крушения монархии вызвала у части сербского общества горечь и обиду на государя, «допустившего» последующие события. Не удержался от подобной оценки и сербский посланник в Петербурге (1912–1918) Мирослав Спалайкович. В предисловии к работе С.Н. Смирнова «Autour de l'assassinat des Grands-Ducs. Ekaterinbourg-Alapaievsk-Perm-Pétrograd» он не может сдержать досаду и фактически обвиняет императора в совершении роковой ошибки: «Для решения очевидной дилеммы между мировой и гражданской войной он предпочел... отречение! Какое разочаровывающее решение! В этот решающий момент, более чем когда бы то ни было, России был нужен император. Император дезертировал со своего трона во время сражения. Он это сделал из патриотизма, надеясь таким образом прекратить революцию и обеспечить борьбу на фронте. ...Результаты не заставили себя ждать. Голос фатализма прозвучал, как похоронный звон в загадочной душе России, и его мрачное эхо отозвалось далеко, несомое на невидимых крыльях фантома победы через русскую темноту. Большевизм не заставил себя ждать и через несколько месяцев его разрушительная тень накрыла всю Россию»⁴³.

⁴³ *Smirnoff Serge*. Op. cit. P. 12–13.

Посланник Мирослав Сплайкович стал свидетелем исчезновения не только Империи, но и Временного правительства. Известие о смене власти и ближайших планах России выйти из войны, официальные круги Сербии, как и их европейские коллеги, заинтересованные в ее продолжении, встретили с беспокойством и непониманием, поэтому не спешили с признанием советского государства.

При этом председатель сербского правительства Никола Пашич в январе 1918 года рекомендовал посланнику Спалайковичу не показывать враждебного отношения к новой власти и даже активизировать свою дипломатическую деятельность, так как мирная программа советской России в определенной мере могла быть использована Сербией для своих целей. Кроме того, советское правительство дало согласие на репатриацию на Балканы бывших военнопленных-югославян, в том числе, солдат Добровольческого корпуса и резервного батальона, находившегося в обширном регионе Самара-Урал⁴⁴.

До своего отъезда из России в июле 1918 года посланник М. Спалайкович вместе с другими европейскими дипломатами вел рискованную игру против большевистской России, направленную на свержение новой власти. Это был его выбор. Княгиня Елена Петровна политикой не занималась. Однако в силу своего происхождения и социального положения она все же оказалась втянутой в водоворот политических событий, прямого отношения к ней не имевших, но оказавших значительное влияние на ее жизнь. Княгиня оказалась на краю пропасти. Любое, даже незначительное событие могло привести ее к трагической развязке. Позже Елена Петровна часто спрашивала себя, как ей и сербской миссии удалось уцелеть, когда рядом погибло столько людей⁴⁵.

⁴⁴ Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в Первой мировой войне. С. 276, 278–279.

⁴⁵ НБС. Р-699 / I / Д. 8. С.13.

О том, что опасность была реальной, свидетельствует разговор княгини Елены Петровны в здании на Лубянке с первым заместителем председателя ВЧК Я.Х. Петерсом в ноябре 1918 года. На вопрос княгини, почему их задержали и не отпускают, глава чекистов ответил, что пока сербский батальон находится на Мурмане с союзниками и они «не прекратят наступление на Россию, до тех пор вы все будете задержаны в России, как заложники»⁴⁶. Получается, что княгиня Елена Петровна в период революционного террора пострадала не только как член Дома Романовых, но и как дочь сербского короля.

Граница между двумя мирами

Итак, вернемся в февральские дни 1917 года. Принцесса Елена отметила настроение тех дней: «все мы были во власти гнетущих тревожных чувств. Ощущался подъем революционных настроений, симптомы этой лихорадки проявлялись повсюду». Как и для многих других подданных Империи жизнь семьи князя Иоанна Константиновича разделилась на «до» и «после».

Обстановка в Павловске была очень напряженная. Княжеская семья подвергалась риску из-за постоянного желания отобрать часть имущества у Иоанна Константиновича. Дворец неоднократно посещали революционные элементы с обысками.

В марте 1917 года княгине Елене Петровне, как и другим членам Императорской Фамилии, пришлось отказаться от покровительства благотворительным учреждениям, в том числе, лазарету Мраморного дворца. Но имущественные потери были не так страшны, как переживания от неизвестности, беспокойство за родных и близких. Все члены семьи Елены Петровны, включая королеву Ольгу Константиновну, сочувствовали

⁴⁶ *Смирнов С.Н.* В плену цареубийц. С. 123.

находящейся под домашним арестом семье императора Николая II, с которой были налажены переписка, и, пока было возможно, обмен небольшими знаками внимания.

За несколько дней до октябрьской революции князь и княгиня были вынуждены переехать в Петроград: павловский городской комитет планировал арестовать Иоанна Константиновича. В Петрограде они стали свидетелями очередной смены власти.

У княгини Елены Петровны и князя Иоанна Константиновича несколько раз возникала возможность уехать из страны. Но они, как и многие члены Дома Романовых, отказались: «Пока Россия переживает столь тяжелые часы и участь императорской семьи не определена, мы не должны покинуть страну». Места в новой России для них не нашлось.

25 (12) марта 1918 года в газетах было опубликовано постановление Совета Петроградской коммуны о высылке «князей Романовых». Они должны были в трехдневный срок явиться в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем на Гороховую улицу за получением проездных свидетельств⁴⁷.

Перед княгиней встает нелегкий выбор: ехать вместе с Иоанном Константиновичем или остаться с детьми. Князю Всеволоду в тот момент едва исполнилось четыре года, а княжне Екатерине было два с половиной. Елена Петровна недолго колеблется, а затем принимает решение: «жена должна следовать за своим мужем в радости и в горе». Ни Иоанн Константинович, ни свекровь не смогли ее отговорить. Этот драматический момент описан в воспоминаниях.

Еще будучи невестой Иоанна Константиновича, в одном из писем к будущей свекрови, великой княгине Елизавете Маврикиевне, принцесса Елена написала такие строки: «верю, что Бог мне поможет выполнить по-христиански... священный долг, который меня ждет... Вся моя жизнь будет

⁴⁷ Вечерняя звезда. 1918. 25 (12) марта. С. 2.

посвящена тому, чтобы любить и окружать его нежностью, видеть его... счастье»⁴⁸. Княгиня Елена Петровна осталась верна своему обещанию и сделала все возможное, чтобы свой долг выполнить.

4 апреля (22 марта) 1918 года вместе с князем Иоанном Константиновичем и его младшими братьями князьями Константином Константиновичем и Игорем Константиновичем, княгиня Елена Петровна добровольно отправилась в Вятку. В том же вагоне следовали в ссылку великий князь Сергей Михайлович, князь Владимир Палей и сопровождающие их лица.

По пути следования поезд остановился в Вологде, где в тот момент располагался дипломатический корпус⁴⁹, в том числе и сербская миссия. Посланник Мирослав Спалайкович был предупрежден телеграммой и подошел к вагону: «Князь Иоанн <Константинович> был в очень хорошем настроении. Когда на перроне [в Вологде] после сигнала к отправке [поезда] мы обнялись, он смеялся над этой авантюрой»⁵⁰. Возможно, эта видимая беспечность объяснялась молодостью князя, а может быть, и нежеланием тревожить жену и младших братьев, делая их путешествие в неизвестность тяжелой ношей.

В последующие восемь месяцев княгиня Елена Петровна постепенно прошла семь кругов ада. Отправившись за мужем

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 657 (Великая княгиня Елизавета Маврикиевна). Оп. 1. Д. 92. Л. 3–4.

⁴⁹ В конце февраля 1918 года в связи с немецким наступлением Петроград стал прифронтовой зоной и находится в нем стало опасно. Дипломаты Антанты выбрали два пути. Первый — уехать в Западную Европу через Финляндию и Швецию, а второй — отправиться в более безопасный российский город. Вологда была выбрана потому, что находилась вблизи обеих столиц и обладала хорошей транспортной доступностью. Отсюда можно было легко добраться как в Сибирь, так и на север. Мирослав Спалайкович был среди тех, кто выбрал первый путь. Однако политическая обстановка в Финляндии не позволила дипломатам Антанты пересечь границу со Швецией и после почти месячного отсутствия им пришлось вернуться в Россию и с 1 апреля 1918 года обосноваться в Вологде.

⁵⁰ *Smirnoff Serge*. Op. cit. P. 14.

и его братьями, она ощутила на себе всю мощь репрессий: она побывала и ссыльной, и заложницей, и арестанткой.

Тюремное заключение

Об этих испытаниях, не только физических, но и моральных, принцесса Елена подробно написала в своих воспоминаниях. Мы же остановимся только на нескольких моментах.

Обстоятельства ареста княгини и сербской миссии⁵¹, присланной за ней из Петрограда, на вокзале Екатеринбурга подробно описаны С.Н. Смирновым: «Мы увидели, что вагон окружен отрядом Красной армии с ружьями — человек 40... Я сообщил Елене Петровне, которая сидела у себя в купе и уже увидела все это в окно... [Вагон] наполнился комиссарами Ч.К., прочитавшими нам протокол Ч.К. с постановлением “о задержании королевы Сербской Елены Петровны и всех сопровождающих ее лиц”... При виде воинской силы всякие протесты были бессильны»⁵². Спустя сорок лет княгиня, осмысливая пережитое, пишет те слова, которые хотела бы сказать тогда арестовывавшим ее комиссарам: «Знайте..., что я горда тем, что разделяю судьбу, постигшую всех русских людей».

В екатеринбургской ЧК Елена Петровна провела почти две недели на правах задержанной, могла пользоваться личными вещами и надеялась, что с помощью иностранных дипломатов ее скоро отпустят. Однако, как известно, вместо свобо-

⁵¹ Вопросы, связанные с пребыванием княгини Елены Петровны на Урале, организацией сербской миссии для поездки за ней, их задержанием, последующим арестом и пребыванием в екатеринбургской и пермской тюрьмах, а также хлопотами по их освобождению, на основании воспоминаний С.Н. Смирнова и других источников были рассмотрены нами в работе «Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны». М.: ООО «Союз-дизайн», 2017. С. 447–493.

⁵² Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 34.

ды она вместе с сербской миссией на несколько месяцев стала заключенной. В тюремном вагоне, следующем в Пермь, к ним присоединились остатки приближенных императорской семьи, разделивших с ней заключение в Тобольске: фрейлина графиня А.В. Гендрикова, гоф-лектрисса Е.А. Шнейдер и камердинер императрицы А.А. Волков. Именно в таком составе они переступили порог пермской тюрьмы.

В Перми «было большое смятение. Шли расправы. Помощник начальника губернской тюрьмы [Павлов], бывший дежурным 23-го [июля], когда нас привезли в тюрьму, бывший полицейский и сторонник порядка, отнесся к нам очень сердечно, отвел нам отдельные камеры в тюремной больнице. Это было все же чище, чем в общей тюрьме...»⁵³.

В своих записках С.Н. Смирнов пишет, что пока местный комиссар юстиции и тюрем А.Д. Николаев не добился для княгини и членов сербской миссии некоторых послаблений, они сидели на общих основаниях и не могли пользоваться своими вещами и получать пищу с воли. Кроме того, его стараниями княгине разрешили отправить телеграмму Анастасиевичу⁵⁴, чем она и воспользовалась. Смирнов писал, что это произошло 31 июля, тогда же они смогли впервые за долгое время получить пищу с воли⁵⁵.

В пермском архиве сохранилась копия текста телеграммы, в которой Елена Петровна задавала вопрос о детях, отправленная в сербскую миссию 3 августа 1918 года, с сопроводительным письмом комиссара Пермской губернской тюрьмы⁵⁶. Предполагаем, что это послание не дошло до адресата, так как ответ получен не был, а сербы свою принцессу «потеряли».

⁵³ Там же. С. 60–61.

⁵⁴ Один из секретарей сербской миссии в Петрограде. Данные о нем не обнаружены.

⁵⁵ *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 79, 90.

⁵⁶ ПермГАСПИ. Ф. 90 (Коллекция документов по истории Пермских областных организаций КПСС и ВЛКСМ). Оп. 4. Д. 879. Л.13–13 об.

По свидетельству С.Н. Смирнова, княгиня при каждой возможности ходила в церковь, читала книги из городской библиотеки, а также более-менее регулярно, несмотря на тюремные запреты, общалась с С.Н. Смирновым и полковником П.Л. Знамеровским, бывшим начальником Гатчинского железнодорожного жандармского управления, арестованном по подозрению в соучастии в подготовке побега великого князя Михаила Александровича. Елена Петровна искренне сочувствовала этому человеку и его семье. Когда ей стало известно, что у Знамеровских закончились деньги и их сын голодает, то поручила С.Н. Смирнову передать им значительную сумму «в долг»⁵⁷.

По сведениям С.Н. Смирнова, 12 августа 1918 года полковника П.Л. Знамеровского увели на допрос, а через две недели они увидели его имя в опубликованных расстрельных списках, а также имена его жены и «гувернантки»⁵⁸. Елена Петровна очень тяжело переживала гибель этих людей⁵⁹. Но совсем невыносимо ей стало после 21 августа (4 сентября), когда увели А.В. Гендрикову, Е.А. Шнейдер и А.А. Волкова, как оказалось впоследствии, на расстрел. Вскоре после этого княгиня была переведена в камеру к уголовникам.

Мы не будем останавливаться на истории перевода Елены Петровны и ее спутников в московскую тюрьму⁶⁰. Тяжелые

⁵⁷ Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 86.

⁵⁸ Смирнов упоминает «гувернантку» Знамеровских, арестованную вместе с ними и разделившую их участь. Однако это была не служащая, а подруга Веры Михайловны Знамеровской, Серафима Семеновна Лебедева // Владислав Кислов. Страничка гатчинского краеведа. [Электронный ресурс] Url.: <http://kraeved-gatchina.de/ocherki/vudayushchiesya-zhiteli/gatchinskie/> (дата обращения: 10 августа 2020).

⁵⁹ С.Н. Смирнов писал по этому поводу: «...в списках расстрелянных стояли... <Знамеровский> (в скобках жандармский полковник), его жена и гувернантка (в скобках служащая Петроградской электрической станции; как причина: за содействие к побегу Михаила Романова). Смерть эта произвела на княгиню и меня ужасное впечатление...» // Смирнов С.Н. В плену у царубийц. Белград: Логос, 2016. С. 88.

⁶⁰ Смирнов С.Н. В плену у царубийц. С. 198.

жизненные обстоятельства не сломили княгиню и до момента освобождения она не пала духом. Ей давала силы и поддерживала мысль, что князь Иоанн Константинович жив и они скоро увидятся.

Однако, по-видимому, для нагнетания драматизма повествования или по каким-то другим причинам, княгиня Елена Петровна пишет, что о гибели мужа узнала 1 ноября 1918 года на допросе у Я.Х. Петерса на Лубянке. В самый разгар казней заложников, благодаря усилиям сербских и норвежских дипломатов, а также счастливому для нее стечению обстоятельств, княгиня и ее спутники были переведены из пермской тюрьмы в Москву. Они надеялись на освобождение, но, вопреки ожиданиям, вновь оказались в заключении: мужчины — в Бутырке, а Елена Петровна — в Кремле.

Режим содержания княгини в Москве был намного мягче, чем в Перми, теперь ее часто навещали дипломаты, как сербский, так и норвежский. Почти ежедневно приходила княгиня М.Д. Палавандова⁶¹, бывшая до своего замужества наставницей сербской принцессы по русскому языку, а после переезда принцессы Елены в Россию, «состоящей при ее королевском высочестве». По иронии судьбы именно она была одной из тех, кто сопровождал Елену Сербскую из Белграда в Петербург на свадьбу, теперь же ей выпала миссия быть при Елене Петровне в ее последние часы в России.

Принцесса Елена Сербская рисует почти фантастическую картину своего заключения в Кремле и предупредительного отношения к ней Я.Х. Петерса. Этот отрывок воспоминаний составляет значительный контраст с описанием пребывания княгини в пермской тюрьме. Европейским дипломатам понадобилось чуть больше месяца, чтобы добиться 2 декабря (19 ноября) 1918 года решения Президиума ВЦИК

⁶¹ Подробнее см.: *Шевцова Г.И.* Княгиня Палавандова, русская подданная // Константиновские чтения — 2015. Материалы научной конференции 28 октября 2015 г. С. 155–162.

не препятствовать выезду за границу княгини Елены Петровны. Норвежцы поставили освобождение сербской принцессы ультимативным условием, грозясь в противном случае немедленно покинуть Россию. Это было не в интересах большевиков, так как они представляли их интересы в Финляндии⁶².

Княгиня Елена Петровна была освобождена из-под ареста и впервые за почти восемь месяцев переночевала на свободе — в сербском генеральном консульстве. На следующий день к ней пришла княгиня М.Д. Палавандова, вместе они сходили помолиться в Иверскую часовню.

Вечером того же дня в сопровождении секретаря сербского генерального консульства М. Бошняковича княгиня Елена Петровна отбыла в Петроград. Во время поездки, узнав, что С.Н. Смирнов все еще находится в тюрьме, она потребовала приложить все возможные усилия, чтобы добиться его скорейшего освобождения. Позднее с настоятельной просьбой о немедленной помощи С.Н. Смирнову княгиня обратилась к представителю Датского Красного Креста доктору Мартини, чем фактически спасла своего будущего секретаря от расстрела.

Следующий день княгиня Елена Петровна провела в Петрограде. Она встретилась с норвежским послом и передала ему личное благодарственное письмо для короля Хокона. Отъезда в Европу Елена Петровна дождалась в сербском посольстве в обществе секретаря консульства Анастасиевича. Сербский дипломат рассказал княгине, что они потеряли ее след в Екатеринбурге. Поиски княгини не дали никаких результатов и служащие сербской миссии пришли к выводу, что Елена Петровна и ее спутники были либо убиты при бегстве большевиков, либо оказались по другую сторону фронта, в пределах недосягаемости. Именно поэтому они не предпринимали никаких попыток вызволить их из тюрьмы. Если бы не приезд в Петроград Ольги Иосифовны Палтовой, двоюродной

⁶² НБС. Р-699 / I / 8. С. 87.

сестры жены С.Н. Смирнова, то, по мнению Анастасиевича, их бы постигла участь всех, кто обвинялся в причастности к побегу великого князя Михаила Александровича⁶³.

Вечерним поездом княгиня выехала в сторону Финляндии. 5 декабря (22 ноября) 1918 года она навсегда покинула Россию. В своих воспоминаниях принцесса Елена отметила этот момент: «Достигнув границы, я обернулась, чтобы в последний раз попрощаться с Россией. В глубине Балтии, в розовом тумане, освещенном зимним солнцем, я различала Санкт-Петербург, купол Исаакиевского собора, шпиль Петропавловской крепости, где навеки покоились Романовы. — Прощай, святая Русь! Да хранит тебя Бог! Ты распята, но воскреснешь!».

Конечно, эти слова звучат несколько театрально, хотя мы не сомневаемся в их искренности. При этом важно отметить веру княгини в будущее возрождение и величие России. Большинство эмигрантов почти три десятилетия в буквальном смысле «сидели на чемоданах», ожидая скорого падения советской власти и возможности вернуться. Эта надежда была практически потеряна по окончании Второй мировой войны. Однако, как мы видим, Елена Петровна оставила этот вопрос открытым даже спустя сорок лет.

От надежды к отчаянию, от отчаяния к надежде

Далее путь княгини лежал в Стокгольм, к детям. От князя В.А. Шаховского, управляющего делами великой княгини Елизаветы Маврикиевны, она узнала, что князь Иоанн Константинович и его братья были убиты. Ее сердце было разбито. Она не просто любила мужа, она была в него влюблена. Даже дети не смогли заслонить ее горе.

И все же княгиня долго не могла смириться со смертью мужа. Переходя от отчаяния к надежде, Елена Петровна

⁶³ НБС. Р-669 / I / 2а. С. 418–419.

говорила С.Н. Смирнову: «умом, головою я понимаю, что он убит, но так хочется не отказываться от надежды, что может быть это неверно»⁶⁴. Такое состояние княгини, доходившее порой до исступления, поддерживалось постоянно циркулирующими слухами, что в каком-то монастыре в Сибири видели Иоанна Константиновича и его братьев, что их выкупили старообрядцы, что один из них ранен, что какие-то люди прячут императрицу и царских детей и так до бесконечности. Много подобных материалов печаталось в европейской, в частности, в британской прессе⁶⁵. Проходило совсем немного времени, приходили опровержения, а вместе с ними и новые слухи.

Пожив недолго в Стокгольме, княгиня вместе с детьми поехала на отдых в Сольтшёбаден. Основной причиной отъезда из шведской столицы стали не столько физическая и моральная усталость, сколько нежелание общаться с кем бы то ни было. Елена Петровна даже была вынуждена просить через сербского посланника в Стокгольме великую княгиню Елизавету Маврикиевну, к которой со всех сторон в огромных количествах стекались слухи, чтобы она больше ничего не писала ей об Иоанне Константиновиче. У княгини уже не было сил переживать очередную историю со ссылкой на общих знакомых о гибели или спасении царской семьи.

В начале января 1919 года княгиня вместе с детьми переехала в Копенгаген. Несмотря на личное горе, Елена Петровна сделала все, что было в ее силах для тех людей из ее окружения, кто находился в тяжелой жизненной ситуации в России. Пригласив на встречу представителя Датского Красного Креста доктора Мартини, отправляющегося в Петроград, княгиня передала ему денежные средства и составила длинный список лиц, кому, по ее мнению, следовало оказывать возможное содействие и передавать пакеты с едой. В нем были четыре великих князя в Петропавловской крепости, Л.Н. Гартвиг,

⁶⁴ НБС. Р-699 / I / Д. 8. С. 3.

⁶⁵ Там же. С. 7.

горничная княгини Иоганна Шмидт и другие люди⁶⁶. Кроме того, она попросила доктора Мартини перепроверить данные о гибели мужа и его родственников.

Через два месяца, в марте, княгиня была уже в Швейцарии, где побывала в Люцерне у королевы Ольги Константиновны, затем — у итальянской королевы в Италии. Елена Петровна никак не могла найти себе место, мысль о гибели родных и близких постоянно преследовала ее: «я так мучаюсь, когда думаю об этой их минуте перед смертью, такой ужасной. Ночью, когда я просыпаюсь, я думаю об этом и так нетерпеливо жду утра»⁶⁷.

В мае княгиня была в Каннах, поселилась с детьми на первом этаже в апартаментах Гранд отеля (прихожая, две комнаты, кладовка, ванная, терраса). Там ее посетил С.Н. Смирнов, освобожденный из московской тюрьмы по настоятельному требованию Елены Петровны сербскими дипломатами и представителями Красного Креста и сумевший выбраться из России. Об этой встрече он рассказал жене, Наталье Александровне Смирновой, в письме от 17 мая 1919 года.

Конечно, Елена Петровна надеялась, что Смирнов привезет ей какие-то хорошие вести о муже, однако, он подтвердил то, что она знала и раньше. Его сообщение «произвело ужасное впечатление на княгиню... Знаешь, Ната, это было такое искреннее, такое сердечное горе, что я не знал, как ее утешить... Мне было ужасно жаль ее». Затем они обсуждали планы княгини поехать в Екатеринбург за телом мужа⁶⁸.

Еще одной темой разговора стали финансы княгини. Кое-что ей удалось выручить от продажи драгоценностей, около 30 000 франков ей дал брат, престолонаследник Александр, пообещав ежемесячную материальную поддержку⁶⁹.

⁶⁶ Смирнов С.Н. В плену у царевубийц. С. 259.

⁶⁷ НБС. Р-699 / I / Д. 8. С. 4.

⁶⁸ Там же. С. 3–4.

⁶⁹ Там же. С. 11.

Но самое главное, у нее был неплохой капитал в Сербии, которым еще предстояло распорядиться.

Во время заключения брачного договора принцессы Елены и князя Иоанна Константиновича в 1911 году, император Николай II разрешил оставить миллион франков в облигациях государственного займа, приданный капитал дочери сербского короля, в Государственном банке Сербии⁷⁰ с условием, что проценты от него будут ежегодно отправляться на имя княгини в Россию. Это условие неукоснительно выполнялось до Первой мировой войны, когда платежи на счет Елены Петровны поступать перестали. Таким образом, за время военных действий одних только долгов по процентам накопилось около 200 000 франков. По тем временам это была приличная сумма.

Что касается самого капитала, то Елена Петровна предполагала забрать его из Сербии, так как считала политическое положение там нестабильным и боялась остаться без средств к существованию⁷¹. Однако немного позже она отказалась от этой идеи, придя к выводу, что именно в этой ситуации она, как сербская принцесса, не должна выводить капитал из страны. Это действие было отложено до конца 1930-х годов: к началу Второй мировой войны у нее почти не осталось вложений в Сербии.

Когда отдых на юге Франции закончился, княгиня переехала в Париж и поселилась в апартаментах одного из отелей, рядом со своей черногорской родней.

Ты выполнила свой долг! Я горжусь тобой!

Осенью 1919 года, сербский король Петр, предчувствуя свою близкую кончину, позвал дочь и внуков в Белград. Наконец-то они смогли поговорить обо всех пережитых

⁷⁰ Животиновић Драгољуб. Ук. соч. С. 271–272.

⁷¹ НБС. Р-699 / I / Д. 8. С. 14.

княгиней событиях. Елена Петровна пишет, что отец сказал ей: «Ты выполнила свой долг! Я горжусь тобой!»

Вместе с детьми княгиня поселилась неподалеку от королевского дворца, в съёмном доме, который оплачивал ее отец. Вскоре после смерти короля Петра, последовавшей 16 августа 1921 года, она покинула Сербию.

Елена Петровна по завещанию отца получила относительно небольшой капитал, в основном, в ценных бумагах. Кроме того, как мы уже знаем, она получала проценты со своего приданого капитала. Это было все, на что она могла рассчитывать.

После гибели мужа и смерти отца самым близким для княгини человеком из ее семьи оставался брат, король Александр. Он также был привязан к сестре и всю свою жизнь помогал ей.

Король Александр предлагал княгине остаться в Сербии и дать детям образование в русских учебных заведениях. Мы можем только предполагать, почему она отказалась. Скорей всего, причин было несколько. Здесь можно говорить как об отсутствии в Сербии внутривполитической стабильности⁷², грозившей заговорами и потрясениями, так и о нежелании княгини допускать вовлечение детей в политические игры вокруг реставрации монархии в России, что было бы неизбежно, если бы они остались в русской среде.

Так же, как и ее братья, принцесса Елена выросла в атмосфере непримиримой борьбы за власть, когда все действия были продуманы и подчинены этой цели, разрушая все на своем пути, в том числе, родственные отношения. Единственный период, когда она была в значительной мере свободна от этого, были годы замужества. Теперь княгиня хотела защитить своих детей, именно так понимая свой долг по отношению к погибшему мужу.

Впоследствии Елену Петровну упрекали, что она не только не дала своим детям русское воспитание, но и отреклась

⁷² *Силкин А.А.* Король Александр Карагеоргиевич: «Храните мою Югославию!» // Листая страницы сербской истории. М.: Индрик, 2014. С. 183.

от всего русского, умалчивая при этом, что в течение почти двадцати лет она поддерживала различные русские организации в Сербии.

Всеми организационными вопросами от имени ее королевского высочества занимался С.Н. Смирнов, проживавший в беженстве в Белграде. Обо всех потребностях русских беженцев, прошениях, адресованных на ее имя, а также о деятельности патронируемых ею организаций, он регулярно информировал княгиню Елену Петровну. В последний раз они виделись в конце 1920-х годов в Европе, но переписывались регулярно (одно из последних известных нам писем датировано 1943 годом).

Под покровительством ее королевского высочества было открыто Общество помощи семьям, пострадавшим на войне (не позже 1925 года). По рекомендации Союза русских инвалидов, Военного объединения, Красного Креста и других русских организаций в созданных им двух приютах призревались и получали образование в русских традициях дети беженцев вплоть до немецкой оккупации⁷³. Из писем С.Н. Смирнова известно, что уже в 1935 году приюты испытывали значительные материальные трудности, но не стали сокращать количество призреваемых. В них была проведена реформа, позволившая уберечь некоторые статьи расходов, что дало возможность и в дальнейшем содержать и обучать 40-45 детей ежегодно.

Как и в Императорской России, княгиня Елена Петровна помогала многим русским по прошениям, прежде всего, своим бывшим служащим и сослуживцам князя Иоанна Константиновича. Если содействие организациям, находившимся под ее покровительством, осуществлялась, в основном, на привлеченные средства, то пенсии и пособия от имени Елены

⁷³ Дальнейшая судьба благотворительных учреждений, находившихся под покровительством Елены Петровны, не установлена. Известно, что во время оккупации начальные и средние учебные заведения закрыты не были, но приюты княгини содержались на благотворительные деньги и, частично, деньги родителей, поэтому сложно сказать, была ли у этих организаций возможность существовать во время войны.

Петровны выдавались из ее личных средств. Поддерживала княгиня и русскую науку. С 1921 года она была почетным председателем Русского Археологического общества⁷⁴.

8 июня 1922 года Александр I Карагеоргиевич женился на принцессе Марии, дочери румынского короля Фердинанда Гогенцоллерна, правнучке императора Александра II по материнской линии. Они познакомились годом ранее во время официального визита сербского короля в Бухарест. Это был политический союз, призванный укрепить региональное сотрудничество. Княгиня Елена Петровна с детьми приезжала в Сербию и присутствовала на свадьбе.

Кто знает, вспоминала ли в те дни княгиня Елена Петровна о своих надеждах на бракосочетание брата с великой княжной Ольгой Николаевной⁷⁵. В мемуарах она намекает на интерес старшей дочери императора к сербскому престолонаследнику. О том, что это были не пустые фантазии, говорят и несколько записей в дневнике великой княжны. Например, 6 октября 1914 года князь Иоанн Константинович с женой и его братья Гавриил Константинович и Константин Константинович были приглашены в Александровский дворец. В конце дня великая княжна записала: «Иоанн, Гавриил, Костя и Елена обедали. Много интересного рассказывали. Она кусочек Александра, и я люблю ее»⁷⁶.

Однако, даже если король Александр и надеялся когда-то на свой брак с Ольгой Николаевной, то, во-первых, с момента гибели великой княжны прошло около пяти лет, а во-вторых,

⁷⁴ НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки).

⁷⁵ По-видимому, на этот брак надеялась не только она. А.Л. Шемякин в одной из своих статей ссылается на сохранившийся черновик обращения Николы Пашича к императору Николаю II во время аудиенции 20 января 1914 г., на которой сербский премьер обратился к государю с деликатной просьбой рассмотреть вопрос о возможности женитьбы престолонаследника Александра на одной из великих княжон. *Шемякин А.Л. С острова Корфу в Россию. Никола Пашич в Петрограде и Москве. Родина. 2014. № 12. С. 72.*

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 637. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

у него были обязательства перед династией. Королева Мария родила ему трех сыновей — Петра, Томислава и Андрея, надежно обеспечив трон наследниками.

Кстати, до появления у короля Александра сыновей, князь Всеволод, как внук короля, был реальным претендентом на сербский престол. Полагаем, что стало еще одной причиной, почему Елена Петровна не пожелала остаться в Сербии. Она прекрасно понимала, как бы ни относился к ней брат, если речь пойдет о сохранении власти, он будет защищать ее любыми средствами⁷⁷.

Вилла Трианон

Итак, княгиня вместе с детьми и их ирландской няней мисс Флоранс Роджерс Ирвин (Musie) переехала на виллу Трианон в Saint Jean Cap в Кап-Ферра, предоставленную им королем Александром. Она находилась на южном берегу Франции между Ниццей и Монте-Карло. Долгие годы именно виллу Трианон княгиня и ее дети считали своим домом.

Елена Петровна особенно любила свой каменный сад, где часами занималась его совершенствованием.

Из опубликованной переписки членов семьи Константиновской ветви Дома Романовых и их приближенных известно, что виллу Трианон в разное время посещали королева Ольга Константиновна, князь Гавриил Константинович и князь Георгий Константинович⁷⁸.

Когда пришло время Всеволоду и Екатерине готовиться к школе, они переехали на постоянное жительство в Англию,

⁷⁷ Силкин А.А. Ук. соч. С. 176.

⁷⁸ См., например, письмо А.А. Беляевой князю Гавриилу Константиновичу и Антонине Рафаиловне от 23 декабря 1921 г. // Константиновичи Императорского Дома Романовых в изгнании. 1919–1966 гг.: Документы / Составитель, автор предисловия, комментариев и биографического справочника Татьяна Анатольевна Лобашкова. М.: ООО «Буки-Веди», 2017. Книга I. С. 268.

но во время каникул всегда возвращаясь на виллу Трианон. В Англии они сначала жили в Брайтоне, курортном городе на южном побережье. Всеволоду и Екатерине взяли русского репетитора. Трудно сказать, почему князь Всеволод не усвоил язык своей родины, а вот княжна Екатерина неплохо говорила по-русски до конца жизни.

Затем семья Елены Петровны переселилась в коттедж в деревне Санингдейл (Sunningdale), поближе к престижным учебным заведениям. В 1925 году по рекомендации великобританской королевы Марии Текской князь Всеволод поступил в Итон Колледж, а Екатерина — в Хитфилд, школу-интернат для девочек около Аскота.

С этого времени княгиня Елена Петровна много путешествовала, оставив попечение о детях их няне мисс Ирвин.

Флоранс Роджерс Ирвин родилась в 1879 году в семье адвоката, имела не только опыт общения с детьми, но и медицинское образование по специальности «акушерка»⁷⁹. До поступления на службу в семью князя Иоанна Константиновича она занималась воспитанием трех сыновей черногорского князя Мирко⁸⁰. Мисс Ф. Ирвин была принята на работу примерно за месяц до рождения князя Всеволода по рекомендации итальянской королевы Елены.

Выбор няни оказался очень удачным. В период революции и последовавших за ней ссылки родителей Всеволода и Екатерины, а также тюремного заключения княгини Елены Петровны на Урале и в Москве, Флоранс Ирвин продолжала заботиться о детях, вместе с ними претерпевая лишения в голодном Петрограде. Когда осенью 1918 года великая княгиня Елизавета Маврикиевна с младшими детьми и внуками

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 92. Л. 77–78.

⁸⁰ Второй сын короля Черногории Мирко Димитрий Петрович-Негош (17 апреля 1879, Цетине — 2 марта 1918, Вена). Был женат на Наталии Константинович, внучатой племяннице сербского короля Милана Обреновича (1902–1917). Претендент на сербский престол. Член организации «Черная рука».

смогла покинуть Россию, то мисс Ирвин поехала с ними и дождалась приезда Елены Петровны в Швеции. Потом ей пришлось стать свидетельницей затяжной депрессии княгини в связи с гибелью мужа, но и тут она оказалась на высоте. Всеволод и Екатерина были очень привязаны к своей няне, называли ее ласково Муси и считали членом семьи, а Елена Петровна ей доверяла и считалась с ее мнением в вопросах воспитания.

Еще одна утрата

В конце 1934 года княгине Елене Петровне пришлось пережить еще одну тяжелую утрату. 9 октября во время официального визита во Францию был убит югославский король Александр. Этот момент оказался запечатленным камерой официальной документальной хроники: «Открытый автомобиль с югославским монархом и французским министром иностранных дел Луи Барту медленно движется по улицам Марселя, запруженным многотысячной толпой зевак. Затем камера оператора выхватывает всадника-полицейского, рубящего саблей террориста, который уже успел вскочить на подножку лимузина и опустошить обойму своего маузера. Самые запоминающиеся кадры кинохроники запечатлели бледное лицо [короля] Александра, его закатившиеся глаза. Кто-то поддерживает безжизненно повисшую голову, расстегивает воротник адмиральского мундира... смерть наступила мгновенно. То, как погиб Александр, послужило известной романтизации его восприятия. Для некоторых своих современников он остался в памяти “королем-рыцарем”, “королем-мучеником”, прошептавшим перед смертью: “Храните мою Югославию!”»⁸¹.

Елена Петровна узнала о гибели брата из газет. Они с князем Всеволодом были уже на пути в Марсель, где была запланирована их встреча. У княгини случился нервный срыв,

⁸¹ Силкин А.А. Ук. соч. С. 171.

справиться с которым ей не удавалось в течение длительного времени. Князю Всеволоду пришлось неотлучно находиться при матери и заботиться о ней. Моральное и физическое состояние княгини было так тяжело, что она не смогла поехать в Белград на похороны.

С.Н. Смирнов выразил княгине свои соболезнования. Только спустя месяц, 12 ноября, она нашла в себе силы ответить на его письмо: «Мой дорогой Сергей Николаевич! Только сейчас я в состоянии писать и поблагодарить Вас от всего сердца за личные соболезнования. — То, что произошло, настолько ужасно, что мой разум отказывается принять подобную трагедию. Вы легко можете представить, что мне пришлось пережить и мое здоровье еще до такой степени расстроено, что я очень слаба и совершенно обессилена. — Могу себе представить, какая огромная пустота заполняет всю страну, а также всех вас, кто видел его каждый день! — Но я не могу больше говорить об этом дне, это слишком близко и слишком болезненно... Вы поймете все, что я чувствую в своей душе...»⁸².

Русскими беженцами убийство короля Александра в Марселе было воспринято как апокалиптическое повторение злодеяния в Екатеринбурге и стало их личной трагедией⁸³. Танцовщик Белградского балета, руководитель балетной труппы Народного театра А.М. Жуковский писал в мемуарах: «Мы проливали искренние слезы, может быть, более искренние, чем сербы, так как потеряли своего покровителя, защитника, свою надежду»⁸⁴.

⁸² НБС. Письмо княгини Елены Петровны С.Н. Смирнову от 12 ноября 1934 г. // Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки). Перевод с французского Киры Рюшти.

⁸³ *Арсеньев А.Б.* «У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М.: Русский путь. М., 1999. С. 165.

⁸⁴ *Жуковски Анатолиј.* Мој живот // Театрон. Часопис за позоришну историју и театрологију. Београд, 1995. Бр. 90. С. 95.

Те же самые чувства нашли отражение в обширной переписке С.Н. Смирнова с разными лицами. Вот что писала в эти дни Б.П. Бабиева⁸⁵, заведующая детским приютом в Белой Церкви, находившимся под августейшим покровительством княгини Елены Петровны: «...Все мы, русские люди, переживаем очень тяжело эту потерю, для нас всех король Александр был дорог и как-то мистически близок к нам. Сейчас мы потеряли всю надежду на лучшее будущее, потеряли опору и как-то страшно стало жить»⁸⁶.

С.Н. Смирнов понимал, что вместе с королем Александром ушла целая эпоха. Подводя итог своего пятнадцатилетнего сотрудничества с Сербским Королевским Домом, в письме своему давнему коллеге и другу, управляющему делами великой княгини Милицы Николаевны, барону А.И. Сталю фон Гольдштейн, он отметил, что правление короля Александра было периодом «высокой морали и жизненных правил высокой этики», а также сообщил, что «недавно в одном из окон небольшой лавки здесь видел... рядом два портрета, перевитых вместе черным флером: царя Николая II и короля Александра I. Под ними была надпись: “двум великомученикам славянской идеи”»⁸⁷.

После этой трагедии княгиня Елена Петровна словно не может найти себе место: она постоянно переезжает, нигде не задерживаясь подолгу. Ее письма приходят то из Ниццы, то из Канн, то из Лондона, то из Рима.

⁸⁵ Бронислава Павловна Бабиева (рожденная Майхровская), вдова генерал-лейтенанта Г.Ф. Бабиева (18.03.1860 — 06.02.1921, Лемнос, похоронен в Югославии) и мать генерал-лейтенанта Н.Г. Бабиева.

⁸⁶ Письмо Б.П. Бабиевой С.Н. Смирнову от 19 октября 1934 г. // НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки).

⁸⁷ Копия письма С.Н. Смирнова барону А.И. Сталю фон Гольдштейн от 28 октября 1934 г. // НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки).

Князь Всеволод

Среди русской эмиграции интерес к князю Всеволоду Иоанновичу как представителю старшей ветви Дома Романовых, внуку великого князя Константина Константиновича и потомку по мужской линии двух православных династий был довольно высок. Определенной части русского общества за рубежом сын погибшего в Алапаевске князя Иоанна Константиновича казался реальным претендентом на российский престол.

Он был слишком мал, когда 8 августа 1922 года великий князь Кирилл Владимирович издал Акт о принятии блюстительства Императорского престола, а затем 13 сентября 1924 года — манифест о принятии титула Императора Всероссийского. Князь Владимир Кириллович стал именоваться «его императорским высочеством государем наследником цесаревичем и великим князем»⁸⁸. Как известно, не все члены Дома Романовых поддержали эти действия. Среди тех, кто не принял притязания Кирилла Владимировича были императрица Мария Федоровна и великий князь Николай Николаевич. Не было однозначным и мнение русского общества в изгнании.

Что думала по этому поводу княгиня Елена Петровна, неизвестно. Скорее всего, она разделяла взгляды великого князя Николая Николаевича, считавшегося тогда наиболее авторитетным членом династии.

Елена Петровна, защищая интересы своих детей как членов Дома Романовых, могла опираться только на законы Российской империи, исчезнувшей с европейской карты. Прежде всего, она, как вдова, должна была найти соопекуну своим детям и обратилась к великому князю Петру Николаевичу, который в октябре 1919 года выразил свое согласие, что было зафиксировано в российском консульстве в Генуе.

⁸⁸ Пчелов Е.В. Романовы. История династии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 384–385.

Правда, в июле 1921 года великий князь был вынужден отказаться от опеки из-за состояния своего здоровья. Нашла ли княгиня другого опекуна своим детям впоследствии, нами не установлено.

Пока князь Всеволод рос и получал образование, княгиня Елена Петровна, как мы знаем, поддерживала русское общество в изгнании. В 1921 году, когда надежда вернуться в Россию была еще очень сильна, С.Н. Смирнов в письме князю Гавриилу Константиновичу отметил, что «...все, что делаю здесь для русских беженцев, делаю ее именем; при этом я не сильно значения придаю тому, что она здешняя, столько тому, что она Романова. Работать приходится с надрывом, от ночи и до ночи. Но пусть знают русские беженцы здесь, монархисты по преимуществу, кому они больше всего обязаны за эту помощь и пусть вспомнят и выскажутся, когда вернуться на Родину. Я не мыслю России без старой династии»⁸⁹.

Таким образом, по мнению С.Н. Смирнова, активная деятельность в области благотворительности могла стать одним из аргументов в пользу Константиновской ветви Дома Романовых в случае реставрации монархии. И если смотреть на возможное будущее князя Всеволода под этим углом, то княгиня Елена Петровна, увозя детей из Сербии, вовсе не закрывала перед ними российские перспективы.

По окончании образования, осенью 1936 года князь Всеволод совершил путешествие в Югославию. Документы С.Н. Смирнова позволяют в какой-то мере проследить передвижения князя Всеволода, а также его некоторые встречи и визиты в Белграде.

Сначала князь Всеволод отправился на отдых в Дубровник. Дата его прибытия в Югославию не установлена, однако, это могло произойти не раньше конца августа — начала сентября 1936 года. Русским беженцам в Хорватии запомнилось его

⁸⁹ Копия письма С.Н. Смирнова князю Гавриилу Константиновичу от 10 июля 1921 г. // НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки).

посещение «Русского дома, очень и очень убогого, ...русской столовой для беженцев, тоже очень “сиромашной”⁹⁰, интерес, проявленный им к обездоленным соотечественникам»⁹¹. Все это произвело благоприятное впечатление на русское общество. Программа князя Всеволода в Словении, Черногории и Боснии, к сожалению, неизвестна.

В Белград он прибыл в 20-х числах сентября. 25 сентября 1936 года в гостинице «Бристоль», где он остановился, первыми его приветствовали «младороссы», знавшие о приезде князя Всеволода от своих лондонских соратников. Спустя несколько дней князь нанес им ответный визит в белградскую штаб-квартиру.

Несмотря на парадоксы идеологии, проникнутой националистическими идеями и «свободной от “устаревших” революционных классовых подходов и идей и “прогнившей” буржуазности западных партий», младоросская партия в 1930-е годы была одним из самых крупных и популярных русских объединений Зарубежной России. Она была создана в 1924 году А.Л. Казем-Беком и вскоре обросла сетью отделений в ряде европейских стран. Младоросскую партию поддерживал великий князь Кирилл Владимирович, великий князь Дмитрий Павлович стал председателем Главного совета, в ее деятельности принимали участие князья Дмитрий Александрович и Владимир Романовский-Красовский⁹².

⁹⁰ Бедный (серб.).

⁹¹ Письмо С.Н. Смирнова княгине Елене Петровне от 9 октября 1936 г. // НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки).

⁹² *Косик В.И.* Младороссы: наброски к портрету в зеркале эпохи // *Url.: <https://cyberleninka.ru/article/n/mladorossy-nabroski-k-portretu-v-zerkale-epohi>* (дата обращения: 1 августа 2020). В эмигрантской среде младороссы оценивались неоднозначно с момента своего возникновения, они использовали внешнюю атрибутику итальянских фашистов, но свой авторитет они потеряли к началу Второй мировой войны из-за подозрений в связях с советской разведкой. Тогда же из их состава вышли члены Дома Романовых. Многие младороссы, верные лозунгу «Ни красные, ни белые, а русские», вступили в 1939 году во французскую

28 сентября 1936 года в сопровождении В.Н. Штрандмана, видного деятеля русской эмиграции, руководителя Российского общества Красного Креста (старой организации) и С.Н. Смирнова князь Всеволод посетил Русский Дом. Они побывали у малышей на верхнем этаже здания и поприсутствовали на двух уроках в Женской гимназии. Затем высокого гостя пригласили на первый этаж, на занятия Общества «Русский сокол». Князю Всеволоду представили присутствовавших и показали знамя, украшенное лентой с вышитым именем княгини Елены Петровны⁹³.

Сокольское движение имело давнюю историю, его возрождение началось в 1921 году среди русских беженцев в Праге. Его преимуществом как общественного объединения была способность объединять различные слои русского общества, а целью — воспитание подрастающего поколения в русском национальном духе. На стенах всех спортивных залов висел лозунг: «В сердце отвага, в мыслях — Родина». Бурная жизнь кипела и вне спортивных занятий: проводились лекции по истории России, изучались русский язык и литература, отмечались памятные даты и церковные праздники. Центром русского сокольства становится королевство Югославия, а звание его почетного старосты принимает король Александр⁹⁴.

К моменту описываемых нами событий в русском сокольском движении в Югославии участвовало двадцать семь дружин. 1 октября князь Всеволод в сопровождении С.Н. Смирнова еще раз посетил соколов в Русском Доме и пожертвовал

армию, а после ее разгрома — в ряды Сопrotивления // *Базанов П.Н.* «Ни красные, ни белые, а русские»: рецензия на книгу В.И. Косика «“Молодая Россия”: вариации на тему национализма в маршах эпохи». М., 2013 // *Вестник СПбГУКИ.* 2015. № 1 (22), март. С. 182–185.

⁹³ Письмо С.Н. Смирнова княгине Елене Петровне от 9 октября 1936 г. // НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки).

⁹⁴ *Мацукевич О.Ю.* Социально-культурная ресоциализация русских эмигрантов в общественном движении «Русский сокол» // *Вестник МГУКИ.* 2011. № 3–4, май-июнь. С. 130–131.

два переходных кубка для лучшей дружины, фактически положив начало соревнованию сокольских дружин в королевстве. На прощание его высочеству поднесли значок соколов, а он подписался на вступительном листе по-русски «Всеволодъ», чем вызвал восторг присутствующих.

В течение своего визита в Югославию Всеволод несколько раз общался с представителями сербской королевской семьи. Прежде всего, по просьбе князя С.Н. Смирнов через управу Двора устроил 29 сентября его поездку в семейную усыпальницу в храме св. Георгия у подножия холма Опленач, где Всеволод почтил память короля Александра и положил веночек на его могилу.

1 октября 1936 года князь Всеволод нанес визит своему двоюродному брату-королю Петру II. За три четверти часа перерыва, длившиеся между уроками, юный монарх показал своему гостю дворец и парк в Дединье, а потом вернулся к своим занятиям. На другой день, по приглашению принца-регента Павла Карагеоргиевича, князь Всеволод отправился в его имение в Брдо. С.Н. Смирнов проводил его на железнодорожный вокзал, где собралось много русских поприветствовать члена Дома Романовых. Князь Всеволод всех обошел, со всеми простился.

Княгиню Елену Петровну очень волновало, какое мнение сложилось в русском обществе о ее сыне. С.Н. Смирнов сообщил ей, что князь Всеволод оставил о себе самое лучшее впечатление, омраченное только тем, что он не говорит по-русски⁹⁵.

Несомненно, отсутствие русского языка сильно вредило имиджу князя. Например, приехавший в том же 1936 году из Парижа в белградское монархическое объединение светлейший князь М.К. Горчаков, когда речь зашла о здравствовавших на тот момент членах династии, на вопрос о Всеволоде Иоанновиче заметил, что он не говорит по-русски и принял протестантскую религию. После этого М.К. Горчаков,

⁹⁵ Письмо С.Н. Смирнова княгине Елене Петровне от 9 октября 1936 г. // НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки).

выразил мнение, что единственным серьезным кандидатом на престол может считаться только князь Роман Петрович.

Слухи о том, что князь Всеволод Иоаннович отказался от религии предков и стал протестантом появились в русской среде как раз в середине 1930-х годов, за несколько лет до совершеннолетия князя. 15 (28) ноября 1936 года великая княгиня Ольга Александровна сообщила С.Н. Смирнову, что «в Париже в позапрошлом году встретила Всеволода Иоанновича: маленького роста, черногорского типа — и увы, душой англичанин и даже протестант. Его отцу было бы грустно — к тому же по-русски не говорит»⁹⁶. 5 декабря 1936 года С.Н. Смирнов ей ответил: «Я... запросил княгиню Елену Петровну и получил категорическое опровержение», а по поводу незнания русского языка она заметила, что князь Всеволод «всеми силами восполняет это знание, какового он не мог получить в учебных заведениях, которые он окончил; закрытые учебные заведения в Англии не дают возможности научиться русскому языку»⁹⁷.

Однако молва о перемене религии князем Всеволодом продолжала распространяться. По поручению Елены Петровны С.Н. Смирнов 4 февраля 1937 года обратился к В.М. Пронину, редактору-издателю газеты «Русский голос», с просьбой разместить объявление, где было заявлено, что «эти нелепые слухи не имеют под собой никаких оснований. Член августейшего Дома Романовых, искони православного, крестник императора Николая II, его высочество князь Всеволод Иоаннович был и остался православным, верным религии своих августейших предков»⁹⁸.

По нашему мнению, этот эпизод из жизни августейшей семьи свидетельствует об обострении борьбы за российский

⁹⁶ Письмо великой княгини Ольги Александровны С.Н. Смирнову от 15 (28) ноября 1936 г. // НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки).

⁹⁷ Письмо С.Н. Смирнова великой княгине Ольге Александровне от 5 декабря 1936 г. // НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки).

⁹⁸ Письмо С.Н. Смирнова В.М. Пронину от 4 февраля 1937 г. // НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки).

престол внутри русского монархического движения. Под предлогом борьбы с коммунизмом в Европе происходил слом Версальской системы, активно складывались военно-политические блоки и подготавливался плацдарм для новой войны. У части эмигрантов возродилась надежда на скорую смену власти в России, поэтому тема претендента на российский престол казалась актуальной.

В 1938 году умер великий князь Кирилл Владимирович. 31 октября 1938 года его сын Владимир Кириллович издал Манифест, в котором объявил себя главой Российского Императорского Дома. То, что он не объявил себя императором, дало возможность большей части потомков Дома Романовых консолидироваться вокруг него. Поддержали его и монархические круги. Вот как С.Н. Смирнов в декабре того же года описал ситуацию в русском обществе в Белграде, а также свои сомнения по этому поводу одному из своих бывших однокашников: «У нас эпидемия объединения вокруг Владимира К<ириллови>ча. Его сторонники, прежде называющиеся кирилловцами, теперь развивают большую агитацию, бросив в публику лозунг: “Он последнее наше спасение”. Не понимаю, говоря откровенно, этот лозунг. Ведь ему пока что всего лишь 21 год, в России он еще никогда не бывал. И удастся ли ему что-нибудь сделать реального — кто знает. Правда, есть и умные шаги его — необъявление себя царем... Всюду горячее состояние безоговорочно подчиняться Владимиру Кирилловичу. Но в этом есть, конечно, и хорошая сторона. Меньше ссорятся, хотя РОВС⁹⁹ все еще не определился...»¹⁰⁰.

Князь Всеволод Иоаннович в тот период был на стороне Владимира Кирилловича и поддерживал его вплоть до того момента, когда глава Российского Императорского Дома издал Акт об учреждении блюстительства престола (23 декабря 1969 года), гарантирующий интересы его потомков по

⁹⁹ Русский общевоинский союз.

¹⁰⁰ Письмо С.Н. Смирнова неустановленному лицу от 23 декабря 1938 г. // НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки).

нисходящей линии, провозгласив цесаревной и великой княгиней свою дочь Марию Владимировну. В апреле 1970 года главы трех ветвей Дома Романовых, князя крови императорской Всеволод Иоаннович, Роман Петрович и Андрей Александрович, заявили в связи с этим протест¹⁰¹. Впоследствии, в 1979 году было создано Объединение членов Дома Романовых, куда вошли все те, кто не поддержал линию Владимира Кирилловича.

Князь Всеволод Иоаннович скончался 18 июня 1973 года в Лондоне, не оставив потомства.

В первый раз он женился в июне 1939 года на леди Мери Лигон, дочери графа Бичема. До этого князь Всеволод дважды сватался к младшей дочери кронпринца Вильгельма Прусского¹⁰², но получил отказ.

Мери Лигон принадлежала к старинному, знатному и влиятельному, хотя и не владетельному роду. Этот брак не считался равнородным. Княгиня Елена Петровна была настроена против женитьбы сына, даже хотела лишить его наследства, но затем дала свое согласие и присутствовала на бракосочетании в Лондоне. До свадьбы невеста учила русский язык и Закон Божий, посещала русскую церковь, приняла православие. С.Н. Смирнов писал, что это был брак по любви. Спустя несколько лет брак распался, за ним последовали еще два, но и они были бездетными.

Княжна Екатерина

Княжна Екатерина была от природы очень одаренным человеком, имела склонности к живописи, музыке и иностранным

¹⁰¹ Пчелов Е.В. Ук. соч. С. 444–445.

¹⁰² Речь идет о младшей дочери кронпринца Цецилии Виктории Анастасии Ците Аделаиде Прусской (5 сентября 1917, Потсдам — 21 апреля 1975, Гессен) из Дома Гогенцоллернов. Во время Второй мировой войны она была сестрой милосердия в Германском Красном Кресте. Ее брат Луи Фердинанд был женат на княжне Кире Кирилловне, дочери великого князя Кирилла Владимировича.

языкам. Княгиня Елена Петровна всемерно способствовала развитию ее задатков. Во время путешествий по Италии княжна не только знакомилась с выдающимися произведениями искусства, но и брала уроки рисования и живописи.

Кроме того, Екатерина посещала балетные классы Нинет де Валуа, известного педагога-хореографа, одного из создателей Королевского балета Великобритании¹⁰³.

По окончании учебного заведения в Аскоте княжна Екатерина стала выезжать в свет. В 1936 году, во время очередного визита к итальянской королеве Елене, своей двоюродной бабушке, на одном из вечерних мероприятий Екатерина встретила своего будущего мужа, маркиза Руджеро Фараче ди Виллафореста. Он был дипломатом и служил секретарем итальянского посольства в Каире. Чтобы заключить брак, молодым людям пришлось пройти немало испытаний. Главным препятствием стало отсутствие итальянского гражданства у княжны Екатерины.

После прихода к власти в начале 1920-х годов Бенито Муссолини король Виктор Эммануил III, способствовавший приходу к власти фашистов, подписал ряд расистских законов, один из которых запрещал вступать в брак с иностранцами. Вскоре итальянский монарх был исключен из политической и общественной жизни. Впрочем, его это не тяготило. Виктор Эммануил III никогда не питал склонности к политике и теперь имел возможность наслаждаться тем, что ему действительно нравилось — охотой, рыбалкой, чтением книг по истории, фотографией и пополнением своих коллекций. В Риме он старался появляться как можно реже. А итальянцы безуспешно ждали его вмешательства как во внутреннюю, так и внешнюю политику государства, контролируруемую фашистами¹⁰⁴.

И вот теперь с одним из последствий его соглашательских действий столкнулась его внучатая племянница. Понадобилось

¹⁰³ *Королев Григорий*. Екатерина Романова // Русские в Уругвае: история и современность. Монтевидео, 2009. С. 196.

¹⁰⁴ *Замойский Л.П.* История Савойского королевского дома // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 173–174.

вмешательство королевы Елены и министра иностранных дел Галеаццо Чиано, чтобы невеста смогла получить итальянский паспорт¹⁰⁵. Помолвка была объявлена в августе 1936 года.

Свадьба состоялась в Риме 15 сентября 1937 года в присутствии итальянской королевской семьи, а также принца Христофора Греческого и великого князя Дмитрия Павловича.

Вторая мировая война

После свадьбы дочери Елена Петровна уехала на виллу Трианон. В Рим она вернулась только к рождению своей первой внучки Николетты в июле 1938 года. Спустя некоторое время семья Фараче ди Виллафореста отправилась в Египет, к месту службы главы семьи, а Елена Петровна — к себе домой, во Францию.

Маленькая Николетта плохо переносила египетский климат, тяжело болела. Маркиз Фараче ди Виллафореста обратился к министру иностранных дел Галеаццо Чиано с просьбой о переводе, а в случае его невозможности был даже готов уйти в отставку. Новое назначение было получено. Семья Фараче ди Виллафореста переехала в Будапешт.

22 мая 1939 года Италия подписала союзный договор с Германией («Стальной пакт»), где шла речь о сотрудничестве в военной и экономической областях, а также были зафиксированы взаимные обязательства в случае начала военных действий. Спустя год, 10 мая 1940 года, немецкие войска начали вторжение во Францию. Им понадобилось чуть больше месяца, чтобы взять Париж. Французский премьер-министр подал в отставку. Спасать Францию призывали кумира миллионов французов, главнокомандующего французской армией периода Первой мировой войны, победителя немцев под Верденом маршала Анри Филиппа Петана¹⁰⁶. Он стал новым

¹⁰⁵ *Королев Григорий*. Ук. соч. С. 196.

¹⁰⁶ *Бурлаков А.Н.* Маршал Петэн в годы Первой мировой войны: время силы // Преподаватель XXI век. 2017. № 1. С. 288.

французским премьер-министром. 13 июня маршал Петан потребовал немедленного заключения перемирия с гитлеровской Германией, утверждая, что в противном случае страну ждет коммунистический переворот¹⁰⁷.

10 июня 1940 года, несмотря на предчувствия, что участие в войне приведет Италию к гибели, Виктор Эммануил III поставил подпись под объявлением войны Франции и Великобритании, чем усилил позиции гитлеровской Германии. Спустя полтора года еще большие сомнения в правильности происходящего не помешали итальянскому королю поставить свою подпись и под объявлением войны Америке¹⁰⁸.

22 июня 1940 года французское правительство было вынуждено заключить унизительное перемирие в Компьене. Франция была расчленена на две неравные части. Большая, северная часть, куда вошли Эльзас и Лотарингия, оказалась оккупированной. Вторая, южная часть и колонии формально сохранили суверенитет и остались под властью правительства маршала Петана (вишистский режим)¹⁰⁹.

24 июня Франция подписала перемирие с Италией, оккупировавшей 50-километровую зону на южном побережье около города Ментон. 25 июня маршал Петан выступил по радио, провозгласил новый порядок и призвал к поддержке курса гитлеровской Германией. В тот момент на его стороне была довольно большая часть французов, полагавших, что «надо жить и работать, сотрудничая с победителями ради сохранения Франции и французской нации»¹¹⁰. Им казалось, что в ситуации катастрофы маршал Петан смог удержать плацдарм, с которого начнется возрождение Франции.

Возможно, что эту точку зрения разделяла и княгиня Елена Петровна. Эти события застали ее на вилле Трианон

¹⁰⁷ *Канинская Г.Н.* Две войны в зеркале французской истории // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. № 6. С. 363.

¹⁰⁸ *Замойский А.П.* Ук. соч. С. 173–175.

¹⁰⁹ *Канинская Г.Н.* Ук. соч. С. 362.

¹¹⁰ Там же. С. 370.

и, по-видимому, напомнили трагические дни отступления сербской армии осенью 1915 года и собственные переживания по этому поводу. Поэтому, после 10 июля 1940 года, когда в городе Виши Национальное собрание Франции передало всю полноту власти маршалу Петану, она написала ему письмо, в котором сожалела о несчастьях Франции и желала скорейшей победы. К сожалению, текст этого документа нами не обнаружен, зато сохранился ответ маршала от 17 июля 1940 года, позволяющий в определенной мере судить о его содержании: «Ваше Высочество, чувства преданной любви, которые Ваше Высочество хочет так деликатно выразить нашей Родине и ее армии, являются поддержкой в тяжелый период, который мы переживаем. Позвольте, Ваше Высочество, принять мою благодарность. Сербия также знала времена страданий и с успехом их прошла. Так будет и с Францией, преданной своей дружбе и своему традиционному долгу в мире. Да поможет нам Бог. Я благодарю Ваше Высочество за обращенные ко мне пожелания успеха во всех моих усилиях, ради возвращения Франции ее величия»¹¹¹.

Не приходится сомневаться, что княгиня Елена Петровна сочувствовала и племяннику, сербскому королю Петру II, вынужденному бежать из страны вместе с правительством из-за вторжения вермахта в Югославию в апреле 1941 года.

Княгиня на какое-то время потеряла связь с близкими и знакомыми, жившими в Сербии. Например, о судьбе Сергея Николаевича Смирнова и его семьи она была вынуждена наводить справки через итальянское посольство в ноябре того же года, а письма шли бесконечно долго через общих знакомых, минуя почту.

Были затруднены и передвижения по Европе. Когда 19 февраля 1942 года у Екатерины родилась вторая дочь, названная Фьяметтой, княгиня не решилась ехать к дочери в Будапешт. Впрочем, вскоре Екатерина Иоанновна с детьми вернулась в Рим, где было безопаснее.

¹¹¹ Письмо маршала Петана княгине Елене Петровне от 17 июля 1940 г. Копия // Частная коллекция. Перевод Елены Блан.

Перемирие Франции с гитлеровской Германией было нарушено 11 ноября 1942 года, когда нацистские войска оккупировали и южную часть Франции. Иллюзии от стратегии Петана рассеялись, недовольство вишистским режимом стало стремительно нарастать¹¹².

Война подошла очень близко. Руджеро Фараче ди Виллафореста попросил жену написать матери, чтобы она уезжала как можно скорей. Но княгиня Елена Петровна оставалась на вилле Трианон так долго, как это было возможно. Когда стало опасно, ей удалось покинуть Францию и уехать в Швейцарию к своей давней подруге, вдове одного из югославских министров. Имя ее установить не удалось. Известно только, что она жила вместе с матерью и двумя детьми в Женеве. А вилла Трианон впоследствии была разграблена французскими войсками.

В ночь с 9 на 10 июля 1943 года началась высадка десанта союзников на Сицилию. 25 июля был смещен Муссолини, однако Виктор Эммануил III, несмотря на давление собственного окружения, закончить войну не торопился и продолжал отстаивать приверженность договору с Германией. Тем не менее, 8 сентября 1943 года Италия подписала акт о капитуляции, а на следующий день король был вынужден бежать с семьей в Бриндизи, где оказался под опекой американцев и союзников. При этом Виктор Эммануил III оставил армию без командования и большинство солдат и офицеров попали в немецкий плен. Кризис института монархии усилился, все громче звучали призывы избавиться от «анахронизма»¹¹³. Королевская чета в столицу не вернулась, обосновавшись в Египте, в Александрии.

В июне 1944 года был освобожден Рим. Король Виктор Эммануил, спасая монархию, передал свои полномочия сыну, принцу Умберто, в статусе королевского наместника, а в мае 1946 года отрекся в его пользу от престола¹¹⁴.

¹¹² *Канинская Г.Н.* Ук. соч. С. 370.

¹¹³ *Замойский Л.П.* Ук. соч. С. 176–178.

¹¹⁴ *Федорченко В.* Дом Романовых. Энциклопедия биографий. Красноярск: Бонус; Москва: Олма-Пресс, 2003. С. 293.

За всеми этими событиями княгиня Елена Петровна следила издалека: в 1944 году она приняла приглашение дочери пожить с ее семьей на вилле Эсторил (Estoril) в Лиссабоне, куда Руджеро Фараче был назначен послом. К этому времени у Екатерины Иоанновны было уже трое детей: Николетта (23 июля 1938), Фьяметта (19 февраля 1940) и Иван (20 октября 1943). Ныне живущие потомки князя Иоанна Константиновича и Елены Петровны — это дети, внуки и правнуки княжны Екатерины Иоанновны.

Послевоенные годы

В Португалию Елена Петровна прибыла со своим последним любимцем — персидской кошкой Долизой. Княгиня часто путешествовала по окрестностям Лиссабона на арендованном автомобиле. Иногда брада с собой старшую внучку Николетту. В одной из таких поездок Елена Петровна увидела на обочине продавца с большой белой птицей. Она резко остановила автомобиль, вышла из него и, не торгуясь, заплатила, забрала клетку и вскоре выпустила пленницу. Николетта, вспоминая тот день, отметила, что после всего того, что княгине пришлось пережить, этот поступок можно назвать символичным.

Елена Петровна оставалась в Португалии около года, затем решила поехать к князю Всеволоду и его жене в Лондон. Она взяла с собой семилетнюю Николетту, чтобы девочка начала изучать английский. Узнав об этом, мисс Иврин оставила свой дом в деревне Берчингтон (Birchington) и поспешила на встречу с Еленой Петровной. Она помогла княгине присматривать за внучкой и обучала ее английскому языку.

Князь Всеволод и его жена сумели создать для Елены Петровны теплую, домашнюю атмосферу, где она была спокойна и счастлива. В послевоенном Лондоне она встретила много знакомых, ее частым гостем был племянник, югославский король в изгнании Петр II. Когда у него 17 июля 1945 года родился первенец, сын Александр, княгиня Елена Петровна

и Николетта были приглашены в Вестминстерское аббатство на крестины и торжественный обед в отеле Дорчестер, проходившие в присутствии короля Георга VI и королевы-консорта Елизаветы Боуз-Лайон.

Спустя полгода Елена Петровна и Николетта покинули Лондон и отправились на поезде в Рим через Женеву. К этому времени из служебной командировки в Португалию вернулась семья маркиза Фараче ди Виллафореста.

В том же 1945 году Екатерина Иоанновна оставила семью и на несколько лет переехала в Великобританию. Об этом периоде ее жизни в воспоминаниях княгини Елены Петровны есть только несколько слов¹¹⁵.

¹¹⁵ В 1963 году маркиза Руджеро Фараче ди Виллафореста назначили послом в Уругвай. Екатерина Иоанновна приехала туда в 1966 году на свадьбу старшей дочери Николетты. В 1967 году командировка маркиза закончилась, и он вместе со средней дочерью и сыном вернулся в Европу. Позже Фьяметта уехала в США, а Иван поселился сначала в Париже, а потом в Люксембурге. В 1970 году, когда маркиз Ружеро Фараче ди Виллафореста тяжело заболел, Екатерина Иоанновна переехала к нему в Рим и поддерживала его до кончины. В Италии ее больше ничего не держало. Она переезжает в США к Фьяметте. В Нью-Йорке жила княжна императорской крови Вера Константиновна, с которой Екатерина Иоанновна поддерживала родственные и дружеские отношения. На Новый год и Рождество потомки Елены Петровны и Иоанна Константиновича старались встретиться всей семьей у Николетты в Уругвае.

В 1979 году Екатерина Иоанновна вместе с князьями Дмитрием Александровичем, Андреем Александровичем, Василием Александровичем, княжнами Верой Константиновной, Мариной Петровной и Надеждой Петровной вошла в число основателей Объединения членов Дома Романовых, к которому позже присоединились другие представители фамилии.

В 1982 году Екатерина Иоанновна принимает решение переехать в Уругвай, где ее главными занятиями становятся воспитание внуков и чтение. Она много рисовала, слушала классическую музыку и ходила в оперу. По свидетельству ее дочери, Екатерина Иоанновна интересовалась жизнью современной России и на слух переводила домашним новостные передачи. Сердце дочери князя Иоанна Константиновича и княгини Елены Петровны перестало биться 13 марта 2007 года. Подробнее см.: *Королев Григорий*. Ук. соч. С. 197–199.

У княгини опять не было дома. Первый отняла Первая мировая война, а второй — Вторая. Итальянская королева Елена предложила Елене Петровне пожить какое-то время в апартаментах в квартале Париоли, где в одном из жилых домов ей принадлежало несколько квартир. Приглашение княгиня приняла и переехала туда вместе с кошкой Долизой. Этажом выше жили князь Роман Петрович с женой и двумя сыновьями.

Княгиню часто навещали дочь и внучка Николетта, несколько раз в неделю Елена Петровна пила чай с Софией Джаккарينو (Sofia Jaccarino), мать которой была подругой итальянской королевы во время ее учебы в Смольном институте.

2 июня 1946 года в Италии прошел референдум, проголосовавший за республику. Монархия упразднялась, королевское имущество подлежало конфискации. Все члены Савойской династии должны были навсегда покинуть Италию. Конституция, закрепляющая новое государственное устройство, вступала в силу с 1 января 1948 года.

Итальянские король и королева к этому времени уже жили в Египте, где 28 декабря 1947 года Виктор Эммануил III умер, простудившись на охоте. Королева Елена переселилась на юг Франции, в Монпелье, где прожила во вдовстве чуть меньше пяти лет. Она жила затворницей, оплакивая свою дочь Мафальду¹¹⁶, погибшую в Бухенвальде.

Елена Петровна еще какое-то время оставалась в Италии, во всяком случае, в 1947 году у нее еще был вид на жительство, а потом переехала в Ниццу, поближе к друзьям и знакомым.

¹¹⁶ Мафальда Савойская (2 ноября 1902, Рим — 27 августа 1944, Бухенвальд), принцесса, старшая дочь короля Виктора Эммануила III и Елены Черногорской; была очень близким матери человеком. В 1925 году вышла замуж за принца Филиппа Гессенского, ландграфа Гессен-Кассельского. Несмотря на то, что ее муж был сторонником нацистской партии, Адольф Гитлер испытывал личную неприязнь к принцессе Мафальде. В 1943 году, после похорон болгарского царя Бориса, мужа своей младшей сестры, она была арестована в Софии и доставлена в Германию, где после серии допросов была помещена в Бухенвальд. 24 августа 1944 года во время бомбежки союзников по Антигитлеровской коалиции, она была тяжело ранена и спустя три дня умерла от потери крови.

Когда было возможно, Елена Петровна посещала королеву Елену в Монпелье.

Главной проблемой этого периода стала продажа виллы Трианон, так как дом очень пострадал во время военных действий и был в очень плохом состоянии. Поиск покупателей занял длительное время.

Маркиз Фараче ди Виллафореста продолжил карьеру по дипломатической линии. По свидетельству его потомков, его командировки были, в основном, в страны Нового Света, за исключением небольшого периода с 1954 по 1958 год, когда глава семейства получил назначение в Совет Европы в Страсбург.

В Европу внуки княгини возвращались только на время отпуска маркиза Фараче ди Виллафореста и ненадолго задерживались в Париже. Там дети могли встретиться с княгиней Еленой Петровной, приезжавшей для встречи с внуками. Она останавливалась в «Ритце» или «Континентале».

Время, проведенное с бабушкой, до сих пор остается для маркиза Ивана Фараче ди Виллафореста чрезвычайно драгоценным воспоминанием. Они гуляли вдвоем после полудня, говорили по-французски, часто заходили в чайный салон «Анжелина» напротив сада Тюильри, открытый в 1903 году известным австрийским кондитером Антоном Румпельмайером и являвшимся популярным местом встречи парижской аристократии.

Елена Петровна была в неизменном фиолетовом (полутраурном) тюрбане и держала себя так величественно, что, несмотря на невысокий рост, невольно приковывала взгляды прохожих. Ее часто узнавали сербы и русские, особенно таксисты, спешили высказать ей глубокое уважение и часто благодарили. Княгиня не раз выручала их небольшими суммами денег до тех пор, пока ее собственные финансы не пришли в плачевное состояние.

Последние несколько лет своей жизни Елена Петровна жила в бедности. Но ни друзья, ни родственники никогда не слышали от нее жалоб: княгиня не позволяла им понять, как тяжело ей сводить концы с концами. Кроме того, у нее раз-

вился диабет, ее лечили, но она часто отказывалась от диеты.

Ее жизнь была заполнена встречами с родными — Екатерина Иоанновна навещала мать, когда была возможность, приезжали и внуки, — а также с теперь уже немногочисленными знакомыми. Княгиня была прихожанкой одного из русских православных храмов в Ницце. По свидетельству потомков княгини Елены Петровны, в 1950-х годах она работала над текстом своих воспоминаний для журнала *Illustré*.

В 1957 году по приглашению своего дяди, Алессандро Фарачи, работавшего в итальянском посольстве в Югославии, Николетта и Фьяметта побывали в Белграде. Княгиня Елена Петровна попросила их обязательно побывать в церкви св. Георгия в Тополе и набрать там немного сербской земли в шкатулку. Она хотела, чтобы частица ее родины была погребена вместе с ней, когда придет время. Николетта и Фьяметта исполнили просьбу княгини, посетили родовую усыпальницу и взяли землю перед церковью. Эту шкатулку Елена Петровна хранила у себя в комнате.

В 1962 году Елена Петровна поселилась в небольшом отеле на улице Паганини в Ницце. Служащие отеля запомнили ее как скромную, простую в общении даму, вызывавшую к себе неизменное уважение.

В ночь на 16 октября ей стало плохо. Она самостоятельно вызвала ночного сторожа отеля и попросила его вызвать врача. Карета скорой помощи отвезла ее в больницу, где она в тот же день скончалась. Только когда на похороны стала съезжаться титулованная знать, жители города узнали, что скончалась княгиня Елена Петровна, вдова князя Иоанна Константиновича, принадлежавшего Дому Романовых, и сестра короля Александра Югославского.

Николетта до сих пор помнит шок от телефонного звонка с сообщением о смерти бабушки. Она ближайшим рейсом вылетела в Лондон за матерью, вместе они прибыли в Ниццу. Князь Всеволод Иоаннович и некоторые друзья Елены Петровны были уже там.

Перед церемонией прощания родственники взяли шкатулку с сербской землей и хотели положить ее в гроб, но княжна

Ольга Михайловна Кантакузен¹¹⁷ не позволила им это сделать, указав, что в православной церкви так не принято.

Княгиня Елена Петровна была похоронена на ниццком кладбище Кокад в присутствии своих детей, двух королей в изгнании — итальянского Умберто и югославского Петра II, принцессы Марии Франчески Савойской, представителей префекта и мэра Ниццы, а также бесчисленного количества русских и югославов. От имени Президента Республики Шарля де Голля на могилу был возложен венок. За отсутствием викарного епископа Сильвестра, в сослужении с местным духовенством отпевание совершил протоиерей Валент Роменский, настоятель храма при Русском доме престарелых св. Анастасии в Ментоне¹¹⁸.

И хотя последние годы жизни княгиня использовала титул принцессы Сербии, на ее могильной плите написано по-русски и по-французски: «ЕКВ Княгиня Елена Петровна, Princesse de Serbie, Princesse Jean de Russie».

Подводя итог жизненного пути княгини Елены Петровны, нельзя не согласиться с автором некролога в *Times*, отметившего, что она обладала гордостью черногорского воина и ее дух остался несломленным, что бы ни происходило в ее жизни¹¹⁹. Однако добавим, что она в равной степени олицетворяла лучшие черты сербского народа, сохраняла преданность Сербии и Императорской России.

Последним желанием княгини Елены Петровны было покоиться рядом с отцом и братом в храме св. Георгия в Тополе, когда это будет возможно.

¹¹⁷ Кантакузен Ольга Николаевна (15 февраля 1899, Санкт-Петербург — 1983, Ницца), княжна, дочь генерала-лейтенанта Михаила Михайловича Кантакузена, адъютанта Николая Николаевича-старшего, от брака с Ольгой Николаевной Николаевой, внебрачной дочерью великого князя и балерины Екатерины Гавриловны Числовой.

¹¹⁸ Некролог // Русское слово. 1962. 6 ноября.

¹¹⁹ Некролог // *Times*. 1962. October, 23.

Николай Феулин
Ольга Нотёмкина

«В ЦЕЛЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ»:
ЧЛЕНЫ ДОМА РОМАНОВЫХ
В ЕКАТЕРИНБУРГЕ И АЛАПАЕВСКЕ. 1918

Пребыванию ссыльных представителей Дома Романовых на Урале в отечественной и зарубежной историографии уделяется значительное внимание. Однако для большинства исследователей главной остается тема подготовки убийства и последующее следствие, а вот вопросы повседневной жизни в Екатеринбурге и Алапаевске рассматриваются вскользь. Публикация воспоминаний княгини Елены Петровны, на наш взгляд, является прекрасным поводом вновь обратиться к этой теме. К тому же к настоящему времени выявлено достаточное количество источников, как архивных, так и мемуарных, позволяющих затронуть основные темы, связанные с вынужденным пребыванием на Урале членов Императорской Фамилии.

С самого начала работы нам пришлось столкнуться с некоторыми сложностями, связанными, прежде всего, с датировкой событий. Несмотря на то, что в большинстве документов даты указаны, их постоянно приходится сверять с аналогичными материалами, не вызывающими сомнений. Например, протокол допроса княгини Елены Петровны имеет дату 14 июля по новому стилю. Мы в этом не сомневаемся, так как Совет народных комиссаров (СНК) 24 января (6 февраля) 1918 года принял Декрет о введении григорианского календаря и все официальные документы оформлялись соответственно. Однако княгиня в своих показаниях использовала старый стиль.

Еще одна проблема, с которой приходится сталкиваться тем, кто работает с мемуарной литературой, это противоречия во взглядах очевидцев. Нам показалось интересным обратить

на это внимание, хотя, конечно, мы не надеялись в рамках одной работы выявить их все и найти их причины. Предполагаем, что будущим исследователям предстоит еще много работы.

Прибытие августейших ссыльных в Екатеринбург

4 апреля (22 марта) 1918 года ссыльные представители Дома Романовых и сопровождающие их лица вечерним поездом выехали из Петрограда в Вятку¹. Их пребывание в этом городе оказалось недолгим. Уже 29 (16) апреля в УралОблСовет пришла телеграмма: «[По] постановлению [Вятского] губернского съезда выселяются в Екатеринбург бывшие князья

¹ Несмотря на то, что большинство исследователей используют именно эту дату, есть и другие варианты. Например, заметка в газете «Наш век» утверждала, что это произошло 2 апреля (20) марта // Наш век. 1918. 3 апреля (21 марта). С. 2.

На следующий день в той же газете была помещена заметка: «2 апреля из Петрограда, как уже было сообщено во вчерашнем номере нашей газеты, уехали в ссылку почти все проживавшие в столице и ее окрестностях члены семьи Романовых. Всем уехавшим выданы проходные свидетельства следующего содержания: предьявитель сего (следует имя и отчество) Романов высылается из Петрограда и его окрестностей в гор. (название города). По прибытии в (название города) гражданин (имя и отчество) Романов обязан явиться в Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов для обмена проходного свидетельства на удостоверение Совета на право свободного проживания в г. (название). Выехать из Петрограда обязан 2 апреля 1918 г. Помимо этого, согласно просьбе некоторых высылаемых, им было дано особое удостоверение, в котором говорится, что такой-то Романов «высылается из Петрограда не как лицо, замешанное в политических преступлениях, а в целях предупреждения и пресечения». На каждое проходное свидетельство наклеивалась фотографическая карточка высылаемого, его собственноручная подпись и печать чрезвычайной комиссии» // Наш век. 1918. 4 апреля. С. 3.

Эти документы были обнаружены впоследствии во время эксгумации тел. Впрочем, С.Н. Смирнов пишет о том, что выезд в ссылку Константиновичей состоялся именно 22 марта 1918 года (он был в это время в Таганроге) // *Смирнов С.Н.* В плену у царевубийц. Белград, 2018. С. 13.

Романовы в числе 6 человек, прислуги 3 человека. № 64. Председатель губисполкома Чирков»². Августейшим ссыльным пришлось подчиниться.

Ранним утром 3 мая (20 апреля) 1918 года на станцию Екатеринбург-1 прибыл пассажирский поезд. На перрон нового городского вокзала³ вышли великий князь Сергей Михайлович, князя крови императорской Иоанн Константинович с женой, сербской принцессой Еленой Петровной, Игорь Константинович, Константин Константинович и князь Владимир Павлович Палей и несколько сопровождавших их лиц. Возможно, в этот момент они размышляли о том, что их ждет на уральской земле и как их здесь встретят.

По имеющимся в нашем распоряжении воспоминаниям современников и очевидцев мы попытались реконструировать некоторые из последующих событий, связанных с пребыванием родственников низвергнутого императора Николая II в Екатеринбурге и Алапаевске.

В записках княгини Елены Петровны мы читаем: «...По прибытии в Екатеринбург мужчины тотчас же попросили позволения у охраны присутствовать на службе в храме. Переглянувшись со своими солдатами, старший дал разрешение. Мужчины ушли в окружении охраны, а я осталась одна с багажом. Немного позже ко мне подошел неизвестный и представился. Как он сказал, он был секретарем директора одного городского банка, и его начальник, узнав о нашем приезде,

² ГА РФ. Ф. 601 (Император Николай II). Оп. 2. Д. 46. Л. 7.

³ Уральская горнозаводская дорога, соединившая губернский город Пермь с уездным Екатеринбургом, была построена в 1877 году. В следующем году по проекту архитектора П.П. Шрейбера сооружается железнодорожный вокзал станции Екатеринбург-1. В 1914 году строится новое здание вокзала (автор проекта архитектор К.Т. Бабыкин) и перрон, куда с этого времени направляются все пассажирские поезда. Старое здание передается военному ведомству и вплоть до распада Советского Союза оно использовалось как воинский вокзал для транспортировки войск и военной техники.

послал его в наше распоряжение. Я охотно приняла его помощь, и вскоре он вернулся с крестьянином, управляющим повозкой. Оба мужчины сложили багаж в повозку и отвезли меня к гостинице, которую держала казачья семья Атамановых⁴, где можно было снять меблированные комнаты».

Этот эпизод в рассказе Елены Петровны в какой-то мере вступает в противоречие сразу с двумя свидетельствами. Одно из них дал С.Н. Смирнов, в тот период управляющий городом Павловском. Он утверждал, что устройством на квартиры сыновей великого князя Константина Константиновича как в Вятке, так и Екатеринбурге занимался один из служащих Двора великой княгини Елизаветы Маврикиевны полковник Н.Н. Лялин⁵. А вот бывший управляющий екатеринбургским отделением Волжско-Камского банка В.П. Аничков, на которого ссылается большинство исследователей и работой которого активно будем пользоваться и мы, вообще утверждал, что братья Константиновичи и князь Палей были вынуждены на какое-то время остаться на вокзале, «ожидая приискания квартир»⁶.

Итак, если не брать в расчет свидетельство С.Н. Смирнова, не подтвержденное другими источниками, то возникает вопрос, кто же встретил на привокзальной площади Екатеринбурга младшее поколение ссыльных Романовых и отвез их в гостиницу Атамановых?

⁴ Официальное наименование гостиницы — «Гостиница наследников В.Я. Атаманова», однако в народе бытовало название — «Атамановские номера» или «гостиница Атаманова». Она была одной из лучших гостиниц в городе и располагалась на углу Главного проспекта (дом 21) и Успенской улицы (дом 2). В наши дни в этом здании на перекрестке улиц Ленина и Вайнера, дом 4, размещается Главное управление ФСБ РФ по Свердловской области.

⁵ *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 17.

⁶ *Аничков В.П.* Екатеринбург-Владивосток.1917–1922. М.: Русский путь, 1998. С. 92.

С большой долей вероятности можем предположить, что это мог быть секретарь Викентия Альфонсовича Поклевского-Козелла⁷, известного уральского предпринимателя, банкира, которого просили о содействии в поисках жилья для великого князя Сергея Михайловича, но, столкнувшись с рядом препятствий в решении этой задачи, он вполне мог позаботиться и о других августейших ссыльных, предложив самый простой в этой ситуации вариант — гостиницу.

Ее выбор не был случайным. Во-первых, В.А. Поклевский-Козелл с 1889 года был знаком с В.Я. Атамановым, бывшим председателем Екатеринбургского отделения совета Сибирского торгового банка, членом совета которого был и сам Викентий Альфонсович, а во-вторых, он, конечно, знал, что меблированные «Атамановские номера» в тот момент были одной из лучших гостиниц в городе.

Вот как он описывает события, произошедшее накануне и в день приезда августейших ссыльных из Вятки В.П. Аничков: «...В начале Страстной недели в Народном банке... я встретил В.А. Поклевского-Козелла. Он поведал мне, что приходит в отчаяние от поисков квартиры для великого князя Сергея Михайловича. От своего доверителя Поклевский-Козелл получил телеграфный приказ подыскать комнату и устроить двоюродного брата⁸ Императора. На просьбу великого князя поместить его в Талице⁹, семейном гнезде Поклевских-Козеллов,

⁷ Поклевский-Козелл Викентий Альфонсович (1853, Томск — 19 августа 1929, Варшава), известный уральский предприниматель, банкир, с 1907 по 1912 год был членом Государственного Совета Российской Империи, в начале XX века он владел домами в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. В.А. Поклевский-Козелл как почетный член Совета детских приютов Санкт-Петербурга мог быть представлен его августейшей попечительнице (с 1906 года) великой княгине Елизавете Маврикиевне.

⁸ Великий князь Сергей Михайлович приходился императору Николаю II двоюродным дядей, так как его отец, великий князь Михаил Николаевич, был родным братом Александра II.

⁹ Заводской поселок, ныне г. Талица Камышловского уезда Пермской губернии, расположенный в 190 км от Екатеринбурга. Поклевскому-Козеллу принадлежало 56 домов в 19 имениях на Урале (в Перми,

из-за запрета Талицкого совдепа ему пришлось ответить отказом. Никто из граждан Екатеринбурга из опасения репрессий со стороны совдепа комнату великому князю не сдавал¹⁰... Под впечатлением от рассказа Поклевского-Козелла я сказал, что, если ему не удастся найти помещения, могу временно приютить гостя у себя в хозяйских комнатах, так как хозяйева на праздники, скорее всего, не приедут»¹¹.

И тут мы задаемся вопросом, если о прибытии ссыльных членов Дома Романовых в Екатеринбург В.А. Поклевский-Козелл знал заранее, получив по телеграфу от своего доверителя

Тюмени, Томске, Омске, Шадринске, Невьянске, Тобольске, Туринске, Ирбите, Кунгуре), но самой роскошной резиденцией была Талица. В конце XIX века в этом небольшом населенном пункте, ставшем впоследствии одним из губернских городков, начали строиться новые цеха заводов, дома для рабочих, клуб, школа, а также новая резиденция владельцев заводов Поклевских. Все эти строения сохранились до наших дней. Но самым грандиозным сооружением стала резиденция Поклевских. Легенды об этом доме начали рождаться еще при его первых владельцах. Молва разносила сведения о 80 комнатах, о роскошной мебели, о великолепном оружии, развешанном на стенах и несметных сокровищах, хранившихся в подвалах. Кто теперь знает, что было из этого правдой? Достоверно известно только то, что в домах Поклевских-Козелл постоянно жили родственники, знакомые, здесь останавливались передохнуть путешественники, принимали и возвращавшихся из ссылки, часто безденежных соотечественников.

¹⁰ В.А. Поклевский-Козелл не мог поселить великого князя в своем доме в Екатеринбурге, потому что в конце 1917 года принадлежавший ему трехэтажный особняк в центре города, на Покровском проспекте (ныне ул. Малышева, 46), где сегодня размещается один из филиалов Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е. Клера, был реквизирован, и в нем с 1917 года находился городской Совет рабочих и крестьянских депутатов, а также несколько комиссариатов Уральского областного правительства (УралОблСовета).

¹¹ В этот период В.П. Аничков снимал квартиру на Фетисовской улице, в доме № 15, принадлежавшем купцу Михаилу Филипповичу Захарову, владельцу писчебумажной фабрики в Красноуфимском уезде неподалеку от Михайловского завода. Дом Захарова в Екатеринбурге не сохранился. Сейчас на этом месте, теперь уже на улице Ельцина, дом 1, находится «Белый дом» — здание Правительства Свердловской области, ранее — обком партии.

не только известие об этом событии, но и «приказ» подыскать в Екатеринбурге квартиру для великого князя Сергея Михайловича, то кто же мог быть этим доверителем?

По нашему мнению, здесь возможны две версии. По одной из них это мог быть Сергей Андреевич Марков, секретарь и управляющий делами великого князя Сергея Михайловича, в прошлом полковник лейб-гвардии Уланского Ее императорского величества Марии Федоровны полка. Он был довольно близким к Сергею Михайловичу человеком, достаточно упомянуть о том, что он был одним из восприемников от купели сына Матильды Кшесинской¹². Из материалов следственного дела известно, что великий князь, находясь в ссылке, поддерживал связь с С.А. Марковым.

По другой версии этим доверителем мог быть и сам великий князь Сергей Михайлович. К сожалению, мы не можем ответить на вопрос, откуда В.А. Поклевский-Козелл мог знать великого князя настолько, чтобы первый обратился к нему этой просьбой. Можно только предположить, что Сергей Михайлович знал семью В.А. Поклевского-Козелла еще до описываемых событий или слышал о нем от кого-то из своего близкого окружения. Возможно, дело тут в С.А. Поклевском-Козелле (старшем брате Викентия Альфонсовича), камергере Высочайшего Двора, видном дипломате, которого одно время прочили на место товарища министра иностранных дел. Возможно и в том, что Викентий Альфонсович, как и его отец Альфонс Фомич, были владельцами многих промышленных, в том числе, чугунно-плавильных и железоделательных заводов, а великий князь с 1904 года был сначала инспектором, а затем генерал-инспектором артиллерии и начальником Главного артиллерийского управления¹³ и живо интересовался производственными вопросами. Кроме того, В.А. Поклевский-Козелл с 1907 по 1912 года был членом Государственного

¹² *Кшесинская М.* Воспоминания. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 125.

¹³ *Федорченко В.И.* Свита российских императоров. В 2 кн. Кн. 2. М.: АСТ, 2005. С. 282.

Совета и мог быть представлен великому князю. Не стоит сбрасывать со счетов и семью его жены, Марии Михайловны Поклевской-Козелл, до замужества Гатовской. Ее отец, военный инженер, генерал-лейтенант Михаил Семенович Гатовский начинал свою карьеру в Кавказском военном округе, где с 1862 года наместником был отец великого князя, Михаил Николаевич. Полагаем, что возможные контакты семьи Поклевских-Козелл с семьей великого князя Сергея Михайловича могут стать темой отдельного исследования.

Первые часы в Екатеринбурге Константиновичей и князя Палея

Проехать от вокзала Екатеринбург-1 в центр города к этой гостинице можно было тогда, да и сегодня тоже, только двумя путями. Первый пролегал по Арсеньевскому проспекту (сейчас улица Свердлова), затем по Вознесенскому (улица Карла Либкнехта) и Главному (ныне проспект Ленина) проспектам. Этот путь составлял 6,5 км. Второй путь был немного короче (5,5 км) и выходил на Главный проспект через западную окраину города — улицу Северную (сейчас улица Челюскинцев).

Из воспоминаний княгини Елены Петровны следует, что молодые князья не захотели брать извозчиков, а решили, с разрешения начальника охраны, пойти пешком до гостиницы и зайти по дороге в храм. Не будем забывать, что это была Страстная неделя, когда в церкви принято бывать ежедневно. Не стоит исключать и желание князей посмотреть город, в котором они оказались впервые, пусть и не по своему желанию.

Мы уверены, что шли они первым маршрутом, на котором находилось три собора и три церкви на Арсеньевском, Вознесенском и Главном проспектах. А вот на втором, более коротком пути, в то время не было ни одной церкви.

Что касается княгини Елены Петровны, то ей не было смысла ехать с багажом по длинной дороге. Устав в пути (поезд от Вятки до Екатеринбурга шел три дня, делая многочисленные остановки), она в сопровождении секретаря

В.А. Поклевского-Козелла сразу поехала в гостиницу и, вероятно, по более короткому маршруту (пролегавшему по западной окраине города). В пользу этого маршрута говорит и тот факт, что до приезда в гостиницу Атамановых Елена Петровна не знала, что семья императора Николая II содержится именно в доме Ипатьева, мимо которого пролегает только первый путь. В противном случае, проезжая мимо, она обязательно обратила бы внимание на необычно высокий двойной забор, закрывавший место содержания императорской семьи. Тем более, что в своих заметках княгиня Елена Петровна подчеркнула, что «во время нашей краткой поездки симпатичный секретарь сообщил потрясшую меня новость: “Знаете ли вы, что позавчера¹⁴ из Тобольска приехал царь с царицей и одной великой княжной? Они помещены в частный дом под усиленной охраной. Будучи больны, наследник и три его сестры остались в Тобольске до выздоровления”».

Далее из воспоминаний княгини следует, что только по приезде в гостиницу она попыталась выяснить точное местонахождение в городе императорской семьи у Надежды Дмитриевны, хозяйки Атамановских номеров (вдовы В.Я. Атаманова — бывшего владельца гостиницы):

«...Хозяйка гостиницы, которая с самого начала выказывала нам крайнюю симпатию, казалась мне человеком надежным и преданным. Ее-то я и начала осторожно расспрашивать...

— Знаете ли Вы дом, где содержится царская семья? Вы можете мне его показать? Я хотела бы получить от него известия.

¹⁴ Так как достоверно известно, что император Николай II, императрица Александра Федоровна и великая княжна Мария Николаевна были привезены в Екатеринбург 17 (30) апреля 1918 года, то получается, что Елена Петровна и ее спутники приехали в город 19 апреля (2 мая) 1918 года, то есть накануне Страстной пятницы. В то же время княгиня О.В. Палей писала о том, что «В Страстную пятницу (то есть 3 мая (20 апреля) — прим. авторов-составителей) они прибыли на новое место» // Палей О.В. Воспоминания. С приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира (пер. с франц. Е. Кассировой). М.: «Захаров», 2017. С. 104. Эту же дату, то есть 20 апреля по старому стилю, подтверждает и С.Н. Смирнов // Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 28.

— Но это невозможно! — воскликнула она. — Вас расстреляют до этого...».

Несмотря на это предупреждение, княгиня не оставила попыток каким-либо образом связаться с узниками Дома особого назначения. Но эти события произойдут несколько позднее, а сейчас вернемся к первым часам пребывания членов Дома Романовых в Екатеринбурге, описанным в воспоминаниях Елены Петровны: «Разместившись, я оставила багаж в гостинице и сразу же пошла в храм... В конце службы я присоединилась к мужу и его спутникам и отвела их в гостиницу».

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают нам возможность сказать, в каком именно городском храме присутствовали на службе ссыльные князя и Елена Петровна в день своего приезда из Вятки в Екатеринбург. В мемуарах она не упоминает название этого храма. Возможно, оно просто не сохранилось в ее памяти.

По нашему предположению, условиться с князьями о встрече в нем она могла заранее, еще на вокзале, в том момент, когда они выясняли возможность пешей прогулки и посещения церкви у начальника отряда охраны, который, зная город, вероятно, и направил их в конкретный храм поближе к гостинице. В ином случае княгиня Елена Петровна просто не знала бы, куда ей идти, и не смогла (или не успела бы) присоединиться к мужу и его братьям до окончания литургии. Следовательно, храм этот находился в шаговой доступности от гостиницы Атаманова. Таких было два: Богоявленский кафедральный собор на Кафедральной площади¹⁵ (главной площади города), расположенный в 200 метрах от гостиницы, и собор Святой Екатерины в 800 м от нее, на углу улиц Успенской и Главного проспекта. И по нашему мнению, этим храмом, скорее всего, оказался именно Богоявленский кафедральный собор.

¹⁵ Заложен в 1771 году, автор проекта неизвестен, есть предположение, что это был кто-то из учеников Доменико Трезини; до наших дней не сохранился: взорван 30 июня 1930 года.

По окончании службы в соборе августейшие ссыльные проследовали в гостиницу Атаманова и расселились в двух номерах на втором этаже. Один номер занял князь Иоанн Константинович с супругой, а второй молодые князья, о чем свидетельствует в своих воспоминаниях Е.В. Семчевская¹⁶, жена капитана К.В. Семчевского, слушателя академии Генерального штаба, приехавшая в город вместе с мужем весной 1918 года.

На квартире Аничкова

Если молодежь Дома Романовых была поселена в гостинице Атамановых, то великого князя Сергея Михайловича, как мы знаем, ждали комнаты в квартире, занимаемой В.П. Аничковым.

Вот как он описывает свою первую встречу с великим князем: «...в пятницу 20 апреля (3 мая по новому стилю — прим. авторов-составителей), часов в десять утра в мою квартиру приехал Поклевский, сопровождая великого князя и его слугу Ремеза... Передо мной стоял Сергей Михайлович во весь свой огромный рост, еще более увеличиваемый серой папахой. Одет он был в серую поддёвку солдатского сукна. Его худое, скуластое, бритое, с желтоватым оттенком кожи и выцветшими серыми глазами лицо имело мало сходства с фамильным типом Романовых.

— Вы Владимир Петрович Аничков?

— Да, я.

— Я к вам с покорнейшей просьбой приютить меня у себя... Я выслан из Вологды¹⁷ и в силу имеющегося у меня разрешения жить в Вятской и Пермской губерниях вынужден был остановить свой выбор на Екатеринбурге. В Перми проживает

¹⁶ Семчевская Е.В. Воспоминания о последних днях великих князей в г. Екатеринбурге // Двуглавый орел. 1921. Вып. 10. 15 (28) июня. Берлин: Издательство «Двуглавый орел». С. 29.

¹⁷ Здесь В.П. Аничков ошибается — великий князь Сергей Михайлович вместе с остальными князьями был выслан не из Вологды, а из Вятки.

Михаил Александрович, и мы из опасения каких-либо осложнений по отношению к нему решили там не останавливаться.

Я ответил, что сочту за счастье оказать ему приют, но, опасаясь возможных репрессий со стороны совдепа, прошу доставить разрешение квартирной комиссии на занятие комнат. Прибавив, что сдать комнаты не могу, поскольку я не владелец, я уведомил гостя в том, что недели через две приедут хозяева, с которыми ему и предстоит вести дальнейшие переговоры...

Великому князю комнаты понравились, и он отправился в совдеп, а часа через полтора уже приехал с вещами к нам»¹⁸.

Далее В.П. Аничков, ссылаясь на слова Сергея Михайловича, пересказывает детали визита великого князя к председателю совдепа А.Г. Белобородову, который якобы не знал о прибытии ссыльных представителей Дома Романовых, хотя, как мы уже упоминали выше, из Вятки была передана соответствующая телеграмма. Как бы там ни было, но разрешение на размещение у В.П. Аничкова великому князю Сергею Михайловичу было дано¹⁹.

В.П. Аничков дал описание и Федору Михайловичу Ремезу, сопровождавшего его в ссылку. Он был «небольшого роста и плотно сложен, был очень экономен и хозяйствен, и, сопоставляя его фигуру и практические качества с великим князем, поневоле приходило в голову: Дон Кихот и Санчо Панса...»²⁰. Как мы увидим позже, Ф.М. Ремез помогал в хозяйственных делах не только великому князю, но и молодым Константиновичам, налаживая необходимые для них контакты.

Попытки увидеть царскую семью

Узнав, что царская семья в Екатеринбурге, княгиня Елена Петровна подробно пишет о том, как наводила справки

¹⁸ Аничков В.П. Ук. соч. С. 92.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

о том, есть ли возможность ее посещения. Получив какую-то информацию у хозяйки Атамановских номеров, она сообщает ее своему мужу и родственникам, а затем идет к почетному лейб-медику Владимиру Николаевичу Деревенко. Он оказался одним из немногих, кто сопровождал императорскую семью в Tobольск и не только не подвергся аресту, но и имел возможность заниматься частной практикой. Причины Елена Петровна подробно описывает в мемуарах. Кроме того, он имел регулярно посещал больного цесаревича в Ипатьевском доме. Конечно, княгиня Елена Петровна пожелала с ним поговорить. Далее она приводит свой диалог с В.Н. Деревенко:

— Вы могли бы сказать царю, что мы здесь?

— Невозможно. Комиссар не оставляет меня ни на минуту, даже когда я осматриваю великих княжон.

— Я пойду к нему и попрошу разрешение увидеть царя в его присутствии с условием говорить только по-русски.

— Не делайте этого! Вы не только не получите разрешение, но Вы подвергнете опасности Вашу жизнь и жизнь Ваших спутников. Большевикам везде мерещатся заговоры с целью освободить царя...».

Вообще с эпизодом посещения Еленой Петровной Ипатьевского дома до сих пор не все ясно. Что княгиня там была и сумела поговорить только с комендантом, не сомневается никто. Но вот как ответить на вопрос, когда это произошло?

С.Н. Смирнов пишет, что в день приезда в Екатеринбург «Елена Петровна тотчас же отправилась в дом, занятый Государем... Во второй свой приезд, то есть едучи из Алапаевска в Петроград, Елена Петровна... часто ходила к доктору Деревенко, лечившему наследника...»²¹. В воспоминаниях же самой княгини Елены Петровны мы читаем, что к Деревенко она пошла вскоре после прибытия в Екатеринбург из Вятки, а вот попытку навестить царскую семью сделала по возвращении из Алапаевска.

²¹ Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 28.

Сейчас сложно сказать, когда именно состоялся визит Елены Петровны в дом Ипатьева, для этого недостаточно источников, хотя мы склоняемся к мнению, что это было во второй приезд княгини в Екатеринбург. Зная, что члены ее семьи находятся под наблюдением, она не стала бы рисковать мужем и его родственниками. Да и встречи с доктором Деревенко не могли состояться раньше, чем 23 (10) мая 1918 года, когда врач наследника прибыл с царскими детьми из Тобольска.

Попытки увидеть царскую семью предпринимала не одна Елена Петровна. Княгиня Ольга Палей вспоминала, что ее сын Владимир в одном из писем, посланном из Екатеринбурга, сообщил ей, что «ходит каждый день вокруг Ипатьевского дома... Дом обнесли толстым забором от чужих, вернее — своих государя людей. Окна второго этажа заклеены газетами, чтобы пленники не выглянули...»²².

Последняя Пасха

Из свидетельств очевидцев известно, что августейшие ссыльные прибыли в Екатеринбург накануне празднования Пасхи. Князь Владимир Палей написал матери, что им разрешили присутствовать на Пасхальной службе в кафедральном соборе. Князя «в полном составе, с зажженными красными свечками в руках, внимали псалмам, песням надежд. И когда восклицали они: “Христос воскрес! Воистину воскрес!” — то и впрямь, воскресали они к надежде и жизни»²³.

В.П. Аничков свидетельствовал, что по его совету великий князь Сергей Михайлович решил провести Пасхальную заутреню в храме Реального училища²⁴, прихожанами которого

²² Палей О.В. Ук. соч. С. 105.

²³ Там же.

²⁴ Алексеевское реальное училище было открыто в Екатеринбурге в 1873 году во время визита великого князя Алексея Александровича. В 1901 году была построена, а 28 августа того же года освящена домовая церковь училища (Александро-Невская церковь). В настоящее

была семья Владимира Петровича. Он оставил подробное описание этого дня: «В церкви Сергей Михайлович стоял по правой стороне среди учеников. В городе быстро разнеслась весть о приезде великого князя. И, уже зная, что Сергей Михайлович останется у меня, многочисленные знакомые обращались ко мне с разными вопросами и просьбой показать им князя. Большой рост, серенький скромный пиджак, так плохо гармонирующий с окружающей сюртучной публикой, выдавали великого князя. Все обращали свои взоры в его сторону. Мне казалось, что это было не праздное любопытство, а взгляд измученных революций людей, полных верой и надеждой вернуться к прошлому и вновь увидеть Россию сильной и могучей державой под скипетром Романовых, власть которых могла быть ограничена конституцией. Так мечтала тогда большая часть буржуазии и интеллигенции. За утренней мне сообщили, что царской семье будто бы разрешено встретить праздник в церкви Вознесения. Когда великий князь пришел к нам разговляться, я предложил ему проехать со мной в Вознесенский собор, дабы повидать государя, но Сергей Михайлович нашел это предложение опасным и отклонил его. Впоследствии оказалось, что царская семья не была допущена в церковь, заутреню служили на дому, на разговение был дан всего один небольшой кулич, пасха и по одному яичку... За столом мы засиделись. Сергей Михайлович был очень мил и весел, много шутил, разбивал яйца о свой лоб. Выяснилось, что он ничего не пьет...»²⁵.

Материальные проблемы

Все августейшие ссыльные испытывали материальные затруднения. Расходы по их пребыванию в ссылке они должны были нести сами. В.П. Аничков подробно рассказал, как

время в этом здании размещается Свердловский мужской хоровой колледж (проспект Ленина, дом 13).

²⁵ Аничков В.П. Ук. соч. С. 95.

делались попытки решить эту проблему, распадавшуюся на две части — наличные деньги и дешевое жилье.

В.П. Аничков пишет, что «предложил великому князю сделать небольшой заем, и, получив согласие, уговорил Жирякова²⁶ дать 5 000 рублей Сергею Михайловичу, а З.Х. Агафурова²⁷ князю Палею. Сергей Михайлович говорил мне, что все его состояние заключалось в 500 000 рублей, помещенных в «Заем свободы», и, что сумма эта записана в долговую книгу Государственного банка. На руках у него ничего не имелось»²⁸.

В какой-то мере рассказ В.П. Аничкова подтверждается журналистом А.Я. Гутманом²⁹ (псевдоним А. Ган). В 1920-е годы он жил в Шанхае, где встречался с известным екатеринбургским купцом К.Х. Агафуровым³⁰ и взял у него интервью о трагических событиях лета 1918 года³¹.

²⁶ Вероятно, это был один из трех сыновей — наследников Екатеринбургского купца I гильдии Василия Саввича Жирякова (1836–1911), владельцев торгового дома «В.С. Жиряков», существовавшего до 1919 года (мукомольное производство, льнопрядильная фабрика в с. Черноусово Екатеринбургского уезда и др.). Дом Жиряковых находился напротив гостиницы Атамановых по Главному проспекту (сейчас это улица Ленина, дом 25).

²⁷ Зайнетдин Хисаметдинович Агафуров (1861–1824), один трех братьев Агафуровых, главный распорядитель торгового дома «Братья Агафуровы». (Камалетдин, Зайнетдин и Кашафетдин Агафуровы — екатеринбургские купцы, владельцы Торгового Дома «Братья Агафуровы», широко известного в конце XIX, начале XX века в Уральско-Сибирском регионе, благотворители, общественные деятели.

²⁸ *Аничков В.П.* Ук. соч. С. 97.

²⁹ «А. Ган» — литературный псевдоним издателя, редактора и журналиста Анатолия Яковлевича Гутмана (1889–1950).

³⁰ Кашафетдин Хисаметдинович Агафуров (1871, Екатеринбург — 1935, Харбин), член-распорядитель торгового дома «Братья Агафуровы», Екатеринбург.

³¹ *Ган А.* Екатеринбургская трагедия / Из неопубликованных материалов об убийстве членов дома Романовых. [Электронный ресурс] Возрождение (Париж). 1931. 03 ноября. Url: <https://sergey-v-fomin.livejournal.com/293490.html> (дата обращения 21 августа 2020).

А. Ган пишет, что «...примерно в двадцатых числах мая пленники очутились без денег. При отъезде из Петербурга все они имели при себе около ста тысяч рублей керенками и сторублевыми знаками. Но постоянные обыски и большие траты скоро опустошили их карманы. Вел<икий> князь Сергей Михайлович, который вел кассу, был весьма озабочен создавшимся положением. Хотя узники и вели переписку со знакомыми и родными, но неоткуда денег не получали. Не видя иного исхода, Сергей Михайлович обратился к управляющему Волжско-Камского банка в Екатеринбурге В.П. Аничкову с просьбой ссудить ему некоторую сумму. Выслушав просьбу великого князя, который, между прочим, ссылался на то, что он состоял клиентом Волжско-Камского банка и имел там крупный вклад, А<ничков> сказал, что он охотно исполнил бы просьбу, но банк национализирован большевиками и касса находится под контролем советского комиссара. Аничков отправился с вел<иким> князем к известным на Урале купцам братьям Агафуровым. Сопровождал вел. князя его любимец, князь Палей. Втроем они пришли в дом Агафуровых. Принял их глава фирмы — Кашаф Агафуров. Выслушав гостей, он охотно изъяв желание ссудить Сергея Михайловича любой суммой. Великий князь, однако, просил дать только 5 000 руб. На замечание Агафурова, что такая сравнительно ничтожная сумма узников не устроит, тем более что рубль тогда стремительно падал, — вел<икий> князь ответил, что более крупную сумму он опасается брать. — Куда же ее девать при постоянных обысках? Найдут чекисты, отберут, да и еще, чего доброго, и накажут. Решили остановиться на пяти тысячах рублей. Агафуров дал эту сумму в мелких купюрах. Вел. князь и князь Палей разложили деньги частью по карманам, частью рассовали в голенища сапог. Получив деньги, вел<икий> князь принялся писать расписку, потребовал бумаги и чернил. Агафуров смутился и отказался взять расписку, но вел<икий> князь настаивал.

— Если мы умрем, — сказал он, — у Вас, по крайней мере, будет документ. Тогда с общего согласия, решено было, что

расписку подпишет князь В. Палей. Вот текст этой расписки (цитирую по подлиннику, который Кашаф Агафуров показал автору этих строк в Екатеринбурге в октябре в 1918 года). «Я, нижеподписавшийся князь В. Палей выдаю настоящую расписку Торговому Дому Братьев Агафуровых в том, что взял от них заимообразно пять тысяч рублей, которую обязуюсь уплатить по первому требованию. Подпись: князь В.П. Екатеринбург, 21 мая».

Приносим извинения за столь длинную цитату, но здесь, по нашему мнению, есть несколько интересных моментов. Во-первых, и это подтверждается материалами следственного дела, к моменту прибытия в Алапаевск ни у кого из князей крупных сумм уже не было³². Во-вторых, получить деньги взаймы можно было только у частных лиц, что без личного знакомства и рекомендаций сделать было затруднительно. А в-третьих, нас смущает дата события, которое не могло произойти 21 мая, несмотря на уверения А. Гана, что он видел расписку собственными глазами: за два дня до этого августейшие ссыльные были высланы в Алапаевск. Найти объяснение этому факту пока не удалось.

Спустя почти год после публикации А. Гана, В.П. Аничков прислал в газету «Возрождение» свои комментарии, принципиально ничего не меняющие, но добавляющие несколько штрихов к общей картине: «...Вопрос о деньгах возник по моему почину, я заключил, что сосланные князья денег при себе... [имеют] очень мало и в них очень нуждались... Вот почему я сам предложил помочь этому горю и сам предложил великому князю заем в 5 000 рублей у местного купца Жирякова... и вторые 5 000 рублей, у Агафурова... На мою просьбу к этим лицам об одолжении денег, они, после некоторого

³² Во время следственных действий в момент эксгумации тел были найдены расписки о передаче «на хранение» начальнику охраны П.К Старцеву 1 000 рублей от Ф. Ремеза (17 июня 1918), 3 470 рублей от князя Палея (20 июня), а князь Иоанн Константинович передал свои средства комиссару юстиции Е. Соловьеву (20 июня) в сумме 4 480 рублей и так далее // Гибель членов Дома Романовых на Урале. С. 76, 78, 86.

размышлений дали согласие, но поставили условием, чтобы я представил их великому князю для личной передачи требуемой суммы. Жиряков в этот же день пришел ко мне, и я представил его великому князю в его комнате, после чего заем был заключен. С займом у Агафуровых было несколько сложнее, ибо он делался для князя Палея, который жил в номерах Атаманова. Для этого свидания пришлось мне устроить обед, на котором присутствовал князь Палей... и Садрей Камалетдинович Агафуров»³³.

Еще одним свидетельством знакомства великого князя Сергея Михайловича с купцами Агафуровыми может служить визитная карточка Садритдина Камалетдинова Агафурова, найденная при эксгумации тела Ф.М. Ремеза³⁴.

Несмотря на то, что В.П. Аничков не приводит даты этого события, мы с большой долей вероятности можем утверждать, что он произошел не ранее 14 мая 1918 года, так как «в этот вечер пришла телеграмма, подписанная, кажется, Свердловым. В телеграмме Сергею Михайловичу отказывалось в его просьбе, адресованной Ленину, об оставлении великих князей в Екатеринбурге»³⁵.

Поиски жилья

Финансовые проблемы испытывали и молодые Константиновичи. Трудно сказать, хотели ли они занять денег, однако достоверно известно, что спустя несколько дней после приезда, они стали искать себе жилье подешевле, чтобы съехать из гостиницы. С этой целью молодые Константиновичи стали

³³ Садретдин Камалетдинович Агафуров (сын Камалетдина Хисамутдиновича), один из совладельцев торгового дома «Братьев Агафуровых»). Его визитная карточка была обнаружена в бумажнике, во внутреннем кармане пиджака князя Владимира Павловича Палея после извлечения его тела из шахты 9 октября 1918 года.

³⁴ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 78.

³⁵ Аничков В.П. Ук. соч. С. 107.

опрашивать своих новых знакомых, которыми успели обзавестись за несколько дней пребывания в Екатеринбурге.

Из протокола допроса П.А. Леонова, произведенного следователем Н.А. Соколовым 29 апреля 1919 года, мы узнаем, что свидетель был сыном одного из управляющих имуществом заводчиков братьев Злоказовых, а сам служил у их племянника Б.Л. Бекетова, арестованного большевиками в марте 1918 года. П.А. Леонов через Владимира Карловича Адамковича-Мауса³⁶ познакомился с князем Игорем Константиновичем. Всех этих людей роднила любовь к рысистым лошадям, они и сами участвовали в бегах, и выставляли своих лошадей. Следует отметить, что князь Игорь Константинович состоял в Императорском обществе поощрения рысистого конезаводства, сам выращивал в Осташево и выставлял на бега своих лошадей. Участие в бегах было неотъемлемой частью производственного процесса: от этого зависела стоимость лошади и ее потомства.

По-видимому, именно на бегах и состоялось знакомство князя Игоря Константиновича с В.К. Адамковичем-Маусом.

Вот как П.А. Леонов описывает их встречу: «Когда я пришел к... [Маусу] в номер, там были екатеринбургский купец Корольков и еще какой-то господин. Мы все пошли к нему в Атамановскую гостиницу... Когда мы пришли к нему, тут объяснили мне, что господин этот — управляющий или секретарь великого князя Сергея Михайловича... Скоро в его номер вошел Игорь Константинович. Ему меня рекомендовали, как человека, имеющего значение в буржуазных кругах. Игорь Константинович и обратился ко мне с просьбой найти ему и другим великим князьям комнаты. Он говорил при этом, что жить в гостинице им дорого»³⁷.

³⁶ Адам(к)ович-Маус Владимир Карлович. Из протокола допроса П.А. Леонова следователем Н.А. Соколовым известно, что он «называл себя ротмистром в отставке какого-то гвардейского кавалерийского полка». В 1918 году он был агентом контрразведки при штабе Сибирской армии, а в 1919 — агентом контрразведки при штабе генерала С.Н. Розанова, командующего войсками Иркутского военного округа.

³⁷ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 336.

Мы предполагаем, что еще один из участников этой встречи — Борис Михайлович Корольков, екатеринбургский предприниматель, совладелец³⁸ торгового дома «Братья Корольковы». Его визитная карточка была также обнаружена в кармане пиджака Ф.С. Ремеза при эксгумации³⁹.

Далее П.А. Леонов свидетельствует, что нашел комнаты у [купца] Бекетова и художника Ульянова⁴⁰ и «на Пасхальной неделе вместе с Игорем Константиновичем я ходил к жилищному комиссару Жилинскому⁴¹ за разрешением, чтобы получить право на эти комнаты. Игорь Константинович сам в комнату, где находился Жилинский не входил, а стоял за дверью. Я же говорил с Жилинским от имени князя. Жилинский проявил злобу и грубость в отношении князя. Он не дал разрешение на комнаты: “Пусть живут по гостиницам! У них денег много! Они всю Россию обворовали!”. Накричал Жилинский и на меня»⁴².

Этот случай произвел тягостное впечатление как на П.А. Леонова, так и Игоря Константиновича. Несмотря на неудачу с поисками жилья, их знакомство продолжилось. П.А. Леонов несколько раз бывал у князя в номере и предлагал ему свой паспорт, чтобы он мог скрыться. В ответ князь Игорь Константинович «говорил, что не сделал ничего худого перед родиной и не считает возможным поэтому

³⁸ Корольков Николай Михайлович, один из трех братьев — наследников основателя династии, купца 2 гильдии Михаила Глебовича Королькова (1852–1921).

³⁹ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 88.

⁴⁰ Ульянов Всеволод Федорович (1880, Оренбург — 1940, Лос-Анджелес, США). Живописец, график, монументалист, педагог. Закончил Центральное училище технического рисования в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица). Преподавал рисунок и черчение в Екатеринбургской художественно-промышленной школе.

⁴¹ Жилинский Александр Николаевич (1884–1937) — член Екатеринбургского комитета РСДРП, в 1918 году — областной жилищный комиссар. Давал разрешение на проживание и прописку в черте города Екатеринбурга.

⁴² Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 336.

прибегать к подобным мерам. Он высказывал при этом: “Я чувствую, что нам здесь жить не позволят. В Вятке к нам тоже хорошо относилось население. Нас оттуда перевели сюда. Отсюда нас тоже переведут”»⁴³.

После эпизода с поиском жилья, описываемом П.А. Леоновым, можно предположить, что князь Игорь Константинович смирился с невозможностью найти другое, более дешевое жилье, и остался в гостинице, но Константин Константинович и Владимир Палей все же обратились с просьбой о помощи к В.П. Аничкову. Владимир Петрович сделал попытку поселить молодых людей в одной из комнат той квартиры, где проживал великий князь Сергей Михайлович, однако тот «категорически запротестовал: “Нет уж, будет с меня Вологды. Я там прекрасно устроился, чувствовал себя так же хорошо, как и у вас. А меня выслали за компанию с Константиновичами, ибо из-за их поклонения архиереям и монашкам, создано паломничество в монастырь, где Иоанн Константинович руководил хором. И путешествие наше сюда в вагоне я никогда не забуду. Они вечно ссорятся, мирятся, и снова ссорятся, поют, кричат... Нет уж, прошу вас избавить меня от совместного с ними жительства”»⁴⁴.

Таким образом, задача В.П. Аничкова усложнилась. Он начал поиски жилья для князей Константина Константиновича и Владимира Палея. Наконец, комната нашлась у купцов Агафуровых, но возникло неожиданное препятствие: «Сергей Михайлович где-то навел справки об этой семье и запротестовал, объяснив протест тем, что Агафуровы очень богаты и не считают денег. Их сын, сверстник великих князей, пьет, много тратит, ведет крупную игру, а зная легкомыслие и увлечение, свойственные молодежи, Сергей Михайлович боится, что князья могут проиграться и... попадут в какой-нибудь скандал. В этом вмешательстве проглядывала фамильная заботливость и щепетильность...»⁴⁵.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Аничков В.П. Ук. соч. С. 98.

⁴⁵ Там же.

Поиски были продолжены. Наконец, ему удалось найти комнату у все того же художника В. Ульянова, жившего в трех километрах от западной окраины Екатеринбурга, в поселке Верх-Исетского завода: «князя пошли туда, их угощали завтраком. Условия подходили. Особенно Палею понравилась студия, где талантливый юноша рассчитывал писать картины, да и Константин Константинович был в восторге от кокетливой хозяйки. Но их мечтания растаяли как дым. На другой день ко мне приехал Ульянов и сказал, что лишен возможности сдать комнату князьям. Его предупредили, что в случае сдачи он будет объявлен контрреволюционером, а дом его разгромят рабочие Верх-Исетского завода...»⁴⁶.

Что касается княгини Елены Петровны и князя Иоанна Константиновича, то В.П. Аничков утверждал, что княгиня успела подыскала себе небольшую квартирку и даже «начала делать кое-какие хозяйственные покупки, которые ее очень забавляли»⁴⁷. Сомнение в достоверности этого факта вызывает не только отсутствие других данных, его подтверждающих, но и позиция жилищного комиссара, и городской квартирной комиссии, о которых все тот же В.П. Аничков писал ранее. Вряд ли Елена Петровна и Иоанн Константинович могли рассчитывать на какие-то послабления в этом вопросе. К тому же Атамановские номера были очень удобны с точки зрения надзора за ссыльными — здание гостиницы вплотную примыкало к зданию Волжско-Камского банка, где и размещался Урал-ОблСовет — большевистское правительство Урала.

Таким образом, никому, за исключением великого князя Сергея Михайловича, не удалось покинуть Атамановские номера и поселиться на частной квартире.

⁴⁶ Там же. С. 99.

⁴⁷ Там же. С. 98.

Прибытие великой княгини Елизаветы Федоровны

11 мая (29 апреля) 1918 года в Екатеринбург из Москвы была доставлена великая княгиня Елизавета Федоровна и помещена в Атамановские номера.

За несколько дней до этого, 7 мая, в день празднования иконы Иверской Божьей матери, Марфо-Мариинскую обитель в Москве посетил Патриарх Тихон и отслужил там молебен. Через полчаса после отъезда Патриарха настоятельница обители великая княгиня Елизавета Федоровна по распоряжению Ф.Э. Держинского была арестована и отправлена в ссылку на Урал, о чем свидетельствует сопроводительное письмо ВЧК от 7 мая 1918 года в Екатеринбургский Совдеп⁴⁸.

На этом документе Уральские власти сделали пометку: «11 мая доставлены в Екатеринбург: 1). Елизавета Федоровна Романова — настоятельница Марфо-Мариинской обители в Москве. 2). Сестра обители — Варвара Алексеевна Яковлева⁴⁹. 3). Екатерина Петровна Яношева⁵⁰. Гостиница Атаманова № 19»⁵¹.

В тот же день председатель Уральского областного Совета Александр Георгиевич Белобородов сообщил телеграммой в ВЧК, что «бывшая великая княгиня Елизавета Федоровна Романова принята нами от вашего представителя Соловьева для водворения на жительство в Екатеринбург»⁵² и одновременно поинтересовался мотивами размещения великой княгини в столице Урала. Из ответной телеграммы на имя

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 46. Л.25.

⁴⁹ Великую княгиню сопровождали Варвара Алексеевна Яковлева (1879, Тверь — 1918, Алапаевск) и Екатерина Петровна Янышева (1870 — ?).

⁵⁰ Так написано в исходном документе.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 46. Л.19.

⁵² Там же. *Хрусталева В.М.* Тайное убийство великих князей в Алапаевске // Россияне. 1993. №№ 10–12. С. 84.

А.Г. Белобородова от 12 мая становится ясно, что сестра императрицы была выслана как принадлежащая к бывшей царской семье, ей не позволено жить в крупных городах, «потому она выслана в Екатеринбург, где должна находиться под строгим надзором»⁵³.

Елена Петровна рассказывает о приезде великой княгини в своих воспоминаниях: «[Елизавета Федоровна] рассказала мне, что по приказу Советов ее отправили в Сибирь и что она только что под конвоем красноармейцев приехала в Екатеринбург, однако по прибытии на место ее оставили на свободе под надзором.

— Я знаю, что моя сестра здесь, — сказала она мне. — И я молю Бога, чтобы чудо спасло их — ее саму и ее близких...».

Приезд Елизаветы Федоровны не остался незамеченным горожанами. Конечно, у многих вызывала недоумение ссылка великой княгини, много лет жившей достаточно замкнуто в Марфо-Мариинской обители и занимавшейся благотворительностью.

В.П. Аничков заподозрил, что причиной высылки великой княгини могли стать политические причины, в частности, визит к ней немецкого посланника Мирбаха, и попросил великого князя Сергея Михайловича узнать об этом, а дня через два получил ответ, что «Елизавета Федоровна не приняла Мирбаха, несмотря на то, что тот дважды добивался свидания с ней...»⁵⁴.

Впоследствии, размышляя о странных поворотах судьбы, В.П. Аничков написал: «В 1914 году Елизавета Федоровна собиралась посетить Алапаевск и старик Рукавишников»⁵⁵,

⁵³ Там же.

⁵⁴ Аничков В.П. Ук. соч. С. 108.

⁵⁵ Рукавишников Константин Васильевич (1848–1915), бывший Московский городской голова, известный российский предприниматель. В 1907 году вместе с М.Н. Граббе и И.Н. Сабиром основал товарищество Алапаевских горных заводов наследников С.С. Яковлева. Правление находилось в Санкт-Петербурге (Васильевский остров, Средний проспект, дом 2). Его председателем был К.В. Рукавишников, а членами правления Е.Ф. Давыдов и В.П. Аничков.

польщенный этим визитом, выписал меня для встречи великих княгинь. Тогда объявленная за несколько часов до их приезда мобилизация расстроила это торжество, а ныне, вместо торжественной встречи их ждало в Алапаевске заключение и ужасная смерть»⁵⁶.

Некоторые подробности пребывания великой княгини Елизаветы Федоровны приводит А. Ган. Он пишет, что «великая княгиня Елизавета Федоровна безвыходно проводила дни в своей комнате в Атамановской гостинице, почти ничего не ела, читала и молилась...»⁵⁷.

К сожалению, какие-либо иные свидетельства и подробности пребывания в Екатеринбурге ссыльной великой княгини Елизаветы Федоровны обнаружить не удалось. Однако, можно предположить, что она все же могла посетить Ново-Тихвинский женский монастырь, расположенный неподалеку (в 30 минутах ходьбы от гостиницы), или ближайшие храмы, включая Богоявленский кафедральный собор.

Небольшая заметка в газете «Уральская жизнь» свидетельствует, что монахини Новотихвинского женского монастыря возбуждали перед УралОблСоветом ходатайство о разрешении Елизавете Федоровне жить в монастыре⁵⁸, но оно было оставлено без последствий.

По свидетельству С.Н. Смирнова, великую княгиню в Екатеринбурге посетил управляющий ее делами А.А. Зуров. Разрешение на поездку он получил у В.Д. Бонч-Бруевича. С.Н. Смирнов писал, что «приехав в Екатеринбург, <Зуров> явился в местный совет, и беспрепятственно провел неделю с Елизаветой Федоровной»⁵⁹.

⁵⁶ *Аничков В.П.* Ук. соч. С. 108.

⁵⁷ *Ган А.* Екатеринбургская трагедия / Из неопубликованных материалов об убийстве членов дома Романовых [Электронный ресурс] Возрождение (Париж). 1931. 03 ноября. Url: <https://sergey-v-fomin.livejournal.com/292876.html> (дата обращения 22 августа 2020).

⁵⁸ *Уральская жизнь.* 1918. 18 (5) мая.

⁵⁹ *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 13.

Новые знакомства и времяпрепровождение

Благодаря воспоминаниям В.П. Аничкова мы кое-что знаем о том, чем были заполнены дни в ссылке великого князя Сергея Михайловича и его младших родственников.

В.П. Аничков, прожив недолгое время рядом с великим князем Сергеем Михайловичем, как он сам писал, «привязался» к нему и оставил для нас очень ценные свидетельства о бытовых привычках и интересах своего высокого гостя: «...Сергей Михайлович любил ходить и покупать на базаре всякую снедь: крупу, творог, яйца...»⁶⁰. Однако, далеко не все было с рынка: предприимчивый Ф.М. Ремез, несомненно, в целях экономии, позаботился о продовольственных карточках для себя и великого князя⁶¹.

Что касается вечернего досуга, то, по словам В.П. Аничкова великий князь «оказался страстным картежником, и по вечерам мы часто играли в преферанс, для чего я приглашал или Поклевского или Тяхта⁶². ...После обеда я обычно приходил в зал, занимаемый Ремезом, и там Сергей Михайлович угощал меня кофеем... Долго мы засиживались за этим приятным напитком в густом дыме его сигары и двух махорочных трубок, которые курили я и Ремез. Эти интересные беседы с каждым днем становились все более дружескими»⁶³. По-видимому, действительно В.П. Аничкову удалось установить доверительные отношения с великим князем, раз обсуждались такие вопросы как отношение к императрице Александре Федоровне и тема Распутина. Затрагивались и политические вопросы⁶⁴.

Примечательно, что В.П. Аничков, как и многие другие, советовал великому князю и его молодым родственникам

⁶⁰ Аничков В.П. Ук. соч. С. 101.

⁶¹ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 76.

⁶² Тяхт Георгий Петрович — управляющий Екатеринбургского отделением Русско-Азиатского банка.

⁶³ Аничков В.П. Ук. соч. С. 102.

⁶⁴ Там же. С. 103–104.

бежать из Екатеринбурга. Отказ Сергея Михайловича автор воспоминаний толковал как отсутствие ощущения угрозы⁶⁵.

Постепенно возобновлялись или расширялись знакомства. В.П. Аничков писал, что немало людей, среди которых были офицеры Академии Генерального штаба, спешили нанести визит великому князю. По-видимому, из осторожности, он принимал далеко не всех, так как «просил передать посетившим офицерам привет и благодарность, прибавив, что он лишен возможности ответить им на визит из боязни их скомпрометировать». Однако он принял лично ему знакомого Илью Ивановича Симанова, бывшего городского голову и 30 лет назад принимавшего великого князя Сергея Михайловича и его отца в Екатеринбурге (в своем доме). Они долго беседовали и «старик был сильно растроган внимательным приемом и плакал, сидя у князя»⁶⁶.

В последнюю неделю перед отправкой в Алапаевск великого князя посетил капитан К.В. Семчевский⁶⁷, слушатель Академии генерального штаба, давний знакомый Сергея Михайловича. Вот как К.В. Семчевский описывает их встречу, длившуюся около двух часов: «Великий князь встретил меня очень приветливо, даже радостно. По-видимому, я оказался первой для него “отдушиной” за последнее время, человеком, с которым он мог говорить откровенно. От него я узнал, что в Екатеринбург привезли тоже великую княгиню Елизавету

⁶⁵ Там же. С. 105.

⁶⁶ Там же. С. 96. Речь идет об Илье Ивановиче Симанове (в некоторых источниках Симонов) (10.09.1850 — ?). Он вошел в историю Екатеринбурга как один из наиболее крупных предпринимателей и общественных деятелей. И.И. Симанов вышел из купеческой среды. 24 января 1984 года И.И. Симанов был избран городским головой Екатеринбурга и занимал эту должность до 1888 года. В годы Гражданской войны И.И. Симанов принимал участие в общественной жизни, баллотировался в гласные городской Думы, но в июле 1919 года был вынужден покинуть Екатеринбург. Сведений о его дальнейшей судьбе не имеется.

⁶⁷ Семчевский Константин Васильевич (1894–1978), капитан, выпускник Пажеского корпуса, с 1912 г. камер-паж высочайшего двора, участник Первой мировой войны; автор воспоминаний.

Федоровну, князей Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей и князя Владимира Палея. Он дал мне название гостиницы, где их поселили и сказал, что они также свободны, как и он сам. На мой удивленный вопрос — каким образом им предоставляют такую относительную свободу, он ответил: «Государь — наш заложник»⁶⁸.

К.В. Семчевский был немного знаком и с князем Иоанном Константиновичем: «Когда я перешел из 7 класса Пажееского корпуса в младший специальный, летом, во время каникул, когда все камер-пажи отсутствовали, я был проездом в Петербурге. Неожиданно меня назначили быть на свадьбе князя Иоанна Константиновича и Елены Петровны Сербской в качестве пажа при его матери, великой княгине Елизавете Маврикиевне»⁶⁹. Однако, насколько нам известно, это знакомство возобновлено не было.

На другой день после посещения великого князя, В.К. Семчевский после занятий в Академии встретился в Атамановских номерах с Игорем Константиновичем и Владимиром Палеем. Капитан Семчевский «затронул вопрос о возможности их побега. Хотя великий князь и говорил мне накануне о недопустимости даже мысли об этом, мне хотелось знать — было ли такое же предупреждение сделано князьям. Не успел я и заикнуться об этом, как оба категорически заявили, что ставить под угрозу жизнь царской семьи было бы с их стороны безумием, но им, как и нам, и в голову не приходило, что большевики предрешили убиение царя и его семьи»⁷⁰.

По-видимому, тема возможности побега ссыльных членов Династии волновала В.К. Семчевского, раз он уделил ей столько места в своих воспоминаниях. Возможно, что и он, как и многие другие русские, спустя годы, задавал себе вопрос, почему они не были спасены.

⁶⁸ Семчевский К.В. С академией Генерального штаба в Екатеринбурге в 1918 году // Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии. 1914–1922. М.: Книжница, 2014. С. 609.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 610.

Гостей принимали и Иоанн Константинович с Еленой Петровной. В частности, их посетил отправленный М. Спалайковичем в Екатеринбург с деньгами для царской семьи майор Воин Максимович. Визит не остался незамеченным сотрудниками ЧК. Один из них, Алексей Кабанов, уже в советское время, сообщил следующее: «Я пошел в ту гостиницу, в которой проживали молодые князья и княгиня: Игорь, Иоанн и Мария. Когда я подошел к двери того номера, где тогда находились эти князья, оттуда были слышны оживленные разговоры на французском языке. Я приоткрыл дверь и увидел, что в номере, кроме князей и княгини, сидел старый седой старик в военной шинели, с генеральскими погонами на плечах. Не успел я к ним обратиться, как меня от двери оттащил здоровый мужчина и сказал: “Их высочества принять Вас не могут. У них генерал, представитель короля Сербии”»⁷¹. Конечно, эта активность молодых людей не могла не насторожить новые власти.

Общались ссыльные и между собой. Сергея Михайловича, по свидетельству В.П. Аничкова, молодые князья посещали, «хотя не очень часто... Бывали все, кроме Иоанна Константиновича. Раза два заходила ненадолго и Елена Петровна. Я имел удовольствие быть ей представленным. Княгиня одевалась более чем скромно: в черной юбке и такой же кофточке, в серенькой вязаной шапочке»⁷². На этих «семейных вечерах» обсуждались разные темы, князь Владимир Палей играл на рояле, читал стихи — как свои, так и других авторов.

Как молодому поэту, выпустившему свою первую книгу стихов, «князю Палею очень хотелось выступить со своими произведениями в местной любительской художественной студии. Я передал это желание артистам любителям и получил ответ, что все они будут очень сотрудничеству с ним. Но пусть он не обижается, если наружный прием будет более чем сухим. Они боятся большевиков. Что же касается его пьес,

⁷¹ Хрусталеv Владимир. Алапаевск: жертвы и палачи. М.: Достоинство, 2010. С. 38.

⁷² Аничков В.П. Ук. соч. С. 100.

они просят их предоставить для предварительной цензуры... Местные гимназистки, увидев молодых князей в соборе, не зная, кто они, почему-то приняли их за наездников из прибывшего цирка. Конечно, мгновенно влюбились, а затем, узнав, кто предмет их обожания, решили устроить вечер и отправили к ним депутаток с приглашением на бал»⁷³.

Однако Сергей Михайлович высказал свое негативное отношение к тому, чтобы молодежь веселилась, пока государь находится в заточении и визит молодых князей на бал не состоялся.

Однако в молодых князьях бурлила жизнь, им было тяжело усидеть на одном месте. По свидетельству А. Гана, незадолго до вынужденного отъезда из Екатеринбурга, князь Палей спросил купцов Агафуровых, нельзя ли найти дачу вблизи города. Они предложили свою роскошную дачу в семи верстах от города. На следующий день Агафуров отвез туда князей на своих лошадях. Они «радовались как малые дети, шалили и не могли налюбоваться окрестностями. — Вот бы хорошо, говорили они, если бы привел Господь отдохнуть от всего пережитого на лоне природы. Великий князь Сергей Михайлович грустно смотрел на детей и не мешал им веселиться. Осмотр дачи продолжался несколько часов. За это время гости успели поесть и выпить чаю. В беседе прошел весь день. На следующий день Агафуров отправился в соведп навести справку, как оформить сдачу дачи. Там уже были осведомлены о поездке в. князей, и Агафурова под конвоем отправили в ЧК...

Чекист, допрашивавший Агафурова, с иронией сказал ему:

— Напрасно они беспокоятся о даче. Мы готовим им другую дачу, где они отдохнут от всех земных забот.

Вернувшись домой, Агафуров от волнения заболел и слег в постель. На следующий день пленникам было объявлено, что их решено выслать из Екатеринбурга в Алапаевск»⁷⁴.

⁷³ Там же. С. 99.

⁷⁴ Ган А. Екатеринбургская трагедия / Из неопубликованных материалов об убийстве членов дома Романовых, [Электронный ресурс]

Если автор воспоминаний точен, то поездка на природу могла состояться 16 мая, в четверг, так как извещение о высылке в Алапаевск ссыльные получили 18 мая 1918 года⁷⁵.

Мы уже писали, что вокруг Игоря Константиновича были люди, увлекавшиеся рысистыми лошадьми и бегами. По-видимому, именно на ипподроме общительный и веселый молодой князь довольно быстро оброс новыми знакомыми. Однако, лошадей любил не только он.

Незадолго до отправки в Алапаевск великий князь Сергей Михайлович побывал на ипподроме. Вышло это почти случайно. Прощаясь с великим князем после встречи, о которой мы писали выше, капитан В.К. Семчевский обронил фразу, что «единственное место в Екатеринбурге, где все почти как при старом режиме — это рысистые бега. Комиссары любят играть на бегах, поэтому рысаков не реквизируют»⁷⁶. Великий князь отреагировал практически мгновенно и захотел их посетить. В.К. Семчевский предложил встретиться на ипподроме в ближайшее воскресенье. Великий князь согласился.

Вот как В.К. Семчевский описывает этот день: «В воскресенье мы с женой приехали на бега заблаговременно, взяли ложи и стали ждать великого князя. Вскоре мы увидели его высокую фигуру в штатском пальто и серой офицерской папаше. За ним по пятам шли два чекиста. Я представил Сергею Михайловичу мою жену. Чекисты, как парные часовые, стали позади нашей ложи... Когда бега кончились Сергей Михайлович тепло распрощался с нами и направился к выходу. Чекисты, как мрачные тени побрели за ним... Моя связь, на глазах у всех, с членами императорской фамилии не имели для меня никаких последствий. Меня никуда не вызывали, никто меня ни о чем не спрашивал. Слабая надежда, что царской семье ничего, кроме заключения, не грозит, начало переходить почти в уверенность... На другой день я пошел в гостиницу

Возрождение (Париж). 1931. 03 ноября. Url: <https://sergey-v-fomin.livejournal.com/292876.html> (дата обращения 22 августа 2020).

⁷⁵ ЦДООСО. Ф 41. Оп. 1. Д. 149. Л. 300.

⁷⁶ Семчевский К.В. Ук. соч. С. 609.

и выяснил, что их всех увезли. Мне дали понять очень решительно, что дальнейшие вопросы неуместны... Все же ничего ужасного я не допускал, считая, что их просто не хотели оставлять в одном городе с царской семьей. Лишь позже, после освобождения белыми Урала, выяснилось, что их зверски умертвили, засыпав их, некоторых еще живыми, в заброшенных шахтах Алапаевска»⁷⁷.

Конечно, было бы интересно узнать, когда это могло произойти. Мы знаем, что в тот год Пасха выпала на 5 мая по новому стилю. Таким образом, августейшие ссыльные застали в Екатеринбурге только три воскресенья — 5, 12 и 19 мая, день, когда они вынужденно покинули город. Впрочем, вполне вероятно, что автор воспоминаний намеренно не поставил дату встречи, чтобы усилить эффект от своего рассказа. Тогда можно было бы предположить, что встреча на ипподроме произошла 12 мая.

В любом случае, мы можем констатировать, что ссыльные представители Дома Романовых постепенно расширяли круг знакомств, у них появлялись новые возможности, что не могло не привлечь пристального внимания наблюдающих за ними чекистов.

Подготовка ссылки в Алапаевск

На основании имеющихся у нас документов и воспоминаний очевидцев попытаемся восстановить обстоятельства и подробности отъезда князей дома Романовых из Екатеринбурга в Алапаевск утром 20 мая.

11 мая 1918 года Президиум Областного Совета рассмотрел на своем заседании вопрос о высланных по постановлению ВЧК в Екатеринбург бывших великих князей и бывшей великой княгини Елизаветы Федоровны и постановил: «Всех лиц, принадлежавших к царствовавшему до революции дому Романовых, водворенных под надзор в Екатеринбург,

⁷⁷ Там же. С. 611.

выслать вместе с их семьями в г. Алапаевск под надзор местного Совета. Выполнение настоящего постановления поручить Уральской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем»⁷⁸.

П.А. Леонов свидетельствовал, что «во вторник на Фоминой неделе, когда я был у князя [Игоря Константиновича в гостинице], какой-то красноармеец⁷⁹ принес ему бумагу. Там говорилось, что все князья должны переселиться в Алапаевск, согласно постановлению местных “комиссаров”»⁸⁰. Таким образом, мы можем уверенно говорить о том, что о решении Президиума Областного Совета августейшие ссыльные узнали 14 мая.

Великая княгиня Елизавета Федоровна в тот же день пытается его обжаловать и подает ходатайство об оставлении ее в Ново-Тихвинском монастыре в Екатеринбурге. Оно было рассмотрено на заседании Областного Совета комиссаров 18 мая 1918 года. Елизавете Федоровне было отказано⁸¹.

Это постановление огорчило и великого князя. По свидетельству В.П. Аничкова, оно «сильно подействовало на Сергея Михайловича, сказавшего на это: — Чувствую: это начало конца...»⁸². Он, в свою очередь, тоже пытается спешно что-то предпринять. По-видимому, августейшие ссыльные сначала обратились в УралОблСовет, но, не встретив понимания, стали апеллировать к центральным властям.

Чтобы предотвратить нежелательные для них последствия, 14 мая 1918 года Екатеринбургский совет спешно отправляет телеграмму: «Москва. Ленину. Свердлову. Высланные в князья хлопчут об оставлении их в Екатеринбурге. Это, по мнению Облсовета, невозможно. Мы постановили выселение их в Алапаевск Верхотурского уезда. Предоблсовета Белобородов»⁸³.

⁷⁸ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 327. Л. 202.

⁷⁹ Этим красноармейцем был Алексей Георгиевич Кабанов (1890–1972), сотрудник Екатеринбургской ЧК.

⁸⁰ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 337.

⁸¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 327. Л. 206.

⁸² Аничков В.П. Ук. соч. С. 106.

⁸³ ГАРФ. Ф.1235. Оп. 93. Д. 558. Л. 28.

В тот же день, 14 мая, великий князь телеграммой обратился в Совнарком: «2 апреля выслан из Петрограда [в] Вятку с правом свободного проживания. Через месяц [по] постановлению губернского съезда Советов выслан [в] Екатеринбург. Ныне постановлением областного Совета высылаюсь [в] Алапаевск. Болен ревматизмом, суровый климат заставляет перевезти меня в Вологду или Вятку. Сергей Михайлович Романов»⁸⁴. Это ходатайство было отклонено, о чем Я.М. Свердлов, председатель ВЦИК, известил великого князя телеграммой: «Екатеринбург. Сергею Михайловичу Романову. Ходатайство ваше [о] переводе Вас [в] Вологду отклонено»⁸⁵.

Томас Престон, бывший английским консулом в Екатеринбурге с 1913 года, объяснил перемещение членов Дома Романовых в Алапаевск тем, что было бы опасно концентрировать «слишком много важных гостей одновременно в Екатеринбурге в дни великой борьбы с контрреволюцией»⁸⁶.

Сделали попытку что-то изменить и Иоанн Константинович с Еленой Петровной. Их беспокоила мысль о детях, оставленных в революционном Петрограде. 15 мая 1918 года княгиня отправляет телеграмму посланнику Мирославу Спалайковичу с просьбой организовать ее поездку в Петроград. Сербский представитель в РСФСР М. Шайнович 30 мая 1918 года обратился с официальным письмом к председателю ВЦИК Я.М. Свердлову «с покорнейшей просьбой к Советской власти не отказать в выдаче надлежащего распоряжения, чтобы дочь сербского короля Елена Петровна вместе со своим мужем Иоанном Константиновичем и детьми могла переменить место своего пребывания [Екатеринбург] и чтобы в будущем могла постоянно жить вместе с семьей господина Спалайковича»⁸⁷. 1 июня 1918 года это ходатайство было

⁸⁴ Там же. Л. 29.

⁸⁵ Там же. Л. 31.

⁸⁶ *Preston Thomas. Before the Curtain.* London: John Murray, 1950. P. 100.

⁸⁷ Цит. по: *Жук Ю.А.* Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге. СПб., 2013. С. 498–499.

заслушано на заседании президиума ВЦИК и было отклонено с указанием на несвоевременность данного прошения⁸⁸.

Накануне отъезда

Известно только два документальных свидетельства, раскрывающие детали переезда великих князей из Екатеринбурга в Алапаевск.

Отъезд великого князя Сергея Михайловича, который, по мнению В.П. Аничкова, «был обставлен скверно»: «явились два “товарища”, и, не застав князя дома, передали через мою жену приказ более не отлучаться из дому, ибо завтра последует отправка из Екатеринбурга... Отъезд оставил тяжелое впечатление. За князем заехал на дрянном извозчике “товарищ” лет 19, по имени Мишка Остапин⁸⁹... и они поехали на вокзал. Бедняга Ремез поехал на моей лошади, запряженной в телегу с вещами князя. Наивный малый взял с нас слово, что по приезде в Петроград мы непременно остановимся у них во дворце...»⁹⁰.

Еще одно свидетельство принадлежит участнику убийства царской семьи чекисту А.Г. Кабанову, воспоминания которого хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории⁹¹.

Ему вместе с Б.Е. Булычевым⁹², некими товарищами Гольдфарбом и еще одним, фамилию которого Кабанов не запомнил, было поручено организовать переезд находившихся в ссылке членов Императорской Фамилии из Екатеринбурга в Алапаевск.

⁸⁸ Там же. С. 483.

⁸⁹ Не Остапин, а Останин Михаил Федорович — сотрудник алапаевской ЧК.

⁹⁰ *Аничков В.П.* Ук. соч. С. 109.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Отд. ОРПО. Оп. 37. Д. 1043.

⁹² Булычев Борис Евгеньевич (1899–1919), бывший техник Алапаевского завода, секретарь Уральской областной чрезвычайной комиссии, в июле 1918 года он стал сотрудником создаваемой в это время алапаевской ЧК.

По нашему мнению, к этому свидетельству нужно относиться с большой осторожностью, так как некоторые факты, изложенные в нем, не подтверждаются другими, имеющимися в научном обороте, материалами.

Например, когда он описывает, как накануне отъезда собирал с ссыльных подписи об ознакомлении с постановлением Президиума Исполкома Уральского Облсовета. Если, как пишет А.Г. Кабанов, он лично обошел всех, то должен был знать, что Сергей Михайлович жил не в гостинице⁹³, а снимал комнату у В.П. Аничкова, который арендовал квартиру в частном доме, принадлежавшем купцу Захарову. Но можно предположить, что Кабанов назвал этот дом гостиницей просто потому, что владельцы дома в нем постоянно не жили, а сдавали квартиры и комнаты внаем. Поскольку он не был коренным екатеринбуржцем (а Кабанов родился и до революции жил в Алапаевске), то вполне мог принять его за гостиницу.

Примечательно, как А.Г. Кабанов отвечает на вопрос великого князя о причинах перевода августейших ссыльных в Алапаевск: «Вам, аристократам в Екатеринбурге летом будет душно, поэтому, заботясь о вашем здоровье, советская власть переселяет вас на дачу»⁹⁴. Это место в воспоминаниях звучит как издевка. А.Г. Кабанов знал, как знаем теперь и мы, какие события последовали за этим переводом, но его уверенность правильности происходящих событий не была поколеблена с годами.

Более того, внимательное прочтение воспоминаний А.Г. Кабанова заставляет усомниться в том, что он вообще видел документ, подписанный августейшими ссыльными 18 мая 1918 года. Он свидетельствует, что великая княгиня Елизавета Федоровна «соизволила на подписном листе начертать

⁹³ Жук Ю.А. Исповедь цареубиц. Убийство царской семьи в материалах предварительного следствия и воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления. М.: Вече, 2008. С. 126.

⁹⁴ Там же.

полностью имя, отчество, фамилию и титул. И поставить свою подпись: “Романова”»⁹⁵. К настоящему моменту этот документ многократно опубликован, и мы знаем, что Елизавета Федоровна поставила только свое имя и должность — настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия, а фамилию Романов написал только Сергей Михайлович, также не указав титул⁹⁶.

Отношение А.Г. Кабанова к ссыльным представителям Дома Романовых сквозит и в дальнейшем тексте: «Выполняя эти обязанности я очень устал и был недоволен тем, что мы так гуманны к нашим врагам... На второй день... я нанял четыре плохоньких экипажа и на них стал собирать по гостиницам князей. Я предложил князьям брать свои вещи и садиться [в экипажи]... Так как у князей было много вещей, а экипажи у них были маленькие, сидеть им было тесно, я предложил кому-нибудь из них сесть в мой экипаж. Никто на мое предложение из них не ответил, и со мной никто из них не сел, хотя их чемоданы из экипажей выпадали на грязную после дождя, немощеную дорогу и их высочества поднимали из грязи свои чемоданы и пачкали свои руки в грязи⁹⁷. Из-за этого наш кортеж останавливался, а время уже было около 14 часов. Когда мы подъехали к станции, меня встретил начальник станции с нецензурной бранью: “...Ты, сукин сын, задержал на 3 часа поезд особого назначения”... Весь поезд особого назначения состоял из одного мягкого вагона. В нем уже ожидал нас секретарь УОЧК товарищ Булычев, бывший техник с Алапаевского завода и два побывавших в эмиграции... товарища... Дядя Николая II⁹⁸, его лакей сели с нами — сопровождающими,

⁹⁵ Там же. С. 127.

⁹⁶ ЦДООСО. Ф 41. ОП. 1. Д. 149. Л. 300.

⁹⁷ У нас нет данных, сколько багажа было у ссыльных, по свидетельству С.Н. Смирнова достоверно известно, что, уезжая из Вятки, княгиня Елена Петровна оставила все свои вещи на хранение в женском монастыре, забрав с собой только один чемодан.

⁹⁸ Великий князь Сергей Михайлович.

в одном купе, а молодые высочества и тетка Николая II⁹⁹ сели в другое купе...»¹⁰⁰.

Княгиня Елена Петровна очень хорошо запомнила эту поездку и написала впоследствии: «Поезд, который нас вез, немного не доезжая до Алапаевска, проследовал мимо столба, указатель на котором заставил нас содрогнуться: “Европа–Азия”. В большей степени, нежели граница между двумя континентами, она показалась нам границей между двумя мирами, из которых только один был миром живых».

Это воспоминание Елены Петровны, несомненно, очень образное и эмоциональное, все же требует комментария. В то время, да и сейчас тоже, по ходу следования поездов из Екатеринбурга в Алапаевск никаких «столбов-указателей» с надписью «Европа–Азия» вдоль железнодорожного пути не было, да и быть не могло, так как эта территория, в сущности, уже Азия. Однако, при подъезде к Екатеринбургу из Вятки можно было увидеть один или два обелиска «Европа–Азия», например, в районе города Первоуральска. По-видимому, княгиня использовала этот яркий образ для усиления впечатления от прочитанного.

Прибытие в Алапаевск

20 мая 1918 года великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, князя Иоанн Константинович, Елена Петровна, Константин Константинович, Игорь Константинович, Владимир Палей и сопровождающие их лица прибыли в Алапаевск.

А.Г. Кабанов писал, что, когда поезд прибыл в пункт назначения, «из окна вагона были видны пять крестьянских подвод, состоящих из дрог, на которые поставлены большие, сплетенные из прутьев корзины. У каждой подводы находились по два вооруженных револьверами и бомбами чекиста, одетых

⁹⁹ Великая княгиня Елизавета Федоровна.

¹⁰⁰ Жук Ю.А. Ук. соч. С. 127.

в новые кожанки»¹⁰¹. Это были «почти все Члены Исполнительного Комитета»¹⁰².

Е.А. Соловьев¹⁰³, занимавший в то время должность комиссара юстиции (то есть фактически начальника местной милиции), показал на допросах, что «приезд князей был для всего Алапаевского Совета совершенно неожиданным; только уже в пути, со станции Ясашной, сопровождающий князей Борис Евгеньевич Булычев сообщил по телефону, что везут арестованных в <еликих> князей и просил приготовить для них квартиру. Вследствие этого экстренным собранием Совета для князей было решено отвести здание Напольного училища»¹⁰⁴. Эти показания противоречат действительности: 18 мая 1918 года в Алапаевской Совдеп была отправлена телеграмма за подписью Председателя УралОблСовета А.Г. Белобородова о высылке князей из Екатеринбурга в Алапаевск. Копия телеграммы хранится в ГА РФ¹⁰⁵.

¹⁰¹ Там же. С. 128.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 1837. Оп. 4. Д. 3. Л. 124.

¹⁰³ Соловьев Ефим Андреевич (14.10.1874, Алапаевск — 1937), комиссар юстиции (начальник милиции) города Алапаевска. В июне 1917 года он входит в штаб по формированию красногвардейских отрядов, а после октябрьских событий того же года Е. Соловьева выбирают заместителем председателя Совета рабочих депутатов и комиссаром юстиции города Алапаевска. Е. Соловьев был одним из организаторов и участников убийства представителей Дома Романовых в Алапаевске в июле 1918 года.

¹⁰⁴ Официальное название учебного заведения Двухклассное Земское народное училище ведомства Министерства Народного Просвещения (Земская школа). Училище было построено в Алапаевске на углу улиц Большой Алексеевской и Напольной В 1915 году в рамках закона о всеобщем образовании от 3 мая 1908 года. Название «Напольная школа» это училище получило потому, что находилось на северной окраине города на поле, которое примыкало к лесу. В советский период это была 1-я Городская начальная школа города Алапаевска. В 2018 году в этом здании (угол современных улиц Перминова и Ленина) открыт Музей памяти представителей Российского Императорского дома «Напольная школа в городе Алапаевске».

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 33. Л. 55.

Почему Алапаевский совет медлил с исполнением поручения УралОблСовета, из материалов следственного дела не следует. Похоже, что все проблемы с содержанием августейших ссыльных начали решать в момент их приезда. Из текста постановления Исполкома Алапаевского Совета следует, что его члены Г. Абрамов, Е. Соловьев, П. Останин 20 мая 1918 года заслушали сообщение сотрудника екатеринбургской ЧК Б.Е. Булычева и только после этого, ввиду неполучения инструкций УралОблСовета, приняли решение «впредь до рассмотрения названного вопроса в местном Совдепе разместить бывших князей в здании народного училища 3-го начального с приставлением внутренней и наружной охраны, о чем и объявить названным гражданам право свободного посещения города до 8 часов вечера»¹⁰⁶.

Итак, вернемся к протоколу допроса Е.А. Соловьева. Из его показаний следует, что «прямо с вокзала князья были доставлены в здание школы, где и размещены в отведенных им комнатах. Мне, как комиссару юстиции, ведавшему всеми местами заключения, было поручено наблюдать за содержанием князей... Не имея никаких инструкций о порядке содержания князей, я считал своей обязанностью заботиться лишь о том, чтобы они были в достаточной мере обеспечены всем необходимым для сносного существования; в первое время я даже разрешил им прогулки по городу без всякой охраны и ограничил эту свободу лишь по получении от Областного Совета приказание считать князей арестованными и перевести их на солдатский паек»¹⁰⁷.

Эти показания в части обустройства августейших ссыльных в Напольной школе подтверждаются рассказом местной жительницы, свидетельницы А.Г. Поздиной-Замятиной¹⁰⁸, сообщившей следующее: «...Напольной школой заведовала

¹⁰⁶ Там же. Л. 6-6 об.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 1837. Оп. 4. Д. 3. Л. 123 об.-124.

¹⁰⁸ Арина Григорьевна Поздина-Замятина, жительница Алапаевска, крестьянка Нейво-Алапаевской волости. Протокол ее допроса членом Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеевым от 14 декабря 1918 года хранится в ГА РФ.

Агния Семеновна Павловских, с которой у меня было давнее знакомство; я оказывала ей разные услуги по хозяйству. 7 мая сего года (по старому стилю), в понедельник я зашла к Агнии Семеновне, и она сказала мне: “Аринушка, мне велено выехать из школы, здесь великие князья будут жить”, — и попросила помочь ей уложить вещи для перевозки. Во вторник (то есть 21 (8) мая — *прим. авторов-составителей*) багаж сложили и свезли в вагон. Князья уже поместились в школе, и первоначально услуги по устройству их им оказала Агния Семеновна»¹⁰⁹.

Перед возвращением в Екатеринбург в Напольную школу зашел А.Г. Кабанов: «Утром (по-видимому, 20 или 21 мая — *прим. авторов-составителей*) я пришел в Алапаевский Совет, получил расписку о сдаче Совету их высочеств и попросил показать мне, как устроены на новое жительство титулованные особы. Меня привели на окраину города к одноэтажному зданию... Когда я вошел в один из классов..., на голом полу лежали их высочества, а старый князь лежал лицом к стенке, также на голом полу»¹¹⁰. Однако, эти его данные не подтверждаются другими свидетельствами, да и княгиня Елена Петровна не рассказывала впоследствии ни о чем подобном.

Обустройство в Напольной школе

Восстановить картину того, как именно разместились августейшие ссыльные в Напольной школе мы можем только приблизительно, так как показания свидетелей, пусть не очень существенно, но отличаются. Более того, возникают вопросы и к количеству проживавших.

Жительница Алапаевска А.С. Кривова оставила следующее свидетельство: «...числа 12/25 мая управляющий хозяйством великого князя Федор Семенович Ремез предложил мне поступить на службу кухаркой при кухне того дома, где поместились великие князья... Князья помещались в здании так называемой Напольной школы; школа эта находилась

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 1837. Оп. 4. Д. 3. Л. 67.

¹¹⁰ *Жук Ю.А.* Ук. соч. С. 129.

за городом, в близком расстоянии от крайних домов. Здание школы каменное и состоит из 4-х больших и 2-х малых комнат; во всю длину здания проходит широкий коридор. По левую сторону от входа расположена небольшая комната, где помещались дежурные красноармейцы, охранявшие дом, за этой комнатой шли одна за другой три большие комнаты, в первой из них помещались великий князь Сергей Михайлович и граф Владимир Павлович Палей; в той же комнате за ширмой было устроено помещение для Федора Семеновича Ремеза и лакея... Лакей этот, молодой поляк, служил он чуть не с малых лет у князя Владимира Павловича Палея¹¹¹. В следующей комнате помещались князья Константин и Игорь Константиновичи. В угловой комнате — великая княгиня Елизавета Федоровна с монахинями Варварой Яковлевой и Екатериной Янышевой. Князь Иоанн Константинович с супругой Еленой Петровной помещался в большой комнате направо от входа, комната эта сообщалась дверью со смежной небольшой комнатой, в которой помещался служивший у князя Константина Константиновича лакей по имени Иван, человек лет 30, низкого роста, брюнет, полный, усы и бороду брил. Из комнаты, где помещался лакей Иван был ход на кухню»¹¹².

А.Г. Позднина-Замятина показала, что «всего поместилось в школе тринадцать человек: в[еликий] кн[язь] Сергей Михайлович, Елизавета Федоровна, князья Константин, Игорь и Иоанн Константинович, супруга Иоанна Константиновича — Елена Петровна, граф Палей, две монахини (сестра Варвара и сестра Екатерина), доктор (как его зовут — не знаю, совсем еще молодой человек)¹¹³, два лакея и управляющий Федор Семенович Ремез»¹¹⁴.

¹¹¹ Было вписано над строкой вместо зачеркнутого имени Константина Константиновича. Это примечание было сделано издателями сборника документов «Гибель членов Дома Романовых на Урале» // Гибель членов Дома Романовых на Урале. С. 112.

¹¹² Там же.

¹¹³ Доктор Гельмерсен. О нем также упоминает и дает описание его внешности в своих показаниях от 25 октября 1918 года свидетельница А.С. Кривова // Гибель членов Дома Романовых на Урале. С. 113.

¹¹⁴ Гибель членов Дома Романовых на Урале. С. 147.

Еще одну версию размещения в Напольной школе мы читаем материалах С.Н. Смирнова: «Елена Петровна подробно рассказала... о житье-бытье в Алапаевске... Поместили их в школе, деревянном здании за городом, посреди поля, неподалеку от леса. Вокруг школы небольшой садик и высокий забор. Разместились они в доме так: в первой комнате стража — 7 красноармейцев, в следующей комнате Елена Петровна и Иоанн Константинович, затем молодежь — Константин Константинович, Игорь Константинович и Палей, отдельно Сергей Михайлович со своим камердинером, отдельно Елизавета Федоровна с сестрами»¹¹⁵.

Княгиня Палей узнала о переводе сына и его товарищей по несчастью 5 (18) мая из поздравительной телеграммы князя сестре, в день великомученицы Ирины. В ней он сообщил о переводе в «уральский шахтерский городишко. С тревогой стали мы ждать подробного письма, и, когда дождались, успокоились. Поместили их всех, писал он, в тамошней школе. Перед домом садик. К ним же привезли великую княгиню Елизавету Федоровну... После смерти мужа Елизавета Федоровна надела монашескую рясу, не принимая, однако, пострига... У нее и двух ее монахинь была одна на троих комната. У князя Иоанна с женой также. То же и у братьев, Игоря с Константином. Великий князь Сергей Михайлович пожелал разделить комнату с нашим Владимиром. Относился он к Боду по-отечески, Бодя писал нам: “Знали бы Вы, милые мои, как несправедливы все к дяде Сереже! Человек он совершенно замечательный! Золотое сердце и светлый ум! А какая память! А эрудиция! А как много помогает он мне в работе над пьесой! Кучу всего рассказал о нравах и обычаях на Кавказе лермонтовской поры. И всегда у него со мной душа нараспашку. Вранье, что он спесив и черств. Он мягок и глубоко несчастлив всю свою жизнь”»¹¹⁶.

Можно еще упомянуть вариант размещения в Напольной школе, предложенный впоследствии Н.С. Шариным, тоже

¹¹⁵ Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 25.

¹¹⁶ Палей О.В. Ук. соч. С. 109.

жителем Алапаевска. Он пишет о том, что вместе с ссыльными жили не только доктор Гельмерсен, но и четыре члена сербской миссии — свита сербской принцессы Елены Петровны (см. приложение к настоящему изданию).

Если о членах сербской миссии мы достоверно знаем, что их в Алапаевске не было, то с доктором Гельмерсеном не так все просто. О нем упоминают далеко не все очевидцы событий. Однако показания сына алапаевского священника Анатолия Васильевича Переберина во время допроса членом Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеевым от 29 декабря 1918 года свидетельствуют в пользу присутствия доктора в городе. В частности, А.В. Переберин сообщил следующее: «кажется, недели за две до исчезновения князей к ним приехал из Москвы молодой доктор; проживавшая в Алапаевске слушательница Московских зубоврачебных курсов Надежда Павловна Удинцева¹¹⁷ через... горничную послала в Напольное училище, где помещались князья, букетик незабудок для передачи его приезжему доктору, знакомому ей по Москве. Букет этот, конечно, по назначению не дошел...»¹¹⁸. Н.П. Удинцову вызвали в местный совет, где ее запугивали и даже угрожали расправой, если она не прекратит общения с арестованными. В этот раз ее отпустили, но впоследствии она была увезена красноармейцами как сестра милосердия¹¹⁹.

На основании этих данных можно предположить, что Гельмерсен приехал в первых числах июля. Но тогда его вряд ли поселили бы в Напольной школе. По-видимому, ближе к истине показания А.С. Кривовой, где есть указание на то, что врач приехал в Алапаевск за три дня до конфискации имущества, то есть приблизительно в день отъезда княгини Елены Петровны или чуть позже.

По описаниям кухарки «на вид ему лет 26, полный, красивый брюнет с черными усами, роста ниже среднего. Он привез для Сергея Михайловича лекарств и для всех — полотна

¹¹⁷ Предположительно, дочь одного из алапаевских священников.

¹¹⁸ Гибель членов Дома Романовых на Урале. С. 204–205.

¹¹⁹ Там же. С. 205.

и ситцев... После высылки доктора все привезенные им вещи были конфискованы. Князь Сергей Михайлович просил оставить ему лекарства, указывая, что он не может обойтись без них, но комиссар Ефим Соловьев не соглашался оставить их князю; отказ свой Соловьев объяснил тем, что среди лекарств могут быть и ядовитые вещества...»¹²⁰.

О докторе Гельмерсене мы до сих пор практически ничего не знаем. Вполне вероятно, что он имел родственные связи с семьей полковника Николая Павловича Гельмерсена, бывшего адъютанта великого князя Михаила Николаевича и наставника детских и юношеских лет великого князя Сергея Михайловича.

Повседневная жизнь и быт узников Напольной школы

Прошло всего около двух месяцев с того момента, как члены Дома Романовых были вынуждены покинуть Петроград, как им уже в третий раз пришлось налаживать свой быт, причем в условиях гораздо худших, чем в Вятке и Екатеринбурге. Если раньше они были под негласным надзором, то теперь он стал гласным и круглосуточным. Это даже в условиях ссылки является дополнительно травмирующим фактором.

Если августейших ссыльных хотели унижить бедностью обстановки, о которой А.В. Кривова говорила, что она была «самой простой и необходимой» — «простая железная кровать с жесткими матрасами, несколько простых столов и стульев; мягкой мебели не было»¹²¹, то просчитались: каждый из них мог существовать и в спартанской обстановке. Братья Константиновичи имели опыт военной службы в походных условиях, Елизавета Федоровна уже несколько лет вела монашеский образ жизни, а Елена Петровна в детстве росла в довольно скромных условиях.

Постепенно, стараниями Ф.М. Ремеза налаживался быт. Прежде всего, была нанята прислуга. А.Г. Поздина-Замятина

¹²⁰ Там же. С. 113.

¹²¹ Там же. С. 112.

сообщила следствию, что Ф.М. Ремез предложил ей помогать им по хозяйству: «Я выразила согласие и пошла в Совет хлопотать о разрешении поступить на службу к князьям. Разрешение мне было дано комиссаром Е.А. Соловьевым. И я стала служить князьям приходящей прислугой; главная моя обязанность заключалась в покупке провизии, помогала иногда прибираться в комнатах и на кухне... Приблизительно через неделю после приезда князей к нам поступила кухаркой Александра Сергеевна Кривова, а я осталась вроде ее помощницы»¹²².

Кухарку А.С. Кривову, как мы знаем из воспоминаний Елены Петровны, княгиня заподозрила в том, что ее основной обязанностью было «шпионить» за ссыльными. Однако впоследствии она оказала Елене Петровне неоценимую услугу — помогла передать письмо в сербскую миссию в Петроград.

Первое время была возможность покупать продукты в городе, поэтому августейшие ссыльные не голодали. Более того, «желая обеспечить князей молоком, Агния Семеновна [Павловских] велела... [А.С. Кривовой] устроить так, будто корова ее никак не согласна быть загнанной в вагон, и под этим предлогом оставить ее в школе на время пребывания здесь князей»¹²³.

В мае месяце, по свидетельству крестьянки А.С. Поздней-Замятиной, первое время ссыльные члены Дома Романовых пользовались относительной свободой: гуляли на поляне около школы, работали в огороде и ходили в церковь; в огороде работали все князья и княгиня и своими руками наделали гряды и цветочные клумбы; во дворе также все вычистили и привели в порядок, так что получился чистый и уютный уголок, где князья нередко под открытым небом пили чай, читали и беседовали¹²⁴. Кроме того, у ссыльных была возможность выходить без охраны¹²⁵.

¹²² Там же. С. 147.

¹²³ Там же. С. 147.

¹²⁴ Там же. С. 148.

¹²⁵ Там же. С. 112.

Еще один житель Алапаевска, А. Тезяков, оставил следующее свидетельство: «...Князя свободно ходили каждый день в Алексеевскую церковь на обедню, ходили на базар и приобретали себе продукты... Сергей Михайлович отличался общительностью, через него Смольников вел переговоры о хозяйственных и прочих делах с князьями. Елизавета Федоровна держалась гордо, в разговоры не вмешивалась, а когда к ней обращались — отвечала резко, была скупа на слова. Молодые князя Константин и Игорь, в свободное от молитв время, общались с соседскими мальчишками, бегали наперегонки, играли в бабки. Охрана это разрешала...»¹²⁶.

В архивах сохранились немногочисленные документы, подтверждающие слова некоторых очевидцев. Например, есть разрешение Сергею Михайловичу и Елене Петровне 2 июня 1918 года посетить молебен в кладбищенской Екатерининской церкви Алапаевска, а Владимир Палей получил то комиссаров Павлова и Соловьева разрешение на посещение городской Алапаевской библиотеки¹²⁷.

Как мы знаем, ссыльные могли вести переписку с родными и близкими, хотя и не все весточки доходили до адресатов.

Сергей Михайлович поддерживал связь с братьями, находившимися в Вологде. Великий князь Николай Михайлович получил от него открытку с просьбой поклониться г-ну Кофре и Père Lustré <папе Люстре>, что означало «coffrés et perlustrés» <в заключении и нас просматривают>¹²⁸.

О двусторонней связи с родными свидетельствует и последняя телеграмма князя Игоря Константиновича, который,

¹²⁶ Воспоминания А. Тезякова — непосредственного свидетеля осмотра трупов князей Романовых (Межная — Алапаевск). [Электронный ресурс] Краеведческий сайт Алапаевского района Свердловской области. Край родной. Земля Урала. Осколки истории. Url: https://oskolki.moy.su/blog/vospominanija_a_tezjakova_neposredstvennogo_svidetelja_osmotra_trupov_knjazej_romanovykh_mezhnaja_alapaevsk/2017-03-12-717 (дата обращения 20.08.2020).

¹²⁷ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 112.

¹²⁸ Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 25.

сообщая своему управляющему, что его перевели на тюремный режим, интересуется, чем больна великая княгиня Елизавета Маврикиевна¹²⁹.

Письма князя Владимира Палея использовала его мать, княгиня О.В. Палей, для написания своей книги воспоминаний. Писала в Петроград и княгиня Елена Петровна. Подтверждение этого факта можно найти в письме принцессы Виктории Маунтбеттен королю Великобритании Георгу V от 22 сентября 1918 года, где есть указание на то, что «Елизавета Маврикиевна получила [от Елены Петровны] длинное письмо еще летом»¹³⁰.

Спустя два года Елена Петровна при встрече сама расскажет принцессе Виктории о жизни в Алапаевске, а та, в свою очередь, напишет об этом сестре, принцессе Ирене, что «с ними обращались неплохо, и они не были стеснены в Алапаевске, и им даже позволялось ходить в церковь. Там они все жили в одном коридоре в здании школы. Ее муж читал вечерние молитвы вместе с Эллой в ее комнате, и она [княгиня Елена Петровна] часто сидела вместе с ней, и Элла делала рисунки для ее работы»¹³¹.

Отношение населения и местной власти к ссыльным

В архиве Алапаевского краеведческого музея хранятся неизданные воспоминания краеведа Н.С. Шарина¹³², участника гражданской войны на Урале. В главе, посвященной убийству членов Дома Романовых он отметил, что «...весть о прибытии

¹²⁹ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 154.

¹³⁰ Великая княгиня Елисавета Федоровна. Документы и материалы. 1914–1918. В 2-х томах / Автор-составитель Е.Ю. Ковальская. Москва: Никея, 2018. Т. 2. С. 477.

¹³¹ *Миллер Любовь*. Святая мученица Российская великая княгиня Елизавета Федоровна. М.: Марфо-Мариинская обитель милосердия, 2002. С. 326–327.

¹³² Краевед Н.С. Шарин, уроженец Алапаевска, в течение многих лет собирал материалы по истории рабочего движения на Урале. Подробнее о нем см. приложение к настоящему изданию.

в Алапаевске лиц царской фамилии облетела весь город с молниеносной быстротой. Обывателей, желающих посмотреть на бывших великих князей и княгинь, было множество. Целыми толпами ходили они мимо здания школы, желая посмотреть и убедиться, чем же они, князья и княгини отличались от них, простых смертных... Но любопытство обывателей было удовлетворено только спустя несколько дней, в воскресенье, когда все жители Напольной школы пошли в церковь к обедне без конвоя, но, конечно, под негласным присмотром красно-гвардейских охранников»¹³³.

Таким образом, мы можем предположить, что большинство жителей Алапаевска испытывали праздный интерес к ссыльным, вызванный, скорее, любопытством, чем классовыми различиями.

То, что августейшие ссыльные не потеряли присутствия духа и за время пребывания в Алапаевске сумели создать вокруг себя особую атмосферу, в той или иной мере влияло на окружающих. С.Н. Смирнов, основываясь на рассказах Елены Петровны писал, что отношение к ссыльным «было хорошее, наблюдали без назойливости. Школьный сторож, кого-то убивший во время революции, вначале звал Сергея Михайловича “товарищ”, потом по имени и отчеству, а как-то даже назвал Ваше императорское высочество»¹³⁴.

В воспоминаниях княгини Елены Петровны мы читаем: «спустя несколько дней после нашего приезда неизвестные дважды бросали цветы через изгородь, чтобы выразить нам свою симпатию. А однажды кому-то удалось передать нам номер иллюстрированного журнала “Нива” за 1911 год, где мы с понятным волнением нашли фотографию мою и моего мужа, снятую в день нашей помолвки»¹³⁵. Такое внимание

¹³³ Шарин Н.С. Рабочее движение в Алапаевском горном округе. Часть 5. XX столетие. 1918–1921 гг. По документам исторических архивов Ленинграда, Свердловска, Алапаевска. Ленинград, 1960–1969 гг. Рукопись // Архив Алапаевского краеведческого музея.

¹³⁴ Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 25–26.

¹³⁵ Официальная фотография, растиражированная впоследствии в тысячах открыток: князь и княгиня стоят на парадной лестнице королевского дворца в Белграде.

потрясло нас, и не только потому, что в нашей сегодняшней бедственной ситуации навевало воспоминания о прежних счастливых днях...».

Однако не все жители Алапаевска были настроены доброжелательно. Зачастую действия ссыльных, каждое из которых, к слову, требовало специального разрешения, вызывали непонимание. В этом смысле характерно свидетельство бывшего военрука города Алапаевска Г.В. Глухих¹³⁶: «...Помню, как князь Сергей Михайлович пришел в административный отдел (горисполкома) просить разрешения заниматься огородничеством, на участке Напольной школы, ради развлечения. Хотя земельный вопрос был не в моем ведении, я спросил, сколько лет он занимается этой профессией? (огородничеством). Ответа не получил. После чего он (Сергей Михайлович) пошел в земельный отдел...»¹³⁷.

Были и такие, кто любому, даже самому безобидному, действию ссыльных придавал политический смысл. Одним из таких людей был бывший рабочий Алапаевского завода, участник гражданской войны П.Н. Ветлугин¹³⁸: «...Первое время князя пользовались полной свободой! Красногвардейские караулы охраняли школу только чтобы кто-либо не похитил князей. Чтобы они не сбежали из города, за ними наблюдали одетые в штатское сотрудники ЧК. Конвоя не было. И князя при этом самом скрытом наблюдении ежедневно разгуливали по городу, заходили в магазины, на базар. Посещали церкви, особенно Алексеевский собор (ныне хлебозавод).

¹³⁶ Георгий Васильевич Глухих (1884–1938) — в 1918 году военрук города Алапаевска (занимался формированием и обучением красногвардейских отрядов) и командир 1-го батальона Алапаевского полка.

¹³⁷ Ссылку на воспоминания Г.В. Глухих приводит Н.С. Шарин (см. приложение к настоящему изданию) со ссылкой на две публикации в местных газетах — «Гудок» (1926) и «Алапаевский рабочий» от 29.07.1959 г., без указания названий этих публикаций.

¹³⁸ Ветлугин Павел Николаевич (1817, Алапаевск — 1970), житель города Алапаевска, кочегар, затем помощник машиниста и машинист на Алапаевской узкоколейной железной дороге. Впоследствии известный алапаевский краевед, составил серию биографий алапаевских революционеров.

...Во дворе школы построили (соорудили) небольшую открытую часовню. В ней князя по утрам и вечерам молились! Как можно громче распевали псалмы и молитвы. По городу ползли слухи о “мучениках за веру прав, попавших в руки безбожников-большевиков”. Насколько гуманным и даже предупредительным было отношение алапаевских советских властей к Романовым видно и по еще одному факту. По просьбе князей им отпустили инструменты и достали семян различных цветов. Романовы сделали клумбы, посадили цветы и ухаживали за ними. Но и “цветоводство” было организовано князьями не для удовлетворения их “эстетических” запросов. Романовы использовали его для замаскированной антисоветской агитации: глядя сквозь щели в заборе у школы, как князья орудут лопатами, антисоветские элементы умилялись. Говорили: “Вот князья царского рода, а какие простые!” — “И за что их бедных мучают эти изверги большевики!”...»¹³⁹.

Несмотря на то, что большая часть жителей Алапаевска была настроена к ссыльным нейтрально или доброжелательно, были и те, у кого проявление участия к членам Императорской Фамилии вызывало негативную реакцию, приводившую к ухудшению их положения. Например, 20 мая (3 июня), накануне именин княгини Елены Петровны, Федор Семенович Ремез велел А.Г. Поздиной-Замятиной купить букет цветов в подарок имениннице. Поручение это было выполнено. По дороге с рынка она встретила знакомую, Е.А. Кабакову, принимавшую живое участие в судьбе князей и знавшую «одну дамочку», которая хотела бы передать княгине торт по случаю именин. Этот разговор услышала Е.Н. Глухих, сожительница одного из охранников Напольной школы и затеяла скандал. В результате охранники А.Г. Поздину-Замятину в здание не пропустили и единственное, чего ей удалось добиться,

¹³⁹ Князья Романовы в Алапаевске, статья П.Н. Ветлугина, 1967 год. [Электронный ресурс]. Краеведческий сайт Алапаевского района Свердловской области. Край родной. Земля Урала. Осколки истории. Url: https://oskolki.moy.su/blog/knjazja_romanovy_v_alapaevske_statja_p_n_vetlugina_alapaevsk_1967_god/2017-03-13-718 (дата обращения 22.08.2020).

чтобы позвали Ф.М. Ремеза, которому она передала покупки и торт. После этого случая А.Г. Поздину-Замятину не пускали в Напольную школу, хотя она продолжала оказывать некоторые услуги по доставке продуктов¹⁴⁰.

По рассказам Елены Петровны С.Н. Смирнов зафиксировал, что «местный совет и военный комиссар Павлов¹⁴¹ относились [к ссыльным] вполне прилично»¹⁴². Однако, как показали дальнейшие события, это говорило не о доброжелательности, а скорее, о выжидательной позиции. В чем-то городские власти шли навстречу пожеланиям августейших ссыльных: разрешили разбить огород, покупать продукты в городе, ходить в церковь и библиотеку и так далее. В то же время по всему городу было развешено объявление, чтобы население не общалось с Романовыми — один экземпляр которого Елена Петровна подарила С.Н. Смирнову¹⁴³.

Многие из тех, кому была безразлична судьба алапаевских сидельцев, прежде всего, их родственники и близкие, позже, основываясь на словах Елены Петровны полагали, что жизнь в Алапаевске поначалу была такой спокойной, что никто из августейших ссыльных не чувствовал нависшей над ними опасности. Подтверждение этого тезиса можно найти, например, в переписке сестер императрицы и великой княгини Елизаветы Федоровны — принцесс Виктории и Ирэн — с которой мы знакомы благодаря работе Любови Миллер¹⁴⁴.

Именно это мнимое спокойствие и подтолкнуло князя Иоанна Константиновича и княгиню Елену Петровну к решению привезти детей в Алапаевск.

¹⁴⁰ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 148.

¹⁴¹ Павлов Сергей Алексеевич (1892, Алапаевск — 1919, Москва), первый военный комиссар города Алапаевска (с марта 1918); осуществлял надзор за ссыльными представителями Дома Романовых.

¹⁴² Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 26.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Миллер Любовь. Ук. соч. С. 326.

Елена Петровна покидает Алапаевск

В главе «Последнее прощание» Елена Петровна пишет, как им с мужем пришла мысль отправить ее за детьми в Петроград: «...Однажды в июне к нам в руки попала столичная газета. В ней... большое место было отведено двум бедствиям, постигшим Санкт-Петербург, — голоду и холере. Мы тотчас же собрались на семейный совет в нашей школе-тюрьме. Мой муж, его братья, его дядя, великая княгиня Елизавета тут же пришли к общему мнению: поскольку мне одной была предоставлена относительная свобода, мне предстояло поехать за детьми и привезти их в Алапаевск. В то время как я опять задавала себе вопрос о том, в чем состоит мой долг, мой муж был категоричен: — Ты должна ехать. Может быть, дети на улице. Лучше было бы, чтобы мы все были вместе». Далее княгиня рассказывает о том, с какими препятствиями ей пришлось столкнуться: «в Алапаевский совет я отправилась с тяжелым сердцем. Меня принял народный (военный — прим. авторов-составителей) комиссар Павлов. Он был вежлив... — Я не имею права дать Вам разрешение уехать в Санкт-Петербург, — сказал он мне. — Все, что я могу сделать — это разрешить Вам отправиться в Екатеринбург. Там товарищ Белобородов решит, должен ли он разрешить Вам ехать до Санкт-Петербурга...».

Мы предполагаем, что эта встреча могла происходить не ранее 5 (18) июня 1918 года¹⁴⁵, потому что, согласно протоколу допроса Елены Петровны в УралоблЧК от 14 июля 1918 года, именно в этот день она смогла выехать из Алапаевска¹⁴⁶.

Попытки уехать в Петроград княгиня предпринимала и раньше. Как мы помним, еще в бытность ссыльных в Екатеринбурге, сербская миссия ходатайствовала о переводе Елены

¹⁴⁵ Мы полагаем, что дата прибытия Елены Петровны в Екатеринбург, указанная в протоколе допроса, дана по старому стилю. К этому выводу нас подтолкнуло свидетельство С.Н. Смирнова, о котором речь пойдет позже // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 24.

¹⁴⁶ ГАСО. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

Петровны и ее мужа в Вологду, где находился дипломатический корпус. Отказ. Еще одну попытку Елена Петровна делает уже в Алапаевске, примерно через неделю после прибытия.

28 (15) мая 1918 года она обращается в местный совдеп. И вновь отказ.

Тогда 30 (18) мая княгиня пишет открытку по-сербски Анастасиевичу, в Петроград, в надежде, что ей помогут в преодолении этого препятствия¹⁴⁷. Из воспоминаний Елены Петровны и показаний А.С. Кривовой мы знаем, как она была отправлена.

Итак, предъявленная причина отъезда — дети. Она никогда и никем не оспаривалась, не будем оспаривать ее и мы. Но все же у нас нет уверенности, что поездка в Петроград не воспринималась княгиней еще и как возможность оказать помощь мужу и другим родственникам.

А вот мотивы настойчивости оставшихся августейших ссыльных в решении вопроса об отъезде Елены Петровны могли быть иными. Несмотря на то, что надежда на благоприятный исход не была потеряна до самого конца, они не могли не воспринимать происходящее как угрозу. Не будем забывать, и то, что из всех представителей Дома Романовых, находившихся в Алапаевске, дети были только у Елены Петровны и Иоанна Константиновича, но она одна имела хоть какую-то возможность оттуда уехать. Однако княгиня без веской причины ни за что не оставила бы мужа, что косвенно подтверждает ее стремление любой ценой вернуться к нему, когда она узнала, что его перевели на тюремный режим.

В приведенном выше отрывке из воспоминаний Елены Петровны прямо указывается, что на отъезде княгини настаивал Иоанн Константинович, а остальные родственники его поддержали. Это единство прослеживается и в прекрасно описанной княгиней сцене пронзительного прощания на пороге Напольной школы.

¹⁴⁷ Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 26.

Ужесточение режима в Алапаевске

21 (8) июня в Напольную школу явились представители местного совдепа и объявили ссыльным, что их режим будет изменен на тюремный. Как следует из показаний А.Г. Поздиной-Замятиной, «около Троицына дня, числа 7–8 июня (20–21 июня) у князей почему-то отобрали много разных вещей и удалили от них прислугу. Об этом мне передавала Саша (Александра Кривова), говоря: “Плохо теперь у нас стало, Аринушка, все отобрали, прислугу и монахинь выслали, гулять запретили, пищу велели выдавать вроде солдатской; даже Федора Семеновича (Ремеза) хотели удалить, да князь (Сергей Михайлович) чуть ли не коленях упросил Соловьева оставить Федора Семеновича, без которого он жить не мог”. Я, как и многие другие, очень жалела князей, но помочь им чем-либо не могла, так как даже за разговоры с князьями грозили расстрелом»¹⁴⁸.

Подробнее об изменении положения узников Напольной школы рассказала А.С. Кривова: «у князей было конфисковано все имущество, обувь, белье, платье, одеяло, подушки, золотые вещи и деньги¹⁴⁹. Оставлено было только платье и обувь и по две смены белья... По словам Ф.С. Ремеза, у него отобрали 1 4000 рублей княжеских денег, но все же часть денег на необходимые расходы ему удалось сохранить. С этого же времени были запрещены всякие прогулки вне школьной ограды и запрещено было делать какие-бы то ни было закупки на рынке. Для пропитания князей решено было присылать из Совета готовые кушанья, но затем разрешили мне готовить князьям пищу из сырых продуктов; на неделю полагалось: 28 фунтов мяса, 15 фунтов проса и одна бутылка

¹⁴⁸ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 148.

¹⁴⁹ На самом деле была изъята только часть ценных вещей и денег, поскольку после обнаружения и извлечения из шахты их тел, на телах и в одежде убитых были обнаружены некоторые ценные предметы и ювелирные изделия из серебра и золота (нательные кресты, медальоны, образки, запонки, женские и мужские часы и прочее).

конопляного масла, хлеба присылали столько, сколько требовалось, без ограничения...»¹⁵⁰.

Алапаевский краевед Н.С. Шарин привел данные об ужесточении охраны Напольной школы: «Часовые менялись через час, караул менялся два раза в сутки, т. е. утром и вечером. Люди в охрану стали подбираться преимущественно из членов партии большевиков. Непосредственное руководство по охране князей осуществлял комиссар юстиции Ефим Андреевич Соловьев. Он почти каждую смену караула приходил в школу и давал нужные указания и советы. Караул, несший охрану князей, состоял из 7 человек, включая начальника караула, он же разводящий. Прекратились воскресные выходы князей и княгинь в церковь. Прекратились выходы из помещения в любое время и были назначены определенные часы для прогулки на воздухе, внутри ограды школы... После введения строгого режима охраны, для исполнения церковных обрядов во дворе школы под навесом была устроена модельня, обставленная иконами, хоругвями и другими церковными принадлежностями. Раз в неделю приходил священник и исполнял церковную службу. ...Введение строгого режима не понравилось князьям... По уполномочию всех заключенных великий князь Сергей Михайлович, как старший по годам, по чину и положению, решил добиваться отмены строгого режима. Первоначально он потребовал свидания с комиссаром юстиции Е.А. Соловьевым, что ему было разрешено. Переговоры состоялись в здании горисполкома, куда князя привели под конвоем, но... комиссар юстиции Е.А. Соловьев объяснил князю, что распоряжение о введении строгого режима охраны последовало от областного Совета рабочих депутатов...»¹⁵¹.

Тогда великий князь Сергей Михайлович отправил в Урал-ОблСовет телеграмму следующего содержания: «Екатеринбург. Председателю областного Совета, по распоряжению областного Совета мы с сегодняшнего дня находимся под

¹⁵⁰ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 112.

¹⁵¹ Шарин Н.С. Ук. соч. (См. приложение к настоящему изданию).

тюремным режимом, четыре недели мы проживали под надзором Алапаевского совдепа и не покидали здания школы и ее двора, за исключением посещения церкви, всегда в сопровождении красноармейцев, не зная за собой никакой вины ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима, за себя и моих родственников, находящихся в Алапаевске, Сергей Михайлович Романов»¹⁵². Она была отправлена по назначению в тот же день.

Удаленным из Напольной школы лакею Ч. Круковскому, камердинеру И. Калину и крестовым сестрам В.П. Яковлевой и Е.П. Янышевой пришлось ждать несколько дней, пока решалась их судьба. Между Алапаевским Совдепом и УралОблСоветом произошел обмен телеграммами. Е. Соловьев 21 июня запросил Екатеринбург, следует ли «считать прислугу Романовых арестованными, давать ли выезд»¹⁵³, а на следующий день получил ответ: «Алапаевск. Совдеп. Прислугу на ваше усмотрение. Выезд никому [не позволять] без разрешения [в] Москву — Дзержинского, [в] Петроград — Урицкого, [в] Екатеринбург-облсовета. Объявите Сергею Романову, что заключение является предупредительной мерой против побега, [в] виду исчезновения Михаила [из] Перми (№ 4249). Белобородов»¹⁵⁴.

Последующая переписка по телеграфу между УралОблСоветом, Москвой¹⁵⁵ и Петроградом¹⁵⁶ о переводе «лиц романовского дома» на тюремный режим¹⁵⁷, состоявшаяся 22 июня, говорит о том, что Екатеринбург согласовывал свои действия с центром и, в свою очередь, контролировал местные организации, в том числе, в Алапаевске.

24 (11) июня 1918 года, когда Иван Калинин, доктор Гельмерсен, крестовые сестры Варвара Яковлева и Екатерина Янышева,

¹⁵² ГАРФ. Ф.1837. Оп. 1. Д. 71. Л. 1

¹⁵³ Там же. Л. 1–2.

¹⁵⁴ Буранов Ю.А., Хрусталева В.М. Гибель императорского дома. М.: Издательство «Прогресс», 1992. С. 287.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф.130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 35.

¹⁵⁶ Буранов Ю.А., Хрусталева В.М. Ук. соч. С. 288.

¹⁵⁷ ГАРФ. Ф.130. Оп. 2. Д.1109. Л. 35.

получив разрешение, выехали в Екатеринбург. Вскоре все желающие получили проездные документы до места их постоянного проживания.

Варвара Яковлева и Екатерина Янышева возвращаться не захотели и стали хлопотать о возвращении в Алапаевск. Старания Варвары Яковлевой вскоре увенчались успехом. Она дала подписку о желании добровольно разделить участь великой княгини Елизаветы Федоровны: «Я, нижеподписавшаяся, гражданка Российской Федеральной Республики Советов, сестра Марфо-Мариинской Обители Милосердия, Варвара Алексеевна Яковлева, даю настоящую расписку Областному Совету Рабочих, Красноармейских и Армейских Депутатов Урала и Алапаевскому Совету Раб<очих>, Кр<естьянских> и Арм<ейских> Депутатов в том, что после перевода на тюремный режим настоятельницы Обители Елизаветы Федоровны Романовой, при которой я нахожусь в качестве сестры-келейницы, мне было предложено право свободного проживания. Желая разделить с арестованной ее участь, ввиду ее немолодого возраста и устава Обители, не позволяющего оставлять Настоятельницу одну, я заявляю, что согласна на заключение под стражу, на равных с остальными заключенными условиях, с полным подчинением режиму, установленному Областным Советом, причем даю обязательство против применяемой меры не протестовать и не возбуждать ходатайство о своем освобождении впредь до окончания заключения под стражу остальных. Ввиду того, что заключение меня будет вызвано моим желанием, я обязуюсь довольствоваться из своих личных средств. — 26 июня 1918 г. Подпись: сестра Марфо-Мариинской Обители Милосердия в г. Москве Варвара Алексеевна Яковлева. 26 / 13 июня 1918 года»¹⁵⁸. В тот же день она смогла уехать в Алапаевск.

Как свидетельствовала А.С. Кривова, «через два дня после возвращения Варвары Яковлевой приехала и другая монахиня — Екатерина Петровна и привезла для князей разных продуктов, но Екатерину Петровну в школу не пустили

¹⁵⁸ ГАСО. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 25. Л. 9.

и отправили обратно, а привезенные ею продукты отобрали»¹⁵⁹. Дальнейшая судьба Екатерины Петровны Янышевой не установлена.

Сразу после убийства царской семьи в ночь с 17 на 18 июля 1918 года по приказу УралОблСовета узники Напольной школы были увезены из Алапаевска по дороге на Верхнюю Синячиху¹⁶⁰ к заброшенной каменноугольной шахте № 11 (1051), находившейся на 12 версте от Алапаевска.

Подготовка к убийству началась за несколько дней до этого, о чем красноречиво говорят воспоминания Ефима Леонидовича Середкина¹⁶¹, бывшего в то время председателем Верхне-Синячихинского совета¹⁶².

По показаниям свидетелей можно восстановить основные детали последнего дня жизни алапаевских мучеников. Крестьянин П.К. Старцев сообщил следствию, что «...17 июля 1918 года... князьям было объявлено, что они переводятся в Синячихинский завод... Сборы были недолгие, так как вещей у князей осталось очень мало и они уложили в маленькие чемоданчики»¹⁶³.

А.С. Кривова показала, что в этот день приехало местное начальство: «обед я подавала в 6 часов, и во время обеда большевики все торопили “Обедайте скорее, в 11 час<ов> ночи поедем

¹⁵⁹ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 113.

¹⁶⁰ Верхняя Синячиха — поселок городского типа, расположенный в Алапаевском районе Свердловской области в 15 км от города Алапаевска и 150 км от Екатеринбурга. Основан на месте бывшего мансийского поселения на р. Сяньгой (русский вариант названия реки — Синячиха). В 1769 году в связи с обнаружением в районе реки Синячихи железной руды Саввой Яковлевичем Яковлевым была начата постройка Верхне-Синячихинского металлургического завода и поселка для рабочих. В начале XX века. Верхне-Синячихинский металлургический завод в Верхотурском уезде Пермской губернии относился к заводам Акционерного общества наследников С.С. Яковлева.

¹⁶¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 178. Л. 89.

¹⁶² Там же. Д. 26. Стенограмма выступления старых большевиков Алапаевска от 6 января 1933 года. Л. 19-21.

¹⁶³ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 135.

в Синячиху”. Я стала укладывать продукты, но большевики сказали мне, ...что я могу завтра привезти их в Синячиху»¹⁶⁴.

Все делалось таким образом, чтобы обреченные ни о чем не догадались. Сергей Михайлович даже дал А.С. Кривовой кое-какие поручения и попросил ее остаться у них на службе.

В начале 12-го часа ночи к зданию Напольной школы подъехали частью на заводских лошадях, частью на собственных члены Алапаевской ЧК, руководства Алапаевского и Верхне-Синячихинского советов и несколько охранников Напольной школы. Узникам было объявлено, что их повезут на дачу, затем «каждый из князей, княгиня, управляющий и монахиня были посажены в отдельные коробки и с каждым из них сел рядом провожатый из числа прибывших»¹⁶⁵.

Этот путь оказался последним для великого князя Сергея Михайловича, великой княгини Елизаветы Федоровны, князей Иоанна Константиновича, Константина Константиновича, Игоря Константиновича и Владимира Палей, а также сопровождавших их лиц — крестовой сестры Варвары Яковлевой и Ф.М. Ремеза.

Затем было сделано все, чтобы скрыть следы преступления. Алапаевские власти заявили о похищении, в Напольной школе были сфальсифицированы улики. О «бегстве» родных из Алапаевска княгиня Елена Петровна узнала, сидя в екатеринбургской ЧК, и была рада, что они вне опасности.

Екатеринбургские мытарства княгини

Приехав в Екатеринбург 18 (5) июня, княгиня Елена Петровна первым делом пошла в Уральский областной совет. На просьбу о разрешении на проезд в Петроград, А.Г. Белобородов сказал, что не может знать, добровольно ли она поехала за мужем или находится в ссылке, однако пообещал в ближайшее время запросить Москву. Княгиня отправила телеграмму Мирославу Спалайковичу, полученную в Вологде 21 (8) июня,

¹⁶⁴ Там же. С. 114–115.

¹⁶⁵ Там же.

с просьбой устроить ее возвращение к детям¹⁶⁶. Посланник уже знал о проблеме из открытки, отправленной Еленой Петровной Анастасиевичу и вынесенной из Напольной школы за корсажем кухарки А.С. Кривовой. М. Спалайкович ответил Елене Петровне, что высылает за ней сербскую миссию, однако из-за организационных сложностей выезд из Петрограда смог состояться только 28 (15) июня¹⁶⁷.

Накануне дня, когда была получена телеграмма посланника Спалайковича, в Атамановские номера к княгине пришли высланные из Алапаевска сопровождавшие августейших ссыльных лица. Среди них были Иван Калинин, камердинер князя Игоря Константиновича и крестовая сестра Е.П. Янышева.

Узнав о переводе Иоанна Константиновича на тюремный режим, Елена Петровна принимает решение немедленно вернуться в Алапаевск. Она вновь идет к А.Г. Белобородову, но теперь уже за разрешением ехать в Алапаевск и разделить с мужем его судьбу. В УралОблСовете с нее также взяли подписку, что она добровольно идет под арест и обязуется не обращаться за помощью к иностранным дипломатам, даже если они будут делать какие-то шаги в ее пользу¹⁶⁸. Однако разрешение на поездку она все равно не получила.

В этот момент она получает известие, что за ней выехала сербская миссия. Елена Петровна решила ее дожидаться¹⁶⁹. Но времени зря она не теряла: успела несколько раз побывать в английской и американской миссиях, возобновив знакомство, начатое в предыдущий приезд в Екатеринбург. Дело

¹⁶⁶ *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 13.

¹⁶⁷ Там же. С. 16.

¹⁶⁸ Текст этой расписки С.Н. Смирнов приводит полностью: «Я, гражданка Королевства Сербского Елена Петровна, по мужу Романова, желая разделить тюремный режим мужа, добровольно возвращаюсь в Алапаевск, где обязуюсь переносить тот же режим, принимая на себя все расходы по моему содержанию. Я обязуюсь не обращаться к защите иностранных посольств, а если таковые сделают шаги в мою пользу, я отказываюсь воспользоваться результатами этих шагов. Елена Петровна Романова, Королевна Сербская» // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 27.

¹⁶⁹ Там же. С. 28.

в том, что посланник Спалайкович просил американского посла Дэвида Френсиса о содействии американского консульства в Екатеринбурге княгине, и она об этом знала¹⁷⁰. Однако в протоколе допроса в екатеринбургской ЧК она сообщила, что в консульство она пришла с целью передать на хранение свои драгоценности (см. приложение к данному изданию).

Заметим, что Английское и Американское консульства, располагавшиеся в то время в двухэтажном особняке под № 27 на Вознесенском проспекте, находились неподалеку от дома инженера Ипатьева.

Встречи с княгиней были упомянуты в воспоминаниях Томаса Престона, бывшего английским консулом в Екатеринбурге с 1913 года. Однако по его данным получается, что Елену Петровну больше всего интересовали политические вопросы и именно они были целью ее визитов: «Меня в консульстве часто навещала княгиня Елена Сербская. Она сказала мне, что среди большевиков утверждается, что им необходима подпись императора на Брест-Литовском договоре. Это было бы большим ударом для союзников, и она добавила, что все должно быть сделано, чтобы это предотвратить. Она также говорила, что всем известно, что царь, когда его спросили об этом, категорически отказался также обсуждать это. В то время он совсем не думал, что может заплатить за верность своему народу и своим союзникам своей жизнью и жизнью своей семьи... Надо полагать, что, хотя обращение с царской семьей было плохим, не было намека на их убийство. И Чуцкаев¹⁷¹ и Белобородов¹⁷² постоянно заверяли меня, как дуайена местного дипломатического корпуса, что опасность им не угрожает. Княгиня Елена, смелая жена князя Иоанна, продолжала посещать меня в консульстве (хотя местное ЧК предупреждало ее не делать этого) и делилась своими

¹⁷⁰ Там же. С. 27.

¹⁷¹ Чуцкаев Сергей Егорович (1867–1944). В 1918 году — Председатель исполкома Городского совета, член Уральского областного совета и член коллегии Уральской областной ЧК.

¹⁷² Белобородов Александр Георгиевич (1891–1938). В 1918 г. — Председатель исполкома (президиума) Уральского областного совета.

страхами относительно опасности для царской семьи попасть в руки немцам и поэтому стать козырной картой для России, переходящей на германофильские позиции»¹⁷³. Все-таки нам кажется, что Елена Петровна надеялась получить помощь в облегчении положения мужа и его родственников, как позже надеялась, что дипломаты союзников помогут ей покинуть тюремную камеру.

В английском консульстве княгиня Елена Петровна познакомилась с проживавшей там английской сестрой милосердия, австралийкой по происхождению, Флорой Риббул. Ее муж сражался добровольцем на Салоникском фронте, а она была сестрой милосердия на русском фронте. Княгиня Елена Петровна хотела взять Флору Риббул с собой в Алапаевск. Впрочем, об этом чуть позже.

Несколько раз княгиня заходила к доктору В.Н. Деревенко, которому почти ежедневно разрешалось бывать в Ипатьевском доме для осмотра цесаревича Алексея. Несомненно, это был тот человек, с которым было можно обсуждать положение царской семьи, которой она так сочувствовала.

Елена Петровна посетила Академию Генерального штаба, нашла там знакомого стрелка Императорской Фамилии и много гуляла с ним по городу¹⁷⁴.

Сербская миссия прибыла в Екатеринбург утром 4 июля (21 июня) 1918 года и узнала, что Елена Петровна не желает ехать в Петроград, а стремится как можно скорее вернуться в Алапаевск. Более того, княгиня не захотела, чтобы сербская миссия сопровождала ее в полном составе, а предложила ограничиться одним унтер-офицером.

5 июля (22 июня) княгиня письменно обратилась к Белобородову за разрешением для Флоры Риббул и Милана Божичича проводить ее до Алапаевска. Мы предполагаем, что Елена Петровна в полной мере осознавала опасность для мужа, поэтому и настояла, чтобы с ней поехали только два иностранца, в том числе, сестра милосердия. Возможно, она

¹⁷³ *Preston Thomas. Before the Curtain. P. 98–99.*

¹⁷⁴ *Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 29.*

надеялась, что в ее присутствии ничего страшного не случится. Сербская миссия должна была дожидаться возвращения Божичича. В наши дни, когда мы знаем, как развивались события дальше, конечно, этот план кажется наивным. Но что еще могла сделать княгиня в той ситуации?

Итак, А.Г. Белобородов требуемое разрешение дал, однако, комиссар на железнодорожной станции посчитал его оформленным не по правилам и билеты им не продали.

Далее С.Н. Смирнов пишет, что княгиню в тот же день задержали и отвезли «на беседу» в ЧК. Предметом разговора стали цели пребывания в Екатеринбурге сербской миссии¹⁷⁵. По-видимому, княгиню отпустили либо ночью, либо на следующий день утром, так как мы читаем у Смирнова: «княгиня поспешила переехать к нам в вагон»¹⁷⁶, а страницей позже — что «вечером 6-го, когда княгиня уже поселилась у нас в вагоне», военный комиссар железнодорожной станции потребовал, чтобы Елена Петровна явилась к нему лично, княгиня подчинилась, и в сопровождении майора Мичича отправилась к нему, вернувшись уже под утро. Несмотря на то, что у них уже было новое разрешение Белобородова, билеты им вновь не продали¹⁷⁷.

7 июля Мичич и Смирнов уже в который раз отправились в приемную Белобородова, его не застали, но получили совет обратиться к «товарищу Гореву»¹⁷⁸, ведущему их дело». Вечером того же дня Елену Петровну и сербскую миссию задержали на железнодорожном вокзале и отвезли в Американские номера, где располагалась екатеринбургская ЧК¹⁷⁹. Эти данные подтверждаются протоколом допроса княгини Елены

¹⁷⁵ Там же. С. 31.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же. С. 32.

¹⁷⁸ Здесь Смирнова, вероятно, подводит память. Речь идет о сотруднике Уральской Областной ЧК Владимире Митрофановиче Горине (1885–1938). Его подпись стоит на протоколе допроса М. Божичича от 14 июля 1918 г. // ГАСО. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 2. Л. 12. Можно предположить, что В.М. Горин же в тот день допрашивал в ЧК и княгиню Елену Петровну.

¹⁷⁹ Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 34.

Петровны от 14 июля 1918 года (см. приложение к настоящему изданию).

В екатеринбургской ЧК Елену Петровну подвергли личному досмотру, о чем она написала в своих воспоминаниях. В обыске вещей и личном досмотре сербской миссии принимал участие Я.М. Юровский.

На следующий день к задержанным присоединилась Флора Риббул: не обнаружив Елену Петровну на вокзале в момент предполагаемого отъезда в Алапаевск, она стала наводить справки о княгине и тоже была задержана. Затем о них на некоторое время «забыли». Первый допрос княгини Елены Петровны, как мы уже знаем, состоялся 14 июля, на следующий день после посещения ЧК тремя консулами — американским, английским и французский. После допросов из всех спутников княгини Елены Петровны, 5 июля отпустили... Флору Риббул.

20 (7) июля 1918 года Елена Петровна и четверо членов сербской миссии были отправлены в пермскую тюрьму. Княгиня еще несколько месяцев не знала, что ее муж и их родственники убиты, она надеялась на скорое освобождение и воссоединение семьи.

Свои чувства и надежды того периода Елена Петровна прекрасно передала в своих записках, к которым нам придется еще не раз обратиться, чтобы почувствовать гнетущую атмосферу тех дней.

Авторы-составители подготовили к публикации текст воспоминаний Елены Петровны «Я была в Екатеринбурге», из L'Illustré, наиболее полный из имеющихся в их распоряжении. Нами было оставлено редакционное вступление, характеризующее документ с точки зрения издателя, при этом мы убрали анонсы, не несущие смысловой нагрузки.

К публикации приложено предисловие, сохранившееся в американском архиве, а также несколько документов разного рода, дополняющих рассказ княгини и дающих представление об эпохе.

Король Петр, сербская принцесса Елена и князь крови императорской Иоанн Константинович в период торжеств в Белграде, посвященных помолвке дочери сербского короля и члена Дома Романовых.

Фрагмент кинохроники «Скачки на Баныце». 1911, август

Княгиня Елена Петровна с сыном Всеволодом.
Фотография. 1915. ГА РФ

Гобелен с изображением королевы Марии-Антуанетты и ее детей
в Угловой гостиной Александровского дворца в Царском Селе.
Фотография. 1930-е гг. ГМЗ «Царское Село»

Княгиня Елена Петровна в форме сестры милосердия.
Почтовая открытка начала XX в.

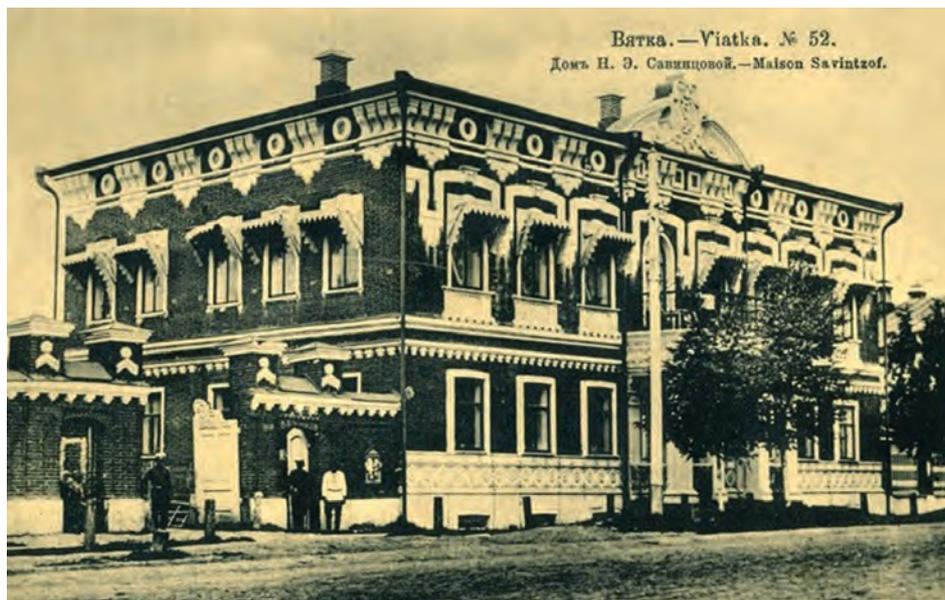

Сербский отдѣлъ.

Сербское отделение склада княгини Елены Петровны
в Мраморном дворце (1914–1917). В центре – князь Иоанн Константинович,
справа от него – княгиня Елена Петровна.
Фотография из журнала «Столица и усадьба». 1916

Дом купчихи Н.Э. Савицовой, где в апреле 1918 г. жила княгиня Елена Петровна
и члены ее семьи. Вятка.

Почтовая открытка начала XX в.

Перрон нового вокзала Екатеринбурга. Фотография. Лето 1918 г.

Источник: Россия: XX век в фотографиях. 1900–1917. Альбом.

М.: Московский дом фотографии, 2007

Гостиница наследников В.А. Атаманова – 1-е здание слева на фото.
На 2 и 3 этаже этого дома располагалась гостиница «Атамановские номера».

Фотооткрытка. 1913 г. Фотограф Н.А. Терехов.

На заднем плане Богоявленский кафедральный собор Екатеринбурга

*Ее королевское высочество
принцесса Елена Сербская*

Я БЫЛА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

РАНЕЕ НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ ВОСПОМИНАНИЯ О «ТАЙНЕ АНАСТАСИИ»*

В тот момент, когда должен возобновиться Гамбургский процесс, в ходе которого будут вновь предприняты попытки разгадать таинственную историю неизвестной женщины, вытасченной из канала в Берлине после попытки самоубийства 38 лет назад, той, которая сейчас известна под именем Анны Андерсон и которая с неумолимым упорством утверждает, что является великой княжной Анастасией, чудом спасшейся в ходе расстрела семьи русского императора, новый свидетель выходит из тени.

Это очень важный свидетель: единственный член императорской семьи, единственная Романова, оставшаяся в живых после событий в Екатеринбурге и сибирских тюрем, где погибли все находившиеся там вместе с ней родственники русского царя, нарушила долгое добровольное молчание. Речь идет о члене многих королевских и императорских династий — Елене, дочери сербского короля Петра I, сестра убитого в Марселе короля Югославии Александра I. По материнской линии она приходится внучкой черногорскому королю Николаю I, и носит имя своей тетки Елены, супруги итальянского короля, заменившей ей мать, которая скончалась, когда девочке было 4 года. Ее муж, родственник царя Николая II, князь императорской крови Иоанн Константинович Романов, был убит вместе со своими братьями под Алапаевском, за Уралом, в то же время, когда произошло убийство в Екатеринбурге. Рассказ Ее королевского высочества, принцессы Сербской, о последних днях императорской семьи — это свидетельские показания, поскольку она сама находилась в Екатеринбурге в руках убийц царя и его детей. Ее свидетельства проливают новый свет на события, связанные с убийством

* Перевод с французского Надежды Маргино.

императорской семьи, а также на «тайну Анастасии»: с ее точки зрения, «тайны Анастасии» нет и не может быть, поскольку единственная настоящая Анастасия¹ погибла вместе со своими близкими в Екатеринбурге. Ее рассказ — это прежде всего поразительная человеческая история, которую немногим пришлось пережить даже и в нашу эпоху, столь богатую на трагические события. «Тот, кому посчастливилось хотя бы раз встретить эту замечательную женщину, никогда не забудет ее мягкий и пронизательный взгляд, большие глаза с отсветом темного сапфира, в которых отражается ее утонченная скромность, глубокий ум и редкая сила характера. Судьба даровала мне возможность быть рядом с ней в трагические дни русской революции, и я с душевным волнением вспоминаю человеческие качества принцессы, этого ребенка из чудесной сказки, и в то же время — те страшные испытания, которые ей довелось пережить с замечательной стойкостью, самоотверженностью и смирением». Так вспоминает о принцессе Елене М<ирслав> Спалайкович, посланник Сербии в России, в предисловии к книге об убийстве семьи Романовых. В немалой степени благодаря его усилиям, Елене удалось избежать участи всех ее близких. В 1927 году, будучи посланником в Париже, он выразил надежду на то, что принцесса сама расскажет о событиях своей жизни. В течение сорока последующих лет принцесса хранила молчание и сейчас, наконец, решила заговорить. Вот ее рассказ.

Гроза над Санкт-Петербургом

Конец января 1917 года. Все мы были во власти гнетущих тревожных чувств. Ощущался подъем революционных настроений, симптомы этой лихорадки проявлялись повсюду.

¹ Великая княжна Анастасия Николаевна (5 (18) июля 1901, Петербург — 17 июля 1918, Алапаевск), младшая дочь императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

В этот момент я получила письмо от второй дочери царя, великой княжны Татьяны².

В Санкт-Петербурге был сформирован комитет помощи беженцам из Сербии³, которые, спасаясь от захватчиков, прибывали в Россию через Румынию. Будучи почетным председателем этого комитета, Татьяна поручила мне⁴ лично отправиться в Елисаветград⁵, к северу от Одессы, где, помимо многочисленной группы беженцев⁶, располагались две

² Великая княжна Татьяна Николаевна (29 мая (10 июня) 1897, Петергоф — 17 июля 1918, Екатеринбург), вторая дочь императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

³ Комитета с таким названием в Петрограде не существовало. По видимому, княгиня Елена Петровна имела в виду Комитет великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет), образованный 14 сентября 1914 года по Высочайшему указу. Великая княжна Татьяна Николаевна была почетным председателем, но лично участвовала в его деятельности.

⁴ По свидетельству С.Н. Смирнова, управляющего городом Павловском и участника этой поездки, княгиня Елена Петровна ездила на юг России по поручению своего отца, короля Петра. В ее задачу входили смотр Сербского добровольческого корпуса и посещение сербских беженцев в Одессе, Воскресенске и Елисаветграде. Поводом для визита княгини Елены Петровны стала подготовка к переброске Сербского добровольческого корпуса на Салоникский фронт. Появление представителя сербской королевской династии должны были укрепить дух воинов, сотрясаемого беспорядками, и дать надежду беженцам на то, что родина их не оставила. (См.: *Шевцова Г.И.* Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. М.: Союз-дизайн, 2017. С. 399–407).

⁵ В настоящее время город Кропивницкий (до 2016 года — Кировоград) на Украине. В 1754 году по указу императрицы Елизаветы Петровны была заложена крепость св. Елисаветы, давшая впоследствии имя городу, разросшемуся вокруг нее. В советское время он трижды переименовывался.

⁶ После поражения сербской армии осенью 1915 года, значительная часть населения Сербии стала беженцами. Часть из них нашла приют в России, в основном, на юге. Одним из мест компактного проживания сербских беженцев стал Елисаветград, где местное отделение Татьянинского комитета под председательством предводителя дворянства барона М.П. Медема оказывало им всестороннюю помощь. В ноябре

добровольческие сербские дивизии⁷, большая часть из которых до перехода на сторону России служили в составе австро-венгерской армии.

Я жила с моими двумя детьми в Павловске⁸, в огромном поместье, которое досталось моему мужу после смерти его

1915 года по инициативе херсонского губернатора В.Г. Ветчина, опираясь на помощь городских властей, начал работу Комитет попечительства о сербских беженцах. Его руководителем также стал М.П. Медем. Подробнее о деятельности этого комитета см.: *Шевцова Г.И.* Помощь российской общественности и государства сербским беженцам (октябрь 1915 — октябрь 1917 гг.) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 2 (65).

⁷ С 1915 года, на основании соглашения между Россией и Сербией, в лагерях военнопленных на территории Российской Империи начали набирать добровольцев для пополнения сербской армии. Первоначально предполагалось, что их будут перебрасывать на территорию Сербии, но уже с октября, с момента вступления Болгарии в войну, это оказалось невозможно. В конце 1915 года была реализована инициатива превращения сербских добровольцев, застрявших в России, в отряд, для чего была продолжена вербовка славян в лагерях военнопленных. В феврале 1916 года принимается решение о создании сербской дивизии из четырех полков. Летом 1916 года начала формироваться 2-ая дивизия. Тогда же принимается решение свести две сербские дивизии в один корпус под командованием генерала М. Живковича. Несмотря на то, что это было слабое, наспех подготовленное и плохо укомплектованное воинское подразделение, в августе 1916 года Сербский добровольческий корпус принимает участие в военных действиях в Добрудже. Это политическое решение стоило жизни 80% личного состава, несмотря на личное мужество и героизм солдат и офицеров. Сербский добровольческий корпус осенью 1916 года был отведен с фронта для переукомплектования. Начинается спешный набор, в котором нарушается принцип добровольности. Сербский добровольческий корпус сотрясает волна беспорядков на религиозной и национальной почве. С конца 1916 года его стали готовить к переброске на Салоникский фронт. Подробнее см.: *Вишняков Я.В.* Братья по оружию. Очерк деятельности сербских добровольцев в России. С. 46–60 // Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. Сб. документов. М., 2014.

⁸ Загородная резиденция семьи великого князя Константина Константиновича и его семьи. После смерти отца последним владельцем Павловска (1915–1917) стал князь Иоанн Константинович. Именно этот дворец он и княгиня Елена Петровна считали своим домом.

отца, великого князя Константина <Константиновича>⁹, двумя годами раньше. По соседству с нами в Царском Селе жила императорская семья. Наш дворец, построенный Екатериной II в классическом стиле, был очень красив. Мой муж, штабс-ротмистр Лейб-Гвардии Конного Его Величества полка, состоял флигель-адъютантом при царе и с начала войны находился на восточно-прусском фронте.

Получив письмо от Татьяны <Николаевны>, я тотчас же отправилась в путь в сопровождении сербского посланника Спалайковича, преданного друга моего отца, короля Петра I, и медсестры¹⁰. Нас ждал специальный поезд.

⁹ Константин Константинович (10 (22) августа 1858, Стрельна — 2 (15) июля 1915, Павловск), великий князь, внук императора Николая I, генерал-адъютант (1901), генерал от инфантерии (1907). Официальной резиденцией семьи Константиновской ветви Дома Романовых был Мраморный дворец в Петербурге.

¹⁰ По свидетельству С.Н. Смирнова, кроме него самого, в поездке княгиню Елену Петровну сопровождали посланник Мирослав Спалайкович и Людмила Николаевна Гартвиг, дочь умершего в 1914 году русского императорского посланника при сербском королевском дворе. Елена Петровна знала ее еще до замужества. Во время балканских войн Л.Н. Гартвиг работала сестрой милосердия в Иверском госпитале в Белграде, а с началом Первой мировой войны — на складе княгини Елены Петровны в Мраморном дворце (заведовала сербским отделом) // НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова (находится в стадии обработки).

Можно предположить, что одной из целей этой поездки было поднятие духа в Добровольческих сербских дивизиях, сотрясаемых бесконечными скандалами. Большая часть служащих в них солдат, до перехода на сторону России служили в составе австро-венгерской армии, а затем либо дезертировала оттуда, либо была взята в плен. Все они дали согласие воевать на стороне сербской армии. Из-за вступления в войну Болгарии и возобновления военных действий в октябре 1915 года доставить добровольцев в Сербию не удалось. Из них в ноябре 1915 года начали формировать 1-ю сербскую добровольческую дивизию, впоследствии была сформирована и 2-ая. Подробнее см.: *Вишняков В.Я. Сербский добровольческий корпус в России. 1916–1917 // Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны. М.: РИСИ, 2016. С. 87–123.*

В окружении храбрецов

Посреди бескрайней белой равнины на окраине Елисаветграда две сербские дивизии, выстроившись в каре, застыли в снегу в ожидании моего прибытия. Их командующий, знаменитый «железный генерал» Михайло Живкович¹¹, который получил это прозвище за героическое сопротивление во главе одной дивизии пяти немецким и австрийским дивизиям при осаде Белграда¹², вышел ко мне с приветствием. Следуя за ним, я обошла обе дивизии, с трудом пробираясь через снег.

В ледяном воздухе, при температуре 20 градусов ниже нуля, я изо всех сил прокричала боевой клич сербской армии:

— Помози вам Бог, юнаци! (Да поможет вам Бог, храбрецы!)

Двадцать тысяч голосов дружно ответили:

— Бог ти помого! (Да хранит тебя Бог!)

По моей просьбе генерал Живкович собрал и объединил в этих двух дивизиях флаги сербских полков, спасенные в бою 1915 года. Знаменосцы встали в круг, и я склонилась перед каждым из наших славных знамен. Они все были украшены самыми высокими сербскими и русскими наградами за отвагу. Целуя складки на знаменах, я чувствовала прикосновение к моей далекой родине. Несмотря на попытки скрыть

¹¹ Живкович Михайло (22 сентября 1858, Белград — 23 апреля 1930), генерал сербской армии, командующий Сербского добровольческого корпуса (с октября 1916). После эвакуации сербской армии переехал в Россию.

¹² Боевые действия на Балканском фронте начались 28 июля 1914 года с артиллерийского обстрела Белграда с территории Австро-Венгрии. Он продолжался в течение четырех месяцев. При этом делались неоднократные попытки захватить столицу Сербии. Обороной Белграда руководил генерал Михайло Живкович. 2 декабря 1914 года австрийцам удалось войти в город, однако уже 15 декабря сербы его вернули. В ночь с 6 на 7 октября после недели ожесточенных боев немецкие войска заняли город // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М.: Индрик, 2002. С. 102–105.

волнение, я не смогла сдержать слез, которые сразу же замерзали на моих щеках.

Генерал представил мне своих офицеров, указав особо на лейтенанта, глаза которого скрывала черная повязка. Это был хорватский доброволец, Луйо Ловрич, который был ранен в лицо в ходе последних боев и остался слепым. Однако, как только раны зажили, он вернулся к своим боевым товарищам. Потрясенная рассказом, я долго сжимала руку этого храбреца из храбрецов.

Немного позже, когда мы остались наедине, генерал Живкович сказал:

— Когда вы увидите Его величество царя, могли бы вы от моего имени попросить о Георгиевском кресте для этого героя?

— Это первое, что я сделаю, когда вернусь в Царское Село, — ответила я.

До возвращения в Санкт-Петербург я также должна была поехать на русский фронт, около Луцка¹³, где находился лазарет¹⁴, который мы с моим мужем переоборудовали взамен

¹³ Перед возвращением в Петроград княгиня Елена Петровна заехала на Юго-Западный фронт, в составе которого в лейб-гвардии Измайловском полку служил младший брат ее мужа, князь Константин Константинович. Проездом она остановилась в Киеве. В дневниках императрицы Марии Федоровны, проживавшей там, в записи от 31 января (13 февраля) 1917 года можно найти следующие строки: «К чаю пришла Елена Петровна, была [очень мила]. Она приехала из Одессы и направляется в [Луцк]» // Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М.: Вагриус, 2005. С. 173. Можно также предположить, что Елена Петровна нанесла визит и августейшим теткам — великим княгиням Милице Николаевне и Анастасии Николаевне. Затем княгиня проследовала в Луцк. В расположение Измайловского полка она привезла подарки, собранные сотрудниками ее склада // НБС. Р-699 / I / 1–4. С. 24.

¹⁴ В августе 1914 года по инициативе княгини Елены Петровны на средства семьи великого князя Константина Константиновича организован и отправлен на фронт подвижной лазарет Мраморного дворца. Его финансирование на личные и привлеченные средства семья великого князя осуществляла до марта 1917 года.

утраченного в Восточной Пруссии в ходе разгрома армии генерала Раненкампа¹⁵. Траншеи, по которым я пробиралась под интенсивным огнем немецкой артиллерии, удерживались лейб-гвардии Измайловским полком¹⁶ и находились всего в нескольких верстах от немецких укреплений.

Последняя встреча с императором

Через три-четыре дня после моего возвращения в Павловск я узнала, что царь только что вернулся из своей *Ставки* (штаб-квартиры), которая располагалась в Могилеве, в 250 км от Санкт-Петербурга. Наследник Алексей <Николаевич>¹⁷ и старшая дочь царя Ольга <Николаевна>¹⁸ тяжело заболели, и врачи только разводили руками, не зная, что делать.

Я написала Татьяне <Николаевне>¹⁹, чтобы сообщить о моем возвращении и попросить царя об аудиенции. Ответ

¹⁵ Раненкампа Павел Карлович (17 апреля 1854 — 12 апреля 1918, Таганрог), генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В начале Первой мировой войны командовал 1-й армией Северо-Западного фронта.

¹⁶ Лейб-гвардии Измайловский полк был сформирован в 1730 году по указу императрицы Анны Иоанновны. В декабре 1883 — апреле 1891 года командиром «Государевой роты» был великий князь Константин Константинович. В полку он основал литературно-художественный кружок «Измайловские досуги», призванный повысить культурный уровень офицерства. С 1910 года и до отставки в апреле 1917 года в лейб-гвардии Измайловском полку, продолжая семейные традиции, служил князь Константин Константинович.

¹⁷ Алексей Николаевич, цесаревич и великий князь (12 августа 1904, Петербург — 17 июля 1917, Алапаевск), единственный сын императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, наследник Российского престола.

¹⁸ Ольга Николаевна (3 (15) ноября 1895, Петербург — 17 июля 1918, Екатеринбург), великая княжна, старшая дочь императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

¹⁹ По воспоминаниям С.Н. Смирнова, княгиня Елена Петровна по возвращении их поездки написала великой княжне Ольге Николаевне // НБС. Р-699 / I / 1-4. С. 24-25.

пришел сразу: император приглашал меня на завтрашний обед. Это было 21 февраля 1917 года.

Императрица приняла меня в своем салоне, и в тот момент, когда мы говорили о моем путешествии и о военных госпиталях, которые я посетила на фронте, вошел император. Я никогда не видела у него столь серьезное и печальное лицо и беспокойный взгляд. Император, которого мы привыкли видеть в радостном настроении, показался мне постаревшим и усталым. К тревогам из-за нависшей над Россией угрозы, которая тяготила его так же, как и нас всех, прибавились волнения в связи с болезнью детей²⁰. Однако он постарался скрыть свое беспокойство и проявить ко мне интерес и внимание, без конца задавая вопросы о моих встречах с сербскими и русскими солдатами.

Поблагодарив царя за все, что Россия делала для Сербии, я сказала ему:

— Все, что я увидела в этом сербском лагере, было безупречно. Все наши офицеры и солдаты столь признательны Вашему Величеству, столь счастливы быть в России!

Внезапно его мягкий взгляд словно озарился лучом света. Под воздействием чувств он вскричал:

— Сербы — герои! Они достойны всего, что Россия и я смогли сделать для них. Ты можешь сказать своему отцу и всем твоим соотечественникам, что я сумею добиться признания и защитить их интересы, когда будет заключен мир. Я сделаю все для того, чтобы Сербия получила все территории, на которых живут сербы.

Видя его в столь хорошем расположении духа, я осмелилась обратиться к нему с просьбой, о которой я все время думала:

²⁰ Первые упоминания о болезни царских детей можно найти в дневниках императорской четы с 10 февраля 1914 г. // Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны в двух томах. Т. 1. М.: ПРОЗАиК, 2012. С. 128.

— Могу ли я просить Ваше Величество о милости для одного офицера, не серба, а хорвата, который лишился глаз в сражении?

И я рассказала ему историю лейтенанта Ловрича.

Он внимательно выслушал меня и с теплотой ответил:

— Я хочу, чтобы ему немедленно вручили медаль. И поскольку речь идет об офицере сербской армии, я также попрошу военного министра вручить награду и тебе.

Так три дня спустя я получила Георгиевский крест и императорский указ о награждении лейтенанта Ловрича.

Чтобы лучше описать мои отношения с царем, я бы хотела вернуться на несколько лет назад. 1 сентября 1911 года я приехала в Санкт-Петербург²¹, чтобы выйти замуж за Иоанна <Константиновича>, троюродного брата императора. Накануне бракосочетания в императорском дворце в Петергофе был дан большой официальный ужин. Насколько я помню, было более тысячи приглашенных. Я сидела слева от царя, а справа от него сидела его тетка, великая княгиня Мария Павловна²². Вскоре посреди общего разговора царь обратился ко мне:

— Коль скоро с завтрашнего дня ты станешь членом моей семьи, я прошу тебя говорить мне «ты» и называть «Ники».

Признаюсь, что у меня от этого перехватило дыхание, так что я не сразу смогла ответить. Справившись, наконец, со своими чувствами, я ответила:

²¹ Свадьба сербской принцессы Елены Карагеоргиевич и князя крови императорской Иоанна Константиновича состоялась 21 августа (3 сентября) 1911 года в Петергофе. В Санкт-Петербург высоконазначенная невеста приехала в сопровождении короля Петра и престолонаследника Александра 19 августа (1 сентября). На следующий день в Большом Петергофском дворце состоялся парадный обед в честь короля Петра и его дочери // Правительственный вестник. 1911. 22 августа (4 сентября). С. 2.

²² Великая княгиня Мария Павловна (2 (14) мая 1854, Мекленбург-Шверин — 6 сентября 1920, Франция), рожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская, вдова великого князя Владимира Александровича, младшего брата императора Александра III.

— Государь, уверяю Вас, что я в первый и последний раз ослушаюсь вашего приказа. Но я никогда не смогу обратиться к Вашему Величеству иначе, нежели я делаю это сейчас.

— Какая глупость! — засмеялся он.

— Нет, Ваше Величество. Мой отец убил бы меня за это!

Мой отец, сидящий возле императрицы с другой стороны стола, подмигнул мне, чтобы дать мне понять, что одобряет мое поведение. Царь же расхохотался, но не выразил недовольство моим «непослушанием».

Когда я была еще маленькой девочкой, мой отец в шутку называл меня «поджигательницей», как звали знаменитую анархистку Луизу Мишель²³. Я совсем не была революционеркой, но часто восставала против несправедливости, непонимания и особенно тогда, когда меня пытались заставить изменить мнение вопреки моей воле.

Царь благословил меня

После того как вопрос о награде для нашего героя столь удачно решился, мы перешли в столовую. Обычно император и императрица обедали вместе с детьми. Но в тот день мы остались одни, вдвоем.

После обеда императрица спросила меня, хочу ли я встретиться с Ольгой <Николаевной>, ее старшей дочерью. И тут же добавила, как если бы хотела предупредить меня о том, что ее болезнь не заразна:

— У нее воспаление уха.

Мы вошли в комнату больной.

Ольга <Николаевна> всегда была ко мне очень расположена. Так, сразу же в начале разговора она спросила:

²³ Мишель Луиза (1830–1905), одна из ярчайших звезд Парижской Коммуны, Красная Дева Монмартра, сельская учительница, поэтесса, феминистка. Несмотря на то, что была незаконнорожденной дочерью прислуги, в семье отца она получила прекрасное домашнее образование. Была яркой, харизматической личностью, проповедовала идеи анархизма, была сторонницей Кропоткина и Бакунина.

— У тебя есть известия о твоём брате?

На тот момент мой брат Александр, принц-регент и верховный главнокомандующий, был на фронте в Салониках вместе с сербской армией.

Я ответила Ольге <Николаевне> утвердительно и прибавила, что у него все хорошо и что в своем последнем письме он спрашивал о ней и ее сестрах. На ее горевшем от лихорадки лице появилась улыбка. Не говорило ли это о том, что мой брат мог бы жениться на старшей дочери царя? Если бы только Богу это было угодно! Она сегодня была бы жива.

Я не смогла увидеть ни Татьяну <Николаевну>, ни Анастасию <Николаевну>. Они также были прикованы к постели с подозрением на корь. Из пятерых детей царя только третья дочь, Мария <Николаевна>²⁴, чувствовала себя хорошо.

Прощаясь с Ольгой <Николаевной>, чтобы более не утомлять ее, с недобрим предчувствием на душе я крепко прижала ее к себе и поцеловала, несмотря на свою уверенность в том, что воспалительный процесс в ухе не может вызвать такую сильную лихорадку. Надо сказать, что в течение трех лет до рождения моего сына Всеволода²⁵ в 1914 году, я изучала медицину в Санкт-Петербургском университете²⁶ и оставила учебу с большим сожалением.

²⁴ Мария Николаевна (14(26) июня 1899, Петергоф — 17 июля 1918, Екатеринбург), великая княжна, третья дочь императорской четы.

²⁵ Всеволод Иоаннович (7(20) января 1914, Петербург — 18 июня 1973, Париж), князь крови императорской с титулом высочества.

²⁶ Согласно обнаруженным архивным данным, с 7 января 1913 года княгиня Елена Петровна брала уроки медицины у С.А. Писемского, одного из преподавателей Военно-медицинской академии. Кроме того, три раза в неделю к ней приходили преподаватели одной из петербургских общин сестер милосердия, скорее всего, Кауфманской. Эти занятия продолжались в течение первых пяти месяцев 1913 г. // РГИА. Ф. 434 (Контора двора князя Иоанна Константиновича). Оп. 1. Д. 122. Л. 30. Однако следует отметить, что княгиня Елена Петровна имела хорошую практическую подготовку во время 1-й балканской войны, когда вместе со своим санитарным отрядом отправилась в Белград для оказания помощи сербской армии.

Перед тем как уйти, я попрощалась с царем и никак не могла предположить, что вижу его в последний раз.

Он поцеловал и благословил меня. Глубокая печаль, которую я увидела в его голубых глазах, — это последнее, что я запомнила о нем.

Революция

На следующий день врач убедил царя, что речь не идет о кори, и царь уехал, успокоенный лишь отчасти. Не вызывает сомнения, что на самом деле врач²⁷, договорившись со своими единомышленниками-конспираторами, постарался удалить царя в тот момент, когда в Санкт-Петербурге должны были произойти революционные события. Как только царь прибыл в Ставку, он сразу же получил депешу от императрицы, в которой говорилось, что дети действительно заболели корью и что их состояние внушает большие опасения²⁸. Безусловно,

²⁷ У императорских детей было несколько врачей. Княгиня Елена Петровна, по-видимому, имеет в виду профессора С.А. Острогорского (2 (15) сентября 1867, Санкт-Петербург — 19 декабря 1934, Ревель), доктора медицины, одного из основоположников российской школы врачей-педиатров. Он был почетным лейб-педиатром Двора ЕИВ. В январе и феврале он посещал цесаревича Алексея практически ежедневно, однако, с 29 февраля его визиты прекратились. Он объяснил это отсутствием транспорта для поездок от Петербурга до Царского Села. Затем царских детей лечили царскосельские доктора Поленов и Арбузов // *Зимин И.В.* Врачи Двора Его Императорского величества, или как лечили царскую семью: повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2018. С. 278–279. Баронесса София Буксгевден этот эпизод в своих мемуарах описала иначе: «Лишь один из докторов, лечивших царских детей, счел необходимым отказаться от своих обязанностей. В своем послании он заявил, что больше не считает себя придворным доктором» // *Буксгевден С., баронесса.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы Всероссийской. М.: Русский хронограф, 2010. С. 418. Тем не менее, мы полагаем, что участие врача в заговоре по удалению императора из Александровского довольно сомнительно.

²⁸ Корью дети императора заразились от одного из кадетов, навещавших заболевшего цесаревича. Диагноз был поставлен 23 февраля, на следующий день после отъезда императора в Ставку, о чем

можно предположить, что, опасаясь влияния императрицы на царя, его было решено отдалить от нее, так как она могла бы помешать ему отречься от престола. Именно в этом первоначально заключался замысел революционеров под предводительством Керенского²⁹. Когда же три дня спустя царь узнал, что произошел мятеж, и на поезде выехал в Санкт-Петербург, было уже слишком поздно. Железнодорожные сообщения были прерваны и находились в руках мятежников.

Взятие немцами Варшавы стало страшным ударом, который произошел именно в тот момент, когда сотрясавшие Россию революционные волнения были в самом разгаре. Недовольство было повсюду. Люди больше не шептались об этом, они кричали. Покинув Павловск, моя свекровь великая княгиня Елизавета Маврикиевна, принцесса Саксен-Альтенбургская³⁰, вернулась в Санкт-Петербург и поселилась в Мраморном дворце, где у нас с моим мужем также были просторные апартаменты на втором этаже. В этом дворце из голубоватого мрамора, с окнами в обрамлении позолоченной бронзы, узорчатыми дверями и паркетными полами, среди полотен великих художников и великолепных гобеленов, с момента своего отречения от престола и до самой смерти жил последний король польский Станислав Понятовский³¹.

императрица Александра Федоровна известила мужа письмом // Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. Т. 1. С. 169.

²⁹ Керенский Александр Федорович (1881–1970). Во Временно правительстве последовательно занимал посты министра юстиции (март–апрель), военного и морского министра (июль–август). В сентябре–октябре 1917 года совмещал посты министра-председателя и верховного главнокомандующего.

³⁰ В апреле 1884 года великий князь Константин Константинович женился на своей троюродной сестре принцессе Елизавете Августе Марии Агнессе (13 (25) января 1865, Майнинген — 2 марта 1927, Альтенбург). После бракосочетания она получила титул «ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Маврикиевны».

³¹ Понятовский Станислав Август (17 января 1832, Волчик — 12 февраля 1798, Санкт-Петербург), король Польский и великий князь Литовский. Один из фаворитов императрицы Екатерины II. После отречения

Когда в Санкт-Петербурге разразилась революция, Павловск оказался отрезан от внешнего мира. Я больше не имела никаких известий ни о муже, ни о царе. Вскоре я приняла решение. Я сказала королеве Ольге Греческой³², сестре великого князя Константина (моего покойного свекра), с начала войны проживавшей в одном из крыльев дворца:

— Я собираюсь поехать в Царское Село, чтобы быть при императрице, ей должно быть сейчас очень одиноко одной с больными детьми.

— Я еду вместе с тобой, — ответила королева Ольга Греческая. Мы поедем на моем автомобиле.

Эта машина была единственной оставшейся в нашем гараже, так как все остальные были реквизированы.

До Царскосельского дворца на машине было всего 10 минут езды. Ближе к вечеру мы подъехали к чугунной решетке, окружавшей императорские владения. Если не ошибаюсь, это было 1 марта 1917 года³³. Едва прибыв на место, я вскричала, не в силах скрыть возмущение:

— Смотри! — сказала я <королеве> Ольге [Константиновне]. — Над Александровским дворцом больше нет императорского знамени.

от престола вместе со своей многочисленной свитой проживал в Мраморном дворце (1797–1798).

³² Ольга Константиновна (22 августа (3 сентября) 1851, Павловск — 18 июня 1926, Рим), королева Эллинов, великая княгиня. Старшая дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны. После убийства короля Георга I в 1913 году она переехала в Россию и считалась личной гостьей императора Николая II. Была крестной матерью князя Иоанна Константиновича и княжны Екатерины Иоанновны.

³³ Этот визит состоялся 2 марта 1917 года. В дневнике Александры Федоровны отмечено: «2 марта, четверг. Т. Ольга и Елена зашли на минутку». На следующий день императрица написала об этой встрече мужу: «Тетя Ольга и Елена пришли справиться о новостях — очень мило с их стороны» // Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. Т. 1. С. 253, 259.

И действительно, вместо него был водружен красный флаг³⁴. Вокруг дворца повсюду были видны пулеметы в окружении неряшливого вида солдат с красной повязкой на рукаве. Повстанцы опережают события, ведь царь еще не отрекся от престола.

— Остановитесь возле колоннады, сказала я шоферу.

Один из солдат устремился к нам:

— Что вам нужно?

Я ответила, указывая на королеву Ольгу [Константиновну]:

— Это иностранная королева, она хочет засвидетельствовать свое почтение царице. Сходите за секретарем Ее величества.

Я благоразумно надела форму сестры милосердия. Скорее всего, меня приняли за санитарку, и никто не задал мне ни одного вопроса.

К нам вышел камергер императрицы граф Апраксин³⁵.

— Ее величество в подвальных помещениях, сказал он. — Она пытается убедить последних солдат охраны остаться и не покидать дворец, пока дети больны. Ее величество примет вас очень скоро.

³⁴ Сведения о красном флаге над императорским дворцом в других источниках нами не обнаружены. Вот что пишет об этом визите М.Ю. Гаршин, секретарь королевы Ольги Константиновны: «Подъехав к Царскосельскому двору, они увидели, что над ним уже не развивается, как обычно, императорский штандарт, что охрана разоружена и ходит с белыми повязками на рукавах» // *Гаршин М.Ю.* Королева эллинов Ольга Константиновна. Афины, 2011. С. 13. По-видимому, белый цвет должен был отличать тех, кто не поддерживает революцию.

³⁵ Апраксин Петр Николаевич (3 (15) января 1876 — 3 февраля 1962), гофмейстер Высочайшего Двора, ведал канцелярией и придворным церемониалом. После отречения императора сначала принял решение остаться в Царском Селе, но 11 марта покинул императрицу, так как в Петербурге его жена (Елизавета Владимировна Барятинская, с 1909) осталась одна с пятью маленькими детьми.

Перед взором Марии-Антуанетты

Первое, что я увидела, войдя в один их салонов императрицы, — это подаренный президентом Французской республики огромный гобелен³⁶, на котором была изображена Мария-Антуанетта в окружении своих детей! ...Несмотря на то, что я видела его уже много раз, мне показалось, что выглядит он зловеще.

Вскоре появилась императрица в сотканном казачками оренбургском платке, доходившем до полу. Смотрела она спокойно и с достоинством, и все же ее вид меня потряс: за те две недели, что я ее не видела императрицу, ее волосы стали совершенно седыми!

Она поцеловала королеву Ольгу [Константиновну], а затем меня.

— Как здоровье детей? — был мой первый вопрос.

— Все четверо еще не поднялись на ноги, — ответила она. А сейчас и у Марии начался страшный насморк. Я бы хотела, чтобы она осталась в постели, но она отказывается оставить меня.

При этих словах, покашливая, вошла Мария <Николаевна>, которой явно не здоровилось. Позже мы узнали, что и она заболела корью.

³⁶ Гобелен «Портрет Марии Антуанетты с детьми», копия с картины Элизабет-Луизы Виче-Либрек, был подарен Александре Федоровне президентом Французской Республики Эмилем Лубе в мае 1902 года во время визита в Российскую Империю. По-видимому, это было напоминание о пребывании русской императрицы в резиденции французских королей. Как позже писала баронесса София Буксгевден об этой поездке, для государыни «самым интересным днем оказался тот, который она провела в Версале, очарованная его красотой и охваченная воспоминаниями о связанных с ним исторических событиях. В ее распоряжение были предоставлены комнаты, принадлежавшие некогда королеве Марии Антуанетте, что вызвало тайный ужас у свиты императрицы, увидевшей в этом дурное предзнаменование» // *Буксгевден С., баронесса*. Ук. соч. С. 130. Гобелен нашел свое место в Угловой гостиной Александровского дворца в Царском Селе, использовавшейся для официальных мероприятий.

Царица проговорила, медленно и серьезно, делясь с нами своими тревогами:

— Я не знаю, чем все это кончится, но меня возмущает то, что меня разлучили с императором. Я знаю, они сделают все, чтобы склонить его к отречению, от чего я бы сумела его отговорить. Все телеграфные линии перерезаны, мои сообщения не доставляются царю. Отчаявшись, я поручила нашему флигель-адъютанту Линевичу³⁷ отвезти на локомотиве письмо царю и вручить его лично в руки. Мне только что сообщили, что в пути он был арестован и что письмо так и не доставлено³⁸.

После краткого молчания она продолжала твердым голосом:

— Что меня особенно возмущает, так это то, что некоторые члены нашей семьи не сочли должным присоединиться ко мне. В тот момент, когда дети болеют, а меня окружают революционеры, в отсутствие императора с нами нет ни одного мужчины из нашей семьи.

Она резко обернулась ко мне:

— Ты дружна с женой³⁹... (тут императрица назвала члена императорской семьи, имя которого я не хочу называть, оставляя это Истории). Если у тебя будет случай увидеться с ней

³⁷ Линевиц Александр Николаевич (18 января 1882, Петербург — 5 августа 1961, Берлин), полковник (с 1915), флигель-адъютант (с 1912).

³⁸ Вот как описывает обстоятельства, сопутствующие аресту флигель-адъютанта Линевица, баронесса С. Буксгевден: «В течение... ночи (после получения известия об отречении императора — прим. авторов-составителей) один отряд за другим покидали дворец и направлялись в столицу... Граф Бенкендорф понимал, насколько опасно императрице остаться совсем без защиты, и поэтому убедил ее величество обратиться к Временному правительству с просьбой принять необходимые меры для защиты императорской семьи. Адъютант императора Линевиц, который... тоже находился во дворце, отправился для выполнения этой миссии с белым флагом в Петроград; но, несмотря на то что ему обещали не чинить препятствий на пути в Думу, он был арестован сразу же по прибытии в столицу и не смог передать свое послание» // *Буксгевден С., баронесса*. Ук. соч. С. 416–417.

³⁹ Здесь намек на великую княгиню Викторию Федоровну (13 (26) ноября 1876, Мальта — 18 февраля (2 марта) 1936, Германия), рожденную принцессу Викторию Мелиту Великобританскую и Ирландскую,

и ее мужем, ты можешь им сказать, что его поступок подобен предательству Филиппа Эгалите⁴⁰. Я знаю, знаю, что он ходил в Думу, надеясь, что его объявят императором вместо Николая. Скажи им также, что, если нам удастся справиться с ситуацией, они предстанут перед Военным советом за государственную измену и будут приговорены к расстрелу!

С этими словами императрица встала.

— Прошу меня извинить, сказала она. — Я должна спуститься, пока они не разбежались.

Она говорила о гвардейцах, которых она пыталась убедить несколько минут назад. Затем черты ее лица исказились, и, судорожно сжав руки, она вскричала:

герцогиню Саксен-Кобург-Готскую. После развода с герцогом Эрнстом-Людвигом Гессен-Дармштадским, родным братом императрицы Александры Федоровны, она без разрешения императора Николая II вступила в брак со своим двоюродным братом великим князем Кириллом Владимировичем. В 1907 году император Николай II простил Кирилла Владимировича и Викторину Федоровну и причислил к членам Дома Романовых. Имела домашнее прозвище «Даки».

⁴⁰ Луи Филипп Жозеф, герцог Орлеанский (12 апреля 1747, Сен-Клу — 6 ноября 1793, Париж), французский военный и политический деятель. Во время французской революции он примкнул к революционерам, отказался от титула, принял фамилию Эгалите (равенство) и проголосовал за казнь короля Людовика XVI. Императрица имела в виду эпизод, описанный позже очевидцами событий и в научной литературе. 3 марта императрица написала мужу: «...В городе муж Даки отвратительно себя ведет, хотя и притворяется, будто старается для монарха и родины...» // Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. Т. 1. С. 253, 259. А вот как об этом пишет в мемуарах княгиня Ольга Палей: «...Великий князь <Кирилл Владимирович> пришел <в Таврический дворец> предложить вместе с полком и ждал час под дверьми, пока Родзянко не соизволил выйти и позвать ему руку. Вернувшись к себе, великий князь водрузил на крыше дома красный флаг» // *Палей О.В.* Воспоминания с приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира. М.: Захаров, 2005. С. 27. По нашему мнению, повторение этого широко известного эпизода в мемуарах княгини спустя сорок лет после событий, может свидетельствовать о позиции Елены Петровны по поводу притязаний потомков великого князя Кирилла Владимировича на российский престол.

— И никто не в состоянии помочь мне поговорить с царем! Она внезапно показалась охваченной таким отчаянием, что я сказала ей:

— Я могу попробовать сделать это.

— Ты забыла, что у тебя тоже дети и что у тебя долг перед ними.

— Сударыня, именно в такие моменты отдают жизнь за царя.

— Я благодарю тебя, но запрещаю делать это.

Царица поцеловала королеву Ольгу, потом обняла меня, прижав на мгновение к своей груди, как если бы знала, что это было наше последнее прощание.

У меня известия от царя

После нашего возвращения в Павловск я сказала королеве Ольге [Константиновне]:

— И все же я должна попробовать.

Я рассказала ей свой план. Я собиралась отправиться в Санкт-Петербург, в сербскую дипломатическую миссию, чтобы постараться с помощью министра Спалайковича связаться с теми думскими деятелями, кто с большей вероятностью мог бы быть осведомлен о местонахождении царя.

Королева, зная мое упрямство, не стала меня отговаривать, а наоборот, согласилась мне помочь:

— Ты не поедешь одна ночью, когда вокруг революция. Моя фрейлина госпожа Балтацци⁴¹ поедет с тобой.

Вскоре мы обе, переодевшись в медицинских сестер, в крестьянских платках, двинулись в путь.

Нам удалось попасть на идущий до Санкт-Петербурга солдатский состав, но, прибыв на место, мы так и не смогли найти ни одного извозчика, поэтому темной холодной ночью,

⁴¹ Балтацци Софья Аристидовна, фрейлина королевы Ольги Константиновны.

посреди раздававшихся тут и там орудийных выстрелов, нам пришлось семь километров пробираться пешком. До самой миссии нам встретились только лежавшие поперек дороги трупы, но мы решили идти по маленьким улочкам, чтобы не натолкнуться на патруль, чьи бронированные машины и пулеметные очереди мы слышали время от времени. Казалось, что наш путь длится целую вечность.

Наконец мы позвонили в дверь дипломатической миссии, и увидевшие нас на своем пороге министр и его жена застыли от изумления. Министр даже позволил себе отчитать меня со всей строгостью.

— В тот момент, который мы живем, каждый должен выполнять свой долг, осознавая весь риск, на который идет.

Я поведала ему о вечерней поездке в Царское Село, об отчаянии царицы и попросила его сделать все возможное, чтобы разузнать, где находится царь.

Он тут же позвонил в Думу и официально, в качестве представителя страны-союзника, осведомился об участии императора. Я полагаю, что ему ответил сам Родзянко⁴²: царь только что покинул Ставку, его приезд ожидался в Санкт-Петербурге с минуты на минуту.

— Слава Богу! — вскричала я. Я вернусь в Павловск с облегчением, возвращение царя внесет спокойствие в умы, и монархия благополучно переживет это испытание!

Министр сопровождал нас на вокзал, но нам пришлось еще раз идти пешком, преодолевая гололедицу и сугробы.

То и дело нам попадались грузовики с красными флажками, ощерившиеся штыками и пулеметными дулами; в них ехали горланивших солдат и матросов, опьяневших от водки и крови. Возле нас проехал автомобиль, забитый трупами. Было

⁴² Родзянко Михаил Владимирович (9 (21) февраля 1859, Екатеринославская губерния — 24 января 1924, Белград), государственный и общественный деятель, лидер партии 17 октября, гофмейстер Высочайшего Двора (1899), один из инициаторов отстранения императора Николая II и передачи власти цесаревичу Алексею Николаевичу при регентстве великого князя Михаила Александровича.

уже за полночь, когда мы сумели забраться в вагон, полный нетрезвых солдат.

Назавтра спозаранку первым делом я попыталась связаться с Александровским дворцом. К моему немалому удивлению мне это удалось, и к телефону подошла сама императрица.

Как только я сообщила ей радостное известие, она ответила мне, что император наконец прислал телефонограмму, в которой объявил о своем скором приезде.

— Мы спасены, — подумала я. Я была настолько далека от мысли о том, что, наоборот, с этого момента все начало рушиться!

Крушение империи

Тем же вечером в Павловске, мы с королевой Ольгой [Константиновной], полные надежд, делились впечатлениями прошедшего дня. Вошедший слуга объявил о прибытии сербского министра, у которого для меня было срочное сообщение.

Он появился в дверях, и как только я увидела его потрясенное лицо, то сразу поняла, что он принес плохие новости. Когда он заговорил, мои последние сомнения рассеялись.

— Все кончено, — произнес Спалайкович. — Царь отрекся от престола. Вопрос о престолонаследии остается открытым, так как он был вынужден отречься не в пользу своего сына, а брата Михаила⁴³, который также отрекся⁴⁴, предоставив решать народу. Грядет анархия...

⁴³ Михаил Александрович (22 ноября (4 декабря) 1876, Петербург — 13 июля 1918, Пермь), великий князь, сын императора Александра III, до рождения цесаревича Алексея Николаевича был престолонаследником, генерал-лейтенант (с 1916), генерал-адъютант, член Государственного Совета.

⁴⁴ Сведения о событиях, сопровождавших отказ Михаила Александровича от Российского престола подробно описаны в мемуарах последнего дворцового коменданта (1913–1917) генерал-майора В.Н. Воейкова. 3 марта 1917 года на съемной квартире великого князя Михаила Александровича состоялось совещание членов Временного правительства

В ошеломлении я не могла вымолвить ни слова. Уже через мгновение я бросилась к телефону, чтобы попытаться еще раз связаться с Александровским дворцом. Ответил граф Апраксин.

— Правдивы ли слухи об отречении царя и царевича? — спросила я.

— К несчастью, да, Ваше высочество.

— А царица? Как она перенесла этот двойной удар?

— В этом испытании Ее величество, как обычно, хранит достоинство духа. Она лишь сказала: «Если двойное отречение может спасти Россию, я склоняюсь перед этим ударом судьбы».

На следующий день революционно настроенные газеты напечатали, что император будет препровожден в Царское Село, где будет находиться под стражей вместе с семьей.

Я предприняла последнюю попытку связаться с Александровским дворцом. Линия не работала. Стена штыков отделяла императорскую семью от мира живых.

во главе с князем Львовым, в присутствии председателя Государственной Думы и членов исполнительного комитета Шульгина и Караулова. Михаил Александрович, после обмена мнениями с присутствующими, он выразил желание побеседовать отдельно с Родзянко и князем Львовым, которых он хорошо знал до революции. Спустя некоторое время, после короткого совещания в соседней комнате, великий князь заявил, что не считает для себя возможным принять престол без одобрения народа. Затем он написал акт отречения и вручил его Родзянко. Среди прочего, в нем были такие слова: «...Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение лишь в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые законы Государства Российского. Посему призываю благословение Божие и прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству...». Николай II, ознакомившись с этим документом, как свидетельствовал В.Н. Воейков, «выразил свое глубокое огорчение как отказом августейшего брата взойти на престол, так и форму, в которую он был облечен» // *Воейков В.Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта. Мн.: Харвест, 2002. С. 215–216.

На пути изгнания

Однажды во дворец приехал управляющий Павловском [С.Н.] Смирнов⁴⁵.

— Солдаты и рабочие организовали комитет, — сказал он мне. — Они хотят Вас увидеть, не знаю, зачем. Советую вам их принять.

— Пусть приходят, — ответила я.

Вошло человек восемь-десять, следуя за тем, кто казался главным. Я ответила на их приветствие, держа руки за спиной, чтобы избежать рукопожатия.

— Прежде всего мы требуем уволить Смирнова⁴⁶, — объявил главный.

— Это прекрасный распорядитель, и я не вижу никаких причин для его увольнения.

— Он сторонник правых и был назначен Двором, этого достаточно.

По мне этого было совсем недостаточно, и несмотря на их настойчивость, я отказывалась уступить им по этому вопросу. В конце концов они оставили попытки, думая решить его, по всей вероятности, позже и на свой лад, и перешли к следующему «требованию».

Более ста лет развевался над дворцом флаг императора Павла (с Мальтийским крестом — с тех пор, когда после

⁴⁵ Смирнов Сергей Николаевич (4 (16) марта 1877, Санкт-Петербург — 1958, Монтевидео), управляющий имением города Павловска (1916). Вместе с княгиней Еленой Петровной был арестован в Екатеринбурге, сидел в пермской, а затем московской тюрьмах. После освобождения в 1919 году — секретарь княгини Елены Петровны.

⁴⁶ После февральской революции по распоряжению Временного правительства были уволены все губернаторы, градоначальники, начальники дворцовых городов. Однако С.Н. Смирнова они уволить не могли, так как Павловск был в частном владении и только его хозяева могли принять такое решение. Именно поэтому с требованием об отставке управляющего городом обратились к княгине Елене Петровне. Князь Иоанн Константинович к этому времени еще не вернулся из армии.

завоевания Мальты Наполеоном рыцари получили прибежище в России, передав великие знания ордена на службу царю)⁴⁷.

— Мы требуем, чтобы этот флаг был заменен на красное знамя⁴⁸, — сообщил мне глава делегации.

— Пока я буду здесь, это знамя останется там, где оно есть. Я никогда не отдам приказание, которое противоречит моим принципам и моим традициям. У вас сила, и вы можете воспользоваться ею, если захотите. Но мне останется только уехать вместе с моими детьми.

И в этом мы отказались уступить, и вопрос остался без решения. Отправившаяся восвояси делегация показалась мне слегка сконфуженной.

Назавтра я отправилась в Санкт-Петербург к сербскому министру, надеясь узнать у него, где находится мой муж,

⁴⁷ 10 декабря 1798 года император Павел I был избран великим магистром Мальтийского ордена. Для этого необычного шага (орден был католическим) были военно-политические причины, в том числе борьба с идеями французской революции. Но в следующее правление деятельность ордена была постепенно прекращена. В 1803 году император Александр I отказался от титула приора.

⁴⁸ Здесь явно нарушена хронология, а некоторые факты изменены. С.Н. Смирнов этот эпизод рассказывает иначе. С 1916 года в Павловске в одном из флигелей постоянно жила королева Ольга Константиновна, поэтому над дворцом развевался ее стяг. В начале апреля к Иоанну Константиновичу обратился председатель местного комитета Г.С. Фонвизин (сводный брат Л.Н. Гартвиг), дипломат. Он передал князю требование революционно настроенных горожан снять стяг королевы и освободить дворец, в котором запланировали устроить школу. С.Н. Смирнов по их планам подлежал аресту. Посовещавшись с Ольгой Константиновной, князь Иоанн Константинович принял решение стяг королевы снять, чтобы не обострять ситуацию, а вопрос с отъездом оставить открытым. Однако Фонвизину это даром не прошло. Княгиня Елена Петровна сообщила о происшедшем посланнику Спалайковичу, а тот, в свою очередь, министру иностранных дел П.Н. Милюкову. Из министерства иностранных дел Г.С. Фонвизин был уволен // НБС. Р-699/1/1-4. С. 38. Таким образом, этот эпизод не мог произойти ранее конца марта — начала апреля 1917 года, когда князь Иоанн Константинович был вынужден покинуть свой полк.

от которого у меня не было вестей много дней и недель, что казалось мне вечностью. Министр Спалайкович позвонил в моем присутствии председателю Думы Родзянко с просьбой разузнать о судьбе князя Иоанна [Константиновича]. Родзянко пообещал сделать это, но сразу не смог сообщить нам ничего полезного.

Мой муж выбирает сербский мундир

Прошли еще недели в тревоге и полном неведении о судьбе моего мужа. И наконец однажды я с радостью увидела его на пороге дворца. На нем еще был мундир⁴⁹, но без эполет, которые солдаты сняли у него перед тем, как отпустить. Не стоит говорить, сколь велика была радость нас обоих. Когда улеглись первые изливания чувств, Иоанн рассказал мне, как ему удалось избежать участи всех офицеров полка, которых перебили мятежники.

— Ты — Романов, — сказали они ему. — Но ты всегда относился к нам по-человечески. Тебе сохранят жизнь. Ты можешь идти.

Но по прибытию в Павловск он снял свой мундир императорской гвардии и надел форму капитана сербской кавалерии, которую не снимал до самого последнего дня. Ведь когда я выходила замуж, мой отец, король сербский Петр I, пожаловал моему свекру, великому князю Константину, командование

⁴⁹ 30 ноября 1917 года Военно-революционный комитет при Ставке разослал телеграмму, в которой предписывал всем воинским частям и учреждениям разослан циркуляр, в котором, кроме прочего, упразднились все «офицерские и классные чины, звания и ордена». Спустя несколько дней, 3 декабря, приказом по Петроградскому военному округу № 11 были упразднены все военные «чины и звания». Сохранялось лишь наименование должностей. Отменялись все «наружные знаки отличия» (погоны, кокарды, аксельбанты и т. п.), а также ордена // *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Url.: <http://militera.lib.ru/research/shepelev1/05.html> (дата обращения 26.04.2020).

его 4-ым кавалерийским полком, а моему мужу — чин капитана в том же полку⁵⁰.

Вскоре наступила Пасха, печальная Пасха 1917 года⁵¹. Мы с мужем решили отправиться в Царское Село, чтобы отнести царским детям традиционные пасхальные яйца. Это было напрасно. Следуя приказаниям Керенского, офицер охраны не разрешил нам войти во дворец, но согласился, тем не менее, передать яйца тем, кому они предназначались. Он, безусловно, так и сделал, поскольку на следующий день императрица дала нам знать, что благодарит нас за то, что мы подумали о ней и детях.

Именно тогда революционный комитет по своей воле установил красный флаг вместо императорского знамени, которое развевалось над дворцом. Мы с мужем тотчас же решили покинуть Павловск и вернуться вместе с детьми в Мраморный дворец в Санкт-Петербурге. Помимо этого, мы только что узнали, что по приказу Керенского императорская семья была препровождена в Тобольск⁵². Таким образом, ничто больше не задерживало нас в Павловске, и в тот же день мы уехали.

⁵⁰ 28 июня 1912 года король назначил шефом 4-го кавалерийского полка, расквартированного в Белграде, великого князя Константина Константиновича, а князя Иоанна Константиновича — ротмистром (капитаном) того же полка. Командир полка — Петр Прендич // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 64. Л. 17.

⁵¹ Этот эпизод в воспоминаниях С.Н. Смирнова описан иначе. Накануне Светлого Христова Воскресенья, то есть 1 (14) апреля 1917 года, царственных узников попытались навестить княгиня Елена Петровна и королева Ольга Константиновна. Более подробно этот визит был описан в «Петроградском листке» от 5 апреля 1917 года. Кроме того, в ГА РФ сохранилось письмо Александры Федоровны королеве Ольге Константиновне от 9 мая 1917 года, где, кроме прочего, императрица поблагодарила за переданные поздравления к Пасхе: «...Страшно были тронуты красными яичками. Сердце полно — но трудно писать...» // ГА РФ. Ф. 686 (Великая княгиня Ольга Константиновна). Оп. 1. Д. 63. Л. 15.

⁵² В этом абзаце нарушена хронология. Иоанн Константинович и Елена Петровна переехали в Мраморный дворец 23 октября (5 ноября). Поводом для такого решения стало сообщение секретаря королевы Ольги Константиновны М.Ю. Гаршина, что павловский городской комитет планирует арестовать князя // НБС. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова

Троцкий высылает великих князей

Так нам пришлось встретить Октябрьскую революцию в Санкт-Петербурге и оказаться в Мраморном дворце в тот день, когда на него упало несколько снарядов, выпущенных с крейсера «Аврора» по отрядам Керенского⁵³. Долгая зима тянулась среди ужасов мятежа, когда в феврале 1918 года министр Спалайкович сообщил нам, что все дипломатические миссии покидают Санкт-Петербург⁵⁴, и предложил нам уехать вместе с членами Сербской дипмиссии в Финляндию, Швецию или в Мурманск.

Я ответила от имени моего мужа:

— Пока Россия переживает столь тяжелые часы и участь императорской семьи не определена, мы не должны покинуть страну.

Но спустя несколько дней после его отъезда нам прислали повестку: Троцкий⁵⁵ приказывал всем Романовым старше 16 лет лично явиться к нему.

(находится в стадии обработки). В ссылку из Александровского дворца императорская семья отправилась 1 августа 1917 года.

⁵³ В письме от 1 ноября 1917 года княгиня Елена Петровна поделилась своими впечатлениями от начала революционных событий в Петрограде: «Здесь было ужасно в ночь обстрела Зимнего дворца. Всю ночь пулеметы и одиночные выстрелы с «Авроры». Перед нашими окнами у Павловских казарм трещал пулемет ...одним словом, очень неуютное чувство» // ГА РФ. Ф. 686. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

⁵⁴ Используя факт заключения Брест-Литовского договора как предлог, часть дипломатов покинула Россию через Финляндию, а другая переселилась в Вологду. Сербская миссия покинула российскую столицу 28 февраля по новому стилю 1918 года. В тот же день уехали французское, английское посольства, а также греческая миссия. Охрану сербских интересов на территории России взяла на себя норвежская миссия // Наш век. 1918. 1 марта (16 февраля). С. 3. Как писали «Вечерние новости», «причиной отъезда посольств в Вологду является желание представителей союзных держав выждать дальнейшее развитие событий, от которых будет зависеть их отъезд в Петроград или за границу» // Вечерние новости. 1918. 2 марта (17 февраля). С. 1.

⁵⁵ Распоряжение о высылке представителей Дома Романовых подписал М.С. Урицкий, занимавший пост главы Петроградской чрезвычайной

Мой муж, его братья — Гавриил, Константин и Игорь — прибыли в Смольный дворец⁵⁶ по вызову Троцкого. (Четвертый брат моего мужа, Олег⁵⁷, был убит в 1914 году в начале войны). И тут Троцкий объявил им, что принято решение отправить их на поселение под надзором⁵⁸ в Вятку, на Урал, и что их отъезд состоится через несколько дней.

Когда мой муж рассказал мне об этом, я поняла, что это начало конца. У меня больше не оставалось сомнений, когда великие князья получили окончательный приказ: отъезд должен был состояться 22 марта 1918 года.

комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, поэтому Л.Д. Троцкий не мог отдать такой приказ. В тот момент он занимал пост председателя Высшего военного совета. По-видимому, фамилия Троцкого использовалась в тексте как «знаковая», знакомая европейскому читателю. Упомянутое распоряжение предписывало всем великим князьям, а также представителям фамилий, состоящих в родстве с династией Романовых, пребывающих в Петрограде и окрестностях, в течение трех дней явиться на Гороховую улицу, где эта организация располагалась, для регистрации // Наш век. 1918. 19 (6) марта. С. 3.

⁵⁶ Княгиня дает неверный адрес. Вряд ли это было сделано случайно. Название «Гороховая улица» ничего не говорило европейцам, а вот Смольный после октябрьской революции стал знаковым местом. Эта «ошибка» усиливает впечатление от текста.

⁵⁷ Олег Константинович (15 ноября 1892, Санкт-Петербург — 29 сентября 1914, Вильна), князь крови императорской. Смертельное ранение получил 27 сентября 1914. За отвагу, проявленную в бою, был награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

⁵⁸ 25 (12) марта, было опубликовано постановление Совета коммуны Петрограда о высылке князей Романовых // Вечерняя звезда. 1918. 25 (12) марта. С. 2. Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов 29 марта 1918 года было выдано удостоверение за № 337 на имя И.К. Романова о высылке его в пределы Вятской губернии не как лица, замешанного в политических преступлениях, а лишь в целях предупреждения и пресечения, а 30 марта 1918 года он получил удостоверение № 11322, выданное Чрезвычайной комиссией по разгрузке Петрограда при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, на право выезда в г. Вятку. Аналогичные документы получили все его спутники // Гибель членов Дома Романовых на Урале. С. 86.

И в радости, и в горе

Что же до меня, то сначала я спрашивала себя: в чем мой долг? Следовать за мужем или остаться с моими детьми? Не угрожала ли им опасность, как и ему? Я колебалась недолго. «Жена должна следовать за своим мужем и в радости, и в горе», — подумала я. Решение было принято: я поеду вместе с Иоанном, оставив наших двоих детей на попечение свекрови.

— Это безумие, — сказал мне муж. — Ты должна остаться с детьми.

— Я решила ехать с тобой. Ты знаешь, что я никогда не меняю свои решения.

Моя свекровь тоже сначала громко закричала, когда я заговорила о том, чтобы оставить ей малышей.

— Как ты можешь их оставить? — спросила она надломленным от неожиданности и тревоги голосом.

— Вы не хотите, чтобы я последовала за Вашим сыном?

В конце концов великая княгиня Елизавета Маврикиевна подняла руку для благословения:

— Да хранит вас Бог! Я позабочусь о детях⁵⁹.

Чего же мне стоило принять это решение! Я так была уверена, что больше не увижу наших малышей... Но принять решение — это было еще не все: мне еще нужно было найти

⁵⁹ Великая княгиня Елизавета Маврикиевна ожидала, что ее детей будет сопровождать барон Э.Ф. Менд (1876–1945, Хельсинки). С 1908 по 1911 год он был секретарем великой княгини Александры Иосифовны, матери великого князя Константина Константиновича, затем адъютантом великого князя. После его смерти в 1915 году состоял при великой княгине Елизавете Маврикиевне и управлял делами князей Константина Константиновича и Игоря Константиновича. На вопрос великой княгини Елизаветы Маврикиевны, поедет ли он с ее сыновьями, ответил, что у него есть дочь и он не может ее оставить. С.Н. Смирнов был возмущен такой позицией, учитывая, сколько великокняжеская семья сделала для каждого из служащих своего Двора // *Смирнов С.Н.* В плену у царубийц. Белград, 2018. С. 13, 23. После отъезда князей в ссылку барон Менд продолжал заниматься делами князей Константина Константиновича и Игоря Константиновича, вел с ними переписку и, по мере возможности, снабжал деньгами.

способ выполнить его. К счастью, мой муж, ссылаясь на то, что я добровольно следую за ним в ссылку, попросил и добился у Троцкого пропуска, который позволил бы мне вернуться, если бы этого потребовало состояние здоровья наших детей.

Мнимый извозчик

Наступило 22 марта. Мы с мужем сумели найти кучера, чтобы отправиться на вокзал, с маленькой коляской, которую тащила тощая усталая лошадь. Я тотчас же узнала этого кучера: это был бывший офицер Измайловского полка Императорской гвардии, личный друг одного из братьев моего мужа⁶⁰. Я видела его в Луцке год назад, когда ездила в лагерь и траншеи. Я поняла, что он переделался в извозчика, чтобы избежать ареста. На протяжении всей поездки я не сказала ему ни слова, хотя мне и показалось, что он меня узнал. Однако сойдя с коляски возле вокзала, я пожала ему руку.

Я немного поздно спохватилась, что два агента ЧК (секретная полиция красных) увидели этот наш жест, и начала из-за него переживать, и тут услышала, как один из агентов говорит другому:

⁶⁰ Речь идет о князе Петре Павловиче Ухтомском (1884–1925), однополчанине князя Константина Константиновича. С.Н. Смирнов по этому поводу сообщил, что перед его отъездом за княгиней в Екатеринбург в конце июня 1918 года, к нему зашел бывший измайловец князь Ухтомский и принес два письма для князя Константина Константиновича. С октября 1917 года он занимался извозным промыслом, купил лошадь и пролетку и зарабатывал таким путем деньги себе на жизнь (он был женат и имел, как минимум, одного ребенка). Далее Смирнов, основываясь на рассказах княгини, отметил, что он же «отвозил на вокзал 22/III Елену Петровну с мужем, когда их выслали. Елена Петровна говорила мне, что у вокзала они ему пожали руку на прощание, что наверное показалось страшно демократичным агентам» // *Смирнов С.Н. Ук. соч.* С. 23. Кроме того, в материалах следственного дела о гибели алапаевских узников содержатся сведения, что последнюю в своей жизни телеграмму о том, что его переводят на тюремный режим, князь Константин Константинович отправил 21 июня 1918 года именно Ухтомскому // *Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года.* С. 154.

— Она действительно очень демократична, эта сербская принцесса.

На вокзале мы нашли тех, кто должен был отправиться в путь вместе с нами⁶¹ — Игоря⁶² и Константина⁶³, братьев моего мужа, великого князя Сергея Михайловича⁶⁴ и князя Владимира Палея⁶⁵, сына великого князя Павла Александровича⁶⁶ от морганатического брака. Последний был выдающимся поэтом и, если бы остался жив, то заслужил бы славу Пушкина или Лермонтова. На это судьбоносной встрече не хватало одного человека — князя Гавриила⁶⁷, еще одного брата моего мужа. До войны он женился на балерине из Оперы⁶⁸, которая

⁶¹ В ссылку членов Дома Романовых сопровождали лакей князя Игоря Константиновича Иван Калинин, лакей князя Палея Чеслав Круковский и камердинер великого князя Федор Михайлович Ремез.

⁶² Игорь Константинович (29.05.1894 — 18.07.1918, Алапаевск), правнук императора Николая I, князь крови императорской.

⁶³ Константин Константинович (1.01.1891 — 18.07.1918), правнук Императора Николая I, князь крови Императорской.

⁶⁴ Сергей Михайлович (25 сентября (7 октября) 1869, Тифлисская губерния — 5 (18) июля 1918, Алапаевск), великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, внук императора Николая I, генерал-инспектор артиллерии.

⁶⁵ Палей Владимир Павлович (28.12.1896, Санкт-Петербург — 18.07.1918, Алапаевск), граф Гогенфельзен (с 1904), князь (с 1915). Сын от морганатического брака великого князя Павла Александровича (1860–1919), младшего сына императора Александра II, и Ольги Валерьяновны фон Пистолькорс (1865–1929); императору Николаю II приходился двоюродным братом.

⁶⁶ Павел Александрович (12 сентября (3 октября) 1860, Царское Село — 30 января 1919, Петроград), великий князь, сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны, генерал-инспектор войск гвардии (13 сентября 1916 — 31 марта 1917).

⁶⁷ Гавриил Константинович (3 (15) июля 1887, Павловск — 15 (28) февраля 1955, Париж), князь императорской крови, второй сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

⁶⁸ Речь идет об Антонине (Нине) Рафаиловне Нестеровской (14 марта 1880, Петербург — 7 марта 1950, Париж), дворянке, артистке кордебалета Мариинского театра (1905–1913). В 1912 году она тайно обручилась

была хорошей подругой жены Горького⁶⁹, тоже балерины. Она и добилась у Троцкого исключения для Гавриила: для больного чахоткой очень скоро Урал стал бы смертным приговором. Троцкий⁷⁰ согласился выслать его в Финляндию (откуда ему удалось выбраться за границу).

Ссылка в Сибирь

По прошествии двух дней и ночей пути мы прибыли в Вятку⁷¹ (сегодня Киров), в европейскую часть Урала. Мы не были

с князем крови императорской Гавриилом Константиновичем. Поженившись они смогли только после февральской революции, 9 (22) апреля 1917 года.

⁶⁹ У А.М. Горького не было жены балерины. Одной из его гражданских жен (1904–1921) была актриса МХТ Мария Федоровна Андреева (1868–1953), общественный и политический деятель. После октябрьской революции занимала ряд руководящих постов в театральном-художественном мире. В мемуары князя Гавриила Константиновича включены воспоминания А.Р. Нестеровской о ее хлопотах по спасению мужа. Действительно, она обращалась к А.М. Горькому и его жене М.Ф. Андреевой, от имени писателя передавалась просьба о его освобождении В.И. Ленину. Но, судя по тем же воспоминаниям, свою роль сыграло случайное знакомство Антонины Рафаиловны с Софьей Александровной Доллер, женой Глеба Ивановича Бокия, заместителя Урицкого. Через врача И.И. Манухина, успешно лечившего от легочных болезней как А.М. Горького, так и Г.И. Бокия, она уговорила своего мужа перевести князя из тюремной камеры в тюремную больницу, откуда ему был устроен побег // *Зенкович Н. Элита. Самые секретные родственники*. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 283. В воспоминаниях Нестеровской эти события выглядят несколько иначе. После того, как Г.И. Бокий выпустил Гавриила Константиновича в клинику Герзони, откуда через три дня он вместе с женой перебрался на квартиру А.М. Горького. Спустя непродолжительное время при поддержке М.Ф. Андреевой и А.М. Горького они начали хлопоты о получении разрешения на выезд в Финляндию. 11 ноября 1918 года Нестеровская и Гавриил Константинович покинули Петроград // *Гавриил Константинович, великий князь*. В Мраморном дворце. М.: Захаров, 2001. С. 334–337.

⁷⁰ По свидетельству А.Р. Нестеровской разрешение на выезд в Финляндию подписал Григорий Евсеевич Зиновьев (Радомысльский), бывший тогда председателем Совнаркома Союза коммун Северной области.

⁷¹ Отъезд августейших ссыльных из Петрограда был зафиксирован в прессе: «2 апреля (20 марта) 1918 отправились в ссылку в Вятку в 7.50

заключенными в строгом смысле этого слова, но за нами ежеминутно наблюдали. После нескольких дней, проведенных в маленькой гостинице, мы нашли дом⁷², где все и разместились. Вначале все шло хорошо, жители приветствовали нас с симпатией, даже с почтением, многие из них приносили нам дары и помогали обустроиться. Монахини из ближнего монастыря⁷³ готовили нам еду.

В глазах наших охранников все было слишком красиво. Однажды я осталась дома одна, пока мужчины были в церкви. Раздался звонок. Это были два вооруженных красноармейца.

- Где мужчины?
- В церкви.
- Мы их подождем.
- Это может занять час или два.
- Мы подождем.

Они расположились в первой комнате и, положив ноги на стол, закурили, запасшись терпением. Спустя час пришел мой муж со своими спутниками. Солдаты встали, и тот, кто казался старше по званию, объявил:

— Районный совет решил, что ваше присутствие в этом городе нежелательно. Слишком благожелательно к вам относятся. Было решено перевести вас подальше, в Екатеринбург. Завтра вы уедете под охраной.

вечера великий князь Сергей Михайлович и три сына великого князя Константина Константиновича: Иоанн, Игорь и Константин» // Наш век. 1918. 3 апреля (21 марта). С. 2. Следовательно, в Вятку они должны были прибыть 4 апреля (22 марта) 1918 года. Однако, как мы уже указывали раньше, С.Н. Смирнов писал о том, что отъезд состоялся как раз 4 апреля (22 марта).

⁷² Члены Дома Романовых снимали жилье в доме купчихи Савинцевой на Николаевской улице, где Константиновичи и Палей в двух комнатах. Сергей Михайлович и его камердинер жили отдельно. Напротив дома Савинцевой располагался собор во имя св. благоверного князя Александра Невского (взорван в 1938 г.) // *Николаева М.В.* К истории вятской ссылки Романовых. Константиновские чтения — 2017. Сб. материалов научной конференции 25 октября 2017. СПб., 2017. С. 197–218.

⁷³ Спасо-Преображенский Новодевичий монастырь (основан в 1624 г.).

Как только монахини, готовившие нам еду, узнали об этом, они поспешили снабдить нас провизией для нашего долгого сибирского путешествия.

Прощаясь с монахинями назавтра утром, не зная, как отблагодарить их, я отдала настоятельнице монастыря единственную шубу, потратив невероятные усилия на то, чтобы она согласилась ее принять⁷⁴.

Через несколько часов⁷⁵ мы уже катили в старом вагоне в сопровождении красных охранников по направлению к Сибири. Так по-настоящему началась наша ссылка, из которой мне одной было суждено вернуться.

Екатеринбург, царская тюрьма

Путешествие продлилось три дня⁷⁶ посреди безбрежных уральских лесов. Время от времени одиночество прерывалось фантастическим зрелищем водопадов с красной, как кровь, водой, цвет которой объяснялся только характером почв, куда она проникала. И все же это было незабываемое зрелище, красота которого, конечно же, позволяла нам не думать о том мрачном предзнаменовании, которое оно вызывало в памяти.

⁷⁴ Княгиня Елена Петровна, предположительно, имеет в виду игуменню Рафаилу (в схиме Антонию), возглавлявшую монастырь в 1917–1920-е г. // История одной фотографии. 23 апреля 2015. ЦГА. КО (Центральный государственный архив Кировской области, структурное подразделение по работе с документами КПСС и общественных организаций). Url.: <http://gaspiko.ru/3330> (дата обращения 25.04.2020).

⁷⁵ 30 (17) апреля 1918 года князьям Иоанну, Константину, Игорю Константиновичам, княгине Елене Петровне, князю Владимиру Палею и великому князю Сергею Михайловичу, а также сопровождающим лицам были выданы проездные свидетельства в Екатеринбург // *Маркелов А.В.* Кончилась Вятка, кончились золотые деньки. Ссылка представителей Дома Романовых в Вятку в апреле 1918 г. — реконструкция событий. Вестник архивиста, 2013. № 1. С. 174.

⁷⁶ В воспоминаниях О.В. Палей содержатся сведения, что в Екатеринбург ее сын и его спутники прибыли в Страстную пятницу, то есть 3 мая (20 апреля) 1918 года // *Палей О.В.* Ук. соч. С. 104.

Бескрайность пейзажа совсем не удручала нас, но казалась чем-то грандиозным и успокаивающим.

По прибытии в Екатеринбург мужчины тотчас же попросили позволения у охраны присутствовать на службе в храме⁷⁷. Переглянувшись со своими солдатами, старший дал разрешение. Мужчины ушли в окружении охраны, а я осталась одна с багажом. Немного позже ко мне подошел неизвестный и представился. Как он сказал, он был секретарем директора одного городского банка, и его начальник, узнав о нашем приезде, послал его в наше распоряжение. Я охотно приняла его помощь, и вскоре он вернулся с крестьянином, управляющим повозкой. Оба мужчины сложили багаж в повозку и отвезли меня к гостинице, которую держала казачья семья Атамановых, где можно было снять меблированные комнаты. И во время нашей краткой поездки симпатичный секретарь сообщил потрясшую меня новость:

— Знаете ли вы, что позавчера из Тобольска⁷⁸ приехал царь с царицей и одной великой княжной? Они помещены в частный дом под усиленной охраной. Будучи больны, наследник и три его сестры остались в Тобольске до выздоровления.

Так царя привезли в Екатеринбург? Как можно еще сомневаться, что для них все было потеряно?

Разместившись, я оставила багаж в гостинице и сразу же пошла в храм. Служивший в тот день священник позже погиб в массовых побоищах, заливших город кровью⁷⁹.

⁷⁷ Ближайший собор от гостиницы Атаманова (100 м) — это Богоявленский Кафедральный собор (снесен в 1930 году). Второй собор это Екатерининский, расположенный также на Главном проспекте (ныне проспект Ленина), в 500 м места проживания августейших ссыльных на восток.

⁷⁸ Император Николай II, императрица Александра Федоровна и великая княжна Мария Николаевна прибыли в Екатеринбург утром 30 (17) апреля 1918 года и посажены под арест в дом Ипатьева, получивший название «Дом особого назначения». 23 мая туда же из Тобольска были доставлены остальные члены Императорской семьи.

⁷⁹ Протоиереем Кафедрального Богоявленского собора с 1904 по 1922 год являлся Леонид Игноратов, могила которого сохранилась

В конце службы я присоединилась к мужу и его спутникам и отвела их в гостиницу. По пути я рассказала им по-французски, на глазах у охранников, о том, что мне удалось узнать. И пока князя заканчивали наше обустройство, не забыв предстать перед комиссаром Белобородовым⁸⁰ из УралОблСовета, который и сам бывал в административной высылке, я начала искать способ связаться с царем.

Хозяйка гостиницы, которая с самого начала выказывала нам крайнюю симпатию, казалась мне человеком надежным и преданным. Ее-то я и начала осторожно расспрашивать.

Вскоре я осмелилась спросить ее прямо:

— Знаете ли Вы дом, где содержится царская семья? Вы можете мне его показать? Я хотела бы получить от него известия.

— Но это невозможно! — воскликнула она. — Вас расстреляют до этого.

У царского медика

Мы захватили с собой все керенские рубли⁸¹, которые смогли достать. Они стоили немного, но это все, что у нас было. Я взяла пачку похожих на марки рублей и протянула их хозяйке гостиницы.

— Все, что нам известно, — наконец, сказала она, — это то, что одного из врачей царя, доктора Деревенко⁸², освободили и разрешили ему лечить в Екатеринбурге.

на Ивановском кладбище в центре Екатеринбурга. Протоиереем Екатеринбургского собора на тот момент был Иоанн Сторожев. Они оба умерли своей смертью, поэтому кого именно имела в виду Елена Петровна не установлено, возможно, кого-то конкретно.

⁸⁰ Белобородов Александр Георгиевич (14 (26) октября 1891, поселок Александровский завод, Соликамского уезда Пермской губернии — 10 февраля 1938, Москва), советский политический и партийный деятель. Председатель Уральского областного Совета (с января 1918). Причастен к расстрелу царской семьи.

⁸¹ Бумажные денежные знаки, выпускаемые Временным правительством с сентября 1917 года. Имели хождение до 1919 года.

⁸² Деревенко Владимир Николаевич (15 (27) июля 1879, Яссы — после 1930), почетный лейб-хирург (1912). Последний визит В.Н. Деревенко

Она потом объяснила мне, чем заслужил такую милость доктор Деревенко. В тот момент в этой части Сибири свирепствовал грипп, без сомнения, тот же самый, который в Европе был известен как «испанка». Никто не знал, как с ним справиться. Большая часть заболевших умирала, некоторые выкабкивались, но, по правде говоря, заслуги врачей тут было немного. Среди них была жена уральского народного комиссара. Ее муж обратился к царскому врачу доктору Деревенко. Тот знал об эпидемии немногим больше, чем другие, но судьба захотела, чтобы больная выздоровела. Благодарный муж распорядился освободить доктора и разрешил ему частным образом работать по профессии в Екатеринбурге. Каждый день Деревенко в сопровождении одного из комиссаров отправлялся в дом, где содержалась царская семья. Но доктор никогда не мог остаться наедине с царем, ни с кем-либо из членов царской семьи, даже для осмотра. Все это — чтобы помешать любой связи царя с внешним миром.

Это все, что знала хозяйка, которая, тем не менее, согласилась дать мне адрес доктора Деревенко, все же предупредив меня:

— Не ходите туда, за ним следят.

Но я была единственной из нашей группы, кто располагал относительной свободой, в любом случае я могла приходить и уходить без сопровождения нашей охраны⁸³. И у меня было твердое намерение этим воспользоваться. Договорившись с мужем, я пошла в ближайшую аптеку и вернулась с флаконом

в дом Ипатьева состоялся 19 июня (2 июля) 1918 года, что было зафиксировано в дневнике у императрицы Александры Федоровны. Начиная с 7 (24) июля есть несколько записей, свидетельствующих о том, что царская семья продолжала надеяться на его визиты // Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. С. 502, 511, 512.

⁸³ По-видимому, о постоянно присутствующей охране во время ссылки в Екатеринбург княгиня Елена Петровна написала для усиления впечатления о пережитых ею драматических событиях. Свидетельства современников это не подтверждают. Далее в своих мемуарах княгиня пишет, что во время своего приезда в Екатеринбург она жила на свободе, но под надзором.

йода и пачкой перевязи, которые я думала использовать должным образом. Я намазала руку йодом от кисти до локтя, сделала огромную перевязку и пошла искать доктора.

Было немного за полдень, на улицах народу было немного. Вскоре я уже звонила по указанному адресу.

Мне открыла женщина с бандитским лицом.

— Вам что нужно?

— Мне сказали, что здесь есть врач.

— Есть врач бывшего царя, но его сейчас нет дома. Он сейчас его посещает.

Недоверие вновь охватило ее, и она спросила:

— А Вы его знаете?

— Откуда я могу его знать? Я даже имени его не знаю.

Она соблаговолила меня впустить и села рядом со мной, не спуская с меня глаз. Я чувствовала себя крайне неловко, но тут, наконец, пришел доктор Деревенко. Он узнал меня с первого взгляда, но, решив не подавать вида в присутствии этой женщины, которая наверняка была агентом ЧК, сухо спросил меня:

— В чем дело?

— Я страшно мучаюсь, доктор.

Он отправил женщину, ни минуты не сомневаясь, в том, что она будет стоять, приложив ухо к двери. Затем, хлопоча вокруг моей мнимой раны и задавая мне подходящие случаю вопросы, он прошептал мне известия, которых я ждала и боялась одновременно: все царские дети прибыли в Екатеринбург, наследник был серьезно болен.

— Все в большой опасности в Екатеринбурге, — добавил он.

— Вы могли бы сказать царю, что мы здесь?

— Невозможно. Комиссар не оставляет меня ни на минуту, даже когда я осматриваю великих княжон.

— Я пойду к нему и попрошу разрешение увидеть царя в его присутствии с условием говорить только по-русски.

— Не делайте этого! Вы не только не получите разрешение, но и подвергнете опасности Вашу жизнь и жизнь Ваших

спутников. Большевикам везде мерещатся заговоры с целью освободить царя.

Затем тихим голосом он добавил:

— Не забывайте также, что ежедневно и ежечасно жизни каждого члена царской семьи угрожает опасность.

За это время моя перевязка была снята и наложена вновь, я попрощалась с доктором, провожаемая подозрительным взглядом матроны, и вернулась в гостиницу.

Там за чаем я рассказала моему мужу о результатах моего похода, из предосторожности говоря по-французски:

— Я виделась с врачом. Царь и вся семья здесь, их жизнь в опасности. Они знают это и готовятся к самому худшему, но со спокойным смирением. Их благочестие помогает им смириться с этим испытанием и ждать смерти с миром в душе.

Увидеть царя

Спустя несколько дней после моего визита к доктору Деревенко, к моему большому удивлению, на пороге гостиницы появилась великая княгиня Елизавета Федоровна⁸⁴, сестра императрицы и вдова московского генерал-губернатора великого князя Сергея <Александровича>, убитого во время революции 1905 года. Великая княгиня, основавшая обитель после смерти своего мужа, прибыла в монашеском одеянии и в сопровождении монахини⁸⁵.

⁸⁴ Великая княгиня Елизавета Федоровна с сестрами Марфо-Мариинской обители милосердия Екатериной Петровной Янышевой и Варварой Алексеевной Яковлевой прибыла в Екатеринбург 11 мая (29 апреля) 1918 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 46. Л. 11.

⁸⁵ Келейниц при великой княгине Елизавете Федоровне было, как известно, две. Яковлева Варвара Алексеевна (1879, Тверь — 1918, Алапаевск), тверская мещанка, прибывшая в обитель из Ялты, будучи сестрой милосердия. Есть также данные, что с великой княгиней Елизаветой Федоровной она была знакома еще до строительства Марфо-Мариинской обители. Об Екатерине Петровне Янышевой (1870 — ?) известно немного больше. Она была вдовой (с 1905) действительного статского

Она рассказала мне, что по приказу Советов ее отправили в Сибирь и что она только что под конвоем красноармейцев приехала в Екатеринбург, однако по прибытии на место ее оставили на свободе под надзором.

— Я знаю, что моя сестра здесь, — сказала она мне. — И я молю Бога, чтобы чудо спасло их — ее саму и ее близких.

— Мы здесь среди уголовников, — ответила я.

Великая княгиня устроилась среди нас, но несколько дней спустя, в начале мая⁸⁶, красноармейцы вернулись: присутствие великих князей так близко к царской семье казалось УралОблСовету опасным и длиться более не могло. Вооруженный конвой препроводил нас всех, включая великую княгиню и сопровождавшую ее монахиню, к угольным и платиновым шахтам Алапаевска.

Поезд, который нас вез, немного не доезжая до Алапаевска, проследовал мимо столба, указатель на котором заставил нас содрогнуться: «Европа — Азия». В большей степени, нежели граница между двумя континентами, она показалась нам границей между двумя мирами, из которых только один был миром живых.

советника Леонида Ивановича Янышева, сына духовника царской семьи, в том числе, великого князя Сергея Александровича, протопресвитера Иоанна Леонтьевича Янышева. Екатерина Петровна овдовела в 35 лет в том же году, что и Елизавета Федоровна, и тоже посвятила свою жизнь благотворительности. Из ее переписки с императрицей Марией Федоровной и великой княгиней Елизаветой Федоровной известно, что при значительной поддержке Императорской семьи она отстраивала (по данным на 1913 год) богадельню в память протопресвитера Янышева (Дом призрения вдов и сирот, а также заштатных лиц придворного духовенства на Шпалерной улице) // *Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Крячкова Л.В.* Новые свидетельства к биографиям крестовых сестер Марфо-Мариинской обители милосердия. [Электронный ресурс] Седмица.RU. Url.: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/8883185/> (дата обращения 28 апреля 2020). То, что Янышева была знакома с императорской семьей, свидетельствует и С.Н. Смирнов. Он писал, что в 1904 году Екатерина Петровна работала на складе императрицы в Зимнем дворце // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 25.

⁸⁶ 18 (5) мая 1918 года представители Дома Романовых получили предписание УралОблСовета о высылке их из Екатеринбурга в Алапаевск.

После двенадцати часов пути нас высадили в Алапаевске на вокзале, который был более приспособлен для разгрузки угля и руды, нежели для перевозки пассажиров. Однако нас ждало несколько тарантасов — сибирских повозок, которые представляли собой большую закрепленную на двух колесах корзину. И, все еще под конвоем, мы тут же отъехали.

Посреди равнины, на краю леса — деревянное здание⁸⁷, окруженное густой изгородью: это была школа, которая станет нашим новым жилищем.

Сопровождая нас в дом, красноармейцы, бывшие каторжники⁸⁸, получившие свободу благодаря революции, предупредили нас:

— Вы здесь под арестом.

— Не я, — ответила я. — У меня пропуск от Троцкого.

Они как будто еле расслышали мои слова. Мы устроились, как смогли, тогда как семь охранников заняли большую классную комнату⁸⁹. Немного погодя они привели

⁸⁷ На самом деле это каменное здание, почему у Елены Петровны сложилось такое впечатление, не понятно. Основываясь на рассказах княгини и С.Н. Смирнов написал в своей книге, что школа, где проживали ссыльные в Алапаевске, была деревянной // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 25.

⁸⁸ Здесь княгиня вновь сгущает краски. Конечно же, далеко не все красноармейцы прошли тюрьмы и каторги.

⁸⁹ По показаниям крестьянки А.С. Кривовой, служившей в Напольной школе кухаркой, известно следующее: «Здание школы каменное и состоит из четырех больших и двух малых комнат; во всю длину здания проходит широкий коридор. По левую сторону от входа расположена небольшая комната, в которой помещались дежурные красноармейцы, охранявшие дом; за этой комнатой идут одна за другой три большие комнаты. В первой из них помещались великий князь Сергей Михайлович и граф Владимир Павлович Палей; в той же комнате за ширмой было устроено помещение для Федора Семеновича Ремеза и для лакея... Лакей этот, молодой поляк, служил он чуть ли не с малых лет у князя Владимира Павловича Палея. В следующей комнате помещались князь Константин и Игорь Константиновичи, а в угловой комнате — великая княгиня Елизавета Федоровна с монахинями Варварой Яковлевой и Екатериной Петровной... [Янышевой]. Князь Иоанн Константинович

женщину⁹⁰, которая, если верить их словам, должна была готовить нам еду, но ее основная роль, как мы думали, состояла, скорее, в наблюдении за нами.

Население Алапаевска состояло по большей части из бывших каторжников и монголов⁹¹. Однако спустя несколько

с супругой Еленой Петровной помещался в большой комнате направо от входа, комната эта сообщалась с дверью со смежной небольшой комнатой, в которой помещался служащий у князя Константина Константиновича лакей Иван... [Калин] — человек лет 30, низкого роста, брюнет, полный, усы и бороду брил. Из комнаты, где помещался лакей Иван, — ход на кухню» // Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 112.

⁹⁰ Из материалов следственного дела известно, что ее звали Александра Сергеевна Кривова, 36 лет, уроженка Калужской губернии. Поступить на службу кухаркой ей предложил управляющий хозяйством великого князя Сергея Михайловича Федор Семенович Ремез, искавший через булочницу, у которой он покупал хлеб, кухарку. Разрешение на работу дал военный комиссар Павлов, с условием, чтобы она «с князьями в разговоры не вступала и с воли им ничего не передавала» // Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 112.

⁹¹ Вероятно, Елена Петровна имеет в виду китайских рабочих, которые были заняты на лесозаготовке, строительстве Алапаевской узкоколейной железной дороги и т. п. Так как в царскую армию было мобилизовано с завода значительное число высококвалифицированных рабочих, то стал ощущаться острый недостаток в рабочей силе. Тогда и началась вербовка рабочих в Китае. Представитель завода в Харбине в 1915 году подписал договор на доставку в Алапаевск 1 500 китайских рабочих. Первая партия прибыла в конце 1915 года и была направлена на заготовку леса и углежжение, на погрузку и разгрузку вагонов, на подсобные работы, на рудники. Ответственным от подрядчика и уполномоченным китайского правительства в Алапаевске был Жень Фу Чень, уполномоченный фирмы «Хо-Го-Жун». В его обязанности входило осуществление взаимных расчетов между заводоуправлением и подрядчиком, а также между подрядчиком и китайскими рабочими. Но китайские рабочие не смогли покрыть дефицит рабочей силы. В 1916 году администрация округа обратилась в военные организации с просьбой выделить для работы на заводах Алапаевска военнопленных солдат и офицеров. Просьба была удовлетворена: на заводы округа прибыло более 2 500 военнопленных. К концу 1916 года на заводах округа работало: русских рабочих и служащих 6 275 человек, военнопленных 68 разных национальностей — 5 237 человек, китайских рабочих 1 157 человек.

дней после нашего приезда неизвестные дважды бросали цветы через изгородь, чтобы выразить нам свою симпатию. А однажды кому-то удалось передать нам номер иллюстрированного журнала «Нива» за 1911 год, где мы с понятным волнением нашли фотографию мою и моего мужа, снятую в день нашей помолвки. Такое внимание потрясло нас, и не только потому, что в нашей сегодняшней бедственной ситуации навевало воспоминания о прежних счастливых днях.

Но у нас так давно не было вестей о наших детях, что мы едва держались от беспокойства. Однажды наша «кухарка» предложила отправить карточку. Я воспользовалась этим, чтобы написать секретарю сербской миссии Анастасиевичу, единственному оставшемуся в Санкт-Петербурге после отъезда министра Спалайковича в Мурманск⁹². Я рассчитывала через него получить известия о детях. Кухарка спрятала карточку в лиф и под предлогом похода за покупками на рынок

Всего 12 669 человек. Когда в округе стали формироваться красногвардейские отряды, 450 китайцев составили батальон в их составе (командир Жень Фу Чень, комиссар — Константин Погорелов), подполковник китайской армии. После гибели командира батальон вошел в состав 29-й стрелковой дивизии Красной Армии.

⁹² На самом деле речь идет об Архангельске. Сербская миссия появилась в Вологде 1 апреля 1918 года. Летом того же года советское правительство стало настаивать на переезде дипломатических миссий в Москву. Но послы через дуайена дипломатического корпуса Дэвида Френсиса ответили отказом и стали один за другим покидать Вологду, передавая временные полномочия своим консульским учреждениям. Большинство из них, в том числе, сербский посланник Спалайкович, направились в Архангельск // Наш век. 1918. 26 (13) июля. С. 3. Одной из причин «непослушания» дипломатического корпуса стало подавление антибольшевистского выступления в Ярославле (6–21 июля 1918). Дипломаты стран Антанты и их союзники спровоцировали его начало, пообещав поддержку, которой жители города и прибывшие туда офицеры царской армии так и не дождались. Расчет был на комбинированное выступление против советского правительства внутри страны и извне. Однако высадка войск Антанты началась в Архангельске только 4 августа.

отнесла ее к поезду⁹³. Только спустя долгое время я узнала, что карточка дошла до своего адресата. Возможно, мы ошибались, полагая, что эта женщина — доносчица? Или же наша печаль разжалобила ее? Как знать...

Что же касается меня, то время от времени мне все-таки разрешалось выходить, хоть за мной и наблюдали, и присматривали.

Во время одной из моих прогулок я узнала, что армии Колчака и Деникина должны были вскоре оказаться на Урале, чтобы освободить царя.

Последнее прощание

Однажды в июне к нам в руки попала столичная газета. В ней писали, что все императорские дворцы были конфискованы⁹⁴, а их обитатели изгнаны. Но самое главное — большое место было отведено двум бедствиям, постигшим Санкт-Петербург, — голоду и холере⁹⁵.

⁹³ Этот эпизод описан со слов княгини и у С.Н. Смирнова. 15 мая княгиня Елена Петровна сделала неудачную попытку получить разрешение у военного комиссара Павлова на поездку к детям. Спустя два дня, 18 мая, она пишет по-сербски открытку секретарю сербского посольства Анастасиевичу с просьбой сообщить сведения о детях и помочь выехать из Алапаевска. Именно это послание и вынесла кухарка из школы, спрятав за корсаж и доставив к поезду // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 26–27.

⁹⁴ Декрет СНК «О конфискации имущества низложенного российского императора и членов Императорского дома» был подписан 13 июля 1918 года (ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1112. Л. 75-75 об.), то есть когда Елены Петровны уже не было в Алапаевске.

⁹⁵ Тревога за детей Иоанна Константиновича и Елены Петровны не была напрасной. Проблемы с продовольствием ощущались и в начале 1918 года. Например, еще до высылки представителей Дома Романовых, 10 марта королева Ольга Константиновна написала своему секретарю М.Ю. Гаршину: «Живем тем, что мой брат, великий князь Дмитрий Константинович, продает свои вещи... картофеля трудно достать, хлеба и всего остального — самая малость, все похудели...» // *Гаршин М.Ю.* Королева Эллинов Ольга Константиновна. Афины, 2011. С. 30.

Мы тотчас же собрались на семейный совет в нашей школе-тюрьме. Мой муж, его братья, его дядя, великая княгиня Елизавета тут же пришли к общему мнению: поскольку мне одной была предоставлена относительная свобода, мне предстояло поехать за детьми и привезти их в Алапаевск. В то время как я опять задавала себе вопрос о том, в чем состоял мой долг, мой муж был категоричен:

— Ты должна ехать. Может быть, дети на улице. Лучше было бы, если бы мы все были вместе.

Конечно, он был прав. Но в алапаевский местный совет я отправилась с тяжелым сердцем. Меня принял народный комиссар Павлов⁹⁶. Он был вежлив, но пропуск от Троцкого я показала ему напрасно.

— Я не имею права дать вам разрешение уехать в Санкт-Петербург, — сказал он мне. — Все, что я могу сделать — это разрешить вам отправиться в Екатеринбург. Там товарищ Белобородов решит, можете ли Вы ехать в Санкт-Петербург.

В этих обстоятельствах нужно ли было рисковать, отправляясь в столь долгое путешествие, оставив здесь всех своих, без какой бы то ни было уверенности добраться до детей? Тем не менее, было решено, что я должна ехать. Могу сказать, что я в большей степени подчинилась, нежели решила это сама. Спустя несколько дней у школы остановился тантанас. В исключительном случае, по моей просьбе, охранники разрешили моему мужу, его братьям, его дяде и великой

С.Н. Смирнов свидетельствовал, что, вернувшись 21 мая (3 июня) 1918 года из Таганрога, где он был по личным делам, в Петроград, он зашел в Мраморный дворец, уже занятый Министерством труда, и «застал... великую княгиню с Георгием и Верою очень сжатыми внизу, а наших двух малышей в 3-м этаже. Раза два или три я завтракал у великой княгини, причем даже за завтраком чувствовался недостаток продуктов и средств. Наши двое, Всеволод и Катя, сидели на самой скромной пище. Изредка из деревни кое-кто из бывших служащих присылал яиц или муки» // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 12.

⁹⁶ Павлов Сергей Алексеевич (1892, Алапаевск — 1919), военный комиссар города Алапаевска (с марта 1918), ему был поручен надзор за ссыльными представителями Дома Романовых.

княгине пересечь границы школы. Это случилось в первый раз с нашего приезда⁹⁷. Мы смогли попрощаться перед изгородью. Пока повозка, которую неспешно увозила запряженная в нее лошадь, отдалялась, я обернулась. Я увидела всех моих близких, стоящих вместе в окружении охранников. Меня охватило страшное беспокойство, и мне привиделось, что они как будто выстроились на казнь.

— Я больше не хочу уезжать! — закричала я кучеру. — Остановитесь!

Конечно, мои близкие почувствовали мою тревогу. Ободряюще помахав мне, они вернулись к дому. Дверь за ними закрылась. Я была одна. Я уехала.

Возвращение в Екатеринбург

На вокзале я не без труда нашла место в вагоне, битком набитом солдатами. Очутившись одна среди этих пьяных и грубых мужчин, развалившихся на грязных полках, я почувствовала страх. Я намеренно оделась сестрой милосердия и рассчитывала, что благодаря этому одеянию они оставят меня в покое. Поезд тронулся. Один солдат, сидевший напротив меня, положил ноги на сиденье рядом со мной. Его сосед сделал то же самое с другой стороны. Вокруг меня оказались их сапоги. Я поднялась:

— Я вижу, что мешаю вам. Я постою до Екатеринбурга, чтобы у вас было место, куда положить ноги.

⁹⁷ Из протокола допроса от 28 декабря 1918 года членом Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеевым в городе Алапаевске обвиняемого Е.А. Соловьева, бывшего комиссаром юстиции Алапаевского района, известно, что «не имея никаких инструкций о порядке содержания князей, ... <Соловьев> считал своей обязанностью заботиться лишь о том, чтобы они были в достаточной мере обеспечены всем необходимым для сносного существования; в первое время я даже разрешал им прогулки по городу без всякой охраны и ограничил эту свободу лишь по получении от Областного Совета приказания считать князей арестованными и перевести их на солдатский паек» // Гибель членов Дома Романовых на Урале. С. 195.

Реакция последовала тут же. Оба убрали ноги, и я смогла снова сесть. Я было подумала, что от меня наконец отстали, но, подмигнув друг другу, эти мужланы принялись распевать непристойные песни. Я закрыла глаза, притворившись спящей. К счастью, оба солдата вскоре сделали то же самое, но по-настоящему, сраженные содержимым бутылок, которые они аккуратно опустошали с момента отъезда.

Мы прибыли в Екатеринбург к пяти часам утра. Я сразу же отправилась в гостиницу к Атамановым, где мы нашли приют до того, как нас перевели в Алапаевск. У меня с собой было много писем от всех великих князей, а также от великой княгини Елизаветы <Федоровны>, и я должна была вручить их адресатам по приезду в Санкт-Петербург. Не знаю, как хозяйка гостиницы смогла догадаться, но она сказала мне, глядя в упор:

— Только не везите с собой эти письма! Это было бы Вашим смертным приговором.

Затем, открыв печную заслонку, все письма, которые я ей отдала, она бросила в печь.

Здесь Троцкого не знают

Назавтра я пришла в УралОблСовет и попросила о встрече с его председателем Белобородовым. Принявший меня секретарь попросил меня подождать, так как председатель был занят. Наконец тот прибыл и спросил меня, чего я хочу.

— У меня нет никаких известий от моих детей, — сказала я. — Я намереваюсь поехать в Санкт-Петербург, чтобы привезти их с собой в Алапаевск.

Если бы я у него попросила луну с неба, он и то не был бы так изумлен. Он, конечно, никогда не мог вообразить себе ничего подобного от пленников, которыми мы являлись. Я показала ему выданный мне Троцким пропуск. Он взял его, перевернул, повертел в руках, потом вернул со словами:

— Невозможно. Вы не можете покинуть Урал.

— Значит подпись Троцкого здесь недействительна? — возмущенно спросила я.

Он показал мне пальцем на висевшую на стене карту.

— Смотрите, — сказал он мне, — это Сибирь. Здесь у нас Уральская республика. Там — Санкт-Петербург. Между ними ничего общего. Везде свои законы.

— В этом случае я должна вернуться в Алапаевск.

— Нет.

— Что же я тогда должна сделать?

— Вы останетесь здесь, пока не будет решена ваша участь.

— Словом Вы хотите, чтобы меня не было ни с моим мужем, ни с моими детьми?

— Вы своих детей оставили. Так хорошая мать не поступает.

— Этот вопрос не Вам решать. Только мои дети будут иметь право судить меня, когда вырастут.

Он хмуро посмотрел на меня, давая понять, что разговор окончен. Но у меня к нему была еще одна просьба.

— Раз уж я должна остаться здесь, не могла бы я повидаться с царем в Вашем присутствии или в присутствии какого-нибудь комиссара? Разумеется, я обещаю говорить только по-русски. Я не собираюсь говорить с ним о политике, просто нанести ему дружеский визит.

— Все посещения запрещены, — отрезал он. — Это приказ Москвы.

Я хотела бы заметить, что его ответ полностью противоречит тому, что он сказал мне минуту назад, показывая карту. Но решила, что более осмотрительно ничего не говорить, чтобы не привлекать к себе еще большее внимание. Потому что у меня был план.

Я хочу увидеть царя

В отчаянии я вернулась в гостиницу. Это не люди, — говорила я себе. Но мысль увидеть царя меня не оставляла, как раз наоборот.

Однако я все еще не знала, где находится дом Ипатьева, в котором взаперти держали императорскую семью. Я рассчитывала на хозяйку гостиницы, чтобы получить какие-либо сведения.

— Какое безумие! — вскричала она. — Вы хотите, чтобы Вас расстреляли!

Но уже с давних пор у меня была привычка оставлять за собой последнее слово. Когда я еще была ребенком, мой отец подшучивал над моим упрямством, говоря мне по-сербски: «Стрижено-кошено», намекая на сербскую народную сказку, в которой речь идет о том, что у женщины всегда последнее слово, даже когда она ошибается⁹⁸.

— Я в любом случае это узнаю, — сказала я хозяйке. — Если мне суждено умереть, то уж лучше при исполнении долга.

Но хозяйка гостиницы тоже умела проявлять упрямство.

— Это безумие, это безумие! — повторяла она, покачивая головой.

— Если Вы не хотите мне это сказать, мне придется обратиться к первому встречному на улице, и это будет еще хуже, потому что мне может попасться большевик.

— Если все сербы такие упрямые, как вы, они не рискуют проиграть войну! — пробурчала она, сдаваясь. Затем она сообщила нужную мне информацию, вновь советуя мне проявлять осторожность, в чем мне, должна сказать, не было никакой нужды. Я уже очень хорошо знала преимущества этого качества.

В доме Ипатьева

Как только я получила от хозяйки гостиницы то, что мне было нужно, я быстрым шагом направилась к мрачному дому,

⁹⁸ В русском варианте эта сказка называется «Брито-стрижено»: мужик сбрил бороду и говорит жене: «Смотри, как я чисто выбрился!». Но жена возразила, что не побрился, а постригся. Они стали спорить, никто не хотел уступать. Мужу это надоело, и он пригрозил жене, что, если она не перестанет спорить, он ее утопит. Но жена стояла на своем. Муж потащил ее на водоем, стал окунать в воду и требовать, чтобы она сказала, что брито. Жена не уступала. Взбешенный, муж взял жену за шею и довольно долго держал ее под водой, не давая говорить. Тогда жена, уже захлебываясь, подняла из воды руку и двумя пальцами показала ножницы: «стрижено!».

на который она мне указала⁹⁹. Вскоре я увидела высокий палисадник, который поднимался до крыши, скрывая обитателей от прохожих. Грузовики, пулеметы, охранники-красноармейцы¹⁰⁰. Я точно была перед царской тюрьмой. У меня вдруг до боли сжалось сердце.

Я была еще метрах в пятидесяти, как часовой двинулся в мою сторону со штыком наперевес.

— Стой!

Я подчинилась. Солдат сделал еще один шаг:

— Вы что здесь делаете?

При виде его свирепого выражения лица я растеряла остатки смелости.

— Я бы хотела встретиться с комиссаром этого дома, — проговорила я на одном дыхании.

⁹⁹ С.Н. Смирнов утверждал, что визит княгини Елены Петровны в дом Ипатьева состоялся сразу же по приезду августейших ссыльных в Екатеринбург. Вот что он пишет об этом: «Прибыв 20-го IV в Екатеринбург, Елена Петровна тотчас отправилась в дом, занятый государем, вызвала коменданта и спросила сначала о здоровье Татищева, а потом, видя, что комендант ее что-то оглядывает, призналась, кто она и спросила о всей семье государя. В это время там были только государь, Александра Федоровна и Мария Николаевна с Долгоруким» // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 28. На самом деле Долгорукова в доме Ипатьева не было, по приезду в Екатеринбург он был сразу арестован и вскоре расстрелян.

¹⁰⁰ Дом Ипатьева находился на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. В момент заключения в нем царской семьи был обнесен двумя заборами. Первый проходил почти у самых стен дома, закрывая его вместе с окнами. Второй шел на некотором расстоянии от первого, образуя как бы дворик между заборами. Он совершенно закрывал весь дом с воротами. Стража «Дома особого назначения» делилась на наружную и внутреннюю. У наружной охраны было семь постов (позже к ним добавилось еще три) по всему периметру и во внутреннем дворе. *Соколов Н.А.* Убийство царской семьи. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2015. С. 155, 157–158. П.М. Быков, председатель Екатеринбургского совета, писал по этому поводу следующее: «Не применяя к заключенным особо репрессивных мер и строгого тюремного режима, Областной Совет в то же время ввел строгую охрану дома и заключенные находились в нем всегда под неусыпным наблюдением красной гвардии, отряд которой помещен был в одном из зданий напротив «дома специального назначения» // *Быков П.М.* Последние дни последнего царя. Архив русской революции. М., 1993. Т. 17–18. С. 311.

Когда царь был под арестом в Царском Селе, назначенный Керенским комиссар Кондратьев¹⁰¹ вел себя очень корректно, даже немного более чем корректно — как будто он изображал революционера, чтобы защитить царя от революционеров настоящих. Мы с мужем виделись с ним, он дал нам сведения о царской семье и даже передал сообщения, как в одну сторону, так и в другую, с выражением дружеских чувств и почтения. Именно так он и сообщил нам о желании царя иметь косу, чтобы косить траву в парке. Мы передали ему косу и впоследствии узнали, что это стало одним из любимых занятий царя. Я надеялась, что в Екатеринбурге встречу Кондратьева.

Солдат удивленно разглядывал меня какое-то мгновение, затем сказал мне:

— Хорошо. Не шевелитесь, в Вас могут выстрелить при малейшем вашем движении. Я схожу за комиссаром.

Он вернулся через несколько минут, но с ним был не Кондратьев.

Комиссар дома Ипатьева

У направлявшегося ко мне комиссара был угрюмый вид, что не сулило мне ничего хорошего. Я снова почувствовала, что силы меня оставляют.

— Вы кто? Зачем пришли? — спросил он тоном, в котором не было ничего обнадеживающего.

— Я родственница Татищева¹⁰², генерал-адъютанта царя, и хотела бы узнать о нем, — ответила я, не зная еще того, что Татищева уже расстреляли.

¹⁰¹ Трудно сказать, кого имеет в виду Елена Петровна. Должность коменданта Александровского дворца последовательно занимали П.П. Коцебу (до 21 марта 1917), П.А. Коровиченко (по май 1917), а затем гвардии полковник Евгений Степанович Кобылинский (1875–1927), позже сопровождавший семью императора Николая II в Тобольск и отстраненный от должности за несколько дней до ее перевода в Екатеринбург.

¹⁰² Татищев Илья Леонидович (11 декабря 1859 — 10 июля 1918) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант Свиты Николая II (с 1915). В августе 1917 — апреле 1918 года Илья Леонидович разделил вместе с царской семьей все тяготы тобольской жизни. После отъезда по настоянию

— Таищева здесь больше нет, а Вы мне все еще не сказали, кто Вы.

Собрав все свое мужество, я решила сказать правду.

— Я жена одного из Романовых, которых держат в Алапавске. Но я также дочь короля Сербии.

Он показался совершенно обескураженным и, немного смягчившись, спросил меня:

— Ну, и что же Вы тут делаете?

Настал момент показать пропуск от Троцкого! Что я и сделала, пояснив при этом:

— Я добровольно последовала за своим мужем. Но сейчас у нас нет абсолютно никаких известий от наших детей, я хотела бы вернуться в Санкт-Петербург и увезти их с собой. Белобородов не дал мне разрешение и предписал остаться здесь. Как родственница царя я пришла узнать о нем, а если Вы мне разрешите — то встретиться с ним, в Вашем присутствии, разумеется.

Авдеев¹⁰³ — так звали комиссара, ответил мне то же, что и Белобородов:

— Москва запрещает любое свидание с царем или кем-либо из членов его семьи.

Я чувствовала, что настаивать было бесполезно, но хотела использовать все аргументы:

— Надеюсь, Вы поймете чувства, которые заставляют меня просить об этой милости. Но поскольку приказ столь категоричен, и я должна ему подчиниться, могу ли я просить Вас сказать царю и его семье, что Елена Петровна проездом в Екатеринбурге, что она просит царя и его семью принять

комиссара Яковлева их величеств и великой княжны Марии Николаевны, И.Л. Татищев оказался среди тех, кто остался с Августейшими детьми в Тобольске. В Екатеринбурге 10 (23) мая 1918 года И.Л. Татищева отделили от царской семьи и заключили в тюрьму, посадив в одну камеру с камердинером А.А. Волковым и камердинером Т.И. Чемодуровым. Он был расстрелян 27 июня (10 июля) 1918 года за Ивановским кладбищем.

¹⁰³ Авдеев Александр Дмитриевич (1887, Оренбургская губерния — 1947, Москва), революционер-большевик, комендант Дома особого назначения до 4 июля 1918 года.

ее почтение и наилучшие пожелания и что она хотела бы знать, не нужно ли чего-нибудь детям, чтобы она могла им это передать.

Поскольку он казался в нерешительности, я сочла уместным добавить:

— Видите, в этом нет никакой политики, а только выражение человеческого чувства.

Мне показалось, что на его суровом напряженном лице промелькнула улыбка, и я дождалась его ответ.

— Я передам Ваше послание, — сказал он.

— Сделает ли он это? — спрашивала я себя. И, тем не менее, я почти лишилась сил от радости, услышав его ответ. Я поблагодарила его.

Перед тем, как уйти, он обернулся ко мне:

— Где Вы живете? — спросил он меня.

Я ему ответила, и он ушел, не прибавив ни слова.

Послание от царя

Это свидание, каким бы коротким оно ни было, отняло у меня силы. Я вернулась в гостиницу, умирая от усталости.

Хозяйка, которой я рассказала о моей встрече с Авдеевым, посмотрела на меня с состраданием:

— На этот раз сомнений нет, — вскричала она. — Вас расстреляют. Ходя от одного комиссара к другому, Вы сами себе подписали смертный приговор.

— Посмотрим. Никто от своей судьбы не уйдет, — сказала я. — И я искренне так думала.

Тем же вечером, когда мы с хозяйкой и ее мужем сидели за столом, дверь внезапно открылась, и вошел красноармеец.

— Которая тут сербка? — спросил он, поочередно переводя взгляд с меня на хозяйку.

— Я, — ответила я.

— Бывший царь и бывшая царица благодарят Вас, приветствуют и передают, что они все в полном порядке и что им ничего не нужно.

Выпалив одним духом это сообщение, как если бы оно обжигало ему губы, солдат поспешно удалился.

В конечном итоге из всех эмоций, которыми был богат этот день, последняя была самая сильная. Мне так было радостно знать, что царь понял, что он не покинут всеми.

На глаза у меня навернулись слезы. Я не удерживала их, это были мои первые слезы с момента нашей высылки. Они были мне так приятны. Получив это известие, я не заботилась более о собственной судьбе. Этим вечером я заснула глубоким сном с покоем в душе.

Как только занялась заря, меня разбудили громкие удары в дверь гостиницы. Вскоре в мою дверь постучали. Два красноармейца вошли, не дождав моего разрешения, и показали мне предписание.

УралОблСовет принял решение меня арестовать. Солдаты должны были тотчас же доставить меня в революционный трибунал.

У комиссара кровавые руки

Два красноармейца препроводили меня в помещение ЧК¹⁰⁴, и я тот же час предстала перед трибуналом. Он состоял из пятерых человек, среди которых, как я узнала позже, был комиссар Войков¹⁰⁵, который потом был убит (как

¹⁰⁴ Княгиня Елена Петровна, судя по заметкам С.Н. Смирнова была задержана ЧК на следующий день после приезда сербской миссии, то есть 5 июля 1918 года. Ее подвергли допросу, но затем отпустили. Поводом к задержанию послужило выяснение причин прибытия сербской миссии в Екатеринбург // *Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 31.*

¹⁰⁵ Войков Петр Лазаревич (1 (13) августа 1888, Керчь — 7 июня 1927, Варшава), революционер, советский партийный деятель, дипломатический работник. В августе 1917 года как сотрудник Министерства труда Временного правительства был направлен в Екатеринбург инспектором по охране труда. Вступил в РСДРП(б). После октябрьской революции вошел в состав екатеринбургского Военно-революционного комитета. Руководитель реквизиций продовольствия у крестьян, был причастен к репрессиям против предпринимателей Урала, один из организаторов убийства в Ипатьевском доме.

мне кажется, в Лозанне), и Медведев¹⁰⁶, один из палачей императорской семьи.

— Зачем Вы в Екатеринбурге? Что Вы делали вчера перед домом, где содержится бывший царь? Зачем Вы пытались его увидеть? Какое сообщение Вы ему передали?

Вопросы сыпались так быстро, что я не знала, как отвечать. Наконец я смогла объяснить, приводя те же причины, что и Белобородову, и Авдееву, еще не зная, что последний был отстранен от должности и заменен Яковом Юровским¹⁰⁷ сразу после того, как он велел передать мне послание от царя¹⁰⁸.

Мои ответы показались удовлетворительными, и мне велели выйти из комнаты, пока судьи принимали решение. Когда меня вновь привели перед судьями, Войков протянул мне листок бумаги со словами:

— Вы свободны. Но Вы должны немедленно покинуть Екатеринбург. Вот пропуск в Петроград.

Я вернулась в гостиницу бегом с радостью в сердце. Хозяйка не могла сдержать удивленный возглас:

— Так Вас не расстреляли?

¹⁰⁶ Медведев (Кудрин) Михаил Александрович (30 сентября 1891 — 13 января 1964), революционер, сотрудник екатеринбургской ЧК, один из участников убийства в Ипатьевском доме. На Урал прибыл летом 1917 года, в 1918 году становится членом коллегии ЧК в Екатеринбурге, в начале июля назначается во внутреннюю охрану Дома особого назначения.

¹⁰⁷ Юровский Яков Михайлович (1878, Томск — 1938), сын ремесленника. Член РСДРП (б) с 1905 года. Участвовал в террористических актах и экспроприациях. В Екатеринбурге с 1912 года. Во время Первой мировой войны окончил фельдшерскую школу и служил в одном из госпиталей Екатеринбурга. С 1918 года становится членом Уральского областного совета, в начале июля назначается комендантом Дома особого назначения. В ночь на 17 июля руководил убийством царской семьи, а затем скрытием следов преступления и вывозом ценностей в Москву. С августа 1918 года был сотрудником московской ВЧК, а затем советским и партийным деятелем.

¹⁰⁸ Комендант Дома особого назначения А.Д. Авдеев был заменен Я.М. Юровским за день до задержания княгини Елены Петровны, то есть 4 июля 1918 года.

— Похоже, что нет, — сказала я. — Пока нет.

Когда она узнала, что мне выдали пропуск в Санкт-Петербург, сначала ее охватила безудержная радость, но она почти сразу заговорила своим обычным тоном, в котором сквозило недоверие, общее для многих в ту пору:

— Самое главное — молчите, — посоветовала она. — Ничего им не говорите. Вы с ними никогда не сможете договориться, поскольку они сильнее...

Появляется сербский офицер

Мне не составило труда снова собрать мой маленький чемоданчик, и тем же вечером, поблагодарив хозяйку и ее мужа, я направлялась к почте, но внезапно остановилась, думая, что у меня галлюцинации.

Передо мной стоял сербский офицер в мундире, с саблей и револьвером¹⁰⁹. У него были эполеты, в противоположность

¹⁰⁹ Когда служащих при ссыльных членах Дома Романовых проезжали через Екатеринбург, Е.П. Янышева, по просьбе Иоанна Константиновича посетила Елену Петровну и сообщила ей о депеше С.Н. Смирнова, полученную в Алапаевске князем. В ней сообщалось, что за княгиней едет из Петербурга специальная миссия. Но Янышева не запомнила фамилию писавшего. Чтобы прояснить ситуацию, по совету американского вице-консула, Елена Петровна запросила посланника Спалайковича и из ответной телеграммы выяснила, кто именно выехал за ней. Так что ни прибытие миссии, ни ее состав не могли быть для Елены Петровны сюрпризом. С.Н. Смирнов свидетельствовал, что «4-го около 7 мы прибыли, наконец, в Екатеринбург и прямо проехали к Елене Петровне в номера Атаманова... Елена Петровна была очень обрадована, увидев нас и закидала вопросами о детях: накормила ужином и отпустила лишь в 10 час^{ов} вечера» // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 24, 27. Эти данные подтверждаются и протоколом допроса Елены Петровны в Уральской Областной Чрезвычайной комиссии от 14 (1) июля 1918 года, где княгиня показала, что 5 июня она «выехала из Алапаевска с разрешения Совета, чтобы посетить своих детей, которые находятся в Петрограде. Прибыв в Екатеринбург, я получила известие, что за мной послана сербская миссия и я решила ее дожидаться» // *Россия. Романовы. Урал.* Сб. материалов. Екатеринбург, 1993. С. 72.

русским офицерам, у которых красные их отобрали. Рядом с ним — Смирнов, наш управляющий в Павловске, а позади — два сербских солдата, также в мундирах.

От изумления я не отреагировала. Я даже себя спрашивала, не лишилась ли я разума из-за всех волнений последних дней. Первым заговорил офицер.

— Ваше высочество, позвольте мне представиться, — сказал он. — Майор Жарко Мичич, адъютант военного атташе Сербии.

Так мне не снится! Потом подошел Смирнов и приветствовал меня с волнением, выдававшим его радость от встречи со мной. Наконец ко мне вернулся дар речи.

— Но что вы делаете в Екатеринбурге?

Как они мне объяснили, они долгое время разыскивали меня по просьбе нашего министра Спалайковича. Тот находился в Мурманске¹¹⁰, как и американские, английские и французские дипломаты, которые спрятались в этом далеком, но свободном крае возле Ледовитого океана, после разрыва отношений с Москвой.

Что касается Смирнова, то ему предоставили сербское подданство и дипломатический паспорт. Как я уже знала, это была очень распространенная мера, хотя и совершенно незаконная, благодаря которой Спалайковичу удалось облегчить бегство многих русских¹¹¹. Я узнала позже, что это также помогло сбежать Керенскому, у которого был сербский паспорт на имя коммерсанта Марковича.

— У нас есть разрешение от Советского правительства увезти Вас с собой в Санкт-Петербург, а оттуда — вместе с детьми в Мурманск.

Я подскочила.

¹¹⁰ В июле 1918 года посланник Спалайкович находился в Архангельске. См. комментарий к части «Увидеть царя».

¹¹¹ *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 21–22. Позже, по просьбе Елены Петровны из советской России по сербскому паспорту смогла уехать Людмила Николаевна Гартвиг и другие служащие княгини, которые того пожелали.

— Но я отказываюсь, — вскричала я. — Я не покину Россию без моего мужа. Я ехала за детьми, чтобы отвезти их в Алапаевск.

— Но это чистое безумие! — не смог сдержаться майор, который, впрочем, тут же извинился за неподобающее выражение.

— Мы живем в эпоху безумия, — сказала я. — И я могу себе позволить совершить одно. Поблагодарите министра и скажите ему о моем намерении остаться в России с мужем.

Моя решимость озадачила их и привела в замешательство. Вслед за неожиданной встречей со мной их ждала другая неожиданность, которая рушила их планы. Я отдавала себе в этом отчет. Но могла ли я поступить иначе?

— По крайней мере, поскольку у Вас есть пропуск, не согласитесь ли Вы отправиться в поездку вместе с нами до Санкт-Петербурга? — спросил майор.

Новый арест

У меня не было никакой причины отказаться, я даже была очень рада путешествовать в их компании. Мы решили отправиться в путь завтрашним вечером. Майор Мичич предупредил об этом телеграммой своего министра.

Настал час отъезда. Мы сели в свободный вагон¹¹². Ни одного гражданского, а рядом с нами — целый вагон красноармейцев. Через несколько минут, которые показались нам нескончаемыми, паровоз засвистел, закашлял, плюнул, набирая скорость. Но наш вагон остался на месте. Его отцепили без нашего ведома.

Почти сразу два красноармейца зашли в вагон, который уже со всех сторон окружали солдаты. У них был приказ

¹¹² Отправляясь за Еленой Петровной, сербская миссия 28 (15) июня добилась разрешения Комиссариата Петроградского округа путей сообщения на специальный вагон до Екатеринбурга и обратно. Он прикреплялся к составу, следующему в нужном направлении // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 16.

арестовать нас, сказали они. Они отвели нас к комиссару вокзала, который зачитал нам приказ УралОблСовета «немедленно арестовать сербскую принцессу и всех лиц из ее свиты».

Комиссар прибавил:

— Товарищ Белобородов берет на себя всю ответственность за этот арест. Я могу только подчиниться его приказам.

Затем от обернулся к майору Мичичу:

— Сдайте вашу саблю и револьвер, — сказал он.

— Я отдам их только моему королю, — ответил с гордостью майор.

Комиссару повезло немногим больше и тогда, когда он захотел снять с него эполеты с монограммой моего отца. Я почувствовала гордость за нашу армию, и чувство национального достоинства заполнило меня.

— У Вас есть возможность сделать с нами все, что захотите, — сказала я комиссару. — Знайте только, что я горда тем, что разделяю судьбу, постигшую всех русских людей. Я могла бы уехать вместе с этими господами, но я отказалась. Я не хочу уезжать из России.

Он не ответил. Солдаты вывели нас, посадили в автомобиль и отвезли в ЧК, в здание бывшей гостиницы «Америка»¹¹³, где нас разделили.

Немного погодя я предстала перед главным, чье жесткое выражение лица, впечатление от которого еще более усиливалось закрученными кверху усами и глубоко посаженными глазами, заставило меня думать, что пришел мой последний час. Я еще не знала его имени — Яков Юровский¹¹⁴, как и того, что он будет одним из палачей императорской семьи.

¹¹³ По сведениям С.Н. Смирнова, это были «Американские номера», гостиница, захваченная большевиками под ЧК, ее канцелярия и квартиры служащих // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 35.

¹¹⁴ Как уже упоминалось, назначение Я.М. Юровского комендантом Дома особого назначения состоялось 21 июня (4 июля) 1918 года. Арест Елены Петровны и ее спутников состоялся 24 июня (7 июля) того же года.

Он приказал какой-то женщине обыскать меня и убедиться, что у меня нет никаких документов.

Женщина приблизилась.

— Не трогайте меня! — закричала я ей. — Я сама разденусь.

Что я и сделала, оставив только рубашку и чулки.

— Вы удовлетворены? — спросила я Юровского.

Я едва успела одеться, как меня отвели в комнату на втором этаже и заперли там. На этом закончилась моя встреча с Юровским в тот день. Меня, однако, обуревало столько чувств. Мне казалось, что я погружаюсь, как в кошмарных снах, в бесконечный туннель, выход из которого мне не виден.

Женщина, которая должна была меня обыскивать, принесла мне супа и немного хлеба, и с ее появлением закончился первый день заключения.

Приближение Белой армии

Так прошло почти две недели. Однажды утром, принеся мне чай, женщина пустилась в непривычные откровенные разговоры:

— Похоже, что Белая армия адмирала Колчака приближается к Екатеринбургу, а другая подходит из Оренбурга. Говорят еще, что все алапаевские пленники освобождены белыми и уехали на Дальний Восток¹¹⁵.

¹¹⁵ Информацию об «освобождении» алапаевских узников Елена Петровна и ее спутники узнали, находясь в екатеринбургской тюрьме. 19 июля консулы американский, английский и французский передали княгине через прислугу, что ей не стоит беспокоиться за князя Иоанна Константиновича и других родственников, а надо готовиться к скорому отъезду в Москву. Как писал С.Н. Смирнов, «получив это известие, ...<княгиня> была так спокойна и счастлива за мужа». 27 (14) июля 1918 года, будучи уже в пермской тюрьме, они прочли в «Известиях Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов» короткую депешу Алапаевского совета на имя Уральского Областного совета от 18 июля о том, что «ночью все алапаевские узники похищены неизвестно кем, что нападение было совершено ночью, что красная охрана защищалась, но была перебита, убив

При этих словах мое сердце наполнила приятная теплота. «Мой муж спасен», — говорила я себе, и мне казалось, что на землю пришло новое время. Но вдруг меня вновь охватило беспокойство. «А что, если это только провокация?». Я заставила утихнуть в душе столь поспешную надежду.

— Что случилось с царем и его семьей? — спросила я.

— Они все еще здесь, — сказала женщина.

Затем она вышла, как обычно, заперев дверь. А я провела весь день в метаниях от надежды и радости при мысли, что мой муж в безопасности, к мрачным предчувствиям, наваливавшимся на меня со всех сторон.

Назавтра утром, около четырех часов, дверь моей комнаты резко распахнулась, и ворвался вихрем бледный как смерть Юровский с дрожащими губами.

— Поторопитесь одеться. Вас уведут через четверть часа.

Оживление Юровского, тот факт, что он сам пришел предупредить меня, заставляли меня думать о худшем. «Они расстреляют меня, чтобы отомстить за бегство моего мужа», — говорила я себе. Но я совершенно не догадывалась ни о том, что мой муж не уехал на Дальний Восток, ни о той страшной трагедии, которая разыгралась в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, ни то том, что на дрожащих руках Юровского все еще, без сомнения, оставалась кровь.

Поскольку я всегда спала одетой, то ответила:

— Я готова.

— Хорошо. Следуйте за мной.

Перед дверью ждал тарантас, запряженной тощей лошастью. На сиденье — комиссар Войков. Место кучера сидел

одного из нападавших. Делеша заканчивалась сообщением о том, что погоня послана» // *Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 44–45, 58, 63.*

Заметим, что передача информации стала возможна потому, что княгиня практически мгновенно установила доверительные отношения с прислугой: в Американских номерах были не только содержались заключенные, но и жили некоторые представители новой власти с семьями, для которых был оставлен обслуживающий персонал бывшей гостиницы.

большевик. Оба были вооружены револьверами, на поясе висели гранаты.

Не произнеся ни слова, я села рядом с ними, и мы тронулись в направлении, которое мне было совершенно незнакомо. Некоторое время мы ехали молча, в то время как я старалась справиться со своей тревогой. Через какое-то время Войков сказал мне:

— Мы едем на вокзал. Вы поедете в Москву вместе со всеми Романовыми.

Я все еще не знала, что в этот час все Романовы уже были мертвы, но я отдавала себе отчет в том, что мы двигались не в направлении вокзала. В Екатеринбурге был только один вокзал, и мне уже пришлось там побывать.

Вскоре мы въехали в бескрайний лес, где сумерки все более сгущались и темнели. Дороги больше не было, и лошадь с трудом пробиралась, петляя между колеей и пнями деревьев. С этого момента я больше не сомневалась, что дни мои сочтены. Среди деревьев, устремленных ввысь, как огромные мачты кораблей, чей густой свод скрывал небо, я ждала выстрела, который должен был прикончить меня.

Но за очередным поворотом лес вдруг посветлел. Бледный свет появился между стволами и зарослями. Повозка выехала на зеленеющий луг, на который восходящее солнце отбрасывало первые робкие лучи.

Среди заложников

В глубине паровоз дымился в клубках белого пара. Вокруг кучки людей, которые, казалось, провели здесь в ожидании целую вечность. И от всего веяло неодолимой безысходностью.

Видя мое удивление и, вероятно, угадав мои мысли, Войков сказал мне:

— Мы на Горно-Заволжской линии (вокзал на линии, служащей для перевозки руды и угля). Люди, которых Вы видите, — заложники, которых мы взяли в Екатеринбурге при приближении белых. Вы тоже заложница и вместе со всеми поедете в Москву.

«Еще одна ложь», — думала я. Но наш тарантас между тем остановился. Мне велели спуститься напротив единственных двух женщин в группе.

К моему большому изумлению я тут же их узнала. Одна из них была графиня Гендрикова, <личная> фрейлина императрицы, добровольно последовавшая в ссылку за императорской семьей в Тобольск. Вторая была гоф-лектрисса императрицы, мадемуазель Шнейдер¹¹⁶. Обе были такие худые и бледные, что я [на мгновение] засомневалась, прежде чем признать их.

— Вы их знаете, поскольку они были из числа придворных дам, — сказал мне Войков. — Вы можете с ними поговорить. Кстати, у Вас до Москвы будет на это много времени.

Я приблизилась к ним. Мы обнялись с непередаваемым волнением. Затем они рассказали мне, как их арестовали в тот момент, когда императорскую семью переводили из Тобольска в Екатеринбург. Их вывели из тюрьмы тем же утром, [что и нас]. От них я узнала, что князь Долгоруков¹¹⁷ и генерал Татищев, добровольно последовавшие за императорской семьей в Тобольск, были расстреляны сразу по прибытии в Екатеринбург.

¹¹⁶ Графиня А.В. Гендрикова и гофлектрисса Е.А. Шнейдер разделили с семьей императора Николая II тяготы ареста в Александровском дворце и Доме губернатора в Тобольске. Прибыв 23 мая 1918 года вместе с царскими детьми и другими служащими в Екатеринбург, они были арестованы и препровождены в тюрьму. В связи с перемещением линии фронта, 21 (8) июля того же года они были отправлены в пермскую тюрьму. В вагоне поезда они встретились с княгиней Еленой Петровной и представителями сербской миссии, а также камердинером императрицы А.А. Волковым. В пермскую тюрьму они были доставлены 23 (10) июля 1918 года // *Волков А.А. Около царской семьи. Москва: частная фирма Анкор, 1993. С. 88–89.*

¹¹⁷ Долгоруков Василий Александрович, князь (1 августа 1868 — 10 июля 1918), генерал-майор Свиты ЕИВ (с 1912). После отречения императора добровольно остался с его семьей, последовал за ним в Тобольск, а затем сопровождал Николая II из Тобольска в Екатеринбург. По приезде был арестован на вокзале, заключен в тюрьму и расстрелян вместе с генерал-адъютантом И.Л. Татищевым.

Столько боли, столько крови вселяли в нас ужас. Если бы мы только могли догадываться о той резне, которая произошла в предшествующие часы в Алапаевске, как и в Екатеринбург!

Вслед за этим охрану, окружавшую нас с ружьями за плечами, охватило заметное оживление. Короткие приказания, крики. Нас погрузили в зарешеченный вагон, в котором раньше перевозили осужденных уголовников, чьи имена и инициалы, нацарапанные на перегородках нашей клетки, мы могли прочитать.

Нас было человек сорок из тех, кого называют «интеллигенцией». Почти у каждого была корзинка с провизией, собранной его семьей. Благодаря той щедрости, которую рождает общее несчастье, мы втроем смогли разделить корзину наших соседей, среди которых я узнала хозяйку гостиницы Атаманову¹¹⁸ (которую позже расстреляли вместе с другими). В другом вагоне находилась сербская миссия¹¹⁹. У меня едва хватило времени увидеть их мельком, но я тем не менее смогла убедиться в том, что на Мичиче все еще были его прекрасные эполеты, что придало мне чувство гордости и отчасти утешение.

Наш состав пришел в движение, за ним последовал другой, где разместились важные большевики — Белобородов, Юровский, Войков и другие, которых я не знала. Затем пронесся

¹¹⁸ На самом деле в заложники попал один из совладельцев гостиницы — сын первого владельца.

¹¹⁹ По свидетельству С.Н. Смирнова, им обещали классный вагон, «а через несколько минут ввели нас в арестантский вагон с решетками. Там уже сидели 32 заложника... Вскоре нас перевезли на главную станцию и поставили на одном из средних путей. Там мы простояли всю субботу 20-го и 21-го дня ...Пока мы стояли на вокзале, родственники заложников как-то узнали, где они... Происходили ужасные сцены... Вскоре пришли жена и мать Атаманова. ...Атаманов оказался бывшим офицером, и ожидавшая его участь была вполне определенная. Но, по счастью, жена его доказала кому-то, что он, оставленный было заведовать своей гостиницей, когда она стала советскою, был «советским служащим» и его скоро выпустили» // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 46, 48.

слух, что перед нами следовал еще один состав, чтобы обнаружить возможное вредительство белых.

Такая предосторожность не была напрасной, поскольку за три дня и три ночи предстоявшего нам путешествия поезд не раз вынужден был останавливаться и сворачивать на другие пути из-за саботажа.

Императорские сокровища в Англии

Пока длилось путешествие, графиня Гендрикова рассказала мне по-французски, что произошло в Царском Селе, а потом в Тобольске, за время заточения императорской семьи. Так я узнала о причинах, заставивших царя отречься.

Однажды вечером в Тобольске, когда узники ненадолго остались без наблюдения¹²⁰, князь Долгоруков позволил себе спросить царя.

— Я знаю, что у меня, по правде говоря, не было на это права, — ответил царь. — Императорская власть дается нам по божественному праву, и царь не может по своей воле отказать от того, что дано ему Богом. Но когда я осознал, что меня все оставили, что я даже не мог рассчитывать на армию, чьи командиры один за другим уклонялись либо советовали мне отречься, чтобы спасти Россию, я решился на это, чтобы сохранить наш народ от гражданской войны и разрухи.

В другой раз графиня сама спросила царя:

— Надеется ли Ваше Величество, что императорская семья сможет получить убежище в Англии?

Надо напомнить, что король Георг V был кузеном царя. Император ответил с усталым жестом:

— Я не знаю, примет ли нас правительство Англии¹²¹. Но, я знаю то, что в начале войны я сам забрал все деньги,

¹²⁰ В Тобольске августейшие узники не имели права покидать периметр забора, окружавшего бывший Дом губернатора, но в личные покои семьи, находившиеся на втором этаже, охранники не заходили, во всяком случае, до отъезда императора и императрицы в Екатеринбург.

¹²¹ Несомненно, что к моменту ссылки в Тобольск император уже знал об отказе британского правительства принять его семью. Подробнее

которые вносились в Банк Англии со времен императора Павла I вплоть до меня. У нас за границей больше нет ни гроша.

Действительно, до войны на царских счетах в Банке Англии лежало несколько десятков миллионов фунтов. В начале военных действий был принят закон, запрещавший русским держать авуары за границей. Царь первым подчинился этому закону и как-то сказал дочерям по этому поводу:

— Если однажды мы сможем уехать за границу, то мы с вашей матерью будем вынуждены жить за ваш счет. Когда вы родились, я положил в Банк Англии на имя каждой из Вас по 10 миллионов золотых рублей.

Он с улыбкой добавил:

— Мы надеемся на ваше милосердие.

Ни царь, ни графиня, ни я сама не знали тогда, что большевики нашли в личных архивах царя расписки на эти депозиты и сумели забрать все деньги, о которых в них шла речь.

20 июля наше путешествие, наконец, подошло к концу. Перед нами простирался неизвестный город, о котором мы не знали ничего, кроме одного — это, без сомнения, не Москва. Немного погодя мы узнали, что это был город Пермь (который затем носил имя Молотова¹²² до того момента, как тот впал в немилость), уральский город на Каме, притоке Волги. И опять большевики солгали нам о пункте назначения. Как и о многом другом...

[Мы узнаем о гибели царской семьи]¹²³

Как только мы приехали в Пермь, так нам велели сойти с поезда и пешком привели к тюрьме, расположенной

на эту тему см. комментарий к предисловию к воспоминаниям принцессы Елены Сербской из Бахметьевского архива.

¹²² С 1940 по 1957 год.

¹²³ Эта часть не была озаглавлена ни в архивном, ни в опубликованном варианте.

в нескольких километрах от вокзала. Графиня Гендрикова, мадемуазель Шнейдер и я были помещены в одну камеру. Как только дверь за нами закрылась, нам принесли жалкий ужин.

Надзирательница была женщиной старорежимной. Она служила в тюрьме уже долгие годы и проявила человечность в той мере, насколько это позволяли обстоятельства.

Однажды она появилась в сильном волнении, которое и не думала скрывать.

— Я узнала от нового тюремного охранника, монгола, приехавшего из Екатеринбурга, что царь и вся его семья были зверски убиты в доме Ипатьева, — сказала она. — Это он охранял дверь комнаты, где посреди ночи собрали всех членов императорской семьи. Он все видел, всю сцену убийства. Он видел, как они падали друг на друга, сраженные пулями.

От этой новости у нас буквально перехватило дыхание, никто из нас троих не смог сказать ни слова. Тем временем женщина продолжила свой рассказ:

— Монгол видел, как царь, державший своего сына на руках, упал первым. Потом упали и все остальные, изрешеченные пулями. Он видел четырех великих княжон посреди большой лужи крови. Чтобы добить их окончательно, солдаты с остервенением протыкали их штыками. Они даже взяли мешочки с драгоценностями, которые те носили под одеждой. Под конец взялся за дело Юровский, чтобы убедиться в том, что выживших не осталось. Затем монгол помог погрузить одиннадцать трупов, которые вывезли из города. Их полили разъедающим веществом, а потом сожгли, все одиннадцать.

Мы слушали, застыв от ужаса. Первой пришла в себя графиня Гендрикова, настолько, чтобы закричать:

— Но это невозможно! Это невиданно по своей чудовищности!

Надзирательница, не говоря ни слова, кивнула головой, и нам более не пришлось выпрашивать у нее, правда ли все это.

Палачи приходят ночью

Прошло пять нескончаемых, мучительных недель, и каждый новый день казался нам последним днем нашей жизни. Мы спали очень плохо, чаще всего, одетыми, на дурных тюфяках, кишаших паразитами. Однажды ночью дверь нашей комнаты со скрипом открылась. Луч света упал на нас. В дверях — два вооруженных до зубов красноармейца, один из которых держал лопату, а другой — кирку. При виде этих могильщиков я вскочила с тюфяка.

Один из солдат обратился к моим спутницам:

— Следуйте за нами!

Затем, обернувшись ко мне:

— Не Вы. Ваш черед еще не настал.

Пока мы все трое обнимали друг друга, я сказала моим подругам по-французски:

— Не бойтесь понапрасну. Вас, безусловно, переведут в другой лагерь.

Мне ответила графиня Гендрикова, обретя спокойствие в приближении роковой минуты:

— Зачем нам обманывать себя? В любом случае, если я сегодня должна умереть, а вы избежите этой участи, запомните адрес моей сестры, графини Балашовой¹²⁴.

Она вырвала страницу из английского романа, который всегда носила с собой, и торопливо написала адрес своей сестры, в городе на Кавказе. Оба солдата вышли в коридор, поджидая своих жертв. Они ждали недолго. Для каждой из нас было лучше поскорее покончить с излишними чувствами.

Позже, после своего освобождения, я передала брату графини (которого я нашла в Белграде) последнее послание его сестры.

¹²⁴ Графиня Александра Васильевна Балашова (13 декабря 1884 — 1919), рожденная графиня Гендрикова, фрейлина Высочайшего Двора. Императрица в своей переписке называла ее Иночка. Революция застала ее в Кисловодске, где она лечилась от туберкулеза, от которого вскоре умерла.

Расстреляны!

Дверь за ними закрылась на два оборота ключа. Одна, в темноте, я ждала неторопливо занимающуюся зарю, расхаживая взад и вперед по камере в попытках заглушить свою тревогу.

Спустя какое-то время, как обычно по утрам, пришла надзирательница. Но на этот раз она была в сопровождении охранника. Ставя на землю дымящийся самовар, она отважилась прошептать мне:

— Их расстреляли. За Вас я тоже очень боюсь!

— Лучше умереть, чем быть свидетелем этих ужасов, — ответила я, — стараясь не дрожать от гнева.

Женщина вышла, заперев дверь на один поворот ключа. Немного погодя ко мне пришел председатель военного суда:

— Ваша участь еще не решена, — сказал он мне. — Пока Вы будете переведены в камеру, где уже сидят двенадцать женщин, двенадцать осужденных уголовниц, отбывающих свой срок.

Затем он добавил с иронией:

— У вас, таким образом, будет случай пообщаться с настоящим народом. С вами это не каждый день случалось.

— Вы ошибаетесь, — сказала я, краснея от гнева. — В Сербии король постоянно общается с народом. Сотни крестьян сидели с ним за столом. Я знаю народ так же хорошо, как и Вы.

Он хмыкнул, прежде чем исчезнуть.

Двенадцать сестер по несчастью

Спустя несколько часов меня отвели в камеру, о которой он мне говорил. Там действительно сидели двенадцать женщин, двенадцать существ, опустившихся и отупевших от долгих лет, проведенных в пороке и нищете. На руках, на лицах — ужасные раны, происхождение которых не вызывало у меня сомнений. Тесное соседство с этими женщинами было

постоянной угрозой, и я говорила себе, что лучше быть расстрелянной сейчас же, чем подвергаться такому риску. Но дверь за мной уже закрыли, не спросив моего мнения.

Прошло два, три дня, но ни одна из заключенных не сказала мне ни слова. Растянувшись на ужасных тюфяках, мы молча лежали лицом друг к другу, вынашивая в уме свой страх или ненависть¹²⁵. Время от времени та или другая заключенная, жительница этих мест, получала немного хлеба от родни или друзей. Они делились им друг с другом, но никогда не предлагали мне. Впрочем, я уже привыкла к скудному пайку советских тюрем и была слишком занята своим состоянием духа, чтобы обращать внимание на голод.

Проститутка из Омска делает первый шаг

На четвертый день ко мне подошла молодая женщина, скорее девушка, бледная, без кровинки в лице, больная той болезнью, насчет которой ошибиться было невозможно.

— Почему Вы здесь? Что вы сделали?

— Я ничего не сделала, — ответила я. — Причина того, что я здесь, — ненависть. А Вы?

— Пять лет за повторную кражу.

— Что вы украли?

— Я была в публичном доме в Омске. Поила богатых клиентов и крала у них.

¹²⁵ С.Н. Смирнов по поводу сидения княгини Елены Петровны в одной камере с уголовницами написал следующее: «Я считаю долгом отметить, что все узницы, сидевшие с Еленой Петровной, всегда очень хорошо относились к ней. Когда они видели, что она сама стирает белье, они предлагали ей помочь. Они пели ей тюремные, заунывные, но такие сердечные песни. Некоторые из них, убийцы и воровки, откровенно говорили с ней о прошлом... Когда мы уезжали из тюрьмы, я очень беспокоился, что у княгини не было теплых вещей... Оказалось, что союзницы княгини сшили ей из тюремного одеяла ботики, так, что ей было не холодно, когда мы шли пешком из тюрьмы до ЧК» // *Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 115–116.*

Так она мне рассказала о своей жизни, очень несчастливой жизни. Дочь священника из северных краев в Сибири, ей едва исполнилось шестнадцать, как ее отправили работать к местному булочнику. Как это часто случается, сын хозяина соблазнил ее. Перед рождением ребенка она во всем призналась родителям в надежде, что они помогут и защитят ее. Те в негодовании выставили ее за дверь. Соблазнитель повел себя не многим более справедливо и милосердно. «Если бы я должен был жениться на всех девушках, которых я соблазнил, мне был бы нужен гарем», — насмешливо сказал он. Девушка нашла себе какие-то заработки, которые позволили ей выжить в ожидании дня, когда надо будет идти в больницу, чтобы произвести на свет свое дитя. Выйдя оттуда, она положила ребенка на порог избы своих родителей, надеясь, что они возьмут его к себе, что они и сделали. Потом ее могла ждать только одна судьба — участь девушки-матери, позор своей деревни и семьи. В конце концов, как и многие другие, обессилев, она оказалась в том публичном доме, мелкие кражи в котором привели ее к тюремному заключению. Как, выслушав этот рассказ, не найти хоть какие-то оправдания ее падению?

Двадцать семь ударов ножом из-за кота

В другой раз это была бывшая кухарка, осужденная за убийство соседки двадцатью семью ударами ножа из-за ее кота, съевшего кусок мяса, который та повесила за окно.

— Но как Вы могли убить женщину по такой ничтожной причине?

— Она не первый раз доводила меня как будто до бешенства. Хотите увидеть, как я это сделала?

И, не дожидаясь моего ответа, она бросилась на меня, ударив кулаком двадцать семь раз, хотя я сопротивлялась, как могла.

Другие убивали своего мужа, любовника. Были и поджигательницы. Признаюсь, что их откровения открыли мне мир, об ужасах и нищете которого я никогда не подозревала.

— Не знаю, кончится ли когда-нибудь революция, и выйду ли я из этого живой. Но если это произойдет, то я прошу каждую из вас после выхода из тюрьмы приехать ко мне в Санкт-Петербург.

Я дала им адрес Мраморного дворца, а также адрес дворца в Павловске.

— Обещаю вам дать работу в наших владениях и помочь обрести новую, нормальную жизнь, — сказала я. — Я также обещаю вам, что никто, кроме меня, никогда ничего не узнает о вашем прошлом. Я также попрошу в полиции, чтобы в ваших документах ничего не говорилось о тюремном наказании.

Я не ожидала от них такого проявления признательности, ни того, как они это сделают: сначала одна, потом другая, а потом и все они устремились ко мне, чтобы заключить в объятия. Однако я не могла отвести глаз от их ужасных ран, как и не думать о том, что они могли означать. Тем не менее, я не хотела обидеть их, показывая свое отвращение. На помощь мне пришла вдохновенная мысль:

— Минуту! — сказала я. — Я должна еще кое-что вам сказать!

— Никто с нами еще так не говорил, как Вы! — сказала одна, и все с ней согласилось.

К беседе на эту тему присоединились все, затем она перешла на какие-то другие темы, и они забыли свои порывы нежности, о чем я ничуть не сожалела.

И за те пять месяцев, в течение которых длилась наша совместная жизнь, я мирно уживалась с моими сокамерницами, не уставая при этом день за днем читать им мораль, говоря о человеческом достоинстве, о Боге, о существовании которого они не знали или забыли.

Пришло время умереть

Однажды утром, открыв дверь нашей камеры, надзирательница сказала, что меня вызывает начальник тюрьмы. Мои товарки тут же принялись причитать и кричать. Их стенания

совсем не укрепляли мою решимость! Так же, как и они, я полагала, что догадываюсь о причинах этой встречи. Однако через какое-то мгновение, несмотря на то что их причитания усиливались, против всякого ожидания меня охватило спокойствие, и я со смирением ответила на их крики «Вас расстреляют, вас расстреляют!»:

— Пришло время умирать, — сказала я. — Как — не имеет значения.

После этого оба охранника и надзирательница отвели меня к начальнику тюрьмы. Он был новым, и у меня еще не было случая увидеть его. К тому же я и старого видела только однажды, по прибытии¹²⁶. Это был человек старого режима, и его спустя немного времени расстреляли.

Новый был литовец, его выдавал акцент. На его замкнутом лице было такое выражение холодной и жестокой решимости, что у меня не было сомнений — пришел мой последний час.

Внимательно разглядывая его, я не заметила человека с совершенно нормальным лицом, который улыбался. Показав на него, начальник тюрьмы сказал мне на плохом русском:

— Этот человек был прислан к Вам норвежской миссией¹²⁷, которая заботится обо всех иностранцах, живущих

¹²⁶ Речь идет о Дмитрие Андреевиче Бурмакине, офицере отдельного корпуса жандармов, надворном советнике. С 22 сентября 1917 года он исполнял должность начальника пермской тюрьмы и вполне лояльно относился к княгине Елене Петровне и ее спутникам. О том, что это был за человек, можно судить, например, по тому, что Бурмакин, несомненно, рискуя жизнью, довольно часто разрешал Знамеровскому видеться с сыном и братом в своем кабинете. Д.А. Бурмакин был расстрелян 23 августа 1918 г. // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 86.

¹²⁷ С.Н. Смирнов написал об этой знаковой в судьбе Елены Петровны и сербской миссии встрече. Она произошла 27 октября 1918 года. Норвежского консула Тэлор прибыл в тюрьму по поручению своего посланника. Кроме настоятельной просьбы о помощи сербской принцессе, обращенной к нему Анастасьевичем после визита О.И. Палтовой в Петроград, повлияли еще и письма короля Петра Карагергиевича к норвежскому королю. Смирнов выяснил у Елены Петровны, что во время разговора с норвежцем она «расплакалась, и слезы подступали к горлу

на российской территории. Поскольку Вы королева Сербии и Вас разыскивали, Вас доставят в Москву.

— Я не королева Сербии, — сказала я. — И я ею, слава Богу, никогда не буду. У меня есть братья, которые будут царствовать после смерти моего отца. Да к тому же у нас женщины не могут занимать престол.

— Тогда кто вы?

— Я это уже сто раз говорила: я дочь короля Сербии и супруга одного из Романовых. Могу ли я поговорить с этим господином?

— Да, но по-русски.

Так я узнала, что министр Спалайкович добился от Ленина, чтобы меня разыскали и вывели из России¹²⁸. Норвежский министр, единственный иностранный дипломат, все еще находившийся на службе в Москве, взял это на себя и, выяснив, что я нахожусь в Перми, отправил ко мне человека, который и стоял в тот момент передо мной. Благодаря ему, через несколько дней меня должны были увезти в Москву, в норвежское консульство, где мне выдали бы дипломатический паспорт на мое имя.

Я не могла поверить своим ушам. Уже так давно я смирилась с тем, что закончу свои жалкие дни в советских тюрьмах!

Норвежец протянул мне плитку шоколада:

и она не могла говорить с Тэлором. Тот ей говорил, что он не торопится, что он очень рад поговорить с ней дольше, предлагал газеты, которые она не взяла, не отказавшись лишь от шоколада» // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 111–113.

¹²⁸ История освобождения княгини Елены Петровны подробно описана в уже неоднократно цитированной работе С.Н. Смирнова «В плену у царубийц». По его мнению, спастись Елене Петровне и членам сербской миссии удалось случайно. Несмотря на то, что княгине во время второго пребывания в Екатеринбурге удалось установить отношения с консульствами союзников, ее и ее спутников «потеряли». Если бы не решимость одной из родственниц жены С.Н. Смирнова, О.И. Палтовой, случайно встреченной им в Перми и выразившей желание добраться до сербской миссии в Петрограде, то их судьба, возможно, была бы иной. После того, как стало ясно, что княгиня содержится в пермской тюрьме, сербы подключили дипломатические каналы и, в результате, как мы знаем, состоялся визит норвежского консула.

— Вы, должно быть, очень давно этого не ели, — сказал он мне, улыбаясь.

Но в тот момент, когда я протянула за ней руку, начальник тюрьмы вырвал ее из рук и принялся разрывать обертку, боясь, видимо, что там может оказаться какое-то тайное послание. Ничего не было. Он вернул мне плитку шоколада.

— Я отдам его несчастным, которых держат вместе со мной, — сказала я. — Они, скорее всего, этого никогда в жизни не видели.

Начальник тюрьмы отпустил меня. Я попрощалась с норвежцем с легким беспокойством, все еще сомневаясь, что его старания помогут когда-либо вытащить меня из лап судьбы. И, следуя за моей охраной, я вернулась в камеру. Невозможно описать, как меня встретили заключенные. Когда я сказала, что собираюсь поделиться с ними плиткой шоколада, наступило полное безумие. Увидев это, я разделила свое маленькое сокровище на двенадцать частей и отдала им. Многие из них абсолютно не знали, что это такое.

В тюрьме холера

Спустя пару дней, одна из заключенных, поджигательница, принялась с криками кататься по земле. Не было никакой нужды про это нам что-либо еще говорить: в пермскую тюрьму пришла холера. Санитар, прибежавший на наши крики и стук кулаками в дверь, забрал больную. Я не знаю, что с ней стало, так как через два дня мне сказали, что я уезжаю в Москву. Ко мне вновь с объятиями бросились мои товарки, но в этот раз я не смогла защититься от этого и должна была выдержать их слишком бурные выражения чувств. К счастью, я вышла невредимой из этого столь тесного соседства с внушавшей мне ужас болезнью, которую я, помимо прочих, так боялась.

Вскоре большие железные ворота тюрьмы открылись передо мной¹²⁹. Это было холодным утром, шел снег, дул резкий

¹²⁹ Княгиня Елена Петровна и члены сербской миссии покинули пермскую тюрьму 29 (16) октября 1918 года. Сначала им пришлось идти

северный ветер. Обычное для тех мест начало декабря, когда отметка на термометре с упорством приближается к двадцати градусам ниже нуля. И в довершение ко всему на мне было только мое легкое летнее платье, а на ногах — башмачки, уже изрядно потрепанные испытаниями, которые они переносили вместе со мной. Пальто не было, только английский плед, который когда-то был захвачен с собой из предосторожности. Вся радость скорого обретения свободы не могла помочь мне справиться с таким холодом, и я подумала, что упаду в обморок.

Перед воротами ждала повозка, запряженная двумя лошадьми, которыми правил красноармеец. Она была полна ящиков, плохо связанных тюков — без сомнения, все добро солдат из моего конвоя. Их было человек тридцать, они приехали из Москвы специально за мной присматривать и — кто знает? — возможно, меня защищать. Начальник тюрьмы передал меня им на руки со строгими наставлениями.

Следуя рядом с повозкой, уже и так тяжело нагруженной, мы проделали в обратном направлении весь долгий путь от тюрьмы на вокзал, который я прошла несколько месяцев назад. Я до сих пор спрашиваю себя, как мне удавалось идти по снегу в моем тогдашнем состоянии, несмотря на твердое намерение не показать ни малейшей слабости перед

пешком около получаса до здания ЧК, где им предложили чай с черным хлебом — отправления поезда надо было ждать до утра. Вот как С.Н. Смирнов описывает дальнейшие события: «около часу ночи мы тронулись в путь и шли до вокзала не меньше 1 — 1½ по совершенно темным и безлюдным улицам. Княгиня ехала в экипаже с вещами, сзади мы с майором и наши солдаты, кругом 30 человек с винтовками. Вещи их тоже загрузили на подводу... Нам отвели вагон 3-го класса, где мы и устроились: княгиня и майор внизу, Божичич и Абрамович вдоль у окна, я наверху, над княгиней. Команда разместилась по всему вагону. Отношение ее к нам было вполне приличное, даже доброжелательное. У каждого красноармейца был сахар, который они нам продавали по 80 коп. за кусок; продавали и табак...». Стоит отметить, что 30 красноармейцев, сопровождавших княгиню и членов сербской миссии, были делегатами на празднование годовщины революции в Москве.

красноармейцами из моего конвоя. Но один из них, вероятно, при виде моих безуспешных усилий, сжалился надо мной и сказал мне сесть на повозку посреди разномастного багажа, неровности которого не создавали никакого удобства. И, тем не менее, каким же мягким мне показалось это качкое место, защищавшее меня от мучительного снега, который набивался в мои дырявые башмаки!

Наконец оказался вокзал. Спустя несколько минут мы все вместе сели в поезд. Через два дня и две ночи пути Москва появилась на горизонте.

Горизонт проясняется

После двух ночей, проведенных в поезде, мы приехали в Москву. В сопровождении конвоя меня пешком отвели на Лубянку, в страшную тюрьму, которая стала к тому же главным штабом ЧК. Как только я пересекла порог, как один из охранников сказал мне, что Петерс¹³⁰, тот литовец¹³¹, одно имя которого заставляло трепетать от страха, хотел меня видеть.

Вслед за этим меня проводили в его кабинет. Он сидел за столом. Стоя перед ним, я разглядывала это лицо, глаза, пронизывающий неподвижный взгляд которых имел невыносимый отблеск. На этот раз, сказала я себе, мой последний час настал. Только эта мысль была у меня все то короткое время, что длилось предварившее нашу беседу молчание.

Затем он начал задавать мне вопросы:

— Почему Вас арестовали?

— Я этого до сих пор не знаю. Мне ни разу это не объяснили.

— Кто Вы на самом деле?

И опять тот же вопрос. И опять я дала тот же ответ:

¹³⁰ Петерс Яков Христофорович (1886–1936), один из создателей и первых руководителей ВЧК, временно исполняющий обязанности председателя и заместитель председателя ВЧК (июль 1918 — март 1919).

¹³¹ Я.Х. Петерс по национальности был латышом.

— Я дочь короля Сербии и супруга князя крови императорской Иоанна Романова.

При имени Романова его, казалось, ударили по лицу.

— Романов? — пробурчал он.

— Иоанн Константинович, заключенный в Алапаевске вместе со своими братьями.

— Это он был Вашим мужем?

Мое сердце внезапно сжалось.

— Как я должна понимать «был»? — спросила я. — Почему в прошедшем времени? Что с ним случилось?

Петерс встал, сделал два-три шага по комнате, затем, остановившись, сказал:

— Я не знаю.

Но не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что это ему хорошо известно. Эта ложь, хоть и с благими намерениями, вселила в меня тревогу.

— Правда ли, что, как мне сказали в Екатеринбурге, им удалось сбежать из Алапаевска?

— Мне это неизвестно.

Он не мог этого не знать. Но я не могла поверить, что мой муж был убит, что все они убиты.

— Могу я задать Вам еще один вопрос? — спросила я.

— Конечно. Какой?

— Что случилось с царем?

Мистик революции

Задавая ему свой вопрос, я непрерывно смотрела ему в лицо, чтобы уловить малейший знак, благодаря которому я могла бы о чем-то догадаться. Поколебавшись несколько секунд, он ответил:

— Он был расстрелян.

Я была ошеломлена. Так рассказ монгола — правда?

— А императорская семья?

— Все были расстреляны.

Внезапно я взорвалась.

— Но это самый возмутительный, самый чудовищный поступок в Истории! Как такое можно было сделать?

— Что Вы хотите? — спросил он, пожав плечами. — Там на Урале дикари.

Я задыхалась от волнения и возмущения, стараясь, тем не менее, не давать воли чувствам и не расплакаться.

Он первый нарушил тяжелое молчание, повисшее между нами:

— Мне сказали, что у Вас двое детей и что Вы оставили их, чтобы последовать за вашим мужем. Это правда?

— Я не знаю, живы ли они еще, так же как не знаю, жив ли мой муж.

— Где вы их оставили?

— В Мраморном дворце в Санкт-Петербурге, десять месяцев назад. С тех пор у меня нет о них никаких вестей¹³².

Мне показалось, что мимолетное сострадание показалось на его суровом неподвижном лице. И тут к моему большому изумлению он сказал:

— Я Вам обещаю позвонить сегодня же в Петроград, чтобы справиться о них. Я буду держать Вас в курсе.

В первый раз за долгое время ко мне проявили человеческие чувства. Я горячо поблагодарила за это моего собеседника. Позже я узнала, что Петерс был настоящим мистическим персонажем революции, своего рода апостолом, который верил в свое предназначение дать России новую жизнь, новый

¹³² По свидетельству С.Н. Смирнова, еще находясь в пермской тюрьме, княгиня узнала от О.И. Палтовой, что великая княгиня Елизавета Маврикиевна имеет на руках приглашение от шведской королевской семьи, но не решается покинуть Петроград, пока сын или невестка не сделают свои распоряжение относительно Всеволода и Екатерины. Елена Петровна дала поручение О.И. Палтовой передать через дипломатов свое согласие на отъезд детей за границу // *Смирнов С.Н. Ук. соч. С. 106.* К моменту встречи с Я.Х. Петерсом княгиня Елена Петровна от норвежского консула уже знала, что ее дети вне опасности.

облик, не отступающим ни перед чем для достижения этой цели, отрицая любые бесполезные излишества. Будучи революционером, литовец тоже прошел через суровые царские тюрьмы.

Апартаменты в Кремле

Мое свидание с ним, казалось, подходило к концу, когда он сказал мне:

— У меня нет намерения держать Вас в тюрьме. Но Вы должны быть здесь у меня под рукой столько, сколько это будет необходимо. Я распорядился приготовить для Вас апартаменты в Кремле.

Я еще не успела прийти в себя от удивления, как по его звонку вошел другой литовец, с узнаваемым акцентом, чтобы узнать о его распоряжениях. Петерс приказал ему отвести меня в приготовленные для меня апартаменты, а затем обратился ко мне:

— Вас еще не освободили. Двое часовых будут охранять Вашу дверь. Но я буду стараться видеться с Вами как можно чаще.

Поблагодарив его и попрощавшись, я последовала за его секретарем. Санная повозка на всей скорости доставила нас в Кремль. Там нам навстречу вышел комендант крепости¹³³. Это тоже был литовец, который, как я позже узнала, был членом экипажа знаменитого «Потемкина», где в 1905 году вспыхнул мятеж¹³⁴. Он тогда действовал с крайней жестокостью, своими руками бросив в топку крейсера многих офицеров.

¹³³ Мальков Павел Дмитриевич (17 ноября 1887, Вятская губерния — 22 ноября 1965, Москва), первый комендант Смольного и Московского Кремля. Член ВКП (б) с 1904. Участник первой русской революции (1905–1907). Арест и ссылка. Старший санитар на крейсере «Диана» на Балтийском флоте (с 1911).

¹³⁴ П.Д. Мальков служил на Балтийском флоте, тогда как броненосец «Князь Потёмкин-Таврический» был приписан к Черноморскому флоту. Возможно, автор текста имел в виду матроса Афанасия Николаевича

После выполнения обычных формальностей комендант, секретарь и несколько охранников-красноармейцев повели меня длинными коридорами. Затем мы пересекли Георгиевский зал, который ранее был тронным залом, но трон уже убрали, и мое сердце сжалось. Потом мы прошли через Екатерининский зал, где накануне моей свадьбы я получила из рук царя орденские знаки членов императорской семьи (бриллиантовая звезда Св. Екатерины и красная орденская лента с золотой нитью).

Вслед за этим часовые отошли в сторону: это была дверь апартаментов, моей позолоченной тюрьмы. Большая передняя, салон, спальня, ванная комната. После всего, что я пережила, это было восхитительно!

Был почти полдень, когда меня оставили одну. Вскоре появился охранник с двумя мисками и сказал мне:

— Повезло Вам. У Вас та же еда, что и у народных комиссаров.

Передо мной было великолепное жаркое, немного овощей, хлеб, масло, пакет чая. Но я с трудом смогла попробовать эти яства, так как мой желудок, привыкший к недостатку пищи, отказывался от нее. Тут пришел охранник этой части крепости:

— Я был солдатом в Преображенском полку в те годы, когда им командовал Ваш свекор, великий князь Константин <Константинович>, — сказал он мне.

Я пожала ему руку и отдала свой обед, который превосходил мой аппетит и мои силы. В ответ он предложил нагреть мне воды для ванны, на что я с радостью согласилась.

Матюшенко (2 мая 1879, Харьковская губерний — 20 октября (2 ноября) 1907, Морской завод, Севастополь), одного из руководителей восстания на «Потёмкине», лично убившего пять из семи погибших офицеров. Восстание было подавлено, прошло следствие, однако, про факты сжигания людей в топке в его материалах не указывается.

Я узнаю, что мои дети в Швеции

Как только он вышел, часовой распахнул дверь, и появился Петерс. Он хотел узнать, не нужно ли мне чего-нибудь. Но прежде всего он пришел для того, чтобы сообщить мне, что позвонил в Петроград, где он узнал, что мои дети два месяца назад покинули Россию со своей бабушкой, великой княгиней Елизаветой Маврикиевной, и находились в Швеции.

— Слава Богу, они в безопасности! — вскричала я и от всего сердца поблагодарила Петерса за то, что он так быстро выполнил свое обещание, во что я совсем не верила!

— Если Вам что-нибудь нужно, я вернусь к Вам завтра, — сказал он.

С этими словами он ушел. Я приняла ванну и легла спать. Но не смогла сомкнуть глаз. Комната казалась мне полной призраков всех царей, живших в этих стенах. Ночь прошла, а я так и не смогла уснуть. Ранним утром, приготовив себе чай, я открыла окно и стала смотреть на большую, богатую историей площадь, на которой виднелись многочисленные фасады церквей. Не в силах шевелиться от усталости, переживаний и стольких новых событий, я стояла, не думая и не осознавая, сколько прошло времени. Там меня нашел вошедший Петерс, который вновь сдержал свое обещание.

— Хорошо спали? — осведомился он.

— Да, — ответила я, не покраснев за свою ложь.

Он предложил прислать ко мне библиотекаря с каталогом, чтобы я могла выбрать понравившиеся мне книги. Мне также полагалась часовая прогулка в саду под наблюдением охранника-красноармейца.

Снаружи было ниже минус двадцати градусов, а на мне все еще было только мое легкое летнее платье. Но прогулка была слишком соблазнительна, чтобы от нее отказаться. Петерс предложил мне выбрать в гардеробе императрицы платья и шубы и прислать мне¹³⁵.

¹³⁵ После расстрела императорской семьи в Екатеринбурге, часть их вещей была привезена в Москву Я.М. Юровским. Хотя в списке,

— Никогда в жизни! — подпрыгнула я. — Благодарю Вас, но я не позволю себе надеть ни одну шубу императрицы.

Мой ответ, видимо, удивил Петерса. Поразмышляв несколько мгновений, он сказал:

— Тогда я распоряджусь купить вам шубу. Вам ее скоро принесут.

Шуба от ЧК

И действительно, после обеда принесли коробку с великолепной серой каракулевой шубой, еще с этикеткой магазина. Что меня совершенно успокоило, так как я боялась, чтобы Петерс не счел более простым решением взять что-то из ценных вещей царицы.

Одевшись, я решила выйти в сад в сопровождении охранника с примкнутым штыком на оружии. Какое печальное зрелище предстало передо мной! На каждом шагу попадались церкви. Почти во всех двери были открыты настежь, а перед церковью Успения Богородицы я увидела рабочих, снимающих прекрасные иконы в золотых окладах с драгоценными камнями и предметы искусства, чтобы составить опись, прежде чем закрыть церкви для верующих. Все это нагромождение было выложено на ступенях всех церквей. Это вызывало ужасное щемящее чувство, как если бы эти предметы были свидетелями прошлого, которое старались вырвать из памяти.

Однажды, когда я возвращалась «к себе», мне сказали, что меня там ждет посетитель. Это был г-н Кристиансен, генеральный консул Норвегии, единственный оставшийся еще в Москве дипломат. Он представился и пообещал мне

опубликованном академиком В.В. Алексеевым, шуба обнаружена не была, в возможности подобного эпизода сомневаться не приходится, так как в тот период существовала практика распределения и использования конфискованных вещей // См.: *Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Новые документы о трагедии на Урале.* Екатеринбург, 1993. С. 139–146.

вернуться, как только закончится процесс Локкарта¹³⁶. Будучи главой британской миссии, Локкарт был обвинен в том, что он является агентом британской разведывательной службы. Шел его процесс. В нем участвовал сам Петерс, чьи посещения становились все более редкими. Когда он появился вновь, то спросил:

— Вы знаете кого-нибудь еще в Москве?

— Меня так давно уже отделили от мира живых, что я потеряла из виду всех, кого знала.

Я добавила с подозрением:

— Почему Вы спрашиваете меня об этом?

— Просто потому, что, если Вы хотите кого-то увидеть, я дам Вам разрешение.

Петерс сердится

Он напрасно старался проявлять одну любезность за другой — я не могла воспринимать его без недоверия.

— Даже если бы я кого-либо знала, я не хотела бы, чтобы он рисковал из-за меня своей жизнью.

— Даю Вам слово чести, что никто не подвергнется ни малейшей опасности, придя навестить Вас.

— Позвольте мне сомневаться в этом.

Гнев отразился на его лице.

— Может быть, Вы думаете, что я убью их своими руками? — почти закричал он.

— Кто знает? Вокруг нас террор.

¹³⁶ Стоит отметить, что Брюс Локкарт был арестован 1 сентября 1918 года и содержался под арестом в Кремле до октября того же года, когда ему было разрешено покинуть Россию. По свидетельству С.Н. Смирнова, когда их привезли из Перми в Москву на допрос к Я.М. Петерсу, он при них позвонил в Кремль и приказал поместить Елену Петровну в комнаты, которые занимал Локкарт // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 124.

При этих словах он развернулся и вышел, не прощаясь.

Спустя несколько дней я узнала от консула, что он пожаловался ему на мое постоянное недоверие. Консул посоветовал мне относиться к нему более деликатно:

— Он даст пропуск любому, кого Вы пожелаете увидеть, — сказал он мне.

— Именно это меня и беспокоит, — ответила я, отнюдь не убежденная. — Почему он так настаивает?

— Будьте благоразумны. Разве Вы не пользуетесь привилегированным положением? Я думаю, что смог уже хорошо узнать Петерса. Он способен на широкие жесты, если перед ним невиновный человек.

Благодаря настойчивости консула, мне удалось справиться с моим предубеждением. Когда я жила у моей тети, великой княгини Милицы Черногорской, у меня была учительница¹³⁷, сестра которой была замужем за американским врачом, имевшим практику в Москве, у которого она сама нашла прибежище. Я дала ее адрес консулу, попросив предупредить ее о сложившихся обстоятельствах и при этом предоставить ей возможность самой принять то решение, которое она сочтет нужным. Я для себя решила, что не обижусь на нее, если она предпочтет не приходить.

И все же она пришла, без труда получив обещанный Петерсом пропуск, благодаря которому она могла беспрепятственно приходить и уходить каждый день.

¹³⁷ Речь идет о княгине Марии Дмитриевне Палавандовой (22 июля 1865, Тверская область — ?), рожденной Бологовской, дворянке из старинного обедневшего дворянского рода, выпускнице Смольного института (1883). Она имела опыт домашней учительницы и классной наставницы, в том числе в Павловском институте. Елена Петровна и Мария Дмитриевна были хорошо знакомы. Она была «состоящей при» сербской королевне (1904–1909), затем княгине Елене Петровне (1911–1917). Осталась в советской России. Дальнейшая судьба неизвестна.

Вмешивается Ленин

Однажды, возвращаясь со своей ежедневной прогулки в компании моей верной посетительницы, мы увидели Петерса, который ждал меня с официальным документом в руке.

— Народные комиссары на заседании под председательством Ленина приняли решение отпустить Вас на свободу. Через сорок восемь часов Вы должны будете выехать за пределы России. Завтра в восемнадцать часов Вы сможете покинуть Кремль.

Он ушел от нас, обезумевших от радости и в то же время крайне озадаченных: у меня не было ни копейки, и я спрашивала себя, как я смогу воспользоваться этим предложением или, если предпочтительнее, подчиниться этому приказу. Но вечером пришел норвежский консул.

— Петерс сказал мне о Вашем освобождении, — сказал он мне. — Завтра у меня будут дела в суде, но Вы можете взять сани, и пусть вас отвезут в консульство. Моя жена будет Вас там ждать.

Я не заставила его повторить это дважды.

Назавтра в назначенное время я садилась в сани, дрожа от холода, так как оставила Петерсу чудесную каракулевую шубу, не желая быть должной ничем, даже шубой, большевикам, в том числе Петерсу.

Над фасадом консульства развевался большой норвежский флаг. Мне казалось, что он светится, как восходящее солнце, и тут я обнаружила, что мне нечем заплатить кучеру.

— Погодите минуту, — сказала я ему, — Вам заплатят.

Я позвонила в дверь. Слабый женский голос спросил:

— Кто там?

Я назвала себя, жена консула открыла дверь и в порыве горячо обняла меня. Заплатив кучеру, она провела меня наверх в комнату, которую для меня приготовила.

Вечером пришел консул, настолько радостный, что от всего сердца поцеловал меня. Затем он протянул мне паспорт:

— Сегодня, завтра и послезавтра вы норвежка, то есть свободны, — сказал он мне. — Завтра мы вместе выедем в Петроград, а потом в Финляндию и в Швецию.

— Да благословит Бог норвежского короля! — сказала я. — И Вас также! Но, как бы это сказать, мне немного грустно покидать Россию.

— О, нет! — воскликнул он. — Не придумывайте еще что-либо, что Вам помешает уехать.

— Не беспокойтесь. Мне так хочется вновь увидеться с детьми.

Этой ночью я спала очень крепко. На следующий день ранним утром пришла моя старая учительница, и я попросила ее сопроводить меня до Иверской часовни Божьей матери. Я не хотела уезжать из России, не поблагодарив Бога за свое освобождение.

Вечером консул, его жена, свояченица¹³⁸ и я поехали на вокзал. Нам было отведено два купе в спальном вагоне. Едва мы разместились, как увидели помощника Петерса, который вручил мне цветы от его имени с извинениями за то, что он не смог прийти лично. Такое наивысшее внимание было далеко не самым маленьким сюрпризом той эпохи, которая при этом изобиловала ими.

Утром мы прибыли в Санкт-Петербург, где норвежский посол ждал только меня, прежде чем вернуться к себе на родину после разрыва всех дипломатических отношений с новой Россией. Он взялся передать королю Хокону личное благодарственное письмо, которое я ему написала.

Последняя угроза на границе

Вечером поезд увозил нас к Финляндии. На приграничной станции Белоостров обнаружилось, что мост, разделявший две страны, разрушен и для пересадки в финский поезд

¹³⁸ Сестра жены.

пассажиры должны были пройти по пешеходным мосткам. В тот момент, когда я в сопровождении консула собиралась пересечь их, в нашу сторону двинулся красный комиссар, обращаясь к консулу:

— Я не могу разрешить этой женщине выехать из России, — сказал он, указывая на меня.

— Но почему? — спросил консул, показывая мой паспорт и подписанный Лениным пропуск.

— Если меня арестуют, я покончу с собой, — сказала я своему спутнику.

— Не говорите глупостей. Я знаю, как его утихомирить.

И, вынув из кармана несколько сотен керенских рублей, на ту пору совершенно обесценившихся, протянул их комиссару, который спрятал их в карман.

— Идите! — сказал комиссар.

Я бегом пересекла роковой мостик. Достигнув границы, я обернулась, чтобы в последний раз попрощаться с Россией.

В глубине Балтии, в розовом тумане, освещенном зимним солнцем, я различала Санкт-Петербург, купол Исаакиевского собора, шпиль Петропавловской крепости, где навеки покоились Романовы.

— Прощай, святая Русь! Да хранит тебя Бог! Ты распята, но воскреснешь!

И в тот момент мне казалось, что железный занавес навсегда отделил меня от страны, которую я так любила.

Я узнаю о смерти мужа

Назавтра мы были в Стокгольме, где меня ждал князь Шаховской¹³⁹, бывший адъютант моего свекра, который помог

¹³⁹ Шаховской Владимир Александрович, князь, состоящий при великом князе Константине Константиновиче (1912–1915), а после его смерти при его вдове. Управляющий двором великой княгини Елизаветы Маврикиевны (1916–1917).

моей свекрови уехать из России. Великая княгиня Елизавета Маврикиевна и мои дети гостили в маленьком курортном городке в получасе от Стокгольма. И в поезде, на который мы сели, чтобы приехать к ним, князь без обиняков сказал мне:

— Знаете ли Вы, что Ваш муж был убит вместе со своими братьями в прошлом июле? Не в силах поверить в это, великая княгиня сама позвонила британскому королю Георгу V, чтобы получить от него подтверждение. Король, к несчастью, не мог дать ей иного ответа, нежели тот, которого она боялась. «Я сам узнал эту новость непосредственно от Нокса¹⁴⁰, который был в Сибири вместе с Колчаком, ни малейшего сомнения быть не может, так как были найдены тела». Таков был ответ короля.

Удар был для меня очень тяжелым. Тщетно меня неоднократно предупреждали — я не хотела верить в смерть моего мужа. К счастью, мы прибывали, и при виде детей я смогла взять себя в руки. Они едва могли вспомнить меня. Я поцеловала их, будучи еще в полуобмороке от удара, настигшего меня в поезде. Но, наконец, они были здесь, они были живы, и мы были вместе. Жизнь еще могла иметь смысл, несмотря на страшную смерть их отца.

Появляется лже-Анастасия

Покидая навсегда Россию, пережив год агонии и невообразимых физических и нравственных мучений, после Швеции я хотела попасть в Париж. Когда я приехала туда с детьми и их английской няней, мисс Ирвин, мой брат Александр встречал меня на вокзале. Мисс Ирвин никогда не расставалась с моими детьми даже тогда, когда британское консульство в Санкт-Петербурге дало ей понять, что все британские

¹⁴⁰ Сэр Альфред Уильям Фортескью Нокс (30 октября 1870 — 3 марта 1964), генерал-майор, военный атташе Великобритании в Российской Империи в годы Первой мировой войны.

подданные должны покинуть Россию. С каким волнением мы обнялись с моим братом. Он намеревался как можно быстрее вернуться в только что освобожденный Белград и предложил мне поехать вместе с ним. Я с радостью согласилась, и несколько дней спустя мы отправились в путь. Наш приезд также не обошелся без волнений. Хотя Сербия стала Югославией, она все же оставалась милой моему сердцу Сербией, моей родиной. Помимо этого, мой старый отец, ставший инвалидом из-за пережитых на войне испытаний, не мог до конца поверить, что я жива. Так много раз говорили, что я была расстреляна вместе с мужем, носили траур, и вот я была здесь, истерзанная, но все же живая. Когда я предстала перед отцом, он долго смотрел на меня, не говоря ни слова, а потом сказал: «Ты выполнила свой долг. Я горжусь тобой!». Я провела несколько месяцев в Белграде, но не смогла найти успокоения. Та страна, столь близкая России, напоминала мне о слишком многом, и я решила вернуться во Францию. Немного позже мой брат купил мне виллу на Лазурном берегу, в Кап-Ферра¹⁴¹, где я жила долгие годы, до тех пор, пока мои дети не должны были пойти в школу. Выбрав Англию, сама не зная почему, я поселилась там вместе с ними. Мой сын Всеволод сначала пошел в начальную школу, затем в Итон, а потом в Оксфорд, тогда как моя дочь Екатерина (названная так в честь своей прапрабабки¹⁴² русской императрицы Екатерины II) окончила известную школу Хитфилд. Она вышла замуж за итальянского дипломата, но впоследствии рассталась с ним. Сейчас она продавщица в Лондонском универмаге, а мой сын работает на фабрике сельскохозяйственной техники. Таким образом, оба остались верны Англии.

Однажды, в 1924 или 1925 году, когда я еще была в Париже, меня навестил великий князь Андрей <Владимирович>,

¹⁴¹ Курортное место на Лазурном берегу (Франция).

¹⁴² Княжну Екатерину Иоанновну от ее тезки-императрицы отделяло шесть поколений.

который попросил меня подписать документ, где уже стояло несколько подписей, в том числе и некоторых Романовых. От меня также требовалось признать женщину по фамилии Чайковская, таинственно появившуюся в Берлине, как великую княжну Анастасию.

— Но это бессмыслица, — сказала я тут же. — Я не поставлю свою подпись под таким самозванством. Я была в Екатеринбурге. Все, что я видела, все, что я узнала, убеждает меня в том, что спастись от побоища было физически невозможно!

И я вновь повторила великому князю все то, что нам рассказал монгол из пермской тюрьмы. Великий князь Андрей <Владимирович> остался при своем убеждении. Но я также не откажусь от своего. Тем более что спустя несколько дней, придя лечить зубы к дантисту русской императорской семьи г-ну Кострицкому¹⁴³, тоже нашедшему прибежище в Париже, я имела возможность поговорить с ним об этом деле. Он был возмущен тем, что ему стало известно [о самозванке] и что он сразу счел мистификацией. Тем не менее, чтобы окончательно удостовериться в своей правоте, он попросил, чтобы ему предоставили слепок зубов так называемой Анастасии. Он лечил императорскую семью и для этого даже ездил в Тобольск, благодаря пропуску от Керенского.

Когда г-н Кострицкий получил слепок, у него больше не осталось сомнений.

— Невозможно, — сказал он мне. — Я лечил великую княжну Анастасию с самого ее рождения. Но присланный мне слепок не имеет ничего общего с ее зубами. Я считаю, что эта женщина — авантюристка.

Эта женщина, Чайковская, сегодня называет себя Анна Андерсон и все еще претендует на то, что она великая княжна

¹⁴³ Кострицкий Сергей Сергеевич (1875, Киев — 1944, Франция) — придворный стоматолог, зубной врач их императорских Величеств. В последний раз лечил зубы своих августейших пациентов во время их ссылки в Тобольск.

Анастасия. Что касается меня, то, будучи в полном сознании, храня верность блаженной памяти царю Николаю II, я категорически утверждаю, что вся эта история является мистификацией, самозванством. В ней была упущена только одна деталь, но, безусловно, наиболее важная: тех миллионов золотых рублей, которые были положены в Банк Англии на имя царских дочерей, больше не существует, поскольку, как я уже говорила, они давно оказались в руках советского правительства благодаря распискам, найденным среди бумаг убитого императора. Если «история Анастасии» была задумана, чтобы заполучить эти сокровища, то разочарование будет большим. В конечном итоге будет только необеспеченный чек.

20 300
244

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАМ

СВЯВЛЕНО и мы нижеподписавшиеся обязуемся быть
готовыми к 9 1/2 часам ^{утра} для отправки на вокзал в
сопровождении члена УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
КОМИССИИ 18 мая 1918 года

Екатерина Владимировна
Насильничкина Марья Ивановна
Тбилизи Мухоморова

Князь Иван Кантантинович
Княгиня Елена Петровна
Князь Александр Владимирович
Князь Игорь Владимирович
Князь Михаил Павлович
Сергей Романович
Романов

Постановление Екатерининского областного совета об отправке ссыльных членов
Дома Романовых в Алапаевск. 18 мая 1918 г.

Источник: Последние дни Романовых: Документы, материалы следствия,
дневники, версии / составители М.П. Никулина, К.К. Белогуров.
Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1991

Вид Напольной школы в Алапаевске. Фотография. Конец 1920-х гг.
Источник: Последние дни Романовых: Документы, материалы следствия,
дневники, версии / составители М.П. Никулина, К.К. Белогуров.
Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1991

Вид больничной палаты в пермской тюрьме, где была заключена княгиня Елена Петровна. Фотография. 1930-е гг.

Источник: Пермская Голгофа Михаила II. Сборник документов о последнем периоде жизни и убийстве в г. Перми Великого Князя Михаила Александровича [в 2 т.] / Пермский государственный архив социально-политической истории / составитель Л.А. Лыкова и др. Пермь: Пушка, 2018

Пермская губернская тюрьма.

Источник: Пермская Голгофа Михаила II. Сборник документов о последнем периоде жизни и убийстве в г. Перми Великого Князя Михаила Александровича [в 2 т.] / Пермский государственный архив социально-политической истории / составитель Л.А. Лыкова и др. Пермь: Пушка, 2018

Великая княгиня Елизавета Маврикиевна с внуками. Стокгольм. 1919.
Фотография. Источник: Матвеев Иван. Последний свидетель Царской России.
Источник: [Url.: http://russculture.ru/2020/08/11/poslednii-svidetel-tsarskoi-rossii/](http://russculture.ru/2020/08/11/poslednii-svidetel-tsarskoi-rossii/)

Княгиня Екатерина Иоанновна с сыном маркизом Иваном Фараче ди Виллафореста.
1966. Источник: Матвеев Иван. Последний свидетель Царской России.
Источник: [Url.: http://russculture.ru/2020/08/11/poslednii-svidetel-tsarskoi-rossii/](http://russculture.ru/2020/08/11/poslednii-svidetel-tsarskoi-rossii/)

Князь Всеволод Иоаннович. 1938. Фотография.

Источник: Url.: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Prince_Vsevolod_Ivanovich.jpg

Приложения

Фрагмент письма княгини Елены Петровны Сербской
великой княгине Виктории Федоровне.
26 декабря 1918, Сольтшёбаден

Нам показалось необходимым дополнить воспоминания княгини Елены Петровны еще одним любопытным документом. Он был обнаружен на сайте историка Сергея Фомина в разделе «Алапаевский архив»¹. Здесь нет ссылки на первоисточник, но есть легенда обретения этого материала: некая дама переписала от руки заинтересовавший ее фрагмент письма на французском языке княгини Елены Петровны великой княгине Виктории Федоровне, написанный вскоре после освобождения из московской тюрьмы. Стиль письма свободный, так как обе дамы принадлежали к одному кругу, одной семье, жили по соседству и до революции часто общались вне официальных мероприятий. Единственная особенность — это употребление немецких слов, которых не были обнаружены ранее в доступных нам письмах княгини Елены Петровны.

Мы не можем знать, были ли сделаны искажения при переписке по сравнению с исходным документом, однако, с большой долей вероятности можно утверждать, что в основе лежит подлинный текст. Он содержит подробности, которые могла знать только княгиня, либо очень близкие к ней люди.

Написанное «по горячим следам», письмо отражает душевное состояние Елены Петровны, которой было очень сложно принять горькую правду. Сначала княгиня пишет, что не может больше сомневаться в гибели мужа, так как «слишком хорошо знает уральских большевиков», а потом выражает уверенность, что императрица, царские дети и Михаил Александрович живы и находятся где-то в Сибири. Дезориентация Елены Петровны в этом вопросе объясняется не только ее переживаниями, но и постоянно циркулирующими слухами, касающихся гибели членов Дома Романовых на Урале. Одним из центров

¹ Url.: <https://sergey-v-fomin.livejournal.com/298532.html> (дата обращения 8 июня 2020).

их распространения был Стокгольм², что явилось одной из причин, почему княгиня довольно быстро его покинула.

Подробности заключения княгини и ее освобождения, приведенные в письме, подтверждаются другими источниками.

* * *

...Там я окажусь у самого источника новостей, но увы, это будут лишь подробности, вероятно, чудовищные, трагического конца моего дорогого Джона³. Я не могу более сомневаться в этом ужасном факте, во-первых, невозможно, чтобы никто в Сибири не знал, где находится он и его братья, если бы побег действительно состоялся. Во-вторых, Виктория Баттенбергская⁴ написала моей свекрови, что английский консул в Екатеринбурге⁵ писал, что были найдены тела Эллы и всех наших, и что их захоронили в Алапаевске с величайшими почестями. Как можно еще сомневаться? Правда, консул говорит, что не удалось опознать тела⁶, но это меня ничуть

² *Раннопорт Хелен*. Рок семьи Романовых. «Мы не хотим и не можем бежать...». М.: Эксмо, 2018. С. 346.

³ Так в семейной переписке называли князя Иоанна Константиновича его жена и братья.

⁴ Виктория Альберта Елизавета Матильда Мария Гессен-Дармштадская (5 апреля 1863, Виндзор — 24 сентября 1950, Лондон), жена Людвига Александра Баттенбергского, сестра императрицы Александры Федоровны и великой княгини Елизаветы Федоровны.

⁵ Имеется в виду Томас Гильденбрандт Престон, британский вице-консул в Екатеринбурге с октября 1913 года; в июле 1916 года он становится консулом.

⁶ Трудно сказать, что имел в виду консул. Согласно протоколу предъявления понятиям трупов великого князя Сергея Михайловича, великой княгини Елизаветы Федоровны, князей императорской крови Константина, Игоря и Иоанна Константиновичей, князя В.П. Палея, монахини Варвары Яковлевой и управляющего Ф.С. Ремеза от 13 октября 1918 года, трудностей не было никаких: «Все трупы, согласно найденных при них документов и на белье меток, те самые, которые проживали в г. Алапаевске до похищения в ночь с 17 на 18 июля с. г., которых они хорошо знали в лицо..., в чем и удостоверяем своей подписью, понятиые граждане г. Алапаевска Павел Яковлевич Подкорытов, Александра (Беякова)

не обнадеживает. Я слишком хорошо знаю уральских большевиков, и знаю, на что они способны, и чего от них можно ожидать!! Одним словом, мое отчаяние таково, что его не описать словами! Моя жизнь совершенно разбита. Я жила только для Джона, и даже бедные дети не могут меня утешить. А ведь я ничего не могла сделать для него, не могла его спасти. Нет, это просто ад в моей душе и в моем сердце. Ты просишь меня описать в нескольких строках через что я прошла за пять месяцев плена, и я постараюсь это сделать. Итак, в июне мы все находились в Алапаевске, в 12 ч от Екатеринбурга, в небольшой сельской школе, охраняемой красноармейцами. С нами обращались довольно хорошо и, убедившись через месяц, что все идет неплохо, и Джон ничем не рискует, я решила отправиться к детям на две-три недели. Джон остался с Эллоу, которая пообещала мне, что никогда не оставит его, и также Сергеем Михайловичем, Костей, Игорем и Владимиром Палеем. Итак, я прибыла в Екатеринбург и телеграфировала министру Сербии⁷, чтобы он выхлопотал мне документы для выезда в Петроград. Он же вместо документов прислал мне вагон и свиту из 7 человек⁸! Разумеется, это показалось подозрительным и нас преспокойно арестовали и отвезли [в здание ЧК], где

Евсина, Иван Гаврилович Киселев» // Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Материалы предварительного следствия судебного следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколова. Отв. ред. и отв. сост. О.В. Лавинская, сост. В.М. Хрусталев. М.: Кучково поле, 2017. С. 97. Впрочем, в бумагах С.Н. Смирнова есть сведения, что, когда фотографии тел, поднятых из шахты алапаевских мучеников, показали великому князю Николаю Николаевичу, то он заявил, что это не они. По-видимому, шок от содеянного был так велик, что разум отказывался верить очевидному.

⁷ Речь идет о Мирославе Спалайковиче, главе сербской дипломатической миссии, находившемся в ранге министра.

⁸ Действительно, за княгиней Еленой Петровной выехала сербская миссия в составе четырех человек. Им был выделен дипломатический вагон. Почему в тексте написано семь, сказать сложно, возможно, что княгиня нечетко написала цифру, которую потом переписали с ошибкой, либо немного сгустила краски. Тем более, что в этом же документе ниже указана верная цифра.

мы провели в заключении две недели. За этим последовала эвакуация из Екатеринбурга, которому грозили чехи, и меня с моими сербами отвезли в тюремном вагоне в Пермь, где нас посадили в тюрьму. Описывать тебе, что это была за тюрьма, [я думаю], нет необходимости. Но материальная сторона дела была сущим пустяком по сравнению с душевным состоянием. Представь себе, что такое ожидать смерти 4 месяца подряд, ведь каждую ночь из этой тюрьмы уводили мужчин и женщин на расстрел! В моей камере находились Катрин Шнейдер и несчастная Гендрикова, две фрейлины Аликс, которых тоже выдернули из екатеринбургской тюрьмы, чтобы поместить в пермскую. Мы прожили подобным образом шесть недель, пока однажды ночью их не увели на расстрел. Что я пережила в эту ночь, не поддается описанию. Одним словом, с утра до ночи началась вереница расстрелов, по сравнению с которой Петроград и Москва — это ничто по количеству жертв, которых со свирепой жестокостью уничтожали в Перми. В моей тюрьме также находился полковник Знамеровский, состоявший при Мише⁹, и которого арестовали после побега их хозяина. Жена полковника, сам полковник и его лакей¹⁰ были расстреляны. Я хорошо их знала и думала, что умру от тоски, когда их увели. Сын полковника, ребенок 7 лет, остался круглым сиротой!¹¹

⁹ Имеется в виду великий князь Михаил Александрович. Однако полковник П.Л. Знамеровский при нем не состоял, а был начальником Гатчинского железнодорожного жандармского управления, однако, они были высланы одновременно по постановлению СНК от 9 марта 1918 года, а вот в Перми они отношения поддерживали.

¹⁰ Лакея при Знамеровских не было.

¹¹ Сын Петра Людвиговича и Веры Михайловны Знамеровских был передан родному дяде — Александру Людвиговичу Знамеровскому, бывшему чиновнику Государственного банка в Петрограде, последовавшем вслед за братом в Пермь. Ему удалось избежать репрессий. Он умер впоследствии в блокадном Ленинграде // *Кислов Владислав*. Страничка гатчинского краеведа. [Электронный ресурс] Url.: <http://kraeved-gatchina.de/oчерki/vydayushchiesya-zhiteli/gatchinskie/> (дата обращения 10 августа 2020).

Я совершенно не понимаю, почему меня пощадили. Наверное, Бог смилостивился над моими детьми, а мой милый Джон, чистый и святой, как ангел, хранил меня! Я также научилась молиться и поняла, что в подобные минуты человек всегда обращается к Высшему существу — Он один может защитить.

Итак, я провела 4 месяца в этой ужасной тюрьме в обществе воровок, женщин-убийц и проституток, но, как ни странно, именно эти несчастные утешали меня и дарили мне надежду! Уверю тебя, что такое близкое знакомство пошло мне на пользу, потому что подобное наблюдение за людскими бедами делает человека лучше. Итак, эти падшие женщины были со мной очень добры: у многих из них тоже были дети и они понимали, как я страдаю.

И вот, в один прекрасный день, когда я поняла, что придет и мой черед, я решила и написала записку сербскому офицеру, находившемуся в моей тюрьме, но с которым не могла видеться также, как и с моим секретарем Смирновым (русским, с сербским паспортом). Я передала записку одной доброй охраннице, которая ему ее и вручила. Я в ней писала, что нужно рискнуть всем и попытаться довести до сведения Петрограда, что мы — в тюрьме. И какое неслыханное везение! У моего секретаря в Перми нашлась родственница¹², которой он послал записку, переданную надежным охранником. Эта родственница тотчас отправилась в Петроград и уведомила норвежское

¹² Имеется в виду об Ольга Иосифовна Палтова, двоюродная сестра жены Смирнова. Она и Смирнов были едва знакомы, но родственники передали для нее письма, поэтому по прибытии в Пермь 2 июля 1918 года он и майор Мичич ее посетили (Большая Ямская улица, дом 27). Как уже отмечалось ранее, позже, уже из тюрьмы, им удалось установить с нею связь. О.И. Палтова вызвалась ехать в Петроград. 14 сентября она посетила сербскую дипломатическую миссию и сообщила о местонахождении княгини. Сербь обратились за помощью к норвежцам // *Смирнов С.Н.* В плену у цареубийц. Белград, 2018. С. 95, 96, 103–104.

представительство¹³, которому удалось добиться нашего перевода в Москву. Меня поместили в Кремль, а моих 4 спутников — в тюрьму.

В Кремле, надо сказать, со мной обращались очень хорошо. Я жила в б<ывшей> квартире Орлова¹⁴; мне передавали еду со стола «Volkskommissare»¹⁵; каждый день я гуляла внутри кремлевских стен в сопровождении вооруженного штыком красноармейца. Наконец, председатель «Russischen Hauptkommission» Петерс, чудовище, от которого зависит судьба несчастных узников тюрем — это чудовище было со мной кротко, как ягненок. Он часто посещал меня и всячески угождал мне. Я так и не смогла понять удивительную психологию такого бешеного революционера, как он.

Одним словом, я увидела, что завоевала «его благосклонность», и тогда дерзнула ему сказать, что было чудовищно расстреливать тысячи невинных людей, что никогда цивилизованная Европа этого не простит, и даже сказала ему такую фразу: «Я Вам советую не злить Англию, потому что ее месть будет ужасна! Она раздавила Германию, а все остальное для нее — это будет, как игрушку поломать!». И я действительно испугалась, когда увидела выражение его лица, вызванное моими словами! Но через несколько мгновений его свирепое выражение сгладилось, и он мне сказал: «Ну, Вас я никогда не расстреляю, даю Вам честное слово». Тогда я ему ответила: «Поверьте, я не боюсь смерти. Я смотрела ей в лицо столько раз, и столько людей через это прошло, что я предпочту быть расстрелянной, чем оставаться пленницей».

Наконец, после месяца в Кремле меня освободили, и вот я здесь. В течение всего срока моего заточения я ни минуты

¹³ В связи с тем, что сербское королевство официально не признало советское правительство, его интересы представляло норвежское консульство.

¹⁴ Рядом с собственными его императорского величества апартаментами были оборудованы служебные квартиры для свиты.

¹⁵ Народных комиссаров.

не сомневалась, что Джону с его братьями удалось счастливо спастись в июле, и что он находится в безопасности в Сибири. И только прибыв сюда, я узнала обо всем ужасе, который разбил мою жизнь навсегда. Все лишения в пермской тюрьме, ужасный голод (3 картофелины в день и хлеб со жмыхом¹⁶ и теплой водой, холод, грязь, вода, стекающая по стенам камеры), все это было бы ничто, если бы мой обожаемый Джон остался в живых! Но нет, я знаю, я знаю, что все кончено, и никогда, никогда я ничего не узнаю о его последних минутах! Я просто схожу с ума от отчаяния!

Если я когда-нибудь увижу тебя, я подробно расскажу тебе эти 4 месяца в Перми. Я могу тебе сказать, что Ники¹⁷ определенно больше нет в живых, но что Аликс и дети, по моему мнению, живы¹⁸. Причина заключается в том, что некоторые факты, которые я могла наблюдать в Уральском Совете, почти точно указывают мне, что Аликс и дети живы и, должно быть, находятся в отдаленном селении у истоков неразб. [где-то в Сибири]¹⁹. Во время моего пребывания в Екатеринбурге до моего ареста я не смогла увидеть Их Величества, так как ни-

¹⁶ Заменитель муки в хлебе, получаемый под прессом после отжима растительных масел.

¹⁷ Император Николай II.

¹⁸ Несмотря на очевидные факты, поверить в убийство царской семьи было сложно. Множество противоречивых рассказов о том, что кто-то из ее членов или даже все они выжили, продолжали доходить до их родственников в Западной Европе еще много десятилетий. Как писала Хелен Раппопорт, вокруг факта убийства императорской семьи большевики вели «долгую, омерзительную, лукавую и жестокую игру», позволяя верить, что царица Александра и ее дети все еще живы. А вот весть о гибели императора была воспринята всеми сразу и повсеместно, за исключением императрицы Марии Федоровны // *Раппопорт Хелен*. Ук. соч. С. 346, 375.

¹⁹ Эти слова Елены Петровны, по-видимому, объяснялись тем, что она и сама не могла до конца поверить в гибель мужа и его родственников, тем более, что окружающие постоянно пытались донести до нее слухи, что их видели где-то в Сибири, ссылаясь при этом на хорошо известных княгине людей, оставшихся в России. То же давление оказывалось и на великую княгиню Елизавету Маврикиевну, которая в письмах к невестке их постоянно пересказывала.

кого не пускали, однако, доктор²⁰..., который единственный из всей Свиты оставался на свободе, поделился со мною многими подробностями о Них.

Татищев и Долгоруков были расстреляны еще в мае, почти сразу после прибытия из Тобольска в Екатеринбург. Что же касается Миши, то он жив и здоров в Сибири²¹.

Вот, в нескольких словах, трагическая история последних пяти месяцев. Разумеется, это дает лишь слабое представление обо всем ужасе и жестокости Уральского Совета. Это настоящее змеиное гнездо, которое надо безжалостно раздавить. Я верю в Антанту и в то, что вскоре она положит конец этим зверствам в России. Я тебе телеграфирую, когда с моим отъездом будет все ясно, не скрою, что поездка с детьми меня немного пугает. Я по-прежнему настолько запугана, что не могу спокойно спать и вскакиваю от каждого звука. Я рассчитываю поселиться в Булони²² или Нёйи²³.

Я очень надеюсь, что и Вы приедете в Англию или во Францию. Я буду так рада вас снова повидать. Прошу тебя, пришли мне фотокарточку своего сына²⁴. Всего самого-самого твоему мужу и приласкай от меня твоих детей.

²⁰ Лейб-медик Владимир Николаевич Деревенко.

²¹ По-видимому, это мнение Елены Петровны базировалось на убеждениях полковника Знамеровского, с которым княгиня часто общалась в пермской тюрьме. В протоколе допроса судебным следователем по особо важным делам при Окружном суде Н.А. Соколовым С.Н. Смирнова от 16 марта 1922 года мы читаем: «В пермской тюрьме я беседовал про судьбу великого князя Михаила Александровича со Знамеровским... Сущность рассказа сводилась к тому, что Михаила Александровича увезли несколько человек. Знамеровский смотрел на его увоз как на спасение. Ничем он не мотивировал такого своего взгляда... Он думал, что кто-то увез Михаила Александровича для спасения. Ни на чем фактическом эта вера основана не была...» // Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 403.

²² Небольшое графство в северной Франции.

²³ Один из районов Парижа.

²⁴ Речь идет о сыне великой княгини Виктории Федоровны и великого князя Кирилла Владимировича Владимире Кирилловиче, родившемся 17 (30) августа 1917 г.

Позволь выразить тебе всю мою признательность за то участие, которое ты принимаешь в моей несчастной судьбе. Твое письмо по-настоящему сестринское и, поверь, твои добрые слова стали бальзамом для моего сердца. Я этого никогда не забуду.

Прощай же. Храни вас Бог! Я всегда буду думать о тебе. Целую вас от всего сердца. С самыми горячими чувствами, твоя Елена.

Протокол* допроса Елены Петровны Романовой
в Уральской областной Чрезвычайной комиссии от 14 июля 1918 года

14 июля 1918 года член Уральской Областной Чрезвычайной Комиссии опросил гражданку Елену Петровну Романову, сербскую подданную, которая показала следующее:

Со дня переворота я с мужем и другими его родственниками жила в Петрограде. В марте 1918 года нам предложили выехать из Петрограда и место жительства нам предоставили выбрать самим — Вятка или Пермь. Мы 22-го²⁵ выехали в Вятку, где пробыли лишь один месяц, после чего Вятский Совет предложил нам направиться в Екатеринбург. Прожив до 5 мая в Екатеринбурге, мы были отправлены (в количестве семи человек) Облсоветом в Алапаевск. В Алапаевске жили совершенно свободно, но недавно, приблизительно месяц тому назад, всем нам предложили не выходить из отведенного нам дома и поставили к нему стражу.

5 июня я выехала из Алапаевска с разрешения Совета, чтобы посетить своих детей, которые находятся в Петрограде. Прибыв в Екатеринбург, я получила известия, что за мной

* ГАСО. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

²⁵ Согласно информации, размещенной в газете «Наш век» выезд ссыльных представителей Дома Романовых состоялся 2 апреля (20 марта) 1918 г. // Наш век. 1918. 3 апреля (20 марта). С. 2. Таким образом, в протоколе Елена Петровна использует даты по старому стилю.

послана Сербская Миссия и я решила ее дожидаться. Миссия прибыла в Екатеринбург 3 июля²⁶. Между тем получилось известие, что Михаил Романов бежал из Перми и, в связи с этим я узнаю, что мой муж и родственники заключены в тюрьму. Тогда я решила не ездить в Петроград и возвратиться в Алапаевск, чтобы разделить с мужем заключение.

С помощью майора Мичич[а] мне удалось выхлопотать разрешение на проезд в Алапаевск английской сестры милосердия и фельдфебеля Божичич[а]. Сама я дала в Облсовет подписку, что добровольно разделяю с мужем заключение. Выехать в назначенные день мы не успели, т<ак> к<ак> Комиссар станции усомнился в правильности документов и не пропустил нас. На другой день, мы все, находившиеся в вагоне Сербской Миссии, были задержаны и препровождены в Американские номера.

С английской сестрой, которая собиралась ехать вместе со мной, я познакомилась недавно у английского консула, когда заходила к нему сдать на хранение некоторые из драгоценностей. Насколько я выяснила из разговора с ней, она путешествует уже давно: была в разных странах и государствах. Теперь направляется во Владивосток, чтобы ехать на родину. До сих пор она работала на Киевском фронте. Фамилия ее Риббуль²⁷. Поехать со мной она хотела просто из любезности. Гражданин Смирнов был управляющим моими делами.

Подпись: *Елена Петровна Романова, королева Сербская*
 Допрос снимал: член Чрезвычайной Комиссии (*подпись*).

²⁶ Согласно протоколу допроса судебным следователем по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколовым в г. Фонтенбло свидетеля С.Н. Соколова от 16 марта 1922 года, сербская миссия прибыла в Екатеринбург 4 июля 1918 года около 7 часов утра // Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 342. Более того, эта дата дается уже по новому стилю. С.Н. Смирнов пишет, что сербская миссия выехала из Петрограда 28 (15) июня 1918 года // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 18.

²⁷ Согласно протоколу допроса, произведенного в тот же день, имя сестры милосердия Флора Риббуль // Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

Предисловие Мирослава Спалайковича, министра королевства Сербов,
Хорватов и Словенцев к книге С.Н. Смирнова*
«Autour de l'assassinat des Grands-Ducs. Ekaterinbourg—Alapaievsk—
Perm—Pétrograd» (Вокруг убийства великих князей.
Екатеринбург—Алапаевск—Пермь—Петроград)**

Я посвящаю эти строки главной героине рассказа господина Смирнова, строки, продиктованные памятью, преисполненной к ней уважением и нежным восхищением.

Дочь великого короля, принцесса Елена происходит из яркой сербской ветви, которую прославил ее основатель — бессмертный Карагеоргий²⁸. По линии своей матери, принцессы Зорки²⁹, она принадлежит вековой династии Петровичей-Негошей³⁰. Она вышла замуж за Романова, российского князя крови императорской Иоанна <Константиновича>. Таким образом оказалась смешанной кровь двух наиболее известных славянских династий, и эта новая связь стала пророческим символом святого союза между душами русского и сербского народов.

* *Smirnoff S.* Autour de l'assassinat des Grands-Ducs. Ekaterinbourg-Alapaievsk-Perm-Pétrograd». Paris, 1928. P. 9–33. Предисловие Мирослава Спалайковича отражает его взгляд на революционные события в России и его роль в спасении сербской принцессы из большевистской России.

** Перевод с французского Киры Рюшти.

²⁸ Петрович Георгий (16 ноября 1762, Вишевац, Шумадия — 13 (28) июля 1817, деревня Радованьски Луг, около городка Велика-Плана), прозванный Карагеоргием за черные волосы и взрывной характер, основатель династии Карагеоргиевичей, руководитель Первого сербского восстания против Османской империи (1804–1813). Обладал талантом руководителя и военачальника.

²⁹ Зорка-Любица (23 декабря 1864, Цетинье — 16 марта 1890, Цетинье), рожденная княжна из рода Петровичей-Негошей. Старшая дочь владетельного князя Черногорского.

³⁰ Черногорская владетельная княжеская династия Петровичей. Происходила из местечка Негуши.

Кто испытал счастье хотя бы единожды в жизни встретить эту восхитительную женщину, тот никогда не забудет выражения ее больших глаз: ее взгляд нежный и проникновенный, с блеском темных сапфиров, отражающий выдающуюся скромность, глубокий ум и редкую силу характера.

Мне на долю выпало узнать ее близко в трагические часы русской революции, да и как не вспомнить... всех добродетелей этой принцессы, этого сказочного дитя, выжившего из всех испытаний, переживаемых ею, с таким героизмом, жертвенностью и самоотречением в самые тревожные часы, также как ее легендарные сестры, чьи... истории очаровывали наше детство³¹. Никакая сокрушающая боль или страдания не ослабили в ней жертвенности и благотворности, которые христианская вера преподала ей с ранней юности. Ничто не могло поколебать ее убеждений в том, что вне чувства солидарности нет спасения для людей. Какой контраст между высшей мощью души этой женщины и развязной яростью вокруг нее! Какой поучительный пример бесстрашия, достоинства и человеческого сострадания среди кровавой классовой войны и этой бойни, организованной Лениным! Только благодаря благой деятельности, схожей с действиями нашей героини, а никак не ненавистью и разрушением, которые проповедают несколько монстров-апостолов, может быть уменьшена нищета человечества.

Приехав в Россию, принцесса Елена привезла с собой, кроме любви и веры, все качества своего народа. Как ее легендарный отец, король Пётр Сербский, ее гениальный брат, в настоящем король Александр, и ее дядя, принц Арсений³²,

³¹ Мирослав Спалайкович имеет в виду средневековых сербских принцесс, прославленных Сербской Православной церковью в лике святых. Их подвиг, как правило, состоял в поддержке их мужей, братьев и сыновей в борьбе за свободу Отечества против турецкого владычества.

³² Карагеоргиевич Арсений (4 апреля 1859 — 19 октября 1938), князь, генерал-майор (1914) русской императорской армии, младший брат сербского короля Петра I, участник русско-японской и Первой мировой войн. Был женат на Авроре Павловне Демидовой Сан-Дonato,

она унаследовала щедрую душу и светлый ум, а сопротивление обстоятельствам было у нее в крови. Русские катаклизмы, со всеми предшествовавшими и последующими событиями, безусловно, должны были показать ей как разрушительен результат духовного состояния русского общества, на почву которого она была перенесена, как экзотический цветок. Она догадывалась о причинах несчастья. Бессильная что-либо сделать, она против воли была вовлечена в гонку к бездне, в которой все русские общественные классы, унесенные ветром безумия, чувствовали непреодолимую потребность поучаствовать в революционном круговороте, как в мрачной вакханалии. С разрывающимся от боли сердцем она сочувствовала русскому народу, низвергающему собственными руками своих кумиров и толкающих трон, веру и родину в зияющую пропасть, вырытую коллективным бредом!

Однажды вечером, — было это в марте 1917 года, в самом начале революции — принцесса Елена позвонила в дверь Сербского представительства в Петрограде. Ее сопровождала только придворная дама³³ — обе были одеты как сестры милосердия. Я был удивлен, увидев ее в период революционных волнений в такой поздний час. Она приехала из своего дворца в Павловске, где все было спокойно, в Петроград, на улицах которого еще лежали трупы, где выжившие полицейские Протопопова³⁴, скрывавшиеся в темных углах большого

формально имел от нее трех сыновей, носящих его фамилию, но признавал своим только старшего, князя Павла (1893–1976), будущего принца-регента.

³³ Этой придворной дамой была Софья Аристовна Бальтацци, фрейлина королевы эллинов Ольги Константиновны. Этот эпизод описан в воспоминаниях Елены Петровны.

³⁴ Протопопов Александр Дмитриевич (18 (30) декабря 1866, Нижегородская губерния — 27 октября 1918, Москва), последний министр внутренних дел России (1916–1917). На этот пост он был рекомендован председателем Государственной Думы М.В. Родзянко и министром иностранных дел С.Д. Сазоновым. Деятельность А.Д. Протопопова в должности министра внутренних дел подвергалась резкой критике как левых, так и правых оппозиционеров.

города, продолжали стрелять. Я счел это большой неосторожностью принцессы. И я сделал ей почти строгое замечание. Она засмеялась и рассказала, что от самого вокзала до миссии они прошли пешком, так как не смогли найти ни одного извозчика. Я понял, что она не отдает себе отчет в опасности, которой подвергалась. Принцесса сказала также, что после обеда она нанесла визит императрице и ее дочерям во дворец в Царское Село. По просьбе Александры Фёдоровны, жалующейся на то, что не имеет никаких новостей от императора и чувствует себя покинутой императорской семьей, принцесса приехала узнать у меня о событиях в столице и о месте, в котором может находиться император. Я ей ответил, что, увы, все кончено...

Мы прошли затем в большой салон, и я ей показал из одного из окон, на фоне серебрищейся ночи, казавшейся еще яснее из-за белизны снега, покрывавшего соседние крыши, еще дымящиеся развалины Дворца Юстиции — Окружной суд — почти напротив миссии. И перед этой мрачной картиной, вызывавшей в глазах русских революционеров память о взятии Бастилии, мы предчувствовали, что разрушение огромной славянской империи только еще начинается. Я услышал что-то, напоминающее подавленный стон. Я повернулся к принцессе. Ее глаза заволокли слезы.

Моя жена предложила принцессе и ее компаньонке холодный ужин, после чего я проводил обеих дам до Мраморного дворца, где жила великая княгиня Константин³⁵, мать князя Иоанна <Константиновича>. Было уже за полночь, когда мы оставили великую княгиню <Елизавету Маврикиевну> и двинулись на вокзал в сторону Царского Села, естественно, пешком, так как все машины Дворца были конфискованы революционерами. Пересекая Марсово Поле, мы вдруг услышали вокруг себя свист пуль. Бывшие полицейские, спрятавшиеся за поленницами дров в конце огромной площади, стреляли по автомобилям революционной милиции, движущимся

³⁵ Великая княгиня Елизавета Маврикиевна.

по направлению к Неве позади нас. Мы поспешили к Фонтанке. Перед вокзалом мы встретили еще грузовики, водители которых подбирали трупы, которые не смогли собрать днем.

Было три часа ночи, когда я вернулся домой. Я не мог спать... Мои мысли лихорадочно переплетались...

Действительно, я сказал принцессе, что все кончено... Я понимал волнение императрицы. Она знала своего мужа. Но не была ли и она в значительной мере виновата в том, что происходило в России? ...Император больше не был хозяином ни самого себя, ни своей страны: перед ним стояла проблема, неразрешимая при его шаткой воле. Для решения очевидной дилеммы между мировой и гражданской войной он предпочел... отречение! Какое разочаровывающее решение! В этот решающий момент, более чем когда бы то ни было, России был нужен император. Император дезертировал со своего трона во время сражения. Он это сделал из патриотизма, надеясь таким образом прекратить революцию и обеспечить борьбу на фронте. Какая странная аберрация³⁶! Результаты не заставили себя ждать. Голос фатализма прозвучал, как похоронный звон в загадочной душе России, и его мрачное эхо отозвалось далеко, несомое на невидимых крыльях фантома победы через русскую темноту. Большевизм не заставил себя ждать и через несколько месяцев его разрушительная тень накрыла всю Россию.

В ноябре 1917 года, в тот самый день, когда гидра большевизма делала свой последний бросок против смертельно раненной России, родился мой второй сын. По случаю его крестин религиозная церемония была организована в Миссии. Крестной матерью стала принцесса Елена, крестным отцом — князь Иоанн <Константинович>³⁷. Мрачные предчувствия

³⁶ Отклонение от нормы, ошибка, заблуждение.

³⁷ По сербской традиции у ребенка, как правило, один крестный (кум). Для мальчика восприемником становится межчина, а для девочки — женщина. В русской православной традиции муж и жена не могут быть крестными одного и того же ребенка. Восприемником от купели

бросали тень на наше интимное собрание. Никто не предполагал, что смерть выбрала уже свои жертвы, наметив для князя Иоанна то же число, что и для Императора³⁸.

Тремя месяцами позже я должен был со всей моей семьей покинуть Петроград. Брест-Литовские переговоры³⁹ только начинались. Количество немецких военных, с каждым днем все увеличивающихся в русской столице, не вызывало доверия у дипломатических представителей союзных стран. Наши опасения по отношению к большевикам не становились меньше. Мы решили временно покинуть Россию и переехать в Швецию в ожидании результатов договора о сепаратном мире. Французский посол господин Нуланс⁴⁰ меня предупредил,

младшего Спалайковича был князь Иоанн Константинович. Елена Петровна присутствовала на церемонии.

³⁸ Князь Иоанн Константинович вместе с другими представителями Дома Романовых и их приближенными, содержавшимися под арестом в Алапаевске, был убит в ночь с 17 на 18 июля 1918 года, днем позже семьи императора Николая II.

³⁹ В соответствии с Декретом о мире (26 октября (8 ноября) 1917) СНК обратился ко всем воюющим государствам с призывом заключить перемирие и начать переговоры о выходе из войны. НКВД (Народный комиссариат иностранных дел) направил ноту представителям союзных России государств считать Декрет о мире формальным предложением перемирия. Страны Антанты призыв проигнорировали. Откликнулись только члены Четверного союза — Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция. 2 (15) декабря 1917 года между ними и советской Россией был подписан договор о перемирии, а затем начались переговоры. Их первый раунд длился с 22 (9) по 28 (15) декабря 1917 года. По-видимому, Спалайкович имеет в виду второй раунд переговоров, проходивший 9 января (27 декабря 1917) — 10 февраля (28 января) 1918 года. С.Н. Смирнов пишет, что посланник Спалайкович в конце января 1918 года предложил князю и княгине выехать из России через Финляндию в его дипломатическом вагоне, но получил отказ // *Шевцова Г.И.* Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. М.: ООО «Союз-дизайн», 2017. С. 441.

⁴⁰ Нуланс Жозеф (1864–1939), французский государственный деятель, дипломат, сенатор (1920). Посол в России (июнь 1917 — 1918). Автор мемуаров. Ж. Нуланс был одним из инициаторов интервенции против советской России. В начале апреля 1918 года он выступил в вологодской

что установлена дата отъезда — 2 февраля 1918 года. В дипломатическом поезде мне был отведен целый вагон. Принц Арсений, который во время Великой войны воевал в рядах русской армии, уезжал вместе со мной. Я пригласил также принцессу Елену, ее мужа и детей. Она отказалась. Жена одного из Романовых считала трусостью и предательством покинуть страну в то время, как император и его семья находятся в заточении.

Несколько недель прошло во временном пристанище в Финляндии. Немцы перекрывали проезд со стороны моря, а на суше свои позиции занимали красные и белые. Союзные дипломаты не могли попасть в Швецию, по имеющимся дорогам были вынуждены возвращаться в Россию, чтобы затем обосноваться в Вологде. В этой бывшей старинной столице удельного княжества, носящего такое же имя, красивом городе с сорока с лишком церквями, деревянными тротуарами, однажды утром в первых числах апреля я пришел на вокзал приветствовать принцессу Елену и ее супруга во время остановки поезда, везущего их из Петрограда. По приказу советов князь крови императорской Иоанн <Константинович> отправлялся в ссылку в Республику Урал. Принцесса Елена следовала за своим мужем, желая разделить с ним судьбу в Алапаевске, маленьком шахтерском городе. Князь Иоанн <Константинович> был в очень хорошем настроении. Когда после сигнала к отправке мы обнялись, он смеялся над этой авантюрой. Это было нашим последним свиданием в этом мире, где жестокость людская превосходит животную.

печати с рядом политических заявлений, среди которых были осуждение Брестского мира и заявление, что союзники могут быть вынуждены вмешаться во внутренние дела России для защиты общих интересов и при полном согласии с русским общественным мнением. НКВД потребовал отзыва посланника Нуланса. Однако последствий эта публикация не имела // *Шершень Елена*. В беспокойном 1918-м. Как в Вологде оказались посольства и миссии 11-ти государств мира. [Электронный ресурс] Интернет-газета «Столетие». 2018. 27 декабря. Url.: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/v_nespojnom_1918-m_145.htm (дата обращения 3 мая 2020).

Принцесса Елена за время своей поездки послала мне несколько сообщений. В одном из них из Вятки, от 6 апреля, она писала, что по дороге она встретила военные поезда, перевозящие в сторону Архангельска и Мурманска последние сербские войска, оставшиеся в России. С энтузиазмом она описывала их боевой вид. Эти сербские солдаты и офицеры настолько отличались от ободранных солдафонов Красной армии, что ей казалось, что она «спустилась с другой планеты». Из Екатеринбурга, где находился император со своей семьей, она меня известила, что понапрасну пыталась увидеть царских детей. Вместе с тем ей удалось поговорить с генерал-адъютантом князем Долгоруким⁴¹, от которого она узнала, что император нуждается в деньгах. Как только я получил это письмо, я отправил одного из своих военных атташе, лейтенанта-полковника Воина Максимовича⁴², отвезти

⁴¹ Как известно, по прибытии в Екатеринбург из Тобольска 30 апреля (13 мая) 1918 года генерал-адъютант князь Долгоруков был сразу же арестован и вскоре расстрелян (10 (23) июля 1918). Так что княгиня Елена Петровна никак не могла с ним встретиться.

⁴² Со слов своих однопартийцев председатель Екатеринбургского совета П.М. Быков знал, что «просьбы о свидании как с <императором> Николаем, а также и с другими представителями дома Романовых были довольно часты... Однажды явился даже член генерального штаба сербских войск, Мигич, для получения личной информации от Николая о второй мировой войне» // *Быков П.М.* Последние дни последнего царя. Архив русской революции. М., 1993. Т. 17–18. С. 312. Этот факт, но уже с подробностями и на основании устного свидетельства Воина Максимовича, подтверждается в неопубликованных документах С.Н. Смирнова. Сербский офицер был командирован Спалайковичем в мае 1918 года в Екатеринбург с целью поддержать его и передать, по разным данным, то ли 25 000, то ли 30 000 рублей на текущие расходы. По прибытии он сразу же отправился в Ипатьевский дом и, назвавшись историком, попросил свидания с государем. На что ему ответили, что на такую встречу требуется разрешение СНК // НБС. Р-699/1/7. С. 25. Вот что Кинг и Вильсон пишут о Воине Максимовиче: «Однажды в конце июня некий капитан Максимович явился к Ипатьевскому дому и, как и княгиня Елена, потребовал разрешить ему увидеться с императором. Он заявил, что хотел бы обсудить вопросы об историческом значении войны. В его просьбе также было отказано, а его арестовали

деньги в Екатеринбург, чтобы передать императору через генерал-адъютанта. Господин Максимович был начальником штаба военного Сербского добровольческого корпуса во время кампании в Добрудже. Это был выдающийся офицер, очень умный и полный хладнокровия. Приехав в Екатеринбург, он пытался встретиться с императором, но натолкнулся на непреодолимые трудности. Приключения этой поездки будут когда-нибудь описаны...

В начале июня⁴³, принцесса Елена, одолеваемая материнским желанием увидеть своих детей, оставленных с бабушкой в Петрограде, уехала из Алапаевска. Но в Екатеринбурге местная власть заставила ее прервать поездку. Она телеграфировала мне из этого города, прося моего вмешательства. Я сразу же поехал в Москву, где мне обещали, что необходимые приказы будут отправлены в Екатеринбург. Затем я вернулся в Петроград, откуда я срочно отправил в официальном сербском вагоне одного офицера и двух из наших солдат с заданием привезти принцессу Елену к ее детям. Приехав 22 июня⁴⁴ в Екатеринбург, они все были арестованы на следующий день вечером вместе с самой принцессой.

В это время большевики сильно обеспокоены и раздражены наступлением Колчака и его чешских легионеров. Они отомстили ужасной резней Романовых в Екатеринбурге

и доставили в штаб ЧК в гостинице “Америка”. При обыске среди его вещей было найдено несколько писем и около 30 000 рублей» // *Кинг Грэг, Вильсон Пенни*. Романовы. Судьба царской династии. М.: Эксмо, 2005. С. 389.

43 19 (6) июня 1918 года княгиня Елена Петровна вторично прибыла в Екатеринбург. Из Алапаевска она выехала накануне. См.: протокол допроса княгини Елены Петровны в Екатеринбургской Чрезвычайной комиссии // Россия. Романовы. Урал. Сб. материалов. Екатеринбург, 1993. С. 72.

44 С.Н. Смирнов пишет, что они приехали в Екатеринбург 4 июля (21 июня) в семь часов утра // *Смирнов С.Н.* В плену у царевубийц. С. 24. А в протоколе допроса в ЧК члена сербской миссии Милана Божичича отмечена дата 3 июля (20 июня) // Россия. Романовы. Урал. С. 74.

и Алапаевске ночью 16 июля⁴⁵. Ситуация дипломатического корпуса в Вологде становилась все более неустойчивой. Мы чувствовали себя совершенно отрезанными от остального мира. Господин Чичерин⁴⁶ телеграфировал нам «предложение» перебраться в Москву, где самые лучшие виллы будут переданы в распоряжение представительств союзников, и где они будут находиться в полной безопасности. Если мы откажемся, то нам придется покинуть Россию. Первая возможность, несмотря на «безопасность» Москвы и роскошь вилл, нас не соблазняла, так как на предыдущей неделе, новый немецкий посол Мирбах⁴⁷ был убит. Кроме того, подобное решение определенно служило конструкциям коммунистического правительства. Мы бы стали ценными заложниками. Из Москвы к нам прислали знаменитого Радека⁴⁸,

⁴⁵ Как уже отмечалось, алапаевские узники были убиты через сутки после смерти императора Николая II, то есть в ночь с 17 на 18 июля 1918 года.

⁴⁶ Чичерин Георгий Васильевич (12 (24) ноября 1872, Тамбовская губерния — 7 июля 1936, Москва), происходил из дворянской семьи, дипломат, народный комиссар иностранных дел РСФСР и СССР (1918–1930). Член РСДРП (с 1905).

⁴⁷ 6 июля 1918 года левыми эсерами Яковом Блюмкиным и Николаем Андреевым был убит германский посол граф Вильгельм фон Мирбах-Харфф (2 июля 1871, Бад-Ишль, Германия — 6 июля 1918, Москва). Мирбах был назначен послом в Россию в апреле 1918 года. Был одним из участников переговоров по заключению Брест-Литовского мирного договора. По мнению Б.Л. Хавкина, ссылающегося на работы отечественных и зарубежных исследователей, на судьбу германского посла могли повлиять не только то, что он ассоциировался с «позорным» миром и заигрывал с политическими противниками советской власти, но и его значительные усилия по освобождению царской семьи из заточения // Подробнее см.: *Хавкин Б.Л. Убийство графа Мирбаха: по следам преступления*. Клио. 2007. № 4 (39). С. 37–47.

⁴⁸ Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939), государственный и политический деятель, журналист, сотрудник газет «Правда» и «Известия», участник международного социал-демократического и коммунистического движения, член РСДРП (с 1903). В ноябре был назначен заведующим отделом внешних сношений ВЦИК, был членом коллегии Народного комиссариата иностранных дел РСФСР.

чтобы обсуждать этот вопрос со старейшиной дипломатического корпуса Дэвидом Франсисом⁴⁹, послом Соединенных Штатов. Эти переговоры были абсолютно банальны. Возможно, чтобы быть еще более убедительным, господин Радек, во время переговоров с Франсисом, вынул из своего кармана револьвер и, играя с этим обнадёживающим предметом, перебрасывал его из руки в руку.

Дипломаты начали покидать Вологду в конце июля и двинулись на север России. В день нашего отъезда я послал господину Чичерину телеграмму. Это был последний шаг, предпринятый мной в поддержку принцессы Елены, которым я одновременно и просил, и угрожал. Я взывал к его чувствам русского джентльмена, чтобы заставить уважать личную свободу сербской принцессы, делал его лично ответственным за ее будущее, я обращал его внимание даже позор коммунистического правительства, если несчастье произойдет

В Вологду Карл Радек приехал 12 июля. При нем было личное оружие, что вызвало негативную реакцию дипломатического корпуса. В ходе переговоров Радек постоянно переходил от уговоров к завуалированным угрозам, что не добавляло ему обаяния. Не добившись своего, он приказывает установить слежку за сотрудниками посольств, а у зданий представительств выставить охрану. Телеграфное сообщение шифром стало невозможным. 17 июля 1918 года Карл Радек покинул Вологду. В тот же день стало известно о скорой высадке союзников в Архангельске. В связи с этим пребывание дипломатического корпуса в Вологде стало нежелательным: послы опасались, что могут стать заложниками у советской власти. Посоветовавшись, они приняли решение отправиться в Архангельск. Вночь на 25 июля американское, английское, французское, итальянское, японское, сербское, бразильское и китайское посольства уехали из Вологды на север. Оставшимся сотрудникам дипмиссий пришлось по требованию советского правительства покинуть город // *Шершень Елена*. Ук. соч. [Электронный ресурс] Интернет-газета «Столетие». 2018. 27 декабря. Url.: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/v_nesпокојnom_1918-m_145.htm (дата обращения: 4 мая 2020).

⁴⁹ Франсис Дэвид Роулэнд (1 октября 1850 — 15 января 1927), Член Демократической партии, посол США в России (1916–1918); был дуайеном (главой) дипломатического корпуса в Вологде. После октябрьской революции стал одним из инициаторов организации сопротивления советской власти. 7 ноября 1918 года покинул Россию.

на русской земле с единственной дочерью старого короля Сербии. Несколькими днями позже я послал из Архангельска другую телеграмму моему правительству на Корфу, с рекомендацией обратиться с просьбой к правительству Швеции и поинтересоваться через своего представителя в Москве судьбой принцессы Елены.

Через год я увидел принцессу в Париже в отеле «Континенталь», где жил ее дед Никола, король Черногории. Я только что вернулся из северной России. Она приехала во Францию несколькими месяцами раньше. Одетая в траур, принцесса рассказала мне удивительные эпизоды своего пребывания в большевистской тюрьме в Екатеринбурге, Перми и Москве. Кремль был ее последней тюрьмой. В нем она провела месяц. Покидая Россию, она выехала из Кремлевского дворца. Я не решился спрашивать о трагическом конце ее мужа. Я не находил никаких утешительных слов... я не смог ничего ей сказать. Я остался нем перед взглядом ее глаз, погруженных в бесконечную грусть. Ее вторая родина больше не существовала. Славянская Россия, настоящая Россия, настолько дорогая сердцу всех сербов, была похоронена в складках огромного савана, сотканного руками сатаны.

Письмо графа Юрия Павловича Граббе

Княгиня Елена Петровна в 1919 году дала поручение своему секретарю С.Н. Смирнову выяснить как можно больше информации о гибели мужа, разыскать прах князя Иоанна Константиновича и выяснить возможность его перезахоронения. К сожалению, об этом мы знаем немного, в основном, по нескольким разрозненным документам, один из которых находится в приложении к данному изданию. Он свидетельствует о том, что даже в 30-е годы XX века это намерение княгиня Елена Петровна не оставила.

Бланк управляющего канцелярией⁵⁰ Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей от 22 сентября (6 октября) 1933 года, Сремские Карловцы (Сербия)

Его превосходительству С.Н. Смирнову

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

В свое время я, во исполнение Вашего желания, писал Преосвященнейшему епископу Виктору⁵¹ относительно останков замученных Великих Князей, с запросом о которых Вы в свое время обратились. Преосвященнейший Виктор, после наведения справок, пишет мне: «на письмо Сергея Николаевича Смирнова в свое время был дан ответ. У нас имеется кинематографический фильм, запечатлевший момент переложения останков Великих Князей из старых в новые гробы. Имеются также фотографические снимки и акты переложения останков, подписанные делавшими переложение профессорами здешнего медицинского института».

В дополнение к этому позвольте сообщить Вам, что здесь сейчас епископ Нестор⁵², приехавший из Харбина. На обратном пути он будет в Китае, и получает поручение относительно миссии. <Он хорошо> осведомлен об останках Великих Князей и, несомненно, принял бы на себя всякое поручение, касающееся их. Остановился он на квартире Владыки Митрополита⁵³.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь искренне уважающий Вас Ю. Граббе.

⁵⁰ Граф Юрий Петрович Граббе был управляющим канцелярией Архиерейского Синода РПЦЗ в Сремских Карловцах с 1931 года. Впоследствии епископ Вашингтонский и Флоридский.

⁵¹ Епископ Виктор (Святин), с 21 октября 1932 года — епископ Шанхайский; с марта 1933 по май 1956 — начальник Русской Духовной миссии в Пекине.

⁵² Епископ Нестор (Анисимов), с 1920 года находился в Китае, епископ Камчатский (с 1922 года), встречал в Харбине тела алапаевских мучеников, вывозимых из России в Пекин.

⁵³ Митрополит Антоний (Храповицкий) проживал в квартире в Патриаршем дворце в Сремских Карловцах.

Предисловие к воспоминаниям принцессы Елены Сербской
из Бахметьевского архива русской и восточноевропейской истории
и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

Автор неизвестен

И Бог отделил свет от тьмы.
Книга Бытия

ВСТУПЛЕНИЕ К МЕМУАРАМ

Причины русской революции, как правило, объясняются самодержавной системой «имперского» режима, которую легко охарактеризовать как реакционную и кровавую. Если эта версия не является результатом предвзятости, то после более чем тридцатилетнего периода наблюдений за оговорками, сопоставлениями и выводами нужно будет изменить свое мнение.

Годы, предшествовавшие этой революции, были на самом деле не более чем ожесточенной борьбой, «самообороной» имперского правительства против тайных обществ, которые иногда называли «нигилистическими», а иногда «социалистическими» — революционеры, которые представляли из себя не что иное, как замаскированный коммунизм.

Словом, эта борьба была лишь подготовкой к той, которую ведут сейчас западные державы, напавшие, в свою очередь, на смертельную пропаганду той же самой доктрины, уничтожившую царскую Россию, разрушая сверху донизу то, что создали такие великаны, как Петр I и Екатерина II, с их трудом, гением и славой.

Тайные общества вели свою работу по систематическому уничтожению уже при императорах Павле I, Александре I, Николае I и, конечно же, при Александре II, которого им удалось убить. Эта преступная деятельность особенно активно проявлялась при Александре III и Николае II.

Подрывные элементы постепенно проникали не только в рабочий и средний класс, но и в высшее общество, а также в научные, художественные и литературные круги.

Даже всемирно известный писатель Лев Толстой не избежал влияния тех, кто целенаправленно работал на свержение режима.

Подарив русской литературе несравненные шедевры, например, его психологические романы, уникальные для истории всей литературы, этот великий гений отдал свой талант и перо для пропаганды дурного учения, которое рано или поздно захлестнет его собственную страну.

С этой целью он сделал себя апостолом атеизма и открыто проповедовал гражданское неповиновение.

Также по приказу правительства Толстой находился взаперти в Ясной Поляне, что было своего рода изгнанием, которое, впрочем, было вполне мягким.

В связи с этим, между прочим, следует упомянуть случай, наилучшим образом описывающий менталитет писателя. Находясь в вынужденной изоляции в своем обширном поместье, он опубликовал «Крейцерову сонату», незамедлительно запрещенную цензорами, которые посчитали это произведение аморальным.

Очень расстроенный Толстой отправил свою жену в Петербург, чтобы получить аудиенцию у тогдашнего царя Александра III и потребовать отмены запрета. Аудиенция была дарована, и император принял графиню Толстую в самой приветливой манере, похвалив талант великого писателя. Почувствовав благоприятствующую обстановку, графиня дошла до того, что попросила царя отменить запрет на последнее произведение мужа, на что Александр III сказал:

— Прежде чем ответить на эту просьбу, позвольте мне, графиня, задать вам вопрос: Ваши дети читали «Крейцерову сонату»?

— Конечно, нет, государь, — воскликнула обиженная графиня.

— Тогда, — сказал царь, сам будучи отцом, — почему вы хотите разлагать чужих детей, давая им возможность читать эту книгу, в которой вы отказываете своим собственным детям?

Смущенная и растерянная, графиня Толстая была вынуждена поклониться и уйти, не получив одобрения.

Первые годы правления императора Николая II были отмечены началом напряженной гражданской⁵⁴ и Русско-японской

⁵⁴ По-видимому, автор предисловия имеет в виду революцию 1905–1907 годов.

войны. Под влиянием непопулярности этих боевых действий на Дальнем Востоке революционная деятельность спровоцировала наступление большого масштаба. Бомбы бросали во всех города империи, убивая высокопоставленных чиновников, а также дядю царя, московского губернатора, великого князя Сергея <Александровича>.

Вооруженные восстания, мятежи, забастовки и саботаж следовали друг за другом впечатляющими темпами, но в целом это террористическое движение потерпело полный провал.

Порядок был восстановлен, на этот раз большинство царских подданных остались верны ему.

Однако, поскольку дальневосточная война была проиграна русскими, необходимо было любой ценой предотвратить возможное возобновление военных действий внутри страны. Для пресечения революционной пропаганды была создана Дума, а аграрная реформа была предусмотрена как средство обезоруживания врага, обещавшего людям «землю и свободу». В связи с этим следует отметить, что министры, которые пытались внедрить аграрный реформу в программу правительства, были убиты еще до того, как был обнародован императорский указ относительно этого закона. Упомянем только два имени среди жертв: Плеве⁵⁵ и Столыпин⁵⁶.

⁵⁵ Плеве Вячеслав Константинович (8 (20) апреля 1846, Калужская губерния — 16 (28) июля 1904, Петербург), министр внутренних дел Российской Империи (1902–1904). Был последовательным борцом с революционным террором, левыми и либеральными течениями, инициатором и одним из идеологов реформ внутренней политики. Его карьере способствовал император Александр III. В некрологе, опубликованном в «Московском листке» (№ 194) говорилось: «Это был министр с определенной и ясною программой внутренней политики; он проводил мужественно и неуклонно эту программу в государственную жизнь России» // *Любимов Д.Н.* Памяти В.К. Плеве. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1904. С. 84. Тем не менее, современниками деятельность В.К. Плеве оценивалась неоднозначно.

⁵⁶ Столыпин Петр Аркадьевич (2 (14) апреля 1862, Дрезден — 5 (18) сентября 1911, Киев), государственный деятель, министр внутренних дел, председатель Совета министров (1906–1911). Инициатор и организатор широкомасштабных социально-политических реформ, в том числе аграрную. С его именем связано много важных законопроектов,

Первый был убит бомбой, когда направлялся в императорский дворец, чтобы получить подпись царя для обнародования аграрной реформы. Следующей жертвой стал Столыпин.

Этот выдающийся государственный деятель и великий патриот, если бы он остался жив, несомненно, сумел бы сохранить Россию от бедствий революции благодаря мудрым и благоразумным реформам, которые он задумывал.

Но он, в свою очередь, был убит посреди оперного театра в присутствии царя и его семьи. Несколькими днями ранее Столыпин в своей публичной речи торжественно объявил о том, что окончательный раздел земли состоится в ближайшее время, и что все его усилия будут сосредоточены на справедливом распределении.

Очевидно, что это было не просто совпадение, и в результате этих убийств аграрная реформа, важнейший вопрос как для монархии, так и для революции, была приостановлена в надежде остановить наступление террористов.

Таким образом, России предстояло лишь ненадолго насладиться кажущимся затишьем в безмятежном небе перед штормом, обрушившимся на нее царством тьмы.

«Поражу пастыря и рассеются овцы стада»
(*Евангелие от Матфея, глава 26*)

В Первой мировой войне Россия заявила о себе западным союзникам, и в то время, как царские войска доблестно сражались на границе, простирающейся от Балтийского моря до Персидского залива, революционная активность вновь проявилась как никогда рьяно. Деятельность врага на родине, проникая не только в тыл, но и в ряды огромного фронта, должна была увенчаться успехом, ибо в ее действиях помогали не только агенты из-за рубежа, но и все социальные слои, особенно представители аристократии и некоторые члены

касающихся введения частной крестьянской земельной собственности, улучшения быта рабочих, местного самоуправления, введения всеобщего начального образования и так далее.

императорской семьи. Самые яркие деятели русского народа были в лагере врагов царя. Все они, в унисон, разрушали, камень за камнем, саму основу монархии, и у каждого из них была своя часть ответственности за беспрецедентную катастрофу, которая потопила царскую империю.

Первые беспорядки вспыхнули в столице в конце февраля 1917 года. Тогда император находился в Ставке, в 250 км от Санкт-Петербурга. Если бы он тогда был в столице, то, скорее всего, события приняли бы иной оборот.

Но у подрывных элементов были свои тайные агенты в окружении государя, миссия которых состояла в том, чтобы любой ценой удержать царя в Ставке, чтобы он не препятствовал развитию восстания. Для этой цели все новости, которые передавали Императору, были недостоверными. Не подозревая серьезности событий, происходящих в столице, Николай II не покидал Ставку. Последствия были катастрофическими. В то время как Императрица в своей постоянной резиденции в Царском Селе прекрасно осознавала необходимость немедленного возвращения Царя, она не могла с ним связаться, так как все телефонные и телеграфные провода, соединяющие дворец со Ставкой, были специально перерезаны. Она сама находилась у постели своих пятерых детей, страдающих тяжелой формой кори, и не могла оставить их.

Поэтому она попросила помощника царя, генерала Линевича, передать срочное письмо государю, призывая его вернуться как можно скорее.

Находясь в поезде, генерал на всех парах направлялся в сторону главного штаба, когда его арестовали.

Послание Императрицы так и не дошло до царя.

Тем временем тревожное послание председателя Думы царю и еще одно, не менее драматичное, сообщение от великого князя Михаила <Александровича>, брата Николая II, заставили государя без промедления вернуться в Петербург.

Находясь в беспорядке и растерянности Генерального штаба и, несмотря на разногласия среди окружения, Император решил уехать.

Он уже был в своем спецпоезде, на полпути в столицу, когда появились новости о саботаже железной дороги, рельсы которой были сняты на расстоянии нескольких километров. Цель была достигнута, так как нужно было любой ценой помешать государю добраться до Петербурга, и царь был вынужден вернуться.

Тем временем, в Петербурге разгорались события, когда после кровавых столкновений на улицах, между полицией и демонстрантами, Дума собралась на внеочередное заседание и объявила об отставке царя, чтобы «спасти Россию».

Это незаконное решение не было ни правомочным, ни соответствующим функциям данного собрания, не имевшего право менять законы. Тем не менее, депутат Думы Гучков⁵⁷, ответственный за страшный заговор, который должен был уничтожить Россию, был призван довести царя до отречения.

Однако, еще до появления Гучкова в Ставке, император по собственной инициативе принял необратимое решение о передаче престола.

Встретив вокруг себя только предательство, трусость и пораженческие настроения, он пережил самые мучительные, самые горькие из всех разочарований своего правления: все военачальники обращались к нему с посланиями, прося отречься от престола во имя спасения России...

Таким образом, эти командиры нарушили торжественную клятву верности, произнесенную под флагами, на кресте и на Евангелии, ставшую ложной клятвой в час великой битвы.

⁵⁷ Гучков Александр Иванович (14 (26) октября 1862, Москва — 14 февраля 1936, Париж), государственный и политический деятель. Одну из крайних точек зрения на его роль в отречении государя выражает П.В. Мультатули: «А.И. Гучков был наиболее известным и ярким участником заговора против императора Николая II. Пожалуй, нет ни одного сколь-нибудь значимого предприятия, направленного на умаление престижа государя, на его дискредитацию или на ослабление его власти, — за которым не стоял бы Гучков». Подробнее см.: *Мультатули П.В.* Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения императора Николая II. [Электронный ресурс] Url.: <https://history.wikireading.ru/212756> (дата обращения: 30 апреля 2020).

«Клянусь перед Богом служить, защищать и охранять святую персону Императора всеми возможными силами и до последней капли моей крови».

Обнаружив крайнее, самое болезненное и позорное предательство из всех, монарх, брошенный своими военачальниками, больше не мог рассчитывать на свою армию. Один перед лицом Бога и развалин своей Империи, император отрекся от престола, но Россия не была спасена.

Вселенная осталась безразлична к ужасной трагедии, последствия которой еще не осознаны и должны быть осознаны всеми странами. Это было также началом долгой мученической смерти Святой Руси, жертвы тех, кто пытался распространить свои кровавые завоевания на все континенты. Русские также остались равнодушными к падению режима многовековой монархии, которая, построила Империю, сделал Россию одной из ведущих держав мира.

БОЖЕ, ХРАНИ ИМПЕРАТОРА

Чтобы представить себе, каким русский народ когда-то считал саму личность царя, нужно вернуться в глубины веков к далекому прошлому традиций и авторитета.

С начала X века московские правители объединились с императорами Византии через узы Восточной православной церкви, а также посредством родственных связей. Подобно византийским монархам, преемниками которых они считали себя, цари стали в глазах своего народа избранниками божьими и защитниками православной веры. На протяжении веков все обычаи и нравы Восточной империи на деле улучшались русскими, в первую очередь, это касается церемонии венчания на царство, олицетворявшей мирную власть и духовную силу.

Величие этой церемонии и грандиозное торжество, создаваемое по этому случаю, должно было поразить все воображение. В самом конце XIX века Николай II, один из всех правителей Европы, был коронован в Москве, в старинном Успенском соборе, шедевре русско-византийского искусства.

Этим торжественным актом Царь стал мистическим связующим звеном между своим народом и Богом, а Православная Церковь, таким образом, признала в лице Императора монарха праведного, верховного защитника веры.

Русская Церковь греческого обряда на протяжении десяти веков хранила в целостности и сохранности все догматы и религиозные обычаи, установленные Вселенскими соборами Восточной Православной Церкви, древнейшей из христианских церквей, ее родоначальницей.

Кроме того, фигура царя, священного символа, не имела себе равных, пока деструктивная деятельность революции не привела к разрушению пьедестала, который раскололся сам и «сломав эту фигуру».

Таким образом, длительная история вероисповедания, пиетета и преданности была потеряна в потоках крови, потопивших Святую Русь, созданную царями.

«АВЕ, ЦЕЗАРЬ»

Никогда не было другого государя, кроме Людовика XVI, настолько оклеветанного, отвергнутого и гонимого, каким был несчастный царь Николай II. Тяжелая миссия, доставшаяся в наследство от предков, была ему не по силам. Так как он был добрым человеком, умным и культурным, он не обладал ни характером, ни личностью самодержца. Судьба не дала ему ни одного соратника, который был бы способен помочь и дать ему совет, поэтому царь должен был взять на себя все непосильные обязанности и вытерпеть все упреки.

Было совершено много ошибок. Но какой режим не делает этого? Какая форма правления может льстить себе, что она совершенна? Поэтому сложная история этой власти может быть беспристрастно оценена только в далеком будущем.

Глубоко благочестивый Император Всероссийский, последний помазанник Божий, с достоинством принял свою неумолимую участь. Отвергнутый, изгнанный и заключенный в тюрьму, осыпанный оскорблениями, он не переставал

молить о милости Божьей для спасения своего восставшего народа, которому он простил все обиды и предательства. Он спустился по ступеням трона, чтобы подняться по ступеням к Голгофе, которые привели к кровавому месту его мученической смерти.

Таким образом, убив императора России и короля Франции, избранных богом правителей, люди в своей глупой гордыне поверили, что убили навсегда саму идею существования Бога.

«ЖЕНА ЦЕЗАРЯ ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ»

Наряду с величайшим Царем, рядом находится одна из самых печальных фигур в истории — императрица Александра <Федоровна>.

Образцовая жена и восхитительная мать, государыня, несправедливо осуждаемая и неоцененная из-за того, что не сумела добиться любви своих подданных.

Судьба, похоже, давила на нее. Своим образованием и англо-саксонским менталитетом она не могла угодить русским. Ее считали холодной и отстраненной, приписывая гордость тому, что являлось чрезвычайной застенчивостью. Она не смогла понять славянскую душу, и ей это так и не простили.

Ощущая смущение из-за постоянных свидетельств своей непопулярности, Царица не пыталась очаровать своих подданных. Однако в период восшествия на престол она была молодой и красивой. В день своей коронации она была рядом с Царем и выглядела блистательно, облачившись в длинную золотую мантию с горностаями, на которой были рельефно вышиты орлы Империи, украшенные дорогими драгоценными камнями. С короной на светлых волосах императрица всяя Руси предстала во всей красе перед изумленными людьми.

Вся ее внешность была благородной и внушительной. Ее профиль — как изображение на камее, рост — как у богини. Тем не менее, выражение лица всегда было серьезным, страдающим, голубые глаза с потерянным взглядом отражали

глубокую меланхолию, как если бы уже увидели трагический конец, который возвел ее в ранг мученицы. Однако она была лишена того очаровательного обаяния, которое опьяняет толпу, разрушает все преграды и заставляет их все прощать.

Столкнувшись с растущей враждебностью общественного мнения, особенно среди высшего общества, она редко появлялась перед своими подданными⁵⁸. В личной жизни становилась все более закрытой и посвящала себя исключительно мужу и детям, которых обожала.

Кроме того, двери Зимнего Дворца не были больше открыты для традиционных приемов, известных в мире, великолепию которых не было равных, а их несравненная пышность соперничала с утонченной изысканностью Запада.

Вдали от злобных взглядов, Императрица, вела простую и буржуазную жизнь среди своей семьи. Ее пятеро детей были ее единственным утешением и единственным смыслом существования.

Но шпага прошла через ее сердце и душу. Единственный сын, наследник огромной Империи, простиравшейся на двух континентах, был поражен с рождения неизлечимой болезнью, происхождение и способы лечения которой были неизвестны.

Эта болезнь, гемофилия, была наследственным дефектом по женской линии императрицы, несколько членов семьи умерли от нее либо в раннем возрасте, либо в юности. Все, что могла предложить наука, чтобы помочь императорскому ребенку, не имело результата.

⁵⁸ По-видимому, автор был знаком с мемуарами последнего дворцового коменданта В.Н. Воейкова, где было отмечено, что «если бы императрица Александра Федоровна при своей красоте и величественности имела дар обвораживать всех, кто к ней приближался, она... не встретила бы со стороны высшего общества того недоброжелательства, которое, разрастаясь все больше, заставило ее уйти в себя и искать общения с людьми менее родовитыми, но казавшимися ей более простыми, сердечными и естественными» // *Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта.* Минск: Харвест, 2002. С. 301.

Самые выдающиеся специалисты без успеха использовали все средства, чтобы остановить его частые кровоизлияния, которые каждый раз ставили под угрозу жизнь преемника Царя.

Отчаявшись и замучившись от невыносимых страданий, выпавших на долю ее любимого сына, Императрица обратилась к человеку из народа, который, как говорили, «преуспел там, где наука потерпела неудачу».

Какая мать ее не поймет?

Так объявился Распутин⁵⁹, простой сибирский крестьянин, неграмотный, но обладающий великой оккультной силой и целебными секретами некоторых таинственных растений Тибета.

Враги режима воспользовались этим случаем, проведя жестокую кампанию клеветы и гнусной лжи против императорской четы, которая должна была нанести окончательный удар умирающей монархии. В начале Первой мировой войны царица сразу же добровольно надела форму <сестры милосердия> Российского Красного Креста, высшим покровителем которого она и была⁶⁰. Она вновь заявила о себе, показав

⁵⁹ Распутин (Новых) Григорий Ефимович (21 января 1869, с. Покровское, Тобольская губерния — 17 (30) декабря 1916, Петроград), крестьянин, близкий к императорской семье. В Петербург впервые прибыл в 1903 году. Его знакомство с императорской четой состоялось 1 ноября 1905 года в доме великой княгини Милицы Николаевны. В декабре 1906 года Г.Е. Распутин обратился за официальным разрешением взять фамилию Новых, которое было дано. Известно, что он выступал против вступления России в Первую мировую войну. Вот как объясняла Анна Вырубова близость Г.Е. Распутина к императорской семье: «Распутин был не монах, не священник, а простой “странник”, которых немало на Руси. Их величества принадлежали к категории людей, верящих в молитву подобных странников... Их величества говорили, что они верят, что есть люди, как и во времена Апостолов, не непременно священники, которые обладают благодатью Божией и молитву которых Господь слышит... Ее величество рассказывала мне о глубоком впечатлении, которое произвел на них сибирский странник <при первой встрече>, — да и не только на них одних» // Фрейлина ее величества Анна Вырубова. М.: Орбита, 1993. С. 274–275.

⁶⁰ Августейшей покровительницей Российского общества Красного Креста была императрица Мария Федоровна (1881–1917), о чем автор

свою активную деятельность в организации многочисленных больниц и санитарных поездов. В сопровождении двух своих старших дочерей, окончивших курсы сестер милосердия⁶¹, императрица неустанно посещала раненых и больных, как в тылу, так и на фронте. Она надеялась, что, наконец, нашла истинное призвание для завоевания сердца своих подданных, и, увидев ее в этом новом свете, все старые обиды будут ими забыты.

Но земля уже была заминирована под ее ногами. В скромной одежде сестры милосердия, как и в роскошной мантии из горносталя, она не встретила ни доброжелательности, ни понимания.

После драматических дней, последовавших за его отречением, царь был возвращен под конвоем в Царское Село, где императорская семья воссоединилась, но была немедленно арестована Временным правительством и заключена во дворец. Обращение с пленниками поначалу было довольно гуманным. Но это привело к бурному протесту коммунистической прессы, громко потребовавшей привлечь императора к суду за преступления, которых он никогда не совершал. Керенский, министр юстиции, маленький провинциальный юрист, лишенный политических способностей, но тщеславный и склонный к крайностям, желая польстить крайним левым, предложил допросить свергнутого государя и императрицу, которую общественное мнение обвиняло в государственной измене.

текста не мог не знать. Императрица Александра Федоровна возглавляла Царскосельское отделение этой организации. Анна Вырубова отмечала, что в первые дни войны государыня «организовала особый эвакуационный пункт, в который входили около 85 лазаретов в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Луге, Саблине и других местах. Обслуживали эти лазареты около 20 санитарных поездов ее имени и имени ее детей. Чтобы лучше руководить деятельностью лазаретов, императрица решила лично пройти курс сестер милосердия военного времени с двумя старшими великими княжнами» // Фрейлина ее величества Анна Вырубова. С. 248.

⁶¹ 6 ноября 1914 года императрица Александра Федоровна и ее старшие дочери после соответствующей подготовки под руководством княжны В.И. Гедройц сдали экзамены и получили свидетельства сестер милосердия военного времени.

Полагая, что он запугивает жестокою женою последнего царя, Керенский сначала допросил ее о политической деятельности, а затем без всяких колебаний спросил, не предала ли она Россию на благо Германии. И все же в присутствии государыни, сохранившей свою гордость и величественность, увлекшийся демагог был обескуражен и сбит с толку. Та, кто в течение почти четверти века разделяла престол с могущественным правителем всея Руси, дала ему ответ, одновременно гордый и глубоко человеческий:

— Как адвокат по профессии, Вы привыкли допрашивать людей необразованных, а затем судить о том, виноваты они или нет. Меня обвиняют в государственной измене, на это я могу сказать, что в Германии у меня был отец, а в России — муж, сын, престол... Как Вы думаете, возможно ли в этих условиях женщине, которая является прежде всего матерью, предать отечество сына?

В позапрошлом веке, при похожих условиях, другая несчастная правительница, королева Франции, также была оклеветана и мучилась в своих самых возвышенных чувствах, выкрикивая перед своими судьями и палачами: *«Я призываю в свидетели всех находящихся здесь матерей»*.

«Господи, как бесславят они следы твоего помазанника»
(Псалом 89)

Конец лета 1917 года стал для императорской семьи первым шагом на пути к страданиям.

Понимая, что жизнь царя находится в смертельной опасности, его двоюродный брат, король Англии Георг V, предложил Временному правительству через своего посла в России, сэра Джорджа Бьюкенена, отправить в Белое море британский крейсер, чтобы принять Николая II и его семью на борт. Но этот гуманный жест, воздающий должное английскому правителю, не имел никакого продолжения, и на то были веские причины. Ллойд Джордж, тогдашний премьер-министр, немедленно распорядился, чтобы Бьюкенен отозвал

королевское послание и заявил, что судьба царя «является исключительной заботой русских»⁶².

Впрочем, на самом деле дело было в другом: после краха императорской России, могущественного соперника Англии в Азии, Ллойд Джордж уже вел тайные переговоры с Коммунистической партией, которая имела значительное большинство в Думе и медленно, но верно двигалась в направлении захвата власти.

Именно так Царь был принесен в жертву.

Жалкое Временное правительство, которое пришло на смену монархии, состояло из малозначимых людей, лишенных политических талантов и, прежде всего, ощущения настроений, инициативности и авторитета.

⁶² В воспоминаниях современников существует несколько версий этих событий. Одна из них изложена в воспоминаниях А.Ф. Керенского: «Вопрос об императорской семье привлекал к себе слишком большое внимание и доставлял нам множество хлопот. 4 марта правительство получило от бывшего царя записку, в которой он просил обеспечить ему и его семье безопасный проезд в Мурманск для отъезда в Англию. 6–7 марта Милюкову пришлось встретиться с английским послом сэром Джорджем Бьюкененом и просить его выяснить отношение британского правительства к возможности оказать гостеприимство императорской семье. 10 марта Бьюкенен сообщил Милюкову, что британское правительство положительно отнеслось к его просьбе. Однако организовать немедленный отъезд императорской семьи оказалось невозможно. Все дети были больны ветрянкой... А тем временем ситуация в Лондоне... изменилась. Британское правительство пересмотрело свое решение и отказалось оказать гостеприимство этим родственникам своего собственного королевского дома до тех пор, пока идет война» // *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 234.

У посла его величества в России Джорджа Бьюкенена мы найдем дружную версию: «Мы предложили убежище императору, согласно просьбе Временного правительства, но так как противодействие Совета, которое оно напрасно надеялось преодолеть, становилось все сильнее, то оно не отважилось принять на себя ответственность за отъезд императора и отступило от своей первоначальной позиции... Наше предложение осталось открытым и никогда не было взято назад» // *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М.: АСТ; Мн.: Харвест. С. 269.

Они позволяли полностью доминировать над собой крайне левым элементам — коммунистам. Под их давлением после ареста императора был издан указ о переводе царя в Сибирь.

После долгого, изнурительного и неудобного пути, заключенные Царского Села, наконец, прибыли в пункт назначения. Они тут же были помещены в небольшой мещанский дом⁶³, конфискованный для этой цели. Осенью жалкое Временное правительство было свергнуто коммунистами, захватившими власть.

Появление большевиков означало развязывание красного террора во всем его ужасе, и начало настоящей резни от берегов Балтийского моря до Тихого океана. Миллионы людей были уничтожены кровожадным варварством тех, кто обещал мир и свободу... в то время как голод и эпидемии окутывали русский народ своей похоронной пеленой.

Первым политическим актом зловещего правительства под председательством Ленина была капитуляция. Война против Германии, продолжавшаяся из последних сил, после падения монархии при Временном правительстве, внезапно закончилась подписанием позорного Брестского мира, который также должен был разорвать альянс России и ее западных союзников.

После этого договора Вильгельм II, эфемерный победитель на этом фронте, потребовал от большевиков передать ему царя и его семью.

⁶³ Императорскую семью разместили в бывшем Доме губернатора. Августейшие ссыльные и их окружение оценивали этот дом иначе. По впечатлениям А.А. Волкова «дом оказался довольно обширным и прилично обставленным. Все в нем удобно и хорошо разместились...» // Волков А.А. Около Царской Семьи. М.: Частная фирма «Анкор». С. 77–78. В ноябре 1917 года великая княжна Ольга Николаевна написала великой княгине Ксении Александровне: «Я жалею, что ты не можешь посмотреть нашего дома, т. к. мы очень хорошо устроились, и чувствуем себя совсем дома здесь» // Письма царской семьи из заточения. М.: Вече, 2013. С. 73. Спустя несколько месяцев из Екатеринбурга императрица напишет детям: «Скучаем по тихой и спокойной жизни в Тобольске...», а великая княжна Мария Николаевна добавит: «Наверное, Вам будет ужасно грустно покинуть Т<обольск>, уютный дом и т. д. Вспоминаю все уютные комнаты и сад» // ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 276. Л. 1–2 об.

Император Германии, наравне с королем Англии, предпринял исключительную попытку вырвать императора России из рук его палачей. Но когда государь узнал о намерениях своего двоюродного брата Вильгельма II, противника на поле боя, Николай II из своей Сибирской тюрьмы дал следующий резкий ответ: «Я лучше буду убит русскими, чем освобожден немцами».

Как капитан тонущего корабля, он отказывался его покинуть, желая умереть вместе с ним.

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Не успели Ленин и Троцкий прийти к власти, как положение императорской семьи резко ухудшилось.

После нескольких месяцев заключения в Тобольске, самом холодном городе Сибири, расположенном за полярным кругом⁶⁴, заключенные были переведены в Екатеринбург на Урале. Это был последний этап перед казнью.

В течение четырех месяцев плена в этом городе они полностью осознавали ужасную угрозу для своей жизни, которая с каждым днем становилась все более и более серьезной⁶⁵.

ПОСТСКРИПТУМ

Не убий.

Пятая заповедь

Эта поистине шекспировская трагедия, самое чудовищное преступление из всех, ляжет вечным позором на российскую

⁶⁴ Хотя Тобольск находится на севере Тюменской области, и средняя температура зимой намного холоднее, чем в Европейской части России, все же он находится не за полярным кругом.

⁶⁵ Далее в предисловии шли подзаголовки «Смерть царя» и «Конец 1-й части» — по-видимому, не написанные автором. Можно было бы предположить, что он ждал каких-то данных, чтобы изложить их в этом разделе, но «Постскриптум» говорит о том, что это предисловие писалось после Второй мировой войны, когда уже были опубликованы данные следствия Н.А. Соколова.

революцию и на XX век, в частности. Права человека будут и далее ущемляться или нарушаться до тех пор, пока не будет осуждаться освобождение от наказания за политическое убийство, будь то индивидуальное или коллективное, которое само по себе является ничем иным, как обычным уголовным преступлением, преследуемым по закону. XIX век, который гордится высокой культурой, высоким развитием цивилизации, был, тем не менее, прозван французским писателем Леоном Доде «глупым XIX веком».

Не глупый, но преступный, ибо никогда раньше не совершались более тяжкие преступления, чем в этом столетии.

Приход деспотического коммунизма, уничтожителя совести, установление недобросовестных диктатур, которые навязывали унижающее достоинство рабство народам Европы, две опустошительные и деморализующие войны, изобретение видов вооружения и самых изощренных устройств для достижения идеального способа истребления человеческого рода.

Концентрационные лагеря, крематории, массовые убийства заложников, наконец, развитие способов биологической и ядерной войны.

Что еще нужно, чтобы объявить XX-ый век вне закона?

Однако во второй половине этого аморального, нелогичного и неуравновешенного столетия для спасения человечества остается только одна надежда, только одно решение, только одно избавление: *Соединенные Государства Европы*⁶⁶. Но когда?

⁶⁶ Идея создания единой Европы возникла еще в эпоху Просвещения и на каждом новом этапе исторического развития наполнялась новым содержанием. После Второй мировой войны объединение строилось, в основном, на противодействии коммунизму и развитию «холодной войны» // От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции XIX–XXI вв. СПб.: Издательство РГХА, 2016. С. 568.

Иннокентий Смолин

Алапаевская трагедия;
убийство Русских великих князей большевиками

Небольшая работа генерал-майора Иннокентия Семеновича Смолина (1 (13) января 1884, Якутск — 23 февраля 1873, Папеэте, Таити) «Алапаевская трагедия; убийство Русских великих князей большевиками» исследователям известна и используется в научной литературе. Она написана человеком, бывшим на месте трагедии и «по свежим следам» организовавшим предварительное следствие по выяснению обстоятельств убийства членов Дома Романовых в ночь с 17 на 18 июля 1918 года.

Полковник И.С. Смолин вступил в Алапаевск в авангарде Белой армии 28 сентября 1918 года, будучи командиром 15-го Курганского Сибирского стрелкового полка. По его приказу были собраны необходимые документы и улики, переданные впоследствии в штаб начальника 7-й Уральской дивизии генерала В.В. Голицына. Эти действия послужили основой для производства дальнейшего следствия.

Однако к своим запискам он приступил значительно позже и данные о том, как и когда шла работа над ними, отсутствуют. Впервые они были опубликованы в Лос-Анжелесе в 1973 году в журнале «Первопоходник»⁶⁷.

Как и большинство работ, написанных по прошествии длительного времени, воспоминания И.С. Смолина дополнены сведениями из позднейших публикаций и грешат некоторыми искажениями. Во многом это объясняется тем, что данные предварительного следствия были утеряны автором во время Ледяного похода 1919 — 1920 годов, поэтому основные факты он воспроизводит по памяти.

Воспоминания И.С. Смолина особенно ценны тем, что в определенной мере передают атмосферу небольшого

⁶⁷ Первопоходник. 1973. № 8. С. 3–13.

уральского города, где находились в ссылке и заключении представители Дома Романовых. Трагические события летом 1918 года наложили отпечаток на внутренние отношения жителей между собой и отношение к ним извне, что и продемонстрировал в своем труде И.С. Смолин. Давая характеристику города Алапаевска и горожан, он отмечает их настороженность и нежелание оказывать содействие в чем бы то ни было. Каждый чувствовал свою причастность: одни были исполнителями и соучастниками, а другие — молчаливыми наблюдателями. Полковнику И.С. Смолину пришлось составлять план по наведению порядка в городе и привлечения населения к сотрудничеству в выяснении обстоятельств исчезновения и гибели августейших ссыльных.

В записках И.С. Смолина мы можем найти некоторые подробности, дополняющие или подтверждающие уже известные факты пребывания членов Дома Романовых в Алапаевске в мае — июне 1918 года, а также описание Напольной школы и обстановки в ней. Есть также описание подготовки к убийству великих князей и свидетельство о первых следственных мероприятиях. Из текста мы также узнаем, что по приказу И.С. Смолина были сделаны фотографии, в том числе, лиц, причастных к убийству и тех, кто производил следствие и сыск.

Об обнаружении тел замученных князей Дома Романовых И.С. Смолин своевременно сообщил начальству. А до прибытия из Омска или Екатеринбурга высших следственных властей приказал положить останки в каменный склеп в церковной ограде. Практически сразу начались паломничества и заупокойные богослужения.

В своих записках И.С. Смолин утверждал, что члены Дома Романовых были сброшены в шахту живыми⁶⁸. Однако данных

⁶⁸ На основании следственных действий, произведенных в Алапаевске и Екатеринбурге, судебный следователь по особо важным делам Н.А. Соколов написал работу «Убийство Царской Семьи. Из записок судебного следователя Н.А. Соколова», опубликованную в Берлине

для такого вывода у него не было, так как по его же приказу вскрытие не производилось, были только составлены протоколы наружно-милицейского осмотра. Это утверждение, несомненно, появилось позже, после знакомства с публикацией следователя Н.А. Соколова.

Однако, большинство современных исследователей с подобным выводом несогласно. Например, О.В. Лавинская в предисловии к сборнику документов «Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Материалы предварительного следствия судебного следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколова» отмечает, что «следствию не удалось выяснить главного — при каких обстоятельствах были сброшены в шахту в городе Алапаевске князья Романовы. Это незнание порождало различные слухи о последних минутах жизни князей (что их сбросили в шахту живыми, что из шахты доносилось пение и т. п.). Экспертиза сделала весьма осторожный вывод о том, что за исключением смерти великого князя Сергея Михайловича, последовавшей от огнестрельного ранения, смерть остальных произошла от смертельных ранений, могущих произойти “или от ударов каким-либо тупым твердым предметом, или при падении с высоты”. От трех оказавшихся в руках следствия подозреваемых в убийстве великих князей — П. Старцева, Е. Соловьева и И. Абрамова — признательных показаний так и не добились. Розыск других обвиняемых ничего не дал»⁶⁹.

в 1925 году. Впоследствии она выдержала несколько изданий, том числе на русском языке.

Н.А. Соколов по интересующему нас поводу пишет следующее: «Экспертиза определила, что смерть великого князя Сергея Михайловича произошла от “кровоизлияния в твердую мозговую оболочку и нарушения целостности вещества мозга, вследствие огнестрельного ранения”. Все остальные были брошены в шахту живыми, и смерть их произошла от “полученных ими кровоизлияний, вследствие ушибов”» // *Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2015. С. 345.*

⁶⁹ Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 37–38.

В своей работе И.С. Смолин подробно рассказывает о розыске вещей августейших ссыльных и их хранении в двух ящиках до декабря 1918 года. Он отмечает, что «исключительные условия боевой обстановки лишали меня возможности переслать эти вещи на хранение... в тыл в более надежное место, попытки же передать их по начальству не имели успеха, что меня крайне удивляло и поражало, так как не исключалась возможность потери их в боевой обстановке. Наконец, генерал Голицын прислал несколько лиц, ...ящики были сданы под расписку и отправлены в Екатеринбург». По-видимому, это могло произойти незадолго до перевода полковника И.С. Смолина на новое место.

Далее он пишет: «Но почему-то начальству, кстати сказать, не спешившему с командированием из центра следственных властей и, вообще, слабо реагировавшему на это событие, мое усердие не понравилось, и мне было приказано в суточный срок покинуть Алапаевск. Тем не менее это начатое мною дело было продолжено моим заместителем в Алапаевске, начальником дивизионной учебной команды капитаном Парфеновым».

Записки Смолина интересны не только фактическим материалом, пусть и нуждающимся в проверке и дополнении другими источниками, но и тем, что автор не претендует на «объективность», не скрывает своего личного отношения к происходящему и оценивает людей и их поступки исходя из собственных представлений и установок.

АЛАПАЕВСК ОБСТАНОВКА. НАШИ ГРЕХИ

25 августа, после трехдневного боя, нами был занят город Алапаевск. Красные отошли по линии жел[езной] дороги Алапаевск — Нижний Тагил, разрушая за собою полотно и мосты, которыми это участок дороги особенно изобиловал. Крайне болотистая, лесистая и пересеченная местность исключала возможность маневрирования на широком пространстве,

и поэтому преследование красных пришлось вести исключительно по узкому дефиле, по которому проходила железная дорога, и зачастую это было возможно одной только пехотой. Отход красных от Алапаевска не имел характера панического бегства. Они отходили довольно медленно иногда упорно задерживались и даже пытались переходить в контрнаступление, чтобы вернуть Алапаевск. К 26 августа в Алапаевске сосредоточились: отряд капитана Казагранди⁷⁰ (произведенного в этот чин за боевые отличия), полковника Киселева⁷¹ и части моей колонны. Первым занял Алапаевск капитан Казагранди. Распоряжением Начальника Западно-Сибирского отряда я, до прибытия первого со своим штабом, был назначен начальником гарнизона г<орода> Алапаевска. Штаб дивизии, следовавшей в эшелоне по железной дороге, оставался до исправления мостов сначала на ст<анции> Егоршино, а затем переехал на ст<анцию> Самоцвет, что примерно верстах в 45 или 50 южнее Алапаевска. Партизанскому отряду капитана Казагранди в составе Ишимского и Верхотурского полков и Шадринского отряда было приказано занять и очистить от красных обширный район Верхотурья, что к северу от Алапаевска. Моей колонне было приказано, одновременно с преследованием красных, заняться тщательным очищением района Алапаевска от тех небольших красных банд, которые оставались на местах. Части колонны полковника Киселева составили резерв Западно-Сибирского отряда.

Город Алапаевск является одним из второстепенных заводских пунктов северного Урала, производящий кровельное и сортовое железо, рельсы и выплавку чугуна. Население его почти исключительно состояло из служилой заводской

⁷⁰ Казагранди Николай Николаевич (28 октября 1888, Забайкальская область — 17 июля 1921, Монголия), командир 1-го партизанского отряда офицеров, в составе 6-го Степного стрелкового полка в сентябре 1918 года вошел в Алапаевск.

⁷¹ Киселев Константин Семенович, полковник, командующий 6-м Степным стрелковым полком.

интеллигенции и рабочих. Здесь, между прочим, особенно прочно привились, преимущественно среди рабочей массы, коммунистические принципы. Коммунисты считали Алапаевск наиболее прочной и надежной цитаделью коммунизма на всем северном Урале и на этом основании избрали его местом заключения, а затем и казни некоторых членов Царствовавшего Дома Романовых. В первые дни нашего пребывания в Алапаевске меня удивила крайняя сдержанность и замкнутость местной интеллигенции, явно стремившейся уклониться от какого бы то ни было открытого общения с нами и, особенно, выражения сочувствия и радости по поводу изгнания отсюда большевиков. Меня чрезвычайно интересовал и волновал вопрос относительно убийства здесь членов Дома Романовых, но выяснить это становилось нелегко благодаря тому, что на все наши вопросы население давало крайне уклончивые и неопределенные ответы. Странность этого явления объяснились довольно скоро и просто. Оказалось, что среди местных большевиков существовало убеждение в том, что достигнутые нами успехи весьма непрочны и временны и что Алапаевск будет скоро вновь занят красными войсками. Убеждение это было настолько глубоко и прочно, что все местные большевистские организации, во главе с Алапаевским совдепом и чрезвычайкой, остались в районе города, скрывшись частью в окрестных лесах и частью даже в самом городе. Население это знало, но, терроризированное большевиками и тоже не уверенное в прочности нашего положения, молчало. Как потом выяснилось, этим скрывшимся здесь большевикам была поставлена, между прочим, красным командованием задача ударить по нашему тылу, как только мы двинемся вперед, и с этой целью им были оставлены значительные запасы оружия, огнеприпасов, снаряжения, продовольствия и огромная сумма денег.

При этом считаю необходимым отметить и другую причину столь сдержанного и странного отношения к нам местного населения — это наша собственная бестактность, непродуманность и недостаточная опытность в обращении с населением. Как пример приведу следующий эпизод.

Как я уже сказал, первым вошел в Алапаевск капитан Казагранди и тотчас же назначил из состава своего отряда комендантом города поручика П., а контрразведывательную работу возложил на подпоручика С. Когда я вступил в исполнение обязанностей начальника гарнизона, то капитан Казагранди, аттестовав этих офицеров с самой лучшей стороны, порекомендовал мне для пользы дела оставить их на занимаемых ими должностях, хотя бы до очищения Алапаевского района от большевиков. Я согласился. В тот же день тот и другой мне представились и, действительно, произвели на меня впечатление офицеров весьма энергичных и дельных, успевших, как мне показалось, достаточно ясно усвоить сущность наличной обстановки. Через день или два я решил все же лично убедиться, как они ведут свою работу. Нарядившись в солдатскую шинель и папаху, я прибыл вечером в Управление коменданта.

Помещение управления битком набито публикой. Тут и крестьяне, рабочие, бабы, интеллигенты и всякие иные люди неопределенного вида; много солдат и офицеров. Грязь, шум, крики, ругань. Темно. Обращаюсь с вопросом к первой подвернувшейся бабе:

— Зачем, матушка, пожаловала сюда?

— Привели, голубчик, силком привели, прямо с рынка, — отвечает со слезами. — Второй день здесь маюсь и никак не могу добиться, за что взяли. Лошадь с телегой забрали и с мальчонком куда-то погнали. Сегодня в ноги начальнику повалилась, уж так-то плакала да просила освободить меня, — нагайкой ударил, коммунисткой назвал да пригрозился расстрелять. Уж такое горе, что и сказать нельзя...

— А Вы зачем изволили пожаловать сюда? — спрашиваю седенького невысокого старичка с болезненным лицом и в поношенном пальтишке; как-то странно держится, испуганно озираясь. Около двое солдат конвойных. Старик молчит.

Один из солдат меня узнал и отвечает:

— Шпион. Вчера задержали. Пороли. Все молчит.

Пробираюсь сквозь толпу дальше. Ищу дежурного офицера. Показывают. Подхожу. Молодой «прапор». Шапка на

затылке, трубка в зубах, в полном боевом снаряжении, сидит, развалясь, за столом, перед ним стакан чаю. Не узнает меня.

Спрашиваю, где комендант.

— А Вам зачем?

— Нужен.

— Занят.

— Чем?

— А Вам какое дело?

— Имею важное дело, мне необходимо немедленно же видеть коменданта.

— Потерпите. Не Вы один и не первый нуждаетесь в нем.

— Если сейчас же не увижу коменданта, отправлюсь к начальнику гарнизона и доложу ему о ваших порядках здесь.

— Да Вы, собственно, кто такой?

В этот момент появляется из соседней комнаты комендант. Тоже в полном боевом облачении и с нагайкой. Подхожу к нему. Не трезв. Тоже не узнает меня.

Начинается разговор.

— Вы комендант?

— Я. А Вам что угодно?

— Прежде всего обращаю Ваше благосклонное внимание на те безобразные порядки, какие существуют у вас в управлении и ведут, несомненно, только к ущербу того дела, во имя которого льется наша кровь и гибнут тысячи наших лучших людей в борьбе с большевиками. К сожалению, должен заметить также, что и Вы лично ведете себя немногим лучше этих самых большевиков.

— Как Вы смеете со мной так говорить? Кто Вы такой? Я Вас немедленно же арестую, если Вы позволите себе вести дальнейшую беседу со мной в таком тоне. Что Вам угодно?

— Не Вы меня, поручик, арестуете, а я, как комендант гарнизона, заявляю Вам, что Вы арестованы. Потрудитесь сдать мне Ваше оружие и нагайку.

Разорвавшаяся бомба, полагаю, произвела бы меньшее впечатление, чем эти последние мои слова. Мгновенно наступила полная гробовая тишина. Все и вся было ошеломлено.

Через час управление коменданта было неузнаваемо. Комендантом был назначен штабс-капитан Бржезовский⁷², а поручик П. сел на гауптвахту. О деятельности его мною было приказано произвести спешное дознание для предания его суду.

НАВЕДЕНИЕ ПОРЯДКА В ТЫЛУ. БОРЬБА С ПЬЯНСТВОМ

После описанной картины в управлении коменданта и замеченного мною в городе безобразного пьянства и разгула среди некоторых временно остававшихся здесь войсковых частей, я еще более убедился в том, что, прежде чем приступить к очищению Алапаевского района от задержавшихся здесь большевических банд и организаций, необходимо незамедлительно и самыми решительными мерами почистить от негодного элемента наши собственные ряды и взять всех в самые суровые дисциплинарные тиски. Чтобы воздействовать на местное население и склонить его на нашу сторону, неумолимо требовалось, чтобы наши слова о том, что, освобождая Родину от большевизма, мы несем русскому народу истинные принципы свободы, несем правду, законное право и порядок, — эти слова вполне соответствовали бы и нашему поведению. Между тем, недостаточно продуманное отношение некоторых из нас к делу, неясное представление характера и сущности его, недостаточное понимание, чем обуславливается успех нашей борьбы с большевиками, могли привести (и, как мы потом видели, нередко приводили) к тому, что, одной рукой творя благое дело, мы следом за сим другой его рушим.

Соответствующие приказы по всем частям колонны и гарнизона, привлечение к строжайшей ответственности нарушителей этих приказов, независимо от служебного положения их, военно-полевой суд, личные мои неоднократные беседы с солдатами и офицерами об особенностях ведущейся нами борьбы с коммунистами и о тех требованиях, какие предъявляет

⁷² Сведения об этом человеке не обнаружены.

нам эта борьба, широкое оповещение населения о целях нашей борьбы и обращенная к нему просьба, по возможности, тотчас же оповещать коменданта города или меня о всяком насилии, допущенном кем бы то ни было из воинских чинов, и, наконец, усиленный наряд патрулей по городу, особое дежурство в общественных местах и разъезды по окрестным деревням со специальной задачей бдительного наблюдения за поведением воинских чинов, — все это в ближайшие же дни в корне устранило те недопустимые явления, какие стали процветать здесь.

Не малое значение имело при этом и мое личное, ближайшее наблюдение за деятельностью контрразведывательных и осведомительных органов. И это, нужно сознаться, было весьма нелегко, ибо не всегда (вернее, редко) представлялось возможным подобрать соответствующий кадр работников для этой чрезвычайно серьезной и ответственной работы. Здесь требовались испытанные, безукоризненно честные, энергичные, знающие дело и идейно преданные ему люди. Малейшее невнимание к этому со стороны руководящих верхов приводило нередко к обратным, самым отрицательным результатам.

ПЕРЕМЕНА НАСТРОЕНИЯ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ.

ПОИМКА ВСЕГО МЕСТНОГО СОВДЕПА.

ОБНАРУЖЕНИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЗВЕРСКИ УМУЧЕННЫХ ЧЛЕНОВ ДОМА РОМАНОВЫХ

Указанные мероприятия не замедлили отразиться на настроении и отношении к нам населения. Оно стало относительно к нам более доверчиво и благожелательно. Присматриваясь и прислушиваясь к нам, население постепенно меняло и свои взгляды относительно нашего положения в борьбе с большевиками, находя его более прочным и обеспеченным на успех, нежели казалось ранее. Этим в значительной степени облегчилась и ускорилась работа контрразведки. Стали поступать точные данные о задержавшихся в районе Алапаевска большевицких организациях и наиболее важных

отдельных деятелях их. Через несколько дней после моего прибытия в Алапаевск в наших руках были уже, за исключением председателя, все члены местного совдепа и участники казни Царственных узников.

Задержаны все эти преступники были следующим образом.

Однажды вечером ко мне явился местный рабочий Н. и заявил, что хотя он и числится в списке местных коммунистов, но по своим убеждениям никогда не был таковым, не участвовал в преступной деятельности коммунистов и записался в партию только потому, что иначе вызвал бы к себе ненависть и репрессии со стороны совдепа. Спросил, может ли он рассчитывать на то, что останется безнаказанным за свое наличие в этом списке, если сообщит мне подробные и точные сведения о том, кто из коммунистов остался в Алапаевске, где скрывается и с какой целью. Я с ним условился и в ту же ночь выслал по его указанию в окрестные леса два отряда. Один из этих отрядов, под начальством капитана К. вернулся к утру, доставив значительную часть членов местного совдепа, несколько видных комиссаров, около 400 новых винтовок, много патронов, ручных гранат, подрывных материалов и прочего имущества, — всего на тридцати парных подводах. Все это скрывалось и было захвачено верстах в 20 от Алапаевска, в доме лесника и около него. При этом большевиками было оказано вооруженное сопротивление.

Другой отряд, под начальством подпоручика С., вернулся через двое суток и доставил остальных членов совдепа, 1 300 000 рублей, винтовки, огнестрельные припасы и прочее имущество на десяти подводах, захваченных в глухой лесной труппе, верстах в 12 от Алапаевска. При этом любопытны некоторые подробности, доложенные подпоручиком Суворовым.

Указанная отряду местность, где скрывались большевики, не имела никакого жилья, но, по словам агента-рабочего, там должны были находиться землянки. Надо заметить, что наступили уже зимние холода и выпал довольно глубокий снег.

Сутки шарил отряд по лесу, но ничего не мог найти. Наконец, решил вернуться в Алапаевск. Подпоручик Суворов

с двумя или тремя разведчиками что-то замешкался и отстал от отряда. Вдруг в лесу бросилось ему в глаза странное явление: при полном безветрии зашевелилась и наклонилась береза. То же заметили и его спутники. Подошли к этой березе, тронули ее, и она легко повалилась. Под березой оказалась прикрытая снегом дощатая покрывка. Подняли последнюю и увидели глубокую яму со ступенями. Когда же подпоручик Суворов стал по ним спускаться в яму, оттуда последовал выстрел, которым он был легко ранен в голову. Однако, он успел выскочить из ямы и, вернув отряд, принялся за исследование ее. Выяснилось, что это был вход в обширную землянку, устроенную ниже уровня земли, и в ней именно скрывались большевики, сдавшиеся затем без сопротивления. Здесь же скрывалось и имущество.

Всего было задержано обоими отрядами около 45 отъявленных коммунистов, среди которых оказались и палачи, совершившие казнь Царственных узников и других, бывших с ними в Алапаевске, лиц.

Назначенное мною предварительное следствие скоро установило не только факт казни членов Царского Дома в Алапаевске, но и местонахождение их тел. Это оказалась одна из самых глубоких заброшенных шахт, если не ошибаюсь, под № 7, верстах в 15 от Алапаевска.

Как выяснилось⁷³, казнь была совершена в ночь с 17 на 18 июля 1918 года, то есть почти одновременно с казнью Царской Семьи в Екатеринбурге. Задержанные нами палачи показали, что Царственные узники были живыми сброшены в шахту, но так как дело происходило ночью, то не могли указать, в какую именно шахту. Поэтому пришлось организовать весьма тяжелую работу по очистке и осмотру нескольких шахт, расположенных в том районе, где была произведена казнь.

⁷³ Подробные данные предварительного следствия, оставшиеся у меня в копии, были, к сожалению, утеряны в боях во время Ледяного похода в 1919–1920 году. Поэтому все, относящееся к этому страшному делу, приводится мною по памяти (*примечание И.С. Смолина*).

Работа принимала слишком затяжной характер, а тела уму-ченных все не обнаруживались. Наконец, совершенно случайно нам удалось узнать, что участником казни царственных лиц был инженер⁷⁴ (фамилии его, к сожалению, не помню), который выполнял при большевиках обязанности главного комиссара всего Алапаевского заводского района. При этом характерно отметить, что, как я уже говорил, местное население знало это, но настолько было терроризировано большевиками, что, сделавшись более или менее откровенным в других вопросах, в этом именно деле продолжало упорно молчать, и этот инженер-палач продолжал даже при нас оставаться в Алапаевске на свободе.

Выяснилось все это вот каким образом.

Объезжая фронт, прибыл в Алапаевск начальник Западно-Сибирского отряда (он же — Уполномоченный Вр. Сибирского правительства) генерал Вержбицкий⁷⁵. По этому случаю

⁷⁴ В документах следственного дела по убийству членов Дома Романовых и их приближенных в Алапаевске содержатся показания от 11 февраля 1919 года гражданки города Царицына Саратовской губернии Валентины Алексеевны Родионовой, 24 лет, проживавшей в городе Алапаевске по Соболевской улице в доме Дьячковой, жены инженера Родионова, что мужа ее звали Сергеем Козьминым, было ему 29 лет. При советской власти он был управляющим Алапаевского завода и состоял членом Делового совета. Когда Алапаевск был занят Сибирскими правительственными войсками и после парада войск 30 (17) сентября 1918 года ее муж Родионов был приглашен на общий обед в алапаевскую гимназию и оттуда домой больше не возвращался. Впоследствии она узнала, что по ее муж убит, поэтому она обратилась с просьбой к полковнику Смолину выдать труп ее мужа для похорон. Ее просьба была уважена, инженер Родионов был отпет на дому 4 октября (21 сентября) 1918 года и похоронен на алапаевском кладбище // Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 234.

⁷⁵ Вержбицкий Григорий Афанасьевич (25 января (6 февраля) 1875, Подольская губерния — 20 декабря 1942, Китай). Участник Первой мировой войны. Георгиевский крест 4-й степени (1917) и другие боевые награды. Активный участник антибольшевистского движения. Командующий 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии (июль 1918, с августа переименована в 4-ю Сибирскую стрелковую дивизию). Генерал-майор (июль 1918).

был устроен в Алапаевске вновь назначенной местной администрацией и интеллигенцией банкет. И вот во время этого банкета рядом со мной оказался за столом молодой инженер, отношение к которому других инженеров и поведение его самого показались странными и подозрительными. Слишком уж был он нервно болтлив, неестественно развязен и, как будто бы, смущен своим нахождением среди нас. Я стал его усиленно угощать и, когда он основательно подпил, завел с ним весьма осторожную беседу относительно казни Великих Князей.

— Глубоко же упрятали, — говорю, — чекисты тела Великих Князей, третий день работаем над очисткой шахты и никак не можем добраться до казненных.

— Да, — отвечает, — не легко будет вам добраться до них. Это самая глубокая и запущенная шахта.

— Стало быть, Вам известно, в какую именно шахту сброшены тела Князей?

— Нет, — отвечает, спохватившись, — этого никто не знает и знать не мог...

Через несколько минут этот инженер по моему распоряжению незаметно исчез из-за стола, был доставлен в район расположения шахт и там был вынужден точно указать, в какой шахте находились тела.

Шахта оказалась, действительно, очень большой и глубокой, наполненная водой и почти до самого входа забитая валяжником, бревнами, мусором, камнями и землей. Работа по очистке ее представляла огромный труд и длилась, при большом наряде рабочих, около трех суток. Труднее всего было выкачать из нее воду.

Во время этой работы я находился на передовых позициях.

Когда я вернулся в Алапаевск, тела уже оказались извлеченными из шахты и лежали, прикрытые церковными пеленами, в церковной ограде, около сторожки. Не в меру усердные местные следственные власти решили соблюсти все следственные формальности и на этом основании подвергнуть тела судебномедицинскому вскрытию. К моменту моего прибытия туда оказался уже вскрытым один из умученных — как

значилось по найденному при нем документу, Ремиз⁷⁶. Вскрытие производилось в сторожке. По одним сведениям, это был лакей Великого Князя Сергея Михайловича⁷⁷, по другим — доктор. Я приказал не производить дальнейшего вскрытия.

Картина была ужасная. Передо мною лежали: огромная фигура Великого Князя Сергея Михайловича, тела стройных юношей Великих Князей Константина Константиновича, Иоанна Константиновича, Игоря Константиновича, Великой Княгини Елисаветы Федоровны, Князя Палей, доктора (?) Ремиз и еще одной женщины⁷⁸, личность которой не удалось при мне точно установить, но, по-видимому, это была монахиня, добровольно последовавшая за Великой Княгиней Елисаветой Федоровной. В этой последней поражала значительная молодость и необыкновенное изящество фигуры.

Все, за исключением Великой Княгини и монахини, были в дорожных штатских костюмах. Великая Княгиня Елисавета Федоровна была в сером платье и белой косынке; на груди ее висел кипарисовый крест. Монахиня была в таком же костюме. На груди ее висел золотой крест и золотые часики. Следует заметить, что при осмотре других тел были обнаружены при них ценные золотые и серебряные вещи. Очевидно палачи, спеша выполнить свое зверское, каиново дело, не успели обобрать мучеников.

⁷⁶ Ремез Федор Семенович (1878–1918) — запасной младший фейерверкер 2-ой Его Императорского Высочества генерал-фельдцейхмейстера батареи Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады. Происходил из крестьян Таврической губернии. При Дворе великого князя Сергея Михайловича служил с 15 ноября 1904.

⁷⁷ Сергей Михайлович (1869–1918), великий князь, генерал-адъютант (1908), генерал от артиллерии (1914). Президент Русского театрального общества. Участник Первой мировой войны. Полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем. Председатель Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части (январь-июнь 1915). Отставка (март 1917). Выслан из Петрограда в Вятку, затем Екатеринбург и Алапаевск. Убит в ночь с 17 на 18 июля 1918 года. Канонизирован РПЦЗ (1981).

⁷⁸ Речь идет о крестовой сестре Марфо-Мариинской обители милосердия Варваре Алексеевне Яковлевой.

Тела не имели запаха тления. Незначительный запах ощущался лишь от тела Великой Княгини Елисаветы Федоровны. Это объясняется тем, что они все время лежали в воде. Тела не были изуродованы. Чуть-чуть лишь покровились носы у Великих Князей Константина и Иоанна Константиновичей, да у Великого Князя Сергея Михайловича оказалась простреленной голова со входным отверстием в темени и выходным под подбородком. Очевидно, выстрел последовал тогда, когда мученики были уже сброшены в Шахту. На телах были следы подтеков.

Донеся по начальству об обнаружении мною в Алапаевске тел умученных Великих Князей, я, впредь до прибытия из Омска или Екатеринбургa высших следственных властей приказал положить все тела в церкви, спешно изготовить цинковые гроба, сложить в церковной ограде каменный склеп и в нем намеревался совершить торжественное погребение мучеников.

Но почему-то начальству (кстати сказать, не спешившему с командированием из центра следственных властей и, вообще, слабо реагировавшему на это событие) мое усердие не понравилось, и мне было приказано в суточный срок покинуть Алапаевск⁷⁹. Тем не менее это начатое мною дело было продолжено моим заместителем в Алапаевске Начальником дивизионной учебной команды капитаном Парфеновым, который не только совершил торжественное погребение Великих Князей при огромном стечении городского и сельского населения, но по моему поручению сфотографировал тела и все прочее, что имело то или иное отношение к этой страшной Алапатьевской драме. Насколько мне помнится, были сфотографированы: школа, в которой содержались узники, шахта и прилегающий к ней район, где была совершена казнь, церковь, сторожка, тела в церковной ограде, до внесения

⁷⁹ Отпевание и торжественное погребение в склепе при Свято-Троицком соборе Алапаевска останков членов Дома Романовых состоялось 19 октября (1 ноября) 1918 года. Получается, что Смолин покинул Алапаевск незадолго до этого события, точная дата не установлена.

их в церковь, склеп, в котором они были погребены, само погребение, город Алапаевск, некоторые палачи и весь местный совдеп, а также лица, производившие следствие и розыск тел.

Должен заметить, что, когда тела находились еще в храме, началось огромное паломничество туда населения, и я не сказал бы — из простого любопытства, так как от этих паломников поступали многочисленные просьбы о совершении заупокойных богослужений. Я лично был свидетелем слез, проливаемых многими над телами умученных.

К глубокому сожалению, во время Ледяного похода Сибирской армии⁸⁰ в 1919–1920 г<оду>, в бою под с<елом> Аяш, восточнее Красноярска, у меня погибли мои личные вещи и с ними копии предварительного следствия, фотографии с тел умученных и другие документы, подробно освещавшие это страшное Алапаевское дело. Поэтому в настоящем своем изложении могу привести только то, что сохранилось об этом кошмарном событии в моей памяти.

По данным предварительного следствия, производившегося, как я уже сказал, по моему поручению, картина этой жуткой драмы рисовалась в общих чертах в таком виде.

Великие Князья и бывшие при них люди были доставлены в Алапаевск из Екатеринбурга в начале мая⁸¹ и помещены здесь в так называемой Напольной школе, на окраине города. В течение мая и июня месяцев они, хотя и охранялись местными совдепскими властями и особым отрядом латышей, доставившим их из Екатеринбурга, но режим не был еще, по-видимому, слишком строг, так как узникам позволялась прогулка по городу и допускалось даже общение с некоторыми лицами из местного населения, преимущественно с учащейся молодежью,

⁸⁰ Великий Сибирский Ледяной поход — более чем 2500 километровое пешее и конное отступление армии под командованием адмирала Колчака от Барнаула до Читы в условиях суровой сибирской зимы и непрерывных боев с наступающей Красной армией.

⁸¹ Прибытие в Алапаевск августейших ссыльных и сопровождавших их лиц состоялось 20 (7) мая 1918 г.

которая приходила к школе и там играла с молодыми Великими Князьями в городки, футбол, мяч и пр. Около школы Царственные узники устроили свой цветничок, небольшой огородец, на котором все они усердно трудились, иногда по целым дням. Ненастные дни, когда нельзя было работать на огороде, и вечера они проводили за совместным чтением русских книг, которые доставлялись им из местной библиотеки, читали Евангелие, Библию, пели молитвы. Настроение, особенно у молодежи, было относительно спокойное, бодрое. Иногда удавалось даже кое-кому из местного населения поддерживать конспиративную переписку Великих Князей со своими родственниками в Петрограде.

Школа, в которой содержались Великие Князья, состояла, насколько мне помнится, из 5 или 6 небольших комнат. Пищу доставляли им вначале из города. Готовила какая-то женщина. Питание было довольно сносное. Потом местный совдеп нашел это недопустимым и, снабжая узников продуктами, потребовал, чтобы они сами готовили себе пищу на кухне при школе. Питание стало значительно хуже. При Великих Князьях находились вещи, часть которых была у них конфискована, когда они прибыли в Алапаевск. Обстановка в школе была самая примитивная, скудная. Каждому узнику была дана железная кровать, было два-три простых стола, несколько табуреток и стульев — и только.

В начале июля⁸² отношение к узникам местных большевистских властей резко изменилось. Была усилена охрана школы, запрещены совершенно прогулки, общение с посторонними людьми, доставка из города книг; освещение школы по вечерам было установлено до определенного часа; весь район школы был оплетен проволокой и были вырыты около нее небольшие окопы.

Подробности самой казни рисовались в таком виде.

В ночь с 17 на 18 июля к Напольной школе подъехало несколько троечных экипажей с членами местного совдепа

⁸² Режим ссыльных на тюремный был заменен 21 (8) июня 1918 г.

и чекистами, прибывшими из Екатеринбурга, которые объявили Царственным узникам, что, вследствие ожидаемого нападения на Алапаевск белых, постановлено перевести Великих Князей в более безопасное дачное место, и потребовали, чтобы они немедленно же приготовились к отъезду, вещи же обещали доставить следом за ними. Несчастливым мученикам разрешили взять с собой только ручные вещи. Через полчаса узников увезли уже по направлению к шахтам, а затем оставшимися деятелями совдепа была поднята около школы ружейная стрельба и брошено несколько гранат, взрывами и осколками которых были выбиты почти все стекла в окнах школы. Это было сделано для того, чтобы инсценировать перед населением нападение белых на школу и похищение ими Великих Князей, о чем на следующий день (а позднее в Екатеринбургских большевицких газетах) последовало особое оповещение от совдепа.

Когда Великие Князья и бывшие при них лица были доставлены к намеченной палачами шахте, им было приказано сойти с экипажей, и едва лишь они сошли, как тотчас же были схвачены и живыми сброшены в шахту, а затем посыпались на них камни, бревна, земля и проч^{<ее>} и был сделан один выстрел, которым, очевидно, оказалась прострелена голова В. К. Сергия Михайловича. По словам красноармейцев, из шахты некоторое время вместе со стонами доносилось и молитвенное пение (между прочим, у монахини В. К. Елисаветы Федоровны одна рука так и осталась застывшей, как бы при совершении крестного знамения)⁸³.

Вещи Великих Князей были частью расхищены членами местного совдепа и палачами, частью переданы местному

⁸³ В протоколе наружно-милицейского осмотра трупа монахини Варвары Яковлевой от 12 октября 1918 года отмечено, что ее правая рука «согнута в локте и приподнята кверху на высоту правого плеча, указательный палец которой прямой, средний несколько согнут, большой и безымянный согнуты и соединены и мизинец — пригнут (вид благословляющей руки)» // Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. С. 105.

кооперативу и распроданы им с аукциона. Об этом я узнал еще до своего вынужденного отъезда из Алапаевска и отдал по гарнизону строжайшее распоряжение, чтобы все вещи, приобретенные с аукционы или оказавшиеся у населения иным путем, были в определенный кратчайший срок доставлены и сданы мне. Конечно, всех вещей не удалось отобрать, но и то, что было доставлено мне, составило довольно значительное количество. Для того, чтобы сохранить их, были сделаны два огромных деревянных ящика, обшитые внутри жестью и разделенные перегородками на отделения по числу умученных. В каждое такое отделение при особой описи были аккуратно уложены вещи каждого из умученных. Те же из этих вещей, принадлежность коих тому или иному из умученных не представлялось возможным точно установить, были особо уложены в этих же ящиках. Ящики были окованы, опечатаны и вместе с подлинными данными предварительного следствия доставлены ко мне в штаб колонны, где и оставались примерно до декабря месяца.

Исключительные условия боевой обстановки лишали меня возможности переслать эти вещи на хранение куда-либо в тыл в более надежное место, попытки же передать их по начальству не имели успеха, что меня крайне удивляло и огорчало, так как не исключалась возможность потери их в боевой обстановке. Наконец, после длительной переписки с генералом Голицыным⁸⁴ — Начальником гарнизона г<орода> Екатеринбурга, — который, по дошедшим до меня сведениям, весьма интересовался этим вопросом, им было прислано несколько лиц, среди которых, между прочим, находилась

⁸⁴ Голицын Владимир Васильевич (9 июля 1878 — декабрь 1919), генерал-майор (1917), потомственный дворянин Рязанской и Тверской областей; участник русско-японской и Первой мировой войн. Имел боевые награды. Отставка по болезни (апрель 1917). Продолжил службу генералом для поручений при генерале Корнилове (1917–1918). Уехал на Урал с семьей (апрель 1918). Начальник гарнизона города Екатеринбурга (1918). В армии адмирала Колчака (с декабря 1918).

графиня Толстая⁸⁵ (имени и отчества не помню, молодая, хромавшая на одну ногу). Ящики с вещами и документами, имевшими отношение к этому делу, были мною полностью сданы под расписку этим лицам и доставлены ими в полной сохранности в Екатеринбург, как мне потом сообщил генерал Голицын.

В ящики, насколько мне помнится, были уложены:

- 1) Одежда, обувь, белье нательное и постельное, носовые платки, пледы с инициалами и гербами.
- 2) Чемоданы, саквояжи, несессеры, футляры из-под серебряной посуды и драгоценных вещей.
- 3) Нательные золотые и серебряные кресты с цепочками и без них, медальоны, портсигары, несколько часов, кольца и кое-что из посуды.

Документы:

- 1) Следственное производство.
- 2) Фотографические снимки.
- 3) Письма и поэтические произведения Князя Палея.
- 4) Письма и деньги, которые были доставлены из Петрограда, но не переданы узникам.

К этому последнему пункту должен прибавить маленький эпизод. Перед самым моим отъездом из Алапаевска ко мне явился поздно ночью старик, пожелавший иметь со мною беседу наедине. Я его принял и в первый момент не узнал. Это оказался тот самый старик, которого я застал в управлении коменданта, где он, как я уже говорил, содержался, как шпион, и за свое упорное молчание подвергался даже телесному наказанию. Я его, как и многих других, тогда освободил. И вот что он мне теперь сообщил.

В июне месяце он был командирован из Петрограда от Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны — матери Великих

⁸⁵ Предположительно, уполномоченная 4-го управления РОКК при Уральском корпусе графиня Е.Н. Толстая // *Голотик С.И., Ипполитов С.С.* Российское общество Красного Креста (1917–30-е гг.). [Электронный ресурс] Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). Url.: http://www.nivestnik.ru/2001_2/17.shtml (дата обращения: 10.08.2020).

Князей Константиновичей — с письмами и деньгами для узников. Сначала он прибыл в Вятку. Когда же узнал⁸⁶, что отсюда Великие Князья отправлены в Пермь, последовал за ними и так пробирался с большим трудом и риском до самого Алапаевска. Здесь ему удалось передать узникам лишь часть денег. Письма же и остальные деньги остались у него. Когда в Алапаевск прибыли наши части, то в первый момент он усумнился в том, что это действительно белые. По чьему-то доносу на него обратили внимание, задержали и подвергли допросу. Полагая, что его провоцируют красные, старик воздержался от каких-либо откровенных признаний относительно выполнявшегося им поручения и за это подвергся телесному наказанию, так как его приняли за большевистского агента.

Старик этот, полуинтеллигентного вида, был, по-видимому, одним из преданнейших слуг Великокняжеского дома Константиновичей и признался мне (да это было заметно и по его внешнему виду), что пребывание в Алапаевске, где он явился свидетелем тяжчайших страданий Великих князей, произвело на него потрясающее впечатление, и он говорил мне также, что не будь у него необходимости вернуться к тем, кто его послал, и осведомить их о происшедшем в Алапаевске, он охотно разделил бы участь Великих Князей, ибо не видит для себя смысла дальнейшей жизни. Старик этот меня глубоко тронул,

⁸⁶ Правдивость показаний этого персонажа воспоминаний И.С. Смолина вызывает сомнение. В июне месяце сыновья и невестка великой княгини Елизаветы Маврикиевны были уже в Алапаевске, о чем она знала, так как у августейших ссыльных была возможность сообщать обо всех переменах своим родным и близким. Не исключаем, что в тот момент на Урал в тот период можно было добраться только через Вятку, но зачем было дальше двигаться в Пермь, не понятно. Вызывает вопросы и то, что этот старик предъявил Смолину 500 рублей царских денег, тогда как уже больше года в государстве ходили «керенки». Можно только предположить, что, испугавшись обысков, проходивших в связи с поиском вещей убитых членов Дома Романовых и имея какие-то их вещи, этот человек нашел объяснение их наличию. По-видимому, легенда была придумана удачная, так как Смолин даже вставил ее в свои воспоминания.

а когда я извинился перед ним за то насилие, какому он подвергся случайно и ошибочно с нашей стороны, то услышал следующее:

— Я совершенно не в претензии, так как вполне понимаю, что в обстановке гражданской войны вполне возможны и неизбежны подобные случаи, тем более что мое личное слишком осторожное поведение не могло не показаться подозрительным. А теперь, когда я присмотрелся и убедился в том, кто Вы, то очень прошу вас принять от меня все то, что осталось не переданным мною здесь в Алапаевске Великим Князьям, так как опасаясь, что мне не удастся вернуть это Великой Княгине Елизавете Маврикиевне.

Затем старик снял свое старенькое потрепанное пальто, распорол подкладку и вытащил оттуда несколько писем и деньги — новыми 500-рублевыми ассигнациями (царскими). Сколько их было, не помню. К глубокому сожалению, не могу также припомнить имени, отчества и фамилии этого старика.

После ухода старика я стал просматривать письма. Но уже первое письмо от какой-то Великой Княгини настолько меня потрясло, что я не в силах был читать остальные. В этом письме сообщалось, между прочим, о тех ужасных условиях, в каких живут оставшиеся в Петрограде члены Великокняжеского дома, и говорилось о детях, которые с нетерпением ждут Рождества⁸⁷, чтобы полакомиться сладким куличом, для чего тщательно припрятано немного белой муки, сахару, масла и яиц. К этому же письму была приложена большая, от руки написанная и очень красивая по содержанию поэма Князя Палей; сообщалось также, что где-то в Петрограде ставилась его пьеса в стихах⁸⁸.

⁸⁷ По-видимому, здесь ошибка при перепечатке исходного материала, конечно, речь может идти только о Пасхе, так как последнее в своей жизни Рождество 1918 года алапаевские мученики встречали со своими родными и близкими.

⁸⁸ Можно предположить, что это могло быть письмо княгини Ольги Палей. В своих воспоминаниях она пишет, с каким трудом весной 1918 года им удавалось найти продукты // *Палей О.В.* Воспоминания

В заключение считаю необходимым привести описание Алапаевской трагедии в освещении большевиков.

В № 142 от 20 июля 1918 года «Уральского Рабочего» — органа Екатеринбургского Областного Совдепа — было напечатано следующее, под заголовком «Бегство бывших Великих Князей из Алапаевска»:

«Из Алапаевска получена следующая телеграмма: “18 июля утром банда неизвестных вооруженных людей напала на школу, где помещались Великие Князья. Во время перестрелки один бандит убит и, видимо, есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев, бандиты бежали по направлению к лесу. Задержать их не удалось. Розыски продолжаются. Алапаевский исполком.

В Алапаевске находились бывшие великие князья: Сергей Михайлович, Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, князь Палей и жена убитого Каляевым Сергея Александровича Елизавета Федоровна. История водворения в Алапаевск бывших великих князей такова:

В первых числах апреля месяца текущего года они были высланы из Петрограда в Вятку. По постановлению Вятского губернского съезда советов бывшие великие князья 2-го мая были высланы в Екатеринбург; здесь они прожили всего две недели и по постановлению Областного Совета были переведены в Алапаевск под надзор местного совета. Одновременно с ними была выслана в Алапаевск и Елизавета Федоровна, привезенная из Москвы в Екатеринбург по распоряжению всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

После побега Михаила Романова из Перми ко всем этим лицам был применен по распоряжению Областного Совета тюремный режим. Бывшие князья помещались

о России. С приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира. М.: Захаров, 2005. С. 104.

в Алапаевске в здании так называемой ‘Напольной’ школы, на которую и было совершено нападение.

Бегство бывших великих князей безусловно имеет связь с происходящими событиями. Недавно в Екатеринбурге были арестованы: майор сербской службы Мичич, фельдфебель Божечич⁸⁹ и Управляющий делами сербской королевны, жены бежавшего Ивана Константиновича Елены Петровны — Смирнов. Эти лица явились в областной совет, как делегаты сербского посланника Спалайковича для отправки Елены Петровны в Петроград, заявив, что на это получено разрешение центральной советской власти. По справкам, наведенным областным советом в Москве и Петрограде, оказалось, что просьбу Спалайковича о разрешении Елене Петровне переехать в Петроград президиум В.Ц.И.К. отклонил. Поэтому Мичич, Божечич и Смирнов были арестованы в Екатеринбурге по обвинению ввести в заблуждение советскую власть. Одновременно с ними была арестована и Елена Петровна, приехавшая незадолго до этого в Екатеринбург. Следствие по этому делу продолжается и будет закончено в ближайшем будущем”».

Николай Шарин

Отрывок из рукописи «Из истории
революционной борьбы уральских рабочих»

Отрывок из рукописи краеведа Николая Степановича Шарина⁹⁰ «Рабочее движение в Алапаевском горном округе. Часть 5. XX столетие. 1918–1921 гг. /По документам исторических архивов Ленинграда, Свердловска, Алапаевска/. Ленинград. 1960–69 гг.» интересен тем, что трагические события лета — осени 1918 года описаны с точки зрения

⁸⁹ Ошибка в тексте. Фамилия сербского унтер-офицера Божичич.

⁹⁰ Алапаевский краеведческий музей.

одного из алапаевских жителей, убежденных сторонников советской власти. Название третьей главы «Возмездие. Казнь великих князей Дома Романовых» говорит само за себя. Автор явно гордится «миссией», доверенной его землякам УралОблСоветом, что впоследствии становится одной из побудительных причин написания его работы, ныне хранящейся в Ала-паевском краеведческом музее.

Николай Степанович Шарин (13 января 1900, Алапаевск — 6 февраля 1980, Ленинград), известный в Алапаевске краевед, выходец из рабочей среды, красноармеец-доброволец, участник Гражданской войны. Выйдя на пенсию в 1960 году, он увлекся историей рабочего движения на Урале, данные о котором в течение многих лет скурпулезно собирал в ленинградских архивах.

Н.С. Шарин утверждает, что был очевидцем событий, связанных со ссылкой в Алапаевск и убийством членов Дома Романовых, а недостающие факты он восстановил в архивах Ленинграда, Свердловска и Алапаевска. Однако, анализ текста позволяет с большой долей вероятности утверждать, что личной информации в нем практически нет — ссыльных членов Дома Романовых он, скорее всего, никогда не видел.

Автор рукописи строит свой рассказ на доступных ему документах того времени, рассказах знакомых и материалах, опубликованных следователем Н.А. Соколовым в 1926 году в Берлине. Описание пребывания августейших ссыльных в Алапаевске Н.С. Шарин, судя по тексту, берет в основном, из протоколов допросов, на которые он опирается и в описании их гибели и последующих следственных действий. Автору нечего добавить, кроме собственных комментариев, поэтому в изложении этого материала он буквально «идет по стопам» Н.А. Соколова.

Тем не менее, работа Н.С. Шарина кажется нам интересной. И дело не только в ярко выраженной классовой оценке событий, но и некоторых свидетельствах очевидцев, которых нет в других источниках. Например, на основе описания некоего З.З. Салмина автор чертит схему размещения ссыльных членов Дома Романовых и их приближенных и дает комментарии.

Данные З.З. Салмина, используемые Н.С. Шариним, в чем-то расширяют показания свидетелей о повседневной жизни августейших ссыльных в Алапаевске, а в чем-то с ними не совпадают. Так автор записок упоминает о враче великого князя Сергея Михайловича Гельмерсене, о котором до настоящего времени мало что известно, но сведения о пребывании которого в Алапаевске можно найти и в других источниках, например, в неопубликованных воспоминаниях С.Н. Смирнова⁹¹ и протоколах допросов свидетелей.

В то же время в показаниях З.З. Салмина есть и явные несоответствия. Ссылаясь на них, Н.С. Шарин приводит данные, что в Напольной школе жили члены сербской миссии, выехавшие по поручению посланника Мирослава Спалайковича за дочерью сербского короля в Екатеринбург. Сейчас можно только предположить, что автору записок по какой-то причине были недоступны протоколы допросов в екатеринбургской ЧК, позволяющие уточнить время их прибытия на Урал, поэтому он поверил Салмину на слово, что сербы и С.Н. Смирнов жили в Напольной школе.

Н.С. Шарин представил З.З. Салмина как одного из охранников Напольной школы. При этом стоит отметить, что в документах ГА РФ сведения об этом человеке не обнаружены. Впрочем, зная особенности ведения следствия в перерывах между ведением военных действий и явной политической заинтересованности обеих сторон, не удивительно, что часть информации скрыта от нас до сих пор.

Не менее любопытен и список августейших ссыльных, приведенный Н.С. Шариним. Эта часть рукописи содержит многочисленные зачеркивания и уточнения, касающиеся родственных связей с последним императором упомянутых там членов Дома Романовых. Возможно, что в его основу был положен наспех составленный в УралОблСовете список для сопровождения августейших ссыльных из Екатеринбурга в Алапаевск. Косвенным подтверждением этой версии является протокол допроса княгини Елены Петровны

⁹¹ НБС. Р-699 (С.Н. Смирнов). Фонд находится в стадии обработки.

в екатеринбургской ЧК (этот эпизод она приводит и в своих воспоминаниях), где она была названа сербской королевой⁹², что, конечно, действительности не соответствовало. Именно так она значилась и в списке, опубликованном Н.С. Шариным.

Автор записок, несомненно, был знаком с рассказами жителей Алапаевска, как устными, так и опубликованными в местной прессе. Он постарался саккумулировать все, что смог найти. Отсюда и некоторые мелкие детали, дополняющие общую картину повседневной жизни августейших ссыльных. Например, упоминание о том, что в первое же воскресенье после прибытия из Екатеринбурга они пошли в церковь без конвоя. Есть также данные о небольшой часовне, оборудованной на территории Напольной школы, когда в ней был введен тюремный режим и запрещены выходы на богослужения и так далее.

Как уже упоминалось, кроме фактических данных, приведенных Н.С. Шариным, определенный интерес вызывает и его интерпретация событий. Для автора убийство членов Дома Романовых — это «акт возмездия». Он не испытывает ни жалости, не сожаления.

Рассуждая о необходимости убийства ссыльных под давлением обстоятельств, автор приводит следующие аргументы. Во-первых, это внешняя угроза — наступление Белой армии могло дать свободу узникам. Эту картину вероятного освобождения «врагов революции» Н.С. Шарин дополняет рассказом, что «с начала июня месяца в Алапаевске появились какие-то подозрительные лица, мужчины в штатской одежде с военной выправкой, и женщины, одетые по последней петроградской моде». Эти намеки на заговоры с целью освобождения узников не находят подтверждения в следственном деле Н.А. Соколова. Противоречат они и воспоминаниям еще одного жителя Алапаевска — А. Тизякова, утверждавшего, что «в Алапаевске не было подозрительных лиц, которые могли бы вступить в преступный заговор с целью похищения князей»⁹³.

⁹² ГАСО. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

⁹³ Воспоминания А. Тезякова были опубликованы в краеведческом альманахе «Истоки» в 2000 году (№ 11) // Воспоминания А. Тезякова,

Говоря о внутренней угрозе, Н.С. Шарин указывает на «отсталость мелкобуржуазных слоев населения Алапаевска и его района», несмотря на то, что в начале своей работе он указывал на «передовые» взгляды рабочей части города и ее ненависть к царскому режиму. Этими же причинами Н.С. Шарин объясняет и инсценировку «похищения». В тексте также можно найти подробности (со ссылкой на Н.А. Соколова) реализации этого чудовищного плана, поиска тел убиенных и последующих следственных действий.

Итак, представленная ниже часть рукописи Н.С. Шарина «Возмездие. Казнь великих князей Дома Романовых» не может быть в полной мере отнесена к свидетельствам очевидцев событий. Тем не менее, она дает представление о некоторых деталях повседневной жизни алапаевских узников и об обстановке за оградой Напольной школы в самом начале Гражданской войны. Несомненно, часть населения Алапаевска в тот период была настроена так же, как и Н.С. Шарин.

По нашему мнению, современное прочтение этой работы позволяет сделать картину трагических событий лета 1918 года на Урале более полной.

ВОЗМЕЗДИЕ

КАЗНЬ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ ДОМА РОМАНОВЫХ В АЛАПАЕВСКЕ⁹⁴

Рабочие Алапаевского завода еще с времен первой русской революции 1905 года показали себя лютыми ненавистниками царского режима и зарекомендовали как надежный отряд рабочего революционного движения. В 1905 году в Алапаевске

непосредственного свидетеля осмотра трупов князей Романовых. [Электронный ресурс] Краеведческий сайт Алапаевского района Свердловской области «Край родной земли Урала. Осколки истории». Url.:https://oskolki.moy.su/blog/vospominanija_a_tezjakova_neposredstvennogo_svidetelja_osmotra_trupov_knjazej_romanovykh_mezhnaja_alapaevsk/2017-03-12-717 (дата обращения 12.08.2020).

⁹⁴ Ошибки автора исправлены с учетом правил современной орфографии и пунктуации. Стилистические правки были внесены минимальные, чтобы сохранить особенности авторской речи. Правильное

в марте месяце возник первый в России Совет рабочих и крестьянских депутатов, просуществовавший 65 дней⁹⁵. Призвал за Алапаевскими рабочими и его авангардом — комитетом РСДРП(б) — верность идеям пролетарской революции, Уральский областной Совет рабочих и солдатских депутатов решил доверить Алапаевским рабочим охрану арестованных в 1917 году князей и княгини дома Романовых.

20 мая 1918 года специальным поездом из Екатеринбурга в Алапаевск прибыли арестованные лица царской фамилии и их свита, и прислуга. Поезд из Екатеринбурга до Алапаевска сопровождал отряд красногвардейцев, возглавляемый комиссаром (алапаевцем) Булычевым Б.К.

В числе прибывших арестованных были:

1. Великая княгиня Елизавета Федоровна Романова, 54 года, с 1864 года жена великого князя Сергея Александровича Романова, бывшего Московского губернатора казненного в 1905 году в Москве революционером Каляевым⁹⁶, кроме того, Елизавета Федоровна приходится родной сестрой жене Николая II, императрице Александре Федоровне, и дочерью великому герцогу Людовику IV Гессенскому⁹⁷.

2. Великий князь Сергей Михайлович Романов, 49 лет, дядя царя⁹⁸.

написание фамилий и имен лиц, упомянутых в тексте, в случае их искажения, приведены в сносках. Также в цитируемом нами тексте имеются незначительные сокращения.

⁹⁵ Первый в России Совет рабочих депутатов возник 8 марта 1905 года на металлургическом заводе Алапаевска. Его председателем был избран Е.А. Соловьев, а секретарем — Г.Г. Ветлугин.

⁹⁶ Каляев Иван Платонович (24 июня (6 июля) 1877, Варшава — 10 (23) мая 1905, Санкт-Петербург), член боевой организации эсеров. 4 февраля 1905 года в Кремле убил бомбой великого князя Сергея Александровича. От прошения о помиловании после суда отказался.

⁹⁷ Текст рукописи содержит зачеркивания и исправления. Например, зачеркнуто, что великий князь Сергей Александрович является родным братом императора Николая II.

⁹⁸ В первоначальном варианте было указано, что великий князь Сергей Михайлович является сыном великого князя Михаила Александровича и, следовательно, племянником императора.

3. Великий князь⁹⁹ Иван Константинович Романов, 32 лет, гвардейский офицер, сын В<еликого> к<нязя> Константина Константиновича, почетного президента Российской Академии наук, поэта писавшего под псевдонимом «РК»¹⁰⁰.

4. Брат Ивана, великий князь Константин Константиновича Романов, 28 лет, гвардейский офицер.

5. Их младший брат, великий князь Игорь Константинович Романов, 24 лет, гвардейский офицер.

6. Князь Владимир Павлович Палей 23 лет поручик лейб-гвардии Гусарского полка, поэт, сын великого князя Павла Александровича и графини Гегенфельзен¹⁰¹.

7. Княгиня Елена Петровна Романова, жена в<еликого> к<нязя> Ивана Констан<тиновича>, дочь сербского короля, 1884 г. р.

При княгинях и князьях состояла свита из служащих и прислуги: при княгине Елизавете Фёдоровне были две монашки¹⁰² Московской Марфо-Мариинской общины: Варвара <Алексеевна> Яковлева и Екатерина <Петровна> Янышева, при

⁹⁹ Князь Иоанн Константинович, так же, как и его младшие братья, не имел титула великого князя. В 1886 году императором Александром III был подписан Указ об учреждении Императорской Фамилии — законодательный акт Российской империи, определивший статус и материальное положение членов Дома Романовых. В этой версии закона правнуки и правнучки императора по мужской линии, старшие сыновья правнуков и их старшие потомки получали титул князей и княжон крови императорской и высочеств, а младшие — титул князей и княжон крови императорской и светлости.

¹⁰⁰ Так написано в оригинале рукописи, на самом деле великий князь Константин Константинович писал свои работы под псевдонимом «К.Р.».

¹⁰¹ Титул графов фон Гогенфельзен в 1904 году был дан Ольге Валерьяновне Пистолькорс, ее сыну и дочери от мorganатического брака с великим князем Павлом Александровичем баварским принцем-регентом Луитпольдом Карлом Иосифом Вильгельмом. Позже, в 1908 году, император Николай II даровал жене и детям своего дяди российский титул князей Палей.

¹⁰² Крестовые сестры Марфо-Мариинской обители милосердия.

княгине <Елене>¹⁰³ Петровне находилась свита из трех сербов: майор Мичича, солдаты Бажичич¹⁰⁴ и Абрамович и секретарь Смирнов¹⁰⁵.

При князе Сергее Михайловиче состояли врач доктор Гельмерсен, служащие: Ромез Ф.С.¹⁰⁶, Круковский и лакей Калин¹⁰⁷.

Всего в этом поезде прибыло 7 человек князей и княгинь и 10 человек свиты и прислуги.

Арестованных разместили в здании школы, расположенной на северной окраине города по Напольной улице, теперь улица Перминова Д.В. По месту расположения школа называлась «Напольная школа»...

В этом здании провели два последних месяца своей жизни великие князья и княгини из династии Романовых. Это небольшое здание, состоящее из шести комнат и коридора, который делит помещение все на две [равные] части¹⁰⁸.

Комнаты южной части занимали: угловую комнату с левой стороны занимала охрана, следующую комнату занимал великий князь Сергей Михайлович, князь В.П. Палей, два брата Константин и Игорь Константиновичи Романовы и третью комнату угловую занимала княгиня Елизавета Федоровна совместно с монашками Варварой Яковлева и Екатериной Янышевой.

В комнатах с северной стороны разместились: в угловой комнате правой стороны входа князь Иван Константинович

¹⁰³ В тексте написано «Елизавете», по-видимому, описка.

¹⁰⁴ На самом деле фамилия солдата Божичич.

¹⁰⁵ Эта фраза говорит о том, что автор записки не был непосредственным участником событий, а использовал какие-то доступные ему документы и свидетельства, в том числе, слухи. Сербская миссия приехала за княгиней Еленой Петровной в Екатеринбург в июле 1918 года и в Алапаевске не была.

¹⁰⁶ Правильное написание фамилии — Ремез.

¹⁰⁷ Камердинер Иван Калин был служащим князя Игоря Константиновича // *Смирнов С.Н.* Ук. соч. С. 24. Основываясь на противоречивых показаниях свидетелей по алапаевскому делу, современные исследователи часто указывают, что он был лакеем Константина Константиновича.

¹⁰⁸ В оригинале: делит помещение все на две части равных.

с женой Еленой Петровной, в следующей комнате помещалась свита сербской королевы Елены Петровны: майор Мичич, два сербских солдата Бажичич и Абрамович, секретарь Смирнов и лакей Сергея Михайловича — Калин, доктор Гельмарсен и служащие Ромез и Круковский.

В третьей комнате находилась кухня для приготовления пищи для заключенных.

Весть о прибытии в Алапаевск лиц царской фамилии облетела весь город с молниеносной быстротой. Обывателей, желающих посмотреть на бывших великих и княгинь, было множество. Целыми толпами ходили они мимо здания, желая посмотреть и убедиться, чем же они князья и княгини отличаются от них, простых смертных, чьим трудом, потом и кровью существовал дом Романовых в течение 305 лет. Но любопытство обывателей было удовлетворено только спустя несколько дней, в воскресенье, когда все жители Напольной школы пошли в церковь к обедне без конвоя¹⁰⁹, но, конечно, под негласным присмотром красногвардейской охраны.

Первый период пребывания великих князей в Алапаевске протекал в довольно свободной форме. Заключенные беспрепятственно гуляли в пределах ограды участка Напольной школы, работали на огороде и нередко пили вечерний чай под открытым небом внутри двора школы¹¹⁰.

По вопросу обработки огорода приведем интересную выдержку из воспоминания бывшего военрука Г.В. Глухих, который писал: «Помню, как князь Сергей Михайлович пришел в административный Отдел (горисполкома) просить разрешения заниматься огородничеством на участке Напольной школы ради развлечения, хотя земельный вопрос был не в моем ведении, я спросил, сколько лет он занимается этой

¹⁰⁹ Предполагается, что это была церковь во имя св. вмц. Екатерины.

¹¹⁰ Эти данные подтверждаются свидетельскими показаниями жителей Алапаевска во время следствия по поводу убийства членов Дома Романовых в 1918 году.

профессией? Ответа не получил. После чего он пошел в земельный отдел»¹¹¹.

В течение месяца великие князья и их прислуга имели возможность днем свободно ходить по территории школьного участка. И так бы все продолжалось, но, начиная с начала июня месяца, в Алапаевске появились какие-то подозрительные лица, мужчины в штатской одежде с военной выправкой и женщины, одетые по последней Петроградской моде. Во время церковных служб эти лица старались незаметно передавать великим князьям какие-то записки.

Кроме того, обострилась внутривнутриполитическая обстановка, в связи с наступлением чехословацкого корпуса под командованием генерала Гайда, наступление белогвардейской армии адмирала Колчака из Сибири, все это вместе взятое заставило Уральский областной Совет рабочих и солдатских депутатов дать распоряжение Алапаевскому Совету принять более усиленные меры по охране арестованных лиц царской семьи.

21 июня 1918 года для заключенных великих князей был введен более строгий режим.

Прекратились воскресные выходы князей и княгинь в церковь, а для совершения богослужения, один из Алапаевских священников должен был по воскресениям приходить в Напольную школу и совершать там богослужения для арестованных. Прекратились выходы из помещения в любое время и были назначены определенные часы для прогулки на воздухе, внутри ограды школы. И вообще режим был установлен согласно уставу караульной службы царской армии.

Введение строгого режима не понравилось княгине и князьям. После нескольких дней высказывания своего недовольства, князья решили действовать. По уполномочию всех заключенных великих князей Сергей Михайлович, как старший по годам, по чину и по положению, решил добиваться отмены строгого режима.

¹¹¹ Здесь автор записки дает ссылку на газеты «Гудок» за 1926 год и «Алапаевский рабочий» № 89 от 29 июля 1959 г.

Первоначально он потребовал свиданья с комиссаром юстиции Е.А. Соловьевым¹¹², что ему было разрешено. Переговоры состоялись в здании горисполкома, куда <великого> князя привели под конвоем, но они не дали <великому> князю положительных результатов: комиссар юстиции В.А. Соловьев объяснил князю, что распоряжение о введении строгого режима охраны последовало от областного Совета рабочих депутатов. Не довольствуясь этим, <великий> князь решает действовать дальше.

21 / VI 1918 г<ода> в<еликий> к<нязь> Сергей Михайлович посылает в Екатеринбург нижеследующую телеграмму: «Екатеринбург, председателю областного совета. Но распоряжению областного Совета мы с сегодняшнего дня находимся под тюремным режимом. Четыре недели мы прожили под надзором Алапаевского совдепа — и не покидаем здания школы и ее двора, за исключением посещения церкви. Не зная за собой никакой вины, ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима. За себя и моих родственников, находящихся в Алапаевске, Серей Михайлович Романов»¹¹³.

В тот же день Алапаевский комиссар юстиции Е.А. Соловьев телеграфирует в Екатеринбург: «Военная, Екатеринбург, областной Совет. — Считать ли прислугу Романовых арестованными, давать ли выезд основание 4227. Алапаевский совдеп, отправитель Е. Соловьев»¹¹⁴.

На обе вышеприведенные телеграммы председатель областного Совета рабочих депутатов Белобородов ответил следующей телеграммой: «Алапаевск Совдеп». «Прислугу Ваше усмотрение, выезд никому без разрешения Москвы — Дзержинского, Петроград — Урицкого, Екатеринбург — облсовета. Объявите Сергею Романову, что заключение является

¹¹² Краткие сведения о нем сюда или в аннотированный словарь имен и организаций.

¹¹³ Здесь автор дает ссылку: *Соколов Н.А.* «Убийство царской семьи». Берлин: «Слово», 1925. С. 258.

¹¹⁴ Ссылка автора текста та же: С. 259.

предупредительной мерой против побега ввиду исчезновения Михаила [из] Перми»¹¹⁵.

Посмотрим, что же представлял из себя так называемый «строгий режим», которым возмущался бывший великий князь Сергей Михайлович Романов. По этому вопросу приведем выдержки из показаний бывшей поварихи при кухне великих князей, жительницы Алапаевска, Кривовой А.С., которая сообщила на допросе ее белогвардейским следователям в период оккупации Алапаевска белогвардейскими войсками:

«С этого времени, т. е. с 21 июня, жизнь князей резко ухудшилась, у них было конфисковано все лишнее и оставлено только носильное платье, обувь и две смены белья... Были запрещены всякие прогулки вне школьной ограды, запрещено делать какие бы то не было закупки на рынке. Для питания князей разрешили мне готовить князьям пищу из своих продуктов (т. е. казенных на 6 человек) на неделю полагалось 28 фунтов мяса, 15 фунтов проса и одна бутылка конопляного масла, и прочие продукты»¹¹⁶.

На остальных людей продуктов не выдавали, так как они не считались содержащими под стражей и могли в любое время выехать из Алапаевска.

Необходимо упомянуть о том, что, несмотря на полуголодное существование населения г<орода> Алапаевска, бывшим князьям ежедневно выдавали по 260 грамм мяса на каждого человека. Ни одна семья рабочих не имела такого рациона, какой выдавали князьям¹¹⁷.

¹¹⁵ Ссылка автора текста та же. В ночь с 12 на 13 июня 1918 года из пермской гостиницы «Королёвские номера» были увезены в неизвестном направлении великий князь Михаил Александрович и его секретарь Джонсон (по другим данным Жонсон). Их дальнейшая судьба неизвестна. Пермские власти, не желая давать объяснения о происшедшем, объявили, что он был похищен.

¹¹⁶ Ссылка автора текста та же, но без указания страницы.

¹¹⁷ В течение военных лет экономическая ситуация на Урале постепенно ухудшалась. Были расстроены финансовая, производственная и транспортная системы. Рабочих рук не хватало: мобилизованные

Вскоре были удалены из школы и выехали из Алапаевска в неизвестном направлении: врач [Гельмерсен]¹¹⁸, служащий Круковский, лакей Калин и монашка Янышева не выдержали «строного» режима, 6 июля 1918 года выехала из Алапаевска сербская королева¹¹⁹, жена князя Ивана Константиновича Елена Петровна со своей свитой из четырех человек. Свой отъезд королева объяснила необходимостью поездки в Петроград, где находились ее дети.

Не имея из центра определенных указаний и боясь дипломатических осложнений с дружественной нам Сербией¹²⁰, Алапаевский Совет рабочих депутатов в лице Е.А. Соловьева не чинил препятствия к выезду сербской королевы из Алапаевска. Как потом выяснилось, по приезде Елены Петровны в Екатеринбург, она была арестована чекистами, и дальнейшая ее судьба осталась неизвестной. С отъездом из Алапаевска

с фронта не спешили устраиваться на работу. С февраля по октябрь 1917 года почти все время прошло в митингах и забастовках. После октября начались массовые увольнения с заводов из-за политики фабзавкомов. Стала угрожающей и продовольственная ситуация. Попытки продовольственных комитетов устанавливать цены на хлеб ни к чему не приводили: крестьяне отказывались сотрудничать // *Дмитриев И.Н., Немцов О.А.* Белый Алапаевск. Очерки истории города и района периода Гражданской войны. 1918–1919. Екатеринбург: Издательство УМЦ-УПИ, 2012.

¹¹⁸ В оригинале было написано — Гермерсен.

¹¹⁹ Так написано в оригинале, на самом деле — королева.

¹²⁰ Конечно, политический фактор имел значение. В вопросе признания советской власти официальная Сербия оказалась в сложном положении. С одной стороны, она не хотела вести военные действия против русского народа, а с другой — испытывала значительное давление Антанты, планировавшей интервенцию. Советское правительство надеялось избежать конфронтации, помня о том, что часть сербских войск, переброшенных с Салоникского фронта, находилась в Архангельске с ноября 1917 года, а другая, разделившись на несколько небольших групп, — в Поволжье и Сибири. Перелом в отношениях произошел в конце июля 1918 года, когда посланник М. Спалайкович навсегда покинул Россию. В августе того же года в Москве была арестована сербская военная миссия.

королевы Елены Петровны, ее свиты, служащих и прислуги в помещении школы осталось 8 человек, в том числе шесть человек царской фамилии и двое их прихлебателей. Внутри школы произошло небольшое переселение: из комнаты № 2 переселились в комнату № 4 князя Константин и Игорь Романовы и В.П. Палей, а служащий Ф.С. Ромез перешел в комнату № 2 к князю Сергею Михайловичу. Из воспоминания единственного оставшегося в живых бывшего красногвардейца отряда Кушникова¹²¹, участника охраны князя¹²² З.З. Салмина¹²³ видно, что караул, несший охрану князей, состоял из 7 человек, в том числе начальник караула, он же разводящий.

Наружных постов было три. Часовые менялись через час, караул менялся два раза в сутки т. е. утром и вечером. Люди в охрану подбирались преимущественно из членов партии большевиков. Непосредственное руководство по охране князей осуществлял комиссар юстиции В.А. Соловьев. Он почти каждую смену караула приходил в школу и давал нужные указания и советы.

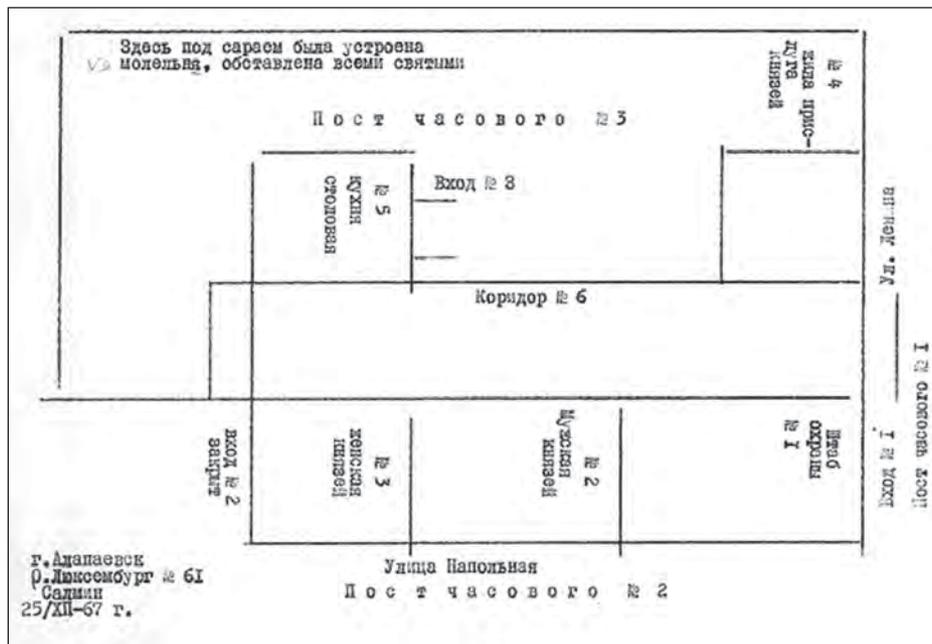
После введения строгого режима охраны, для исполнения церковных обрядов во дворе школы под навесом была устроена молельня, обставленная иконами, хоругвями и другими церковными принадлежностями. Раз в неделю приходил священник и исполнял церковную службу. Ниже приводим план школы и участка, составленный З.З. Салминым, с указанием размещения князей по комнатам школы и расположения наружных постов охраны. (План школы прилагается).

В охране князей принимали участие З.З. Салмин, А.Д. Старцев, П.Д. Поздин, В.А. Зырянов и другие.

¹²¹ Кушников Иван Федорович (1888, Алапаевск — ?), один из красноармейских командиров, член ВКП (б), участник Гражданской войны.

¹²² Так написано в исходном тексте.

¹²³ Данные о З.З. Салмине в других источниках не упоминаются. Следствие на месте велось наспех, вполне вероятно, что были выявлены не все участники.

План школы

Бывший царь всея Руси Николай II и его семья содержались в заключении в Екатеринбурге в доме купца Ипатова¹²⁴, брат царя Михаил <Александрович> содержался в г<ороде> Перми. Великие князья, племянники¹²⁵ Николая II, содержались в Алапаевске. Судьба всех их и вообще всех лиц царской фамилии Романовых должна была определиться высшими органами Советской власти. Предполагался показательный процесс всенародного суда над династией Романовых и над последним царем Николаем II. Но сложившаяся обстановка ускорила развязку и решила судьбу Романовых ранее намеченных сроков. Припоминая обстановку к середине июля 1918 года, мы видим надвигавшиеся белогвардейские банды:

¹²⁴ Так написано в оригинале. По-видимому, это описка, так как дальше название дома дается без искажения.

¹²⁵ Князь Палей был двоюродным, а Константиновичи — троюродными братьями императора Николая II.

на юге белоказаки под командованием атаманов Краснова и Каледина, на юго-востоке белоказаки атамана Дутова и чехословацкий корпус Гайда, на востоке, сформированная под прикрытием чехословацкого корпуса и на деньги Франции, наступала Сибирская армия под командованием царского адмирала Колчака.

На севере [был] высажен десант англо-французских войск. Все это создало угрожающее положение для первого рабоче-крестьянского государства. Династия Романовых служила при этом как мед для мух, вокруг которой концентрировались разные лица с подозрительным прошлым, которые организовывали банды для похищения как самого царя, так и всех лиц царской армии. Исходя из такого трудного положения Советское правительство решило, не ждать времени для организации показательного народного суда над царем и его слугами, заливавших кровью народа русскую землю, и расстрелять как царя, так и всех лиц царской фамилии.

С уничтожением царской семьи ликвидировалась «приманка» для всех лиц монархического направления. Отпадала цель проливать кровь за паря «батюшку».

В ночь с 16 на 17 июля в Екатеринбурге в доме купца Ипатьева была произведена казнь всей царской семьи. Народ России отомстил династии Романовых за все слезы и кровь проливавших по всей России в течение 304 лет.

Считаем необходимым напомнить о курьезе судьбы династии Романовых — Ипатьевский монастырь и Ипатьевский дом являются началом и концом дома Романовых. В Ипатьевском монастыре первый царь Михаил Романов узнал о своем избрании на престол и 305 лет спустя в доме купца Ипатьева последний царь Николай II узнал о приговоре народной власти о его расстреле, что составляло конец дома Романовых.

Сутками позже в Алапаевске в ночь с 17 на 18 июля были казнены великие князья — племянники и другие родственники царя Николая II. Для наблюдения за исполнением приговора из Екатеринбурга в Алапаевск прибыл член обкома РСДРП(б), член областного Совета рабочих депутатов,

редактор газеты «Уральский рабочий», соратник В.И. Ленина, прибывший с ним из-за границы в апреле 1917 года — [Г.И.] Сафаров¹²⁶, который привез в Алапаевск постановление областного Совета рабочих депутатов о казни великих князей.

Принимая во внимание, что в период первого года революции, отсталость мелкобуржуазных слоев населения Алапаевска и его района, которое еще не могло представить себе жизнь без царя «батюшки» и его приспешников, во избежание всяких инцидентов решено было произвести инсценировку похищения великих князей белогвардейцами¹²⁷.

План выполнения этой операции был разработан очень подробно и намечены люди для выполнения тех или иных деталей этого плана. Постараемся более детально осветить выполнение намеченной операции.

До 17 июля охрану жилища князей осуществлял красногвардейский отряд под командованием Кушникова И.Ф. Но 17 июля в 12 часов дня в Напольную школы прибыл член Алапаевской чрезвычайной комиссии Старцев П.К. вместе с ним и под его командой прибыли Зырянов П.А., Останин М.Ф., Сычев Е.И., Насонов М., Абрамов И.Ц. и другие.

Они сменили красногвардейцев, охраняющих князей, и сами заступили на существующие посты.

После обеда, т. е. около 18 часов поварихи А.С. Кривова и А.Г. Поздина-Замятина были отпущены домой и им было сказано, что князьям будут готовить ужин и завтраки и обеды в Верхней Синячихе.

Великим князьям было объявлено, что они ночью будут перевезены в Верхне-Синячихинский завод, расположенный в 12 верстах от Алапаевска.

¹²⁶ Георгий Иванович Сафаров (Вольдин) в 1918 году был членом президиума УралОблСовета, редактором газеты «Уральский рабочий». Автор рукописи в сноске указывает, что «в период культа личности Сафаров, будучи редактором “Ленинградской Правды”, был репрессирован».

¹²⁷ Интересно отметить, что в начале рукописи автор говорит о «передовых взглядах» жителей Алапаевска, а здесь, обосновывая необходимость «казни» членов Дома Романовых, он указывает на крайнюю отсталость того же самого населения.

К 12 часам ночи¹²⁸ к Напольной школе подъехал обоз, состоявший из 9-10 подвод. Арестованных разместили по одному человеку на подводу, с каждым из арестованных сели по одному чекисту, обоз двинулся по направлению в Верхнюю Синячиху.

По дороге обоз встретили два Алапаевских жителя, возвращающихся из Верхней Синячихи, это были Самсонов и Трушков К.В. Не доезжая несколько километров до Синячихи обоз свернул на дорогу к заброшенным рудничным шахтам, когда-то существовавшего рудника.

У одной из шахт приговор областного Совета рабочих депутатов был зачитан арестованным и приведен в исполнение. После отъезда арестованных из школы, для инсценировки побега арестованных, поздно ночью около здания школы вдруг, разрывая ночную тишину, начали рваться ручные гранаты и винтовочные выстрелы. Участник этой операции красногвардеец Яким Насонов, попавший потом в плен к белым, рассказал на допросе белогвардейцу-следователю: «Часа в три ночи на 18 июля у нас в казарме подняли тревогу по случаю наступления белых. Мы наскоро оделись, вооружились и скорым маршем пошли к Напольной школе. Не доходя до нее, по команде рассыпались в цепь и стали подвигаться к школе. Когда близко подошли к школе, то увидели, что на ее крыльце стояли судья Постников В.П. и комиссар Смольников А.А., которые говорили, что им теперь попадет от Уральского областного Совета за то, что князьям удалось бежать»¹²⁹.

Население, прилегающее к школе¹³⁰, было встревожено и не спало всю ночь. На следующий день все население Алапаевска только и говорило о побеге из-под ареста великих князей. Многим красногвардейцам из отряда т<оварища>

¹²⁸ Автор записок не был участником убийства членов Дома Романовых и их приближенных. Дальнейшие события он описывал на основании показаний, опубликованных следователем Н.А. Соколовым.

¹²⁹ Ссылка автора текста: *Соколов Н.А. «Убийство царской семьи»*. Берлин, 1925. С. 260.

¹³⁰ Так написано в рукописи.

Кушникова, несущим службу по охране великих князей, после «их побега» приходилось не раз выслушивать незаслуженные упреки от жителей Алапаевска за то, что не смогли уберечь «от побега» арестованных князей.

Оставшиеся от княгини и князей их личные вещи: одежда, обувь и прочие предметы обихода — были переданы Советам, частично в кооператив для продажи, а другая часть передана администрации детскота¹³¹ (детского отдела — *прим. авторов-составителей*).

Люди, купившие княжеские вещи в кооперативе, дорого заплатились за это в период пребывания белых в Алапаевске. Все, у кого были обнаружены те или иные вещи князей, были расстреляны как участники казни князей.

Елизавета Виссарионовна Шачкова, заведующая детским приютом, получившая постельные принадлежности: подушки, одеяла, простыни, наволочки и т. п. для детского приюта, тоже была расстреляна белыми.

18 июля в 3 часа 15 минут утра Алапаевский Совет рабочих депутатов телеграфировал в Екатеринбург областному Совету рабочих депутатов: «Военная. Екатеринбург. Управление. 18 июля утром два часа банда неизвестных вооруженных людей напала на Напольную школу, где помещались великие князья. Во время перестрелки один бандит убит и, видимо, есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев, бандиты бежали по направлению к лесу, задержать не удалось, розыски продолжаются. Алапаевский исполком: Абрамов, Перминов, Останин».

25 июля 1918 г<ода> в «Пермских известиях» № 144 было помещено сообщение под заголовком «Похищение князей», в котором говорится: «Алапаевский исполком сообщает в нападении утром 18 июля неизвестной банды на помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван

¹³¹ Ссылка автора текста та же.

Константинович, Сергей Михайлович и Палей. Несмотря на сопротивление стражи, князья были похищены. Есть жертвы с обеих сторон. Поиски ведутся. Пред<седатель> областного Совета Белобородов».

Такая же телеграмма была отправлена 18 июля в Москву за подписью Белобородова, в результате чего 21 июля 1918 г<ода> официально в бюро печати было опубликовано и отправлено из Москвы в Екатеринбург областному Совету телеграмма № 6153: «[На] состоявшемся 18 июля [1918 года] первом заседании Президиума ЦИК Советов председатель Свердлов сообщает полученное по прямому проводу сообщение Уральского Совета о расстреле бывшего царя Николай Романова. Последние дни столице Красного Урала Екатеринбург seriously угрожала опасность — приближение чехословацких банд, в тоже время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имеющих целью вырвать из рук Советской власти коронованного палача. В виду всех этих обстоятельств президиум Уральского областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что было приведено в исполнение 16 июля [1918 года]. Сын и жена Николая отправлены в надежное место. Документы о раскрытом заговоре отправлены в Москву специальным курьером». Сделав это сообщение, Свердлов напоминает историю перевода Романовых из Тобольска в Екатеринбург, когда была раскрыта такая же организация белогвардейцев, в целях устройства побега Романовых. Последнее время предполагалось передать бывшего царя суду за все его преступления против народа, только развернувшиеся сейчас события помешали осуществления этого суда. Президиум, обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский областной Совет принять решение о расстреле Романова, постановил: «ЦИК в лице своего Президиума признал решение Уральского областного Совета правильным».

Затем председатель сообщает, что «в распоряжении ЦИКа находятся важные материалы: документы Николая Романова, его собственноручный дневник, который он вел последнее время. Дневник его жены и детей. Переписка Романова,

где имеются, между прочим, письма Григория Распутина его семье. Все эти материалы будут разобраны и опубликованы в ближайшее время»¹³².

Все вещи, оставшиеся после царской семьи в Ипатьевском доме в Екатеринбурге, и вещи великих князей, оставшиеся в Алапаевске, все были упакованы и отправлены в Москву со специальным комиссаром Юровским Я.

28 сентября в Алапаевск пришли белогвардейские войска. Организованной белогвардейцами следственной комиссии при участии местного купца Меньшенина¹³³ и других лиц быстро удалось найти нужных свидетелей по делу казни князей и обнаружить местонахождение трупов князей.

Из допроса бывших поварих при кухне князей Кривовой А.С. и Поздиной-Замятиной А.Г. и бывшего охранника Старцева А.Д. Меньшенину удалось установить, что князей увезли из школы по дороге в Верхне-Синячихинский завод.

Допрошенные следователем самогонщики Самсонов и Трушков К.В. показали, что в ночь с 17 на 18 июля 1918 г <ода> они ехали из Верхней Синячихи в Алапаевск, по дороге встретили обоз, состоящий из 8–10 лошадей запряженных в коробки, в которых сидели по два человека, кучеров не было.

По этим вопросам внимание следователя Мальшикова приковала дорога, идущая на Верхнюю Синячиху. После тщательного обследования этой дороги он пришел к убеждению, что разгадку тайны надо искать в руднике, расположенном недалеко от этой дороги. Внимательное обследование этого рудника показало, что одна из шахт рудника засыпана сверху сравнительно свежей землей, что и дало повод к обследованию и раскопке этой шахты.

Раскрыв шахту, следователи обнаружили, что станки шахты срублены из бревен и она представляет из себя колодезь глубиной 19 метров. Шахта завалена множеством старых бревен, занимавших самое разнообразное положение.

¹³² Соколов Н.А. Ук. соч. С. 246.

¹³³ Похоже, что о следствии автор знал тоже по чужим рассказам.

По трупному запаху, выходявшему из шахты, было окончательно установлено, что трупы казненных великих [князей] находятся в этой шахте. При дальнейшей организованной раскопке были обнаружены и подняты из шахты наверх трупы людей. Первым из шахты был поднят 8 октября 1918 года труп Ромезова Ф.С. На следующий день 9 октября из шахты были извлечены трупы князя Палей и монашки Яковлевой, 10 октября удалось извлечь из шахты три трупа в<еликого> к<нязя> Сергея Михайловича и в<еликих> к<нязей> Константина и Игоря Константиновичей. И 11 октября извлечены последние два трупа в<еликих> к<нязей> Елизаветы Федоровны и Ивана Константиновича.

В следственных белогвардейских актах значится: трупы были в одежде. В карманах оказались вещи домашнего обихода и их документы. На груди великой княгини Елизаветы Федоровны была обнаружена иконка с драгоценными камнями.

Выше приведенное описание место казни великих князей дома Романовых взято из составленных белогвардейскими следователями актов и нам хотелось отметить, что люди, приводившие в исполнение приговор о расстреле князей, не воспользовались никакими вещами казненных, их не соблазнили и драгоценные камни с иконы, находившейся на груди княгини Елизаветы Федоровны.

11 октября 1918 года был произведен медико-полицейский осмотр и вскрытие трупа Ромезова, а 12 октября произведен осмотр всех остальных трупов. 26 октября 1918 года в присутствии члена суда Сергеева произведен судебно-медицинский осмотр и вскрытие остальных трупов. Экспертиза определила, что смерть великого князя Сергея Михайловича последовала от кровоизлияния в твердую мозговую оболочку и нарушения целостности веществ мозга, вследствие огнестрельного ранения.

Все остальные были брошены в шахту живыми¹³⁴ и смерть их произошла от полученных кровоизлияний вследствие

¹³⁴ Эта версия была изложена в материалах следственного дела Н.А. Соколова.

ушибов. Для распознавания трупов трех братьев князей Ивана, Константина и Игоря, и князя Палей к шахте был привезен конструктор технического бюро завода В.Д. Тезяков, который в наказание за то, что его дочь М.В. Тезякова ушла с краснотвардейскими отрядами на фронт, должен был сделать обмеры этих четырех трупов, что дало возможность определить и опознать трупы.

Остальные трупы хотя и были ранее опознаны, но для заказа гробов так же были обмеряны. После всего этого трупы были уложены в гробы и с воинским почетом с молебствием перенесены в Алапаевск и помещены в склепе Алапаевской церкви.

Отец погибших братьев Останиных Федор Иванович Останин в наказание за дела своих сыновей должен был заготовить и разбрасывать впереди шествия пихтовые ветки «одер», по которым и проходило шествие.

Следствие по делу казни князей дома Романовых продолжалось с 7 февраля 1919 г<ода>. Все дела по казни царской семьи в Екатеринбурге и казни князей в Алапаевске были переданы в новые руки — следователю по особо важным делам Н.А. Соколову, с местопребыванием в Екатеринбурге.

С нахождением трупов князей в Алапаевске для белогвардейских следственных органов была решена только одна часть следствия, т. е. нахождения улик «преступления». Вторая же часть нахождения виновных — «преступников» — осталась нерешенной.

Для решения второй части задачи были приняты все средства белогвардейской следственной практики: подкупы, массовые аресты сочувствующих Советской власти, избиения и пытки арестованных, арест родственников бойцов Красной Армии.

Помещения для арестованных в здании бывшего горисполкома и подвалы торговых помещений были переполнены арестованными. Многих арестованных расстреливали без суда и следствия. Участников расстрела князей и лиц

арестованных по этому вопросу не расстреливали, а отправляли в Екатеринбург, где концентрировались все эти допросы.

Из допросов от 15–18 декабря 1918 года задержанных бывших красногвардейцев Насонова Я.И., Поздина-Замятина П.Д., Костылева А.П., Стрехнина И.Г. белогвардейские власти многое узнали об участниках казни князей.

Арестованный в Алапаевске бывший красногвардеец, участвовавший в охране князей, Старцев А.Д. своими показаниями уточнил, кто увозил заключенных в ночь на 18 июля, и кто оставался у школы. Он же показал, что казнь князей произведена по приказанию из Екатеринбурга, что для руководства приведением в исполнение этого приговора из Екатеринбурга приезжал член областного Совета рабочих депутатов и редактор газеты «Уральский рабочий» Сафаров.

Мелкобуржуазные злопыхатели, недовольные Советской властью, на первых порах после прихода белогвардейцев, всеми силами старались услужить им.

Кто-то из таких вольных пособников белогвардейского следствия разыскал и представил в белогвардейскую следственную комиссию фотографию, где сфотографирован актив политических и советских работников, снимавшихся на 1 мая 1918 г <ода>. Эта фотография послужила белогвардейским следственным властям для опознания арестованных алапаевцев и т. п.

Белогвардейский следователь по особо важным делам А. Соколов сделал на такой фотографии пометки и записал как участников казни князей нижеследующих лиц под номерами:

1. Е.А. Соловьев — комиссар юстиции;
2. Г.П. Абрамов — председатель Совета рабочих депутатов;
3. Н.П. Говырин — председатель чека;
4. М.Ф. Останин — член чека;
5. А.А. Смольников — председатель делового совета;
6. С.А. Павлов — военный комиссар;
7. Д.В. Перминов — секретарь СРД;
- 8 и 9. Е.И. Сычев и М.А. Новоселов — рабочие-большевики, члены [Совета рабочих депутатов];
10. В.П. Постников — судья.

В декабре месяце 1918 года в г<ороде> Бийске был опознан и схвачен белогвардейской контрразведкой Е.А. Соловьев. В сопровождении белогвардейского офицера И.А. Обухова он был доставлен в Алапаевск. На допросах в Алапаевске следственной комиссии ничего не удалось узнать от Соловьева и вскоре он был отправлен в Екатеринбург. Спустя 15 лет после этого, в своих воспоминаниях Е.А. Соловьев писал: «Когда я был арестован в первый раз в 1903 г<оду>, то меня из Алапаевска в Нижне-Туринскую тюрьму сопровождал Алапаевский жандарм А.С. Обухов, а из Омской тюрьмы до Алапаевска в 1918 году меня сопровождал уже сын жандарма, белогвардейский офицер И.А. Обухов».

В Екатеринбургской тюрьме производил допросы следователь по особо важным делам Соколов, который писал: «Пойманные в декабре м<еся>це 1918 года и допрошенные 28 декабря обвиняемые Е.А. Соловьев, комиссар юстиции, и чекист П.К. Старцев отрицали свою вину, но свидетельскими показаниями других заключенных были уличены и виновность их в участии в казни великих князей доказана. В апреле 1919 года был пойман и 18 апреля 1919 года допрошен в Екатеринбургской тюрьме И.П. Абрамов.

По делу казни великих князей в Алапаевске было расстреляно более 200 человек, в том числе: Г.П. Абрамов, И.П. Абрамов, Е.И. Сычев, М.А. Носонов, А.Д. Старцев, Я.Н. Носонов, П.Д. Поздин-Замятин и др.

П.К. Старцев умер в Екатеринбургской тюрьме от тифа. Заканчивая свое следствие, Соколов писал: «И Екатеринбургское и Алапаевское убийства — продукт одной воли, одних лиц». Но у следователя не поднялась рука написать дальше, что этот продукт, это воля русского народа и лиц, избранных народом, для исполнения приговора народной мести кровавому режиму династии дома Романовых.

Восемь гробов, спрятанных в склепе Алапаевской Алексеевской церкви, не долго там простояли. Красная Армия, окрепшая в боях, в первую годовщину своего существования

перешла в наступление на всем Восточном фронте, от Глазова до Каспийского моря.

Под ударами частей 3 и 5-й армий белогвардейские войска покатались обратно в Сибирь. В мае м<еся>це, когда части Красной Армии уже занимали населенные пункты Урала, белогвардейские власти г<орода> Алапаевска по указанию свыше решили заранее эвакуировать гробы с останками князей в тыл белогвардейских армий.

Стараясь скрыть эту эвакуацию от жителей Алапаевска, отбрасывая в сторону всякие торжества и молебны, белогвардейцы в одну ночь построили при помощи воинских частей деревянные мостики через речку Алапайху, от склепа до железнодорожной линии Алапаевск-Егоршино.

На рассвете, до заводского гудка, призывающего людей на работу, белогвардейские вояки в сопровождении церковнослужителей, втихомолку от народа, переносили по этим мосткам гробы из склепа в товарный вагон, заранее поставленный на линии ж<елезной> д<ороги>.

Ни церковнослужителей, ни белогвардейских вояк не смущало то, что 8 гробов с останками князей устанавливались в вагоне, предназначенном для перевозки 8 лошадей.

Днем этот вагон под охраной воинской команды был направлен в Екатеринбург. Так незаметно для жителей Алапаевска гробы с останками лиц бывшей царской фамилии навсегда и безвозвратно покинули Алапаевск, оплот революционного движения на Урале как в 1905 году, так и в 1917–1918 годах.

По мере наступления Красной Армии белогвардейское воинство теряло свою «доблесть» и расплзлось как тришкин картон¹³⁵. Вагон с «дорогим грузом» постепенно перемещался на восток в Омск, Новосибирск, Читу и т. д.

¹³⁵ По-видимому, имелся в виду крылатое выражение «тришкин кафтан», взятое из одноименной басни И.А. Крылова (1815). Оно высмеивает необдуманные действия, попытки решать проблемы, создавая новые, приводящие к худшему результату.

Наконец, в феврале 1920 года вагон с трупами князей оказался в Харбине. Следователь Соколов, видя крушение и гибель «Верховного правителя» адмирала Колчака, ухватился за вагон с трупами князей как утопающий за соломинку.

И, как оказалось, эта соломинка спасла самого следователя от возмездия Советского суда, за расстрелянных и замученных советских людей в белогвардейских застенках.

Но не будем забежать вперед и представим по этому поводу слово самому следователю Соколову, который спустя пять лет писал: «после гибели адмирала Колчака, 7/II 1920 г<ода> я был в Харбине. Положение было тяжелое, не было денежных средств. Я обратился с письмом к послу Великобритании в Пекине г<осподину> Лямсону и просил его дать мне возможность вывести в Европу акты следствия и вещественные доказательства. Я указывал, что в числе вещественных доказательств имеются останки царской семьи, 23 февраля ко мне прибыл секретарь посла г<осподин> Кейф, который сообщил мне, что посол запросил свое правительство в Лондоне. Лямсон, видимо, не сомневался в положительном ответе. Мой вагон был взят в состав поезда г<осподина> Кейфа и охранялся. 19 марта английский консул в Харбине г<осподин> Сляй передал мне ответ Английского правительства, он был лаконичен «Не можем». Вместе с генералом... [Дитерихсом] мы обратились к Французскому генералу Жанену. Он ответил нам, что не стоит никого запрашивать, так как помощь в таком деле считает долгом чести. Благодаря генералу Жанену, мне удалось спасти акты следствия и вещественные доказательства (трупы князей). Не могу обойти молчанием имена двух русских людей: купец в Харбине И.Т. Щелоков добыл у крестьянина Ф.М. Власова слиток золота, давший после реализации 3 000 иен. На эти деньги мне удалось выехать в Европу и спасти следствие»¹³⁶.

¹³⁶ Соколов Н.А. Ук. соч. С. 352.

И так останки царствовавшего в России в течение 305 лет рода Романовых вывезены в Европу для удобрения полей Франции, некоторые проходимцы, вроде следователя Н.А. Соколова, как вши, даже из останков князей сумели извлечь для себя пользу и кормились на этом в течение 5 лет. Трупы князей захоронены в какой-то Французской деревне, а следователь Соколов умер в 1926 году вдали от Родины.

В Алапаевске здание Напольной школы существует и до сих пор, в нем размещена школа № 6. Площадь около школы засажена деревьями и кустами и названа «Площадью мести».

Алапаевцы должны гордиться тем, что их деды и отцы заслужили честь быть в числе участников приведения в исполнение возмездия народа России над династией дома Романовых и явились «могильщиками Царского режима»

Еще в период первой революции 1905 года Алапаевские рабочие революционеры твердо усвоили, что всякая власть должна опираться на военную силу, без которой она не может долго просуществовать.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ОРГАНИЗАЦИЙ

Абрамович Георгий, унтер-офицер, денщик майора Жарко Мичича, сотрудника сербской военной миссии. До 1914 г. был торговцем в Шабаце. Входил в состав миссии, отправленной посланником Спалайковичем за княгиней Еленой Петровной на Урал. Арестован в Екатеринбурге 5 июля 1918 г. Покинул Россию в ноябре 1918.

Авдеев Александр Дмитриевич (1887, Оренбургская губерния — 1947, Москва), революционер-большевик, комендант Дома особого назначения (до 4 июля 1918). Получил профессию слесаря, работал на фабрике Злоказовых. Член РСДРП (с 1912). Член Уральского областного и городского советов, комиссар фабрики Злоказовых, член военной секции городского комитета РСДРП(б) (1918–1919). Впоследствии государственный и партийный деятель, персональный пенсионер.

Агафуровы, династия екатеринбургских купцов, предприниматели, владельцы Торгового Дома «Братья Агафуровы», широко известного в Уральско-Сибирском регионе в конце XIX — начале XX века, видные общественные деятели, благотворители. Основателем династии был купец 1-й гильдии Хисаметдин Агафуров (10 октября 1831, Казанская губерния — 1883, Екатеринбург), родившийся в многодетной крестьянской семье. Открыл в Екатеринбурге собственное дело — розничную торговлю мелочным товаром в арендованной лавке (1868). Первоначально в торговом деле принимали участие только члены семьи: жена Биби-Азиза, старший сын Камалетдин, а чуть позже и второй сын Зайнетдин. Постепенно торговля расширяется, Агафуровы участвуют в Ирбитской и Челябинской ярмарках, нанимают служащих. После

смерти главы семейства его дело продолжают сыновья, основавшие Торговый дом «Братья Агафуровы», имевший свои магазины и склады во многих городах России и за границей: в Польше, Китае, Японии и т. д. В их универсальных магазинах можно было купить практически все: от чая и табака до золота и бриллиантов.

Главным распорядителем Торгового Дома «Братья Агафуровы» был Зайнетдин Хисаметдинович Агафуров (1861–1924), а Камалетдин (5 ноября 1853 года, дер. Малые Елги Казанской губернии — 1 июля 1922 года, Иокогама) и Кашафетдин Хисаметдиновичи (1871, Екатеринбург — 1935, Харбин) являлись членами-распорядителями. Упомянутый в тексте Садретдин Агафуров (сын Камалетдина Хисамутдиновича) был одним из совладельцев торгового дома «Братьев Агафуровых»). В годы Первой мировой войны братья Агафуровы много жертвовали на Красный Крест и различным обществам попечения о бедных. Агафуровы покинули Екатеринбург в начале июля 1919 года вместе с войсками адмирала Колчака. Через Сибирь они попали на Дальний Восток, затем в Японию и Китай. Свое дело они продолжили в Харбине, но уже в гораздо более скромных размерах. После внезапной кончины Зайнетдина Агафурова (1924), Торговый Дом просуществовала до 1933 года под контролем последнего из братьев, Кашафетдина, а также сына Камалетдина Агафурова — Садритдина и двух сыновей Зайнетдина — Бурхана и Искандера, занимаясь преимущественно продажей игольно-швейных товаров.

Адам(к)ович-Маус Владимир Карлович. Из протокола допроса свидетеля П.А. Леонова следователем по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколовым от 29 апреля 1919 года известно, что В.К. Адам(к)ович-Маус «...называл себя ротмистром в отставке какого-то гвардейского кавалерийского полка...». В 1918 году он был агентом контрразведки при штабе Сибирской армии, в 1919 — агентом контрразведки при штабе генерала С.Н. Розанова (командующего войсками Иркутского военного округа).

Александр I Карагеоргиевич (4 декабря 1888, Цетинье — 9 октября 1934, Марсель), король сербов, хорватов и словенцев (1921–1929), король Югославии (1929–1934). Сын князя (с 1903 короля) Петра Карагеоргиевича и княгини Зорки, дочери черногорского владетельного князя из рода Петрович-Негош. Крещен 4 января 1889 митрополитом Митрофаном (Мирко Бан) Черногорским, Бердским и Приморским. Восприемники от купели: император Александр III (его представлял дипломат Кимон Агриропуло) и княжна Анастасия Черногорская. Окончил Пажеский корпус (не ранее 1909). В результате династического кризиса провозглашен престолонаследником (1909). Командовал 1-й сербской армией (1912–1913). Принц-регент при своем престарелом отце (1914). Верховный главнокомандующий сербской армией (с 1914). После революции 1917 и Гражданской войны принял на территории своей страны около 70 000 русских беженцев. Убит террористом в Марселе (9 октября 1934 года).

Александра Федоровна (25 мая (6 июня) 1872, Дармштадт — 1918, Екатеринбург), императрица, рожденная принцесса Виктория Александра Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадская. Приняла православие с именем Александра Федоровна (21 октября 1894). Жена императора Николая II. Дети: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Алексей. Попечительница и председательница Женского Патриотического общества (1896–1917). Глава Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, семей раненых и павших воинов (1914–1917). Глава Особого комитета по оказанию помощи русским военнопленным (май 1915–1917). Покровительница склада в Зимнем дворце. Попечительница Царскосельского отделения РОКК. Работала сестрой милосердия в царскосельских госпиталях. Содержалась под арестом в Царском Селе (февраль–август 1917). Ссылка в Тобольск (август 1917 — апрель 1918). Арест в Екатеринбурге (апрель–июль 1918). Расстрел (в ночь с 16 на 17 июля 1918). Канонизирована РПЦЗ (1981) как святая мученица Александра. Архиерейским Собором РПЦ причислена к лику страстотерпцев (2000).

Алексей Николаевич, цесаревич и великий князь (12 августа 1904, Петербург — 17 июля 1917, Алапаевск), единственный сын императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, наследник Российского престола. Получал домашнее образование. Шеф лейб-гвардии Финляндского, Атаманского имени Его Высочества и Конно-гренадерского полков, 4-й имени Его Высочества батареи Гвардейской Конно-артиллерийской бригады, 51-го пехотного Литовского и 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полков, Ташкентского кадетского корпуса, Московского Алексеевского военного училища и Атаман всех казачьих войск. В годы Первой мировой войны сопровождал своего отца в Ставке. Имел звание ефрейтора. Георгиевская медаль (1915). Разделил судьбу своих родителей и сестер. Был убит в подвале Ипатьевского дома в ночь с 16 на 17 июля. Канонизирован РПЦЗ как св. великомученик Алексей (1881). РПЦ причислила его к лику страстотерпцев (2000).

Андерсон Анна (16 декабря 1896 — 12 февраля 1984), одна из самых известных претенденток на имя великой княжны Анастасии Николаевны. История этой самозванки до сих пор вдохновляет большое количество литераторов, публицистов и историков. Притязания Анны Андерсон поддерживали великая княгиня Ксения Георгиевна, великий князь Андрей Владимирович, а также Глеб и Татьяна Боткины, дети лейб-медика царской семьи. История Анны Андерсон началась 17 февраля 1920 года, когда берлинский полицейский спас из канала Ландвер неустановленную особу после попытки суицида. Сначала ее поместили в Елизаветинскую больницу для бедных, а затем в одну из неврологических клиник, где она провела почти два года. С 1922 года пошли разговоры о том, что Анна Андерсон является чудом спавшейся в Екатеринбург младшей дочерью последнего российского императора. По времени они совпали со слухами о хранящихся в европейских банках «несметных сокровищах» семьи Николая II. В 1938 году Анна Андерсон, ободряемая сторонниками, начала в Берлине судебный процесс против представителей

Дома Романовых за признание ее великой княжной Анастасией Николаевной и право единолично распоряжаться царским имуществом. Этот процесс оказался очень долгим и вызывал неизменный интерес у публики. Он шел с перерывами до 1977 года сначала в Берлине, а потом во 2-й Гражданской палате Гамбургского суда с 1958 по 1961 год. В следующий раз он возобновился в 1964 году, уже после смерти княгини Елены Петровны.

Аничков Владимир Петрович (9 марта 1871, Смоленская губерния — 2 мая 1939, Сан-Франциско, США), банкир, финансист. Окончил **Коммерческое училище** в Санкт-Петербурге и **Высшее техническое училище** в Москве, по окончании которого поступил на службу в Симбирское отделение (**Волжско-Камский коммерческий банк**). Затем занял должность управляющего Симбирским отделением Волжско-Камского банка (1904), впоследствии был переведен в Екатеринбург, где возглавил отделение того же банка, одновременно являясь директором-распорядителем **Алапаевского горного округа** (с 1913). Входил в состав **Комитета общественной безопасности** (март-октябрь 1917). После прихода к власти большевиков и национализации банков пережил арест и бегство в леса Урала. В 1918 году в квартире, которую он снимал в доме купца Захарова, останавливался великий князь Сергей Михайлович, погибший от рук большевиков в Алапаевске, следовательно Н.А. Соколов, камердинер императора Т.И. Чемодуров. Работал в составе Министерства финансов в правительстве А.В. Колчака. Вместе с остатками Белой гвардии семья Аничковых добралась до Владивостока (1923), а затем через Шанхай переехала в США. Открыл **книжный магазин «Русская книга»** в Сан-Франциско (1932). Являлся членом **Русского клуба**, основал в Калифорнии литературное общество «Труженики пера». Автор воспоминаний «Екатеринбург — Владивосток (1917–1922)». Похоронен на сербском кладбище.

Апраксин Петр Николаевич (3(15) января 1876 — 3 февраля 1962), действительный статский советник, вице-губернатор

Воронежской губернии (1907–1911), губернатор Таврической губернии (1911–1913), гофмейстер Высочайшего Двора, ведал канцелярией и придворным церемониалом. Возглавлял военные госпитали и благотворительные комитеты императрицы Александры Федоровны (с 1914). После отречения императора сначала принял решение остаться в Царском Селе, но 11 марта покинул императрицу, так как в Петербурге у него была жена (Елизавета Владимировна Барятинская, с 1909) с пятью маленькими детьми. Восприемницей от купели его старшей дочери Надежды (род. 1911) была Александра Федоровна. Участник Поместного Собора Русской Православной Церкви (1917–1918). Последний градоначальник Ялты (1920).

Атамановы, купцы, владельцы гостиницы в Екатеринбурге. Семья купцов Атамановых, выходцев из города Елабуги, известна в Екатеринбурге с 1880-х годов. В справочнике «Город Екатеринбург» (Екатеринбург: Пермский губернский статистический комитет, 1889), есть данные о том, что Атамановы занимались торговлей бакалейными и колониальными товарами, а также спиртным. Семья владела несколькими магазинами и гостиницей, здание которой было построено на средства купца 2-й гильдии Владимира Яковлевича Атаманова в середине 1880-х годов. Глава семьи был видным общественным деятелем в губернии: он долгое время был гласным городской думы и старостой Богоявленского кафедрального собора Екатеринбурга. После смерти В.Я. Атаманова в 1900 году, бизнес перешел к его наследникам — жене и сыновьям, которые развили гостиничное дело, сделав «Атамановские номера» одной из лучших гостиниц в городе. Официальное наименование гостиницы — «Гостиница наследников В.Я. Атаманова», однако в народе продолжало бытовать ее старое название — «Атамановские номера» или «гостиница Атаманова». Она находилась на углу Главного проспекта (дом 21) и Успенской улицы (дом 2). В наши дни в этом здании на перекрестке улиц Ленина и Вайнера, дом 4, размещается Главное управление ФСБ РФ по Свердловской области.

Белобородов Александр Георгиевич (14 (26) октября 1891, поселок Александровский завод, Соликамского уезда Пермской губернии — 10 февраля 1938, Москва), советский политический и партийный деятель. Родился в рабочей семье. Окончил начальное училище (1905). Работал на уральских заводах, электрик. Член РСДРП (1907). Участник революционного движения, подвергался арестам и административной высылке. Член Уральского областного комитета РСДРП(б)–РКП(б) в Екатеринбурге (1917). Председатель Уральского областного Совета (с января 1918). Причастен к расстрелу царской семьи. Заместитель народного комиссара внутренних дел РСФСР (1921). Народный комиссар внутренних дел РСФСР (1921). Участник левой оппозиции. Исключен из ВКП(б), выслан в Архангельск (1927–1930). Восстановлен в ВКП(б) (1930). Арест (1936). Расстрел (1938). Реабилитирован (1958).

Божичич Милан, унтер-офицер. По происхождению австрийский серб. Занимал должность полевого жандарма. В начале войны перешел к сербам. Денщик военного агента в России полковника Лонкиевича. Входил в состав миссии, отправленной посланником Спалайковичем за княгиней Еленой Петровной на Урал (1918). Был арестован в Екатеринбурге (5 июля 1918). Покинул Россию (ноябрь 1918).

Ветлугин Павел Николаевич (1917, Алапаевск — 1970, Алапаевск), алапаевский краевед, один из собирателей материалов о пребывании членов Дома Романовых в Алапаевске; родился в семье рабочего. Окончил 4 класса высшего начального училища (1916). 1917 года начал Трудовую деятельность начал на Алапаевской узкоколейной железной дороге кочегаром (1917), затем стал помощником машиниста, машинистом. Вступил в комсомол (1920). Учился заочно в институте журналистики (1922–1924). Работал паровозным машинистом в депо станции Алапаевск Свердловской железной дороги (1934–1938). Был редактором ежедневной стенгазеты «На рельсах»,

сотрудничал с редакцией газеты «Алапаевский рабочий». Направлен на работу редактором городского Алапаевского радиовещания (март 1940). Помощник секретаря горкома в аппарате Алапаевского ГК ВКП(б) (с 1944). После выхода на пенсию (май 1950) становится ведущим краеведом города, составляет серию биографий алапаевских революционеров.

Виктор Эммануил III (11 ноября 1869, Неаполь — 28 декабря 1947, Александрия, Египет), итальянский король. Будучи наследником престола, вступил в брак с Еленой Черногорской, с которой познакомился на коронации императора Николая II. Вступил на престол в июле 1900. Виктор Эммануил был шефом 5-го Уланского Литовского полка. В 1915 году Италия вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты. В 1922 году, с установлением фашистского режима Б. Муссолини, был фактически устранен от власти. Титул императора Эфиопии (1936–1943), короля Албании (1939–1943). В июле 1943 поддержал свержение Б. Муссолини. В сентябре 1943 был вынужден покинуть Италию. Передал свои полномочия сыну Умберто в качестве королевского заместителя (июнь 1944), затем отрекся от престола (май 1946). Умер в Египте, простудившись на охоте.

Булычев Борис Евгеньевич (1899–1919), бывший техник Алапаевского завода, секретарь Уральской областной чрезвычайной комиссии, конвоировал ссыльных членов Дома Романовых из Екатеринбурга в Алапаевск; сотрудник алапаевской ЧК (с июня 1918).

Виктория Федоровна (13 (26) ноября 1876, Мальта — 18 февраля (2 марта) 1936, Германия), великая княгиня, рожденная принцесса Виктория Мелита Великобританская и Ирландская, герцогиня Саксен-Кобург-Готская. Вышла замуж за великого герцога Эрнста-Людвига Гессен-Дармштадского (18 апреля 1894). Брак был расторгнут 21 декабря 1901 года. Единственная дочь от этого брака умерла в детстве.

Без разрешения императора Николая II вступила в брак со своим двоюродным братом великим князем Кириллом Владимировичем (25 сентября (8 октября) 1905). Приняла православие с именем Виктория Федоровна (1907), в том же году император Николай II простил Кирилла Владимировича и Викторину Федоровну и причислил к членам Дома Романовых. Дети: князья крови императорской Мария, Кира, Владимир. В годы Первой мировой войны великая княгиня Виктория Федоровна занималась благотворительностью. После революции ее семье удалось покинуть Россию через Финляндию.

Всеволод Иоаннович (7 (20) января 1914, Петербург — 18 июня 1973, Париж), князь крови императорской с титулом высочества. После отъезда в ссылку своих родителей (1918), вместе с младшей сестрой, княжной Екатериной Иоанновной, оставался на попечении бабушки, великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Осенью того же года они выехали из России в Швецию. Жил с матерью и сестрой в Сербии, Франции и Великобритании. Историк по образованию, окончил Итон и Оксфорд. Попечитель Русской организации соколов в Загребе. Член Сербского автомобильного клуба. Шеф Русского кадетского корпуса имени императора Николая II. Трижды был женат. Детей не имел.

Гавриил Константинович (3 (15) июля 1887, Павловск — 15 (28) февраля 1955, Париж), князь императорской крови, сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Числился в 1-м московском императрицы Екатерины II кадетском корпусе (с 5 сентября 1900). Зачислен в Николаевское кавалерийское училище (1 июня 1905). Флигель-адъютант, принял присягу военную и как член Императорской фамилии (1908). Поручик лейб-гвардии Гусарского полка (1911). Слушатель Александровского лицея (1910–1913). С начала Первой мировой войны — в Гусарском полку. Отчислен в Свиту (1916). Окончил Императорскую Николаевскую академию (1917). Был

награжден Георгиевским оружием и орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Член Императорского яхт-клуба (1912). Вышел в отставку по болезни (28 апреля 1917). Заключен в Петропавловскую крепость (1919). Был освобожден благодаря хлопотам жены. Уехал в Финляндию, затем во Францию. Проживал в Париже (с 1920). Получил от великого князя Кирилла Владимировича титул великого князя с правом именоваться «его императорским высочеством» (1939). Автор ряда книг, в том числе, воспоминаний «В Мраморном дворце». Похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. Первый брак (с 1917) с бывшей балериной Мариинского театра А.Р. Нестеровской. Второй брак (с 1951) — с княжной Ириной Ивановной Куракиной. Детей не имел.

Гендрикова Анастасия Васильевна (23 июня 1888, Харьковская губерния — 22 августа (4 сентября) 1918, Пермь), графиня, личная фрейлина императрицы Александры Федоровны, дочь гофмейстера Высочайшего Двора. Шифр фрейлины (1910). Разделила арест в Александровском дворце и последующую ссылку в Тобольск с царской семьей (август-май 1918). Арест в Екатеринбурге (23 мая 1918). Нахождение под стражей в тюрьме Екатеринбурга и Перми. Была убита вместе с группой заложников (в ночь на 5 сентября (23 августа) 1918). Была канонизирована в 1981 году Русской Православной Церковью за границей (РПЦЗ) как святая мученица Анастасия. Была посмертно реабилитирована Генеральной прокуратурой РФ (16 октября 2009).

Глухих Георгий Васильевич (1884, Нейво-Алапаевская волость — 1945), военрук Алапаевска, родился в семье крестьянина, занятого на заводских транспортных работах. Окончил 4-классное училище (1910) и поступил крючником в листопрокатный цех Алапаевского завода, тогда же стал заниматься революционной деятельностью. Призван в армию (1916), окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков и в чине

прапорщика попал на фронт. За смелость и решительность был произведен в подпоручики, командуя ротой 323-го полка 81-й дивизии. После демобилизации вернулся в Алапаевск, вступил в партию левых эсеров и занялся формированием и обучением красногвардейских отрядов. Командовал ротой горняков-эсеров в Красной гвардии, входившей в состав бригады Я.К. Пальвадре, оборонявшей Екатеринбург с юго-западной стороны от наступавших чехословаков. Участвовал в подавлении «кулацкого» восстания в Махневской волости (март 1918), с красногвардейским отрядом ушел на фронт (май 1918), участвовал в боях с казаками Дутова на Южном Урале. Возглавляемому им отряду за боевые заслуги было присвоено звание «Железный батальон». Исполнял обязанности коменданта города Ирбита (1919). После Гражданской войны назначен командиром Алапаевского батальона частей особого назначения. Поступил в лесотехнический институт (1936), но закончить не успел, был арестован как враг народа (март 1938). Скончался в 1945 году в местах заключения, реабилитирован в 1956 году.

Говырин Николай Павлович (9 мая 1888, Алапаевск — 19 июня 1941, Харьков), председатель алапаевской ЧК, один из организаторов и участников убийства членов Дома Романовых в Алапаевске; старший сын в многодетной рабочей семье. Не закончив городского училища, подростком поступает учеником токаря в механический цех завода, в семнадцать лет становится квалифицированным токарем. Вступает в ряды большевиков (1905). Ведет активную политическую деятельность. Избирается членом Алапаевского комитета партии большевиков, в январе 1918 года — председателем Алапаевской ЧК. После перехода власти в городе к Белой армии, входит в подпольную группу Ефима Соловьева (осень 1918). Спасаясь от неминуемого ареста и гибели, пробирается в Сибирь, где продолжает вести активную подпольную работу. После окончания Гражданской войны возвращается в Алапаевск, где помогает в восстановлении заводов. По окончании курсов красных

директоров в Москве (1924) работал в разных городах. В годы первых пятилеток возглавлял партийные комитеты Первоуральского новотрубного завода и Донецкой железной дороги.

Горин (Горев) Владимир Митрофанович (1885, Саратов — 1938), сотрудник Уральской Областной ЧК (1885–1938). Его отец был приказчиком, затем управляющим частным торговым предприятием, а мать — учительницей. Получил среднее образование в Петрограде (1915). Поступил в Пермский университет (1916). Левый эсер, член РСДРП (с 1917). Работал в Пермском исполкоме (после октября 1917). Член коллегии Уральской ОблЧК (с начала 1918), принимал участие в аресте и допросах княгини Елены Петровны и сербской миссии в Екатеринбурге в июле 1918 года. После отступления красных отрядов из Екатеринбурга был в Вятке председателем Вятской ГубЧК. Воевал на Восточном фронте, был председателем трибунала 27 дивизии (1919–1920). Работал в составе Губревкома и Губисполкома в Челябинске (1920), затем в Крыму — был членом Крымревкома и зав. отделом Управления. Зам. начальника управления госдоходов в Наркомфине (1924–1928). В 1920-е годы примыкал к троцкистам, после XV съезда партии был исключен из ВКП(б), но вскоре восстановлен и находился на партийно-хозяйственных должностях — в Казани (председателем Госплана, затем зам. председателя Совнаркома, входил в состав Обкома и бюро Татобкома ВКП(б)), а также в Горьком, Оренбурге и других городах. В 1938 году арестован за бывшую принадлежность к троцкистско-зиновьевскому блоку и расстрелян. Место захоронения неизвестно.

Гутман Анатолий Яковлевич (1889–1950), издатель, журналист, редактор; литературный псевдоним «А. Ган»; редактор-издатель московской газеты «Коммерческий телеграф». Его статьи печатались в «Биржевом курьере», «Эпохе», «Биржевых ведомостях» (Санкт-Петербург). В 1918 году Гутман уезжает из Петербурга на восток. Одно время издавал газету

«Воткинский Вестник». С октября 1918 года он жил в Уфе, а с января 1919-го — в Омске, где сотрудничал с газетами «Заря» и «Русская Армия». С марта 1919 по январь 1920 года Гутман находится во Владивостоке и издает газету «Русский Экономист». С 1921 года он жил в Японии, издавая в Токио газету «Дело России», а потом переехал в Китай. С 1923 года он жил в Париже, публиковался в русскоязычных газетах «Руль», «Сегодня», «Общее Дело» и «Возрождение». Автор публикации Екатеринбургская трагедия / Из неопубликованных материалов об убийстве членов дома Романовых // Возрождение (Париж. 1931. 03.11).

Гучков Александр Иванович (14 (26) октября 1862, Москва — 14 февраля 1936, Париж), государственный и политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1885). Член Московской городской управы (1893). Директор, а затем управляющий Московским учетным банком (1901). Уполномоченный отряда Красного Креста (в годы русско-японской войны). Один из основателей и лидеров партии «Союз 17 октября» (1905). Депутат III и IV Государственной Думы. Председатель Государственной Думы (март 1910 — март 1911). Избран в Государственный Совет (1915). Председатель Центрального военно-промышленного комитета, член Особого совещания по обороне, участник «Прогрессивного блока» (1914–1917). Военный и морской министр в первом составе Временного правительства (1917). После 1918 — во Франции.

Деревенко Владимир Николаевич (15 (27) июля 1879, Яссы — после 1930), почетный лейб-хирург. Окончил 1-ю Кишневскую классическую мужскую гимназию (1899). Окончил Военно-медицинскую академию со званием «лекаря» и заносится на доску лучших выпускников этого учебного заведения (1904). Получает должность младшего врача гарнизона Керченской крепости и одновременно заведует венерическим и офтальмологическим отделениями в местном

лазарете (1904). Участник русско-японской войны: работает на передовых перевязочных пунктах, в том числе, во время тяжелых боев под Мукденом (1904–1905). Становится ассистентом приват-доцента профессора С.П. Федорова до окончания военной кампании, а затем его ординатором и ассистентом в хирургической клинике ИВМА (1905). Защита диссертации «К вопросу об оперативном лечении невралгии тройничного нерва» (1908). Приват-доцент кафедры клинической хирургии (1911). Лейб-хирург (1912). Хирург в офицерском лазарете Феодоровского городка (1914–1917). После ареста Царской семьи в марте 1917 года доктор Деревенко остается в Александровском дворце. Приезжает в Тобольск вместе с семьей в качестве врача «Гвардейского Отряда особого назначения по охране бывшего царя и его семьи» (24 августа). Сопровождал вместе с другими приближенными царских детей в Екатеринбург (май 1918). Свободно проживал в городе и посещал цесаревича в доме Ипатьева (до 19 июня (2 июля) 1918). Профессор Пермского университета (с декабря 1918), затем приват-доцент Томского университета (до декабря 1919) и других университетов Сибири и Урала. Преподавательскую деятельность совмещал с медицинской практикой. Заведует кафедрой хирургических болезней в Днепропетровском медицинском институте (с 1923), активно занимается научной работой. Арестован и осужден на пять лет (1930), но продолжал работать в Медсануправлении «Днепростроя». Точная дата смерти и ее причина не установлены.

Долгоруков Василий Александрович, князь (1 августа 1868 — 10 июля 1918), генерал-майор Свиты ЕИВ (с 1912). Происходил из древнего княжеского рода. Окончил Пажеский корпус. Служил в лейб-гвардии Конно-гренадерском (с 1890), а затем в Кавалергардском полку. Флигель-адъютант (1896). Командир 3-го драгунского Новороссийского полка (1910). Командир Конно-гренадерского полка (1912). Произведен в генерал-майоры с зачислением в Свиту (1912). Командовал 1-й бригадой 1-й гвардейской кавалерийской

дивизией (февраль — июль 1914). Гофмаршал Высочайшего Двора (1914). В период Первой мировой войны постоянно находился при императоре Николае II. После отречения императора добровольно остался с его семьей, последовал за ним в Тобольск, а затем сопровождал Николая II из Тобольска в Екатеринбург. По приезду был арестован на вокзале, заключен в тюрьму и расстрелян вместе с генерал-адъютантом И.Л. Татищевым. В ноябре 1981 года был причислен к лику Новомучеников Российских.

Доллер Софья Александровна (? — 1939), первая жена заместителя председателя Петроградской ЧК П.И. Бокия. Происходила из семьи ссыльных народовольцев; училась на Высших женских курсах; в молодости входила в партию эсеров. В ссылке познакомилась с Г.И. Бокием и вышла за него замуж. В браке родилось две дочери. Вступила в партию большевиков (весна 1917). По воспоминаниям современников, она была полная, небольшого роста, очень подвижная, веселая, необычайно энергичная. В 1919 году разошлась с Г.И. Бокием и вторично вышла замуж. Арестована (1938) и через год умерла в лагере для членов семей изменников родины.

Елена Черногорская (08 января 1873, Цетинье — 28 ноября 1952, Монпелье), итальянская королева; происходила из княжеского черногорского владетельного рода Петровичей — Негошей; обучалась в Смольном институте; в январе 1896 года вышла замуж за наследника итальянского престола принца Неаполитанского Виктора Эммануила Фердинанда Марию Дженнаро. Перед бракосочетанием приняла католичество. Итальянская королева с июля 1900 года. По отзывам современников, имела сильное влияние на мужа. В годы Первой мировой войны занималась благотворительностью, работала санитаркой в одном из госпиталей. Папа Римский наградил ее Золотой Розой Христианства (1937). Поддерживала своих черногорских и сербских родственников. Последовала за мужем в изгнание. Во вдовстве жила во Франции.

Елизавета Маврикиевна (13 (25) января 1865, Майнинген — 2 марта 1927, Альтенбург), великая княгиня, рожденная принцесса Елизавета Августа Мария Агнеса Саксен-Альтенбургская. Лютеранка, вероисповедание не меняла. Вышла замуж за великого князя Константина Константиновича (15 (27) апреля 1884). После бракосочетания получила титул «ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Маврикиевны». В России много времени посвящала благотворительности. В браке девять детей. Осенью 1918 года покинула Россию вместе с младшими детьми Георгием и Верой и внуками Всеволодом и Екатериной. Жила в Швеции, Бельгии, Германии.

Елизавета Федоровна (1 ноября 1864, Дармштадт — 1918, Алапаевск), великая княгиня, рожденная принцесса Элизабет Александра Луиза Гессен-Дармштадская, старшая сестра императрицы Александры Федоровны. Вышла замуж за великого князя Сергея Александровича (3 июня 1884). Приняла православие (1891). Была учредителем и попечителем многих благотворительных учреждений, в том числе, в годы русско-японской и Первой мировой войн. Основала Марфо-Мариинскую обитель милосердия (1909) и стала ее начальницей. Выслана из Москвы в Екатеринбург, а затем в Алапаевск (1918). Убита в ночь с 17 на 18 июля 1918. Канонизирована РПЦЗ (1981). Причислена к лику святых РПЦ (1992).

Жилинский Александр Николаевич (1884–1937), Уральский областной жилищный комиссар (1918). Член РСДРП (с 1904). Принимал участие в основании и издании социал-демократических газет в Петербурге, Перми, Вятке, Тюмени, Екатеринбурге (с 1905). Активный участник Гражданской войны. Во время наступления Красной армии назначался комендантом городов Глазова, Вятки, Перми, Камышлова, Талицы, Ишима, Екатеринбурга. Затем находился на хозяйственной работе, в разное время занимал должность управляющего трестами «Маслоэкспорт», «Уралполиграфтрест»,

«Торфотрест», «Главрезина». В начале 1937 года был исключен из партии как враг народа, а в мае приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1956 году.

Живкович Михайло (22 сентября 1858, Белград — 23 апреля 1930), генерал сербской армии, один из ведущих военных теоретиков Сербии. Участник сербо-турецкой (1875–1876) и балканских войн. Военный министр (1908–1909). Начальник Военной академии (1908, 1909–1912). Участник Первой мировой войны. Назначен командующим Сербского добровольческого корпуса (29 июля 1916). Отставка (июль 1918).

Жиряковы, екатеринбургские купцы. Основатель династии **Василий Саввич Жиряков** (20 февраля 1836 — 9 декабря 1911, Екатеринбург) получил домашнее образование, начал работать в фирме отца, управляя его мельницами, затем организовал собственное дело. Жиряков вложил средства в мукомольное производство, построив две крупные мельницы. Одним из первых на Урале заменил жернова австрийскими вальцовыми станками, что привело к повышению качества муки. Построил в д. Колюткино (1889) и д. Черноусово (1898) Екатеринбургского уезда льнопрядильные фабрики, на которых организовал производство мешков, ниток, шпагата. После его смерти наследники создали Торговый Дом «В. С. Жиряков», существовавший до 1919.

Зорка-Любица (23 декабря 1864, Цетинье — 16 марта 1890, Цетинье), рожденная княжна Черногорская из рода Петровичей-Негошей. Старшая дочь владетельного князя. Окончила Императорское Воспитательное общество благородных девиц — Смольный институт (1881) с шифром императрицы. Вышла замуж за князя-изгнанника из рода Карагеогиевичей (1883). Дети: Елена (1884–1962), Милена (1886–1887), Георгий (1887–1972), Александр (1888–1934), Андрий (1890).

Игорь Константинович (29 мая 1894 — 18 июля 1918, Алапаевск), правнук императора Николая I, князь крови императорской. Окончил Петровско-Полтавский кадетский

и Пажеский корпуса. Произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка (12 июля 1914 года). Участник Первой мировой войны (1914–1915). Был награжден боевыми орденами, в том числе, Георгиевским оружием (1915). Назначен флигель-адъютантом к его императорскому величеству с отчислением из полка в Свиту (27 февраля 1916). Произведен в поручики (май 1916), а затем в штабс-ротмистры. Ктитор нескольких церквей, много занимался благотворительностью, а в годы войны жертвовал значительные суммы на лазареты. Отставка (март 1917). Отказался от прав на престолонаследие. Вместе с великой княгиней Елизаветой Федоровной был на столновании Святейшего Патриарха Тихона (21 ноября 1917). Выслан (апрель 1918) сначала в Вятку, затем в Екатеринбург и Алапаевск. Убит вместе с другими представителями Дома Романовых (в ночь с 17 на 18 июля 1918). Похоронен в склепе Свято-Серафимовского храма Русской духовной миссии в Пекине (1920). Был Канонизирован РПЦЗ в сонме Новомучеников Российских (1 ноября 1981). Посмертно реабилитирован Генеральной прокуратурой РФ (8 июня 2009).

Иоанн Константинович (23 июня 1886, Павловск — 18 июля 1918, Алапаевск), князь крови императорской, старший сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизавета Маврикиевны, рожденной принцессы Саксен-Альтенбургской. Получил образование в 1-м кадетском корпусе и Николаевском кавалерийском училище. Лейб-гвардии Конный полк (1907). Принял присягу как член Императорского Дома и военную (1908). Назначен флигель-адъютантом императора Николая II (1908). Участник Первой мировой войны. За боевые отличия был награжден Георгиевским оружием и орденом св. Владимира IV степени с мечами и бантом (1914). Владелец города Павловска (с 1915). Отставка (апрель 1917) с мундиром в чине подполковника. В апреле 1918 года вместе младшими братьями и другими представителями Дома Романовых был Выслан из Петрограда (апрель 1918). Убит вместе с другими представителями Дома

Романовых (в ночь с 17 на 18 июля 1918). Похоронен в склепе Свято-Серафимовского храма Русской духовной миссии в Пекине (1920). Был Канонизирован РПЦЗ в сонме Новомучеников Российских (1 ноября 1981). Посмертно реабилитирован Генеральной прокуратурой РФ (8 июня 2009).

Кабанов Алексей Георгиевич (15 октября 1890 года, дер. Гримино, Ржевского района Калининской области — 1 июля 1972, Хабаровск), участник убийства Императорской семьи в Екатеринбурге; родился в семье крестьянина-середняка; трудовую деятельность начал плотником на заводе С.С. Щетинина в Петербурге (1909), участвует в подпольной революционной деятельности. Был мобилизован в армию (ноябрь 1914). Деятельный участник февральских событий 1917 года: возвратившись на родину в Гримино, агитирует за волостной Совдеп, а в июле 1917 года его возглавляет. В апреле 1918 года он уезжает на Урал, где в екатеринбургской ЧК комиссаром тюрьмы № 2 служил его старший брат Михаил, рекомендованный на это место секретарем Уральского Обкома РКП(б) Ф.И. Голощекиным. А.Г. Кабанова зачисляют в так называемый Летучий отряд при Екатеринбургской ЧК, где он выполнял «рутинную работу» выявления и физического устранения контрреволюционеров, показав себя преданным бойцом революции. В мае 1918 года ему было поручено конвоирование высланных в Екатеринбург членов Императорского Дома Романовых и их слуг. Позднее А.Г. Кабанов участвовал в убийстве семьи Николая II в подвале Ипатьевского дома. Из его автобиографии: «В июле 1918 г. я был назначен начальником пулеметной команды внутренней охраны бывшего царя и его семьи в Екатеринбурге, принимал непосредственное участие в ликвидации этих особ». Вместе с Г.П. Никулиным он выехал в Пермь, сопровождая два вагона имущества, принадлежавшего Императорской семье. До марта 1932 года Кабанов служил в Вятке, а затем в Крыму в органах ЧК, занимал партийные и государственные посты, в частности, служил прокурором Феодосийского

округа, а с 1932 года — на Дальнем Востоке, в Хабаровске, Кабанов сменил несколько должностей: управляющего Дальневосточной конторой «Союзмясосбыт», заведующего Хабаровским облколхозом и т. д. В начале Великой Отечественной его назначили зав. Хабаровским трестом столовых. В 1956 году он вышел на пенсию. В 1964 году, памятуя о своих прошлых заслугах, Кабанов обратился в Хабаровский крайком с просьбой о назначении ему персональной пенсии. Ходатайство было удовлетворено, и с 10 августа 1965 года царубийца А.Г. Кабанов стал персональным пенсионером республиканского значения. Умер и похоронен в Хабаровске на Центральном кладбище.

Карагеоргиевич Арсений (4 апреля 1859 — 19 октября 1938), князь, генерал-майор (1914) русской императорской армии, младший брат сербского короля Петра I. Окончил 2-е Константиновское военное училище (1888). Вступил в брак с Авророй Павловной Демидовой княжной Сан-Донато, старшей дочерью киевского городского головы, камер юнкера Павла Павловича Демидова князя Сан-Донато и княжны Елены Петровны Трубецкой. Из трех сыновей, носивших его фамилию, он признавал только старшего, Павла (1893–1976), забрал его от жены и передал на воспитание старшему брату, будущему королю Петру I Карагеоргиевичу. Развод (1896). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Имел боевые награды. Отставка (1916, апрель). В эмиграции в Париже.

Карагеоргий — Георгий Петрович (16 ноября 1762, Вишевац, Шумадия — 13 (28) июля 1817, деревня Радованьски Луг, около городка Велика-Плана), прозванный за черные волосы и взрывной характер Карагеоргием, основатель династии Карагеоргиевичей, руководитель Первого сербского восстания против Османской империи (1804–1813). Обладал талантом руководителя и военачальника. Происходил из бедной крестьянской семьи. Провозгласил себя князем (1806), затем в Тополе вождем всех сербов (1809). Его притязания поддержала Россия. Был обезглавлен политическими противниками.

Керенский Александр Федорович (22 апреля (4 мая) 1881, Симбирск — 11 июля 1970, Нью-Йорк). Родился в семье директора Симбирской гимназии. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1904). Член IV Государственной Думы, лидер фракции трудовиков. Участвовал в работе Временного комитета Государственной Думы (февраль 1917), был избран товарищем председателя Петроградского совета РСД от партии эсеров. Во Временном правительстве последовательно занимал посты министра юстиции (март–апрель), военного и морского министра (июль–август). В сентябре — октябре 1917 года совмещал посты министра-председателя и верховного главнокомандующего. После октябрьской революции 1917 года пытался организовать вооруженное сопротивление советской власти. С 1918 года в эмиграции. Автор воспоминаний «Россия на историческом повороте».

Комитет великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет); был образован 14 сентября 1914 года по Высочайшему указу и действовал на основании Положения. Великая княжна Татьяна Николаевна была почетным председателем, но лично участвовала в его деятельности. Председателем Комитета был назначен член Государственного Совета, камергер А.Б. Нейгардт. Целью этой благотворительной организации было оказание временной помощи лицам, «впавшим в нужду вследствие бедствий, вызванных военными обстоятельствами». Татьянинский комитет оказывал адресную помощь, выдавая единовременные денежные пособия, содействовал отправке беженцев на родину или места постоянного проживания, оказывал помощь в поисках работы или устраивал нетрудоспособных в социальные учреждения. По всей империи стали создаваться отделения этого комитета, которым также оказывалось материальное содействие для решения проблем на местах. Довольно быстро эта организация создала крупнейшую благотворительную сеть по оказанию

помощи беженцам // Подробнее см.: Памятная книжка Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Издана к 3 мая 1915 г. Пг., 1915; Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 г. — январь 1916 г.: в 2 т. Пг., 1916.

Константин Константинович (10 (22) августа 1858, Стрельна — 2 (15) июля 1915, Павловск), великий князь, внук императора Николая I, генерал-адъютант (1901), генерал от инфантерии (1907). Участник русско-турецкой войны (1876–1877). За отличие в бою награжден орденом св. Георгия 4-й степени (октябрь 1877). Назначен главным начальником военно-учебных заведений (1900). Генерал-инспектор военно-учебных заведений (1910–1915). Почетный член (1887–1889), а затем президент Петербургской Академии наук (1889–1915). Избран почетным попечителем Педагогических курсов при петербургских женских гимназиях (1889), состоял почетным членом Русского географического и Минералогического обществ, вице-председателем Русского музыкального общества и так далее. Был талантливым поэтом, переводчиком, драматургом, способным композитором и выдающимся музыкантом. Дети: Иоанн (1886–1918); Гавриил (1887–1955); Татьяна (1890–1970); Константин (1891–1918); Олег (1892–1914); Игорь (1894–1918); Георгий (1903–1938); Наталья (1905); Вера (1906–2001) // *Федорченко В.И.* Свита российских императоров. В 2 кн. Кн. I. А–Л. М.: АСТ, 2005. С. 426–429. Официальной резиденцией семьи Константина Константиновича в Петербурге был Мраморный дворец.

Константин Константинович (1 января 1891, Санкт-Петербург — 18 июля 1918, Алапаевск), правнук императора Николая I, князь крови императорской. Окончил Нижегородский кадетский корпус (1908) и был зачислен в Пажеский

корпус. Произведен в подпоручики лейб-гвардии Измайловского полка (1910). Флигель-адъютант Свиты Императора Николая II (6 января 1912). Бессменный ктитор полковой церкви, делал пожертвования в Николаевскую богадельню. Вносил свою часть на содержание лазарета Мраморного дворца и павловских лазаретов Великой княгини Елизаветы Маврикиевны и Королевы Эллинов Ольги Константиновны (1914–1916). Участник Первой мировой войны, имел боевые награды. Награжден Георгиевским оружием (25 февраля 1916). Произведен в капитаны (1916). Командовал ротой (октябрь 1916). Назначен исполняющим обязанности командира маршевого батальона (февраль 1917). Вышел в отставку (апрель 1917). Вместе с братьями 2 апреля 1918 года был выслан из Петрограда сначала в Вятку, затем Екатеринбург и Алапаевск. Был зверски убит в ночь на 18 июля 1918 года под Алапаевском. Прах перезахоронен в склепе Свято-Серафимовского храма Русской духовной миссии в Пекине (1920). Причислен РПЦЗ к лику Новомучеников Российских (1 ноября 1981). Посмертно реабилитирован Генеральной прокуратурой РФ (8 июня 2009).

Корольковы, екатеринбургские предприниматели. Основатель династии — купец 2-й гильдии Михаил Глебович Корольков (1852–1921), занимался торговлей бакалейными товарами и рыбой. В 1906 году он получил право комиссионной торговли черной и белой жестью алапаевских заводов. М.Г. Корольков был действительным пожизненным членом екатеринбургского отдела Императорского Православного Палестинского общества, состоял старостой Свято-Духовской (Златоустовской) церкви Екатеринбурга и многое сделал на этом посту: был попечителем школы при храме, руководил деятельностью церковно-приходского попечительства и т. д. Его сыновья — Борис (1886–1931), Николай (1876–1929) и Сергей (1883 — ?) продолжили семейное дело. Борис Михайлович торговал канцелярскими принадлежностями, а также мясом и рыбой, основал небольшой кожевенный завод. Сергей Михайлович в 1910-х гг. занимался рыбной торговлей.

Кострицкий Сергей Сергеевич (1875, Киев — 1944, Франция), отставной коллежский регистратор, придворный стоматолог, зубной врач их императорских Величеств. Окончил Киевский императорский университет св. Владимира с дипломом хирурга-одонтолога. Имел практику в Ялте (с 1898). Потомственное дворянство (1917). Прибыл в Тобольск из Крыма для лечения Царской Семьи (октябрь 1917). Состоял на службе водителем автокоманды при штабе командующего войсками Новороссийской области (1919). Был направлен в Севастополь для службы при английской миссии (1920), затем в Константинополь, по линии РОКК в больницу св. Николая для обслуживания в качестве одонтолога эвакуированных чинов русской армии и русских граждан. Переехал во Францию, открыл лабораторию по производству паст и зубных эликсиров. Пожизненный член Союза ревнителей памяти Императора Николая II (1937). Жена — дочь коллежского асессора Людмила Степановна Блонская (1882–1919); дети: Сергей (1902–1920), Леонид (1907–1988), Людмила (1904–1990).

Кривова Александра Сергеевна (1882 — ?), уроженка Калужской губернии. Была нанята управляющим хозяйством великого князя Сергея Михайловича Ф.С. Ремеза кухаркой в Напольную школу, где работала в мае-июне 1918 г. Разрешение на работу дал военный комиссар Павлов, с условием, чтобы она «с князьями в разговоры не вступала и с воли им ничего не передавала» // Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Материалы предварительного следствия судебного следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколова: Сборник документов. М.: Кучково поле, 2017. С. 112.

Кушников Иван Федорович (1888, Алапаевск — ?), один из командиров красноармейских отрядов, происходил из рабочей семьи и свою трудовую деятельность начал котельщиком на Алапаевском заводе. Участник Первой мировой войны (1915–1917), в 1917 году дослужился до первого офицерского

чина, командир роты 152 запасного полка. После демобилизации вернулся в Алапаевск. Вступил в ВКП(б). Принимал активное участие в формировании отрядов Красной гвардии. В феврале 1918 года отряд под командованием И.Ф. Кушников принимал участие в разгроме отряда казачьего атамана Дутова. В составе 51 дивизии В.К. Блюхера И.Ф. Кушников со своим батальоном красноармейцев прошел всю Гражданскую войну. Дослужился до командира полка. 1934–1935 годах работал начальником учебного центра в Ленинграде. Вышел на пенсию, но в 1940 году вернулся в ряды Красной Армии в должности начальника оперативного отдела Приволжского военного округа. С начала Великой Отечественной войны на фронте. Дальнейшая судьба не установлена.

Лазарет Мраморного дворца. В августе 1914 года по инициативе княгини Елены Петровны было решено на средства семьи великого князя Константина Константиновича организовать подвижной лазарет Мраморного дворца и отправить его на фронт. Его финансирование на личные и привлеченные средства семья великого князя осуществляла до марта 1917 года. Основу медицинского учреждения составили сестры милосердия Кауфманской общины. Старшим врачом был назначен хирург Б.Г. Шарецкий. Сестрами милосердия сверх штата были зачислены княгиня Елена Петровна и великая княгиня Мария Павловна. Через несколько дней прекрасно оснащенный лазарет отправился в распоряжение командование 1-й армии Северо-Западного фронта, в рядах которой сражались князья Иоанн, Гавриил, Олег и Игорь Константиновичи, а также великий князь Дмитрий Павлович, их двоюродный племянник. Лазарет Мраморного дворца работал как эвакуационный и питательный пункт. В результате быстрого отступления русской армии имущество лазарета в конце августа было утеряно. Уже в начале октября того же года деятельность этого медицинского учреждения возобновилась в расположении 1-й гвардейской дивизии. В декабре 1914 года имущество лазарета Мраморного дворца пополнилось собственным

эвакуационным транспортом. Средства на функционирование этого медицинского учреждения ежемесячно собирались из личных средств членов семьи равными долями. Финансирование лазарета семья великого князя Константина Константиновича была вынуждена прекратить в марте 1917 года.

Линевич Александр Николаевич (18 января 1882, Петербург — 5 августа 1961, Берлин), полковник (с 1915), флигель-адъютант (с 1912). Образование получил в Пажеском корпусе (1901). Участник подавления восстания ихэтуаней в Северном Китае (1900–1901) и русско-японской войны (состоял при штабе 1-й Маньчжурской армии). По окончании войны командовал 1-й ЕИВ батареей лейб-гвардии Конной артиллерии. После февральской революции 1917 года вышел в отставку. В октябре–декабре 1918 года заведовал хозяйственной частью офицерской дружины генерала Кирпичева в Киеве, получил чин генерал-майора. Эмигрировал в Германию.

Мария Николаевна (14 (26) июня 1899, Петергоф — 17 июля 1918, Екатеринбург), великая княжна. Шеф 9-го драгунского Ее императорского высочества великой княжны Марии Николаевны Казанского полка. С началом Первой мировой войны посещала раненых в госпитале ее и великой княжны Анастасии имени, работала на складе императрицы Александры Федоровны в Зимнем дворце, принимала участие в благотворительных мероприятиях. После октябрьской революции 1917 года разделила судьбу своей семьи.

Мария Павловна (2 (14) мая 1854, Мекленбург-Шверин — 6 сентября 1920, Франция), великая княгиня, рожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская. Вышла замуж за великого князя Владимира Александровича (16 (28) августа 1872). Обладала большим авторитетом в императорской семье и аристократическом обществе, занималась благотворительностью. Меценат. После смерти мужа стала президентом Академии художеств (1909–1917). В браке имела четырех сыновей и дочь.

Михаил Александрович (22 ноября (4 декабря) 1876, Петербург — 13 июля 1918, Пермь), великий князь, сын императора Александра III, престолонаследник до рождения цесаревича Алексея Николаевича, генерал-лейтенант (с 1916), генерал-адъютант, член Государственного Совета. Командир Кавказской туземной дивизией (с 23 августа 1918); командир 2-го кавалерийского корпуса (с 4 февраля 1916); генерал-инспектор кавалерии (с 19 января 1917). Проживал с семьей в Гатчине (февраль–август 1917). Домашний арест (с августа 1917). Выслан в Пермскую губернию (март 1918). Убит (13 июля 1918). Место гибели и ее обстоятельства не выяснены.

Нестеровская Антонина (Нина) Рафаиловна (14 марта 1880, Петербург — 7 марта 1950, Париж), дворянка, артистка кордебалета Мариинского театра (1905–1913). Окончила школу Императорского балета и была выпущена в Мариинский театр (1905); в труппе Русского балета С.П. Дягилева (1909–1911). Тайно обручилась с князем крови императорской Гавриилом Константиновичем (1912). Венчание (9 (22) апреля 1917). Получила титул княгини Стрельнинской (1926), а затем светлейшей княгини Романовской-Стрельнинской (1939).

Никола I Петрович-Негош (7 октября 1841, Черногория — 1 марта 1921, Франция), черногорский владетельный князь (1860–1910), а затем король (1910–1918). Талантливый политик, сумел поднять международный престиж Черногории, небольшого и небогатого балканского государства. Министр иностранных дел Российской Империи В.Н. Ламсдорф (1900–1906), считал черногорского князя капризным, неосторожным, непредсказуемым. Однако в Черногории на рубеже XIX и XX веков князь Никола был чрезвычайно популярен. Даже его противники не могли этого не осознавать. (Подробнее см.: *Хлебникова В.Б.* Сотрудники российской дипломатической миссии в Цетинье и князь Николай Петрович-Негош. Проблема диалога и взаимопонимания // *Человек на Балканах глазами русских: Сборник статей* // Отв. ред. Р.П. Гришина,

А.Л. Шемякин. СПб., 2011. С. 96, 106). По впечатлениям К.А. Губастова, занимавшего пост министра-резидента в Черногории в 1897–1900 годах, князь Никола воплощал в себе «до известной степени все достоинства и недостатки современного черногорца. Проведя... несколько лет юности в школах Триеста и Парижа, он сохранил любовь к народу, знает отлично его нужды и потребности. Он умеет говорить с простыми людьми, воодушевлять их, заставлять терпеть невзгоды и лишения в ожидании лучшего будущего. Без преувеличения можно сказать, что господарь знает всех своих подданных в лицо или по имени, осведомлен, кто из них зажиточен, кто беден, кто добронравен и кто дурен. Несомненно, что вся Черногория его любит, слушает и боится. Все свои надежды подданные его возлагают только на него, на его счастливую звезду» (Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» Uri.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1860-1880/Gubastov_K_A/cernogorija.shtml?id=9070 (дата обращения: 20.04.2020). Благодаря династическим бракам своих детей, князь Никола породнился со многими европейскими династиями, в том числе, Домом Романовых. Поражение сербских войск и угроза оккупации заставили его в начале января 1916 года вместе с семьей покинуть Черногорию и поселиться во Франции. Вернуться на родину он уже не смог.

Нуланс Жозеф (1864–1939), французский государственный деятель, дипломат, сенатор (19120). Занимал ряд высших постов в государстве: военный министр (1913–1914), министр финансов (1914–1915). Посол в России (июнь 1917–1918). Один из инициаторов интервенции против советской России. После выступления Нуланса (апрель 1918) в вологодской печати против Брестского мира и призыва к вмешательству во внутренние дела советской России, НКВД потребовал его отзыва. Однако последствий эта публикация не имела. Автор мемуаров.

Олег Константинович (15 ноября 1892, Санкт-Петербург — 29 сентября 1914, Вильна), князь крови императорской.

Числился в Полоцком кадетском корпусе. Окончил с серебряной медалью Александровский лицей (1913). Подготовил к печати автографы А.С. Пушкина из собрания лицея. Корнет лейб-гвардии Гусарского полка. Участник Первой мировой войны. Получил смертельное ранение в бою (27 сентября 1914). Награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

Ольга Николаевна (3 (15) ноября 1895, Петербург — 17 июля 1918, Екатеринбург), великая княжна, старшая дочь императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Получила домашнее образование. Шеф 3-го Елисаветградского гусарского ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны полка (1908). В годы Первой мировой войны, получив соответствующее образование, работала палатной сестрой в Царскосельском лазарете (1914–1916). Назначена вице-председателем Верховного Совета по призрению лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, находившегося под покровительством императрицы Александры Федоровны (августа 1914), и возглавила Петроградский особый благотворительный комитет по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну (Ольгинский комитет). Вошла в Особый комитет по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семьям (1915). Арестована (март 1917), выслана в Тобольск (август 1917). Убита в Екатеринбурге (17 июля 1918). Канонизирована РПЦЗ (1881). РПЦ причислила к лику страстотерпцев (2000).

Ольга Константиновна (22 августа (3 сентября) 1851, Павловск — 18 июня 1926, Рим), королева Эллинов, великая княгиня. Старшая дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны. Состояла в браке (15 (27) октября 1867) с греческим королем Георгом I. Дети: Константин, Георг, Александра, Николай, Мария, Ольга, Андрей, Христофор. Председатель многих благотворительных обществ в Греции и России. Шеф 2-го флотского экипажа Балтийского флота (1879–1908). Шеф личного состава

крейсера «Адмирал Макаров» (1908–1917). Овдовев (1913), переехала в Россию. Покровитель ряда медицинских учреждений в тылу и на фронте (1914–1917). Работала палатной сестрой в лазарете № 2 имени ЕИВ великой княгини Елизаветы Маврикиевны при Сводно-Казачьем полку (1914–1915). Получила в Евгенинской общине удостоверение об окончании курсов сестер милосердия военного времени и получила право носить Красный Крест (1917). Покинула Россию (май 1918).

Останин Михаил Федорович (1892, Алапаевск — 1918, Алапаевск), член алапаевской ЧК; родился в семье рабочего механического цеха завода. После окончания алапаевского ремесленного училища работал в столярномодельном цехе Алапаевского завода. Командир одного из красногвардейских отрядов (1917), охранял почту и другие государственные учреждения. Участвовал в подавлении солдатского мятежа (декабрь 1917). Сражался против частей атамана Дутова в Оренбуржье. Состоял в охране представителей Дома Романовых при переезде из Екатеринбурга в Алапаевск и в Напольной школе (май — июль 1918). При отступлении Красных частей из Алапаевска был вместе с братом Петром оставлен в городе для подпольной работы. При захвате белыми группы Ф. Кабакова в ноябре 1918 года М. Останин застрелился.

Павел Александрович (12 сентября (3 октября) 1860, Царское Село — 30 января 1919, Петроград), великий князь, сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Участник Первой мировой войны: командир 1-го гвардейского корпуса (27 мая — 13 сентября 1916); генерал-инспектор войск гвардии (13 сентября 1916 — 31 марта 1917). За отличие в делах против неприятеля был награжден орденом св. Георгия IV степени (1916). Арест (1917–1918). Расстрелян в Петропавловской крепости (30 января 1919).

Павел Карагеоргиевич (27 апреля 1893, Санкт-Петербург — 14 сентября 1976, Париж), принц из рода Карагеоргиевичей, регент Югославии при малолетнем короле Петре II

(9 октября 1934 — 27 марта 1941); окончил Оксфордский университет; один из наследников Демидовских уральских заводов; пытался избежать вступления Югославии во Вторую мировую войну, после переворота 27 марта 1941 года бежал с семьей в Грецию, затем жил в Каире, Кении и Йоханнесбурге. Был объявлен в Югославии военным преступником (1945). Получил швейцарское гражданство (1946). Жил в Женеве, затем в Париже. Реабилитирован (2011).

Жена (с 1923) — принцесса Ольга Греческая, внучка королевы Ольги Константиновны от брака принца Николая с великой княжной Еленой Владимировной.

Павлов Сергей Алексеевич (7 октября 1892, Алапаевск — 24 марта 1919, Москва), первый военный комиссар города Алапаевска (с марта 1918), осуществлял надзор за ссыльными представителями Дома Романовых; выходец из рабочей семьи. Окончил 4-классное городское училище. В годы революции 1905 года в доме Павловых была организована подпольная типография, где под руководством Михаила Алексеевича, старшего брата Сергея Алексеевича, печатались революционные листовки. 15-летним юношей Сергей Павлов разбрасывал листовки по цехам Алапаевского металлургического завода. После окончания Нижне-Тагильского горнозаводского училища он работал механиком в мартеновском цехе. В начале Первой мировой войны Сергей Павлов был призван в армию. В 1916 году произведен в офицерский чин. В середине 1917 года он возвращается с фронта. В марте 1918 года С. Павлов назначается первым военным комиссаром города Алапаевска. В 1918 году Алапаевский уездный комитет ВКП(б) поручает ему сформировать несколько красногвардейских отрядов. Под Верхотурьем отряд С. Павлова, вместе с другими отрядами несколько суток вел упорные бои с превосходящими силами противника. После обморожения у С. А. Павлова появились признаки гангрены ног. Он был отправлен на лечение в Москву, перенес операцию, но вскоре заболел тифом и скончался 24 марта 1919 года.

Павловск, город в пригороде Петербурга. Находился в частной собственности Константиновской ветви Дома Романовых. В 1777 году императрица Екатерина II подарила часть своих охотничьих угодий под Петербургом цесаревичу Павлу и цесаревне Марии Федоровне в связи с рождением их первенца, великого князя Александра Павловича. В 1786 году по приказу императора Павла I на берегу реки Славянки около село Павловское началось строительство дворца, который спустя два года подарил императрице Марии Федоровне. Она очень любила это место и занималась его благоустройством. В ноябре 1796 года село Павловское по указу императора получает статус города и становится Павловском. После смерти императрицы Марии Федоровны в 1828 году Павловск переходит к великому князю Михаилу Павловичу, а в 1849 году — к великому князю Константину Николаевичу и его потомкам. С конца XIX века Павловск становится модным дачным местом и местом прогулок петербуржцев. Павловск находился в частной собственности у представителей Дома Романовых и был майоратом. Его последним владельцем был князь Иоанн Константинович.

Палей Владимир Павлович (28.12.1896, Санкт-Петербург — 18.07.1918, Алапаевск), граф Гогенфельзен (с 1904), князь (с 1915). Сын от мorganатического брака великого князя Павла Александровича (1860–1919), младшего сына императора Александра II, и Ольги Валерьяновны фон Пистолькорс (1865–1929); императору Николаю II приходился двоюродным братом. Получил домашнее образование: свободно владел французским, английским, немецким языками, играл на нескольких музыкальных инструментах. Зачислен в пажи-кандидаты Высочайшего Двора (4 февраля 1910). Определен в Пажеский корпус (22 октября 1911), который закончил по 1-му разряду. Произведен в прапорщики лейб-гвардии Гусарского полка (декабрь 1914). Участник Первой мировой войны. Был награжден орденом св. Анны 4-й степени. Произведен в поручики и назначен в распоряжение

Великого князя Павла Александровича (1916). Считал своим призванием литературу и был талантливым поэтом. Сделал перевод на французский язык драмы К.Р. «Царь Иудейский». Сборники стихов (1916, 1918). Был выслан из Петербурга в Вятку (апрель 1918), затем в Екатеринбург и Алапаевск. Был убит (5 (18) июля 1918) и сброшен в Нижнюю Селимскую шахту в 18 километрах от Алапаевска. Был канонизирован РПЦЗ в сонме Новомучеников Российских (1 ноября 1981). Посмертно реабилитирован Генеральной прокуратурой РФ (8 июня 2009).

Петерс Яков Христофорович (1886–1936), один из создателей и первых руководителей ВЧК, латыш, происходил из крестьянской семьи, член РСДРП с 1904 года. Арест и заключение (1907–1909). Эмиграция в Англию (1909 — май 1917). Член Петроградского военно-революционного комитета (октябрь 1917). Председатель Ревтрибунала, член коллегии и заместитель председателя ВЧК (с декабря 1917). Руководил ликвидацией организации «Союз защиты родины и свободы», участник подавления левоэсеровского мятежа в Москве, в раскрытии заговоров Локкарта и Рейли. Временно исполняющий обязанности председателя и заместитель председателя ВЧК (июль 1918 — март 1919). Впоследствии занимал ряд государственных и партийных постов, последним из которых стало членство в КПК при ЦК ВКП(б). Арест (27 ноября 1937). Расстрел (25 апреля 1938). Реабилитация (1956).

Петроградская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией в Петрограде (первоначальное название — отдел по борьбе с контрреволюцией при Совете народных комиссаров (СНК) Северных областей) была создана 10 марта после отъезда Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) во главе с Ф.Э. Дзержинским в Москву. Петроградскую ЧК возглавил Моисей Соломонович Урицкий (2 января 1873, Киевская губерния — 30 августа 1918, Петроград).

Плеве Вячеслав Константинович (8(20) апреля 1846, Калужская губерния — 16 (28) июля 1904, Петербург), министр внутренних дел Российской Империи (1902–1904). Дворянин. Окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата права (1867). Начал карьеру в Министерстве юстиции. Прокурор Петербургской судебной палаты (1879). Директор департамента государственной полиции (1881). Сенатор (1884). Государственный секретарь (1894). Министр внутренних дел (1902–1904). Убит эсером Егором Сазоновым (16 (28) июля 1904).

Поклевский-Козелл Викентий Альфонсович (1853, Томск — 1929, Польша), известный уральский предприниматель, родился в семье **надворного советника**, крупного уральского предпринимателя Альфонса Фомича Поклевского-Козелл. Окончил с серебряной медалью 2-ю Казанскую мужскую гимназию (1871), затем на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Состоял на государственной службе (с 1878). Бессменный **распорядитель Торгового Дома «Наследники А.Ф. Поклевского-Козелл»** (с 1890). В числе предприятий, принадлежавших В.А. Поклевскому-Козелл (по данным на 1903 год), были **чугуно-плавильные и железоделательные заводы в Вятской губернии**, несколько **винокуренных заводов** в Пермской, Оренбургской и Тобольской губерниях, **стекольноделательные фабрики**. Среди его земельных владений были имения в Минской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерниях. В Туринском уезде Тобольской губернии — **лесная дача в 100 000 десятин**. Кроме того, В.С. Поклевскому-Козелл принадлежали 15 каменных и 18 деревянных домов (в Санкт-Петербурге, Перми, Екатеринбурге, Камышлове, Шадринске, Верхотурье, Красноуфимске, Тобольске, Тюмени, Кургане, Семипалатинске, Омске и т. д. Позже им были приобретены золотые прииски в нескольких губерниях, асбестовые, медные и серебряные рудники и прочие торговые и промышленные предприятия. Старшина биржевого комитета Нижегородской ярмарки (1880–

1895). Председатель екатеринбургского отделения Сибирского торгового банка, член совета Волжско-Камского банка. Член Английской торгово-промышленной палаты. Оказал значительную поддержку в проведении Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки (1887). Член Государственного совета Российской империи от торговли и промышленности Пермской губерний (1907–1912).

Занимался активной благотворительной и общественной деятельностью. Являлся почетным членом Покровской общины сестер милосердия в Санкт-Петербурге (до 1892). Смотритель шадринского реального училища (1878–1881), почетный попечитель красноуфимского реального училища (1885–1886). Почетный член Совета детских приютов Санкт-Петербурга. Почетный мировой судья Шадринского и Камышловского уездов. Почетный член Уральского общества любителей естествознания. В годы Первой мировой войны за свой счет содержал армейский полк (питание, обмундирование, снаряжение, вооружение) и выдавал зарплату семьям ушедших на войну рабочих.

Инициатор и участник строительства костела Святого Иосифа в Тюмени, синдик екатеринбургского костела Святой Анны.

Награды: орден св. Анны 3-й ст. (08.08.1886); орден св. Станислава 2-й ст. (21.05.1890); орден св. Анны 2-й ст. (21.05.1893); орден св. Владимира 4-й ст. (01.01.1896); знак столетия существования ведомства императрицы Марии для ношения на правой стороне груди (02.05.1897); орден св. Владимира 3-й ст. (21.05.1899); орден св. Станислава 1-й ст. (01.01.1906).

С 1919 года находился в эмиграции в Польше, все его владения и предприятия были национализированы. Жена — Мария Михайловна Гаттовская, дочь военного инженера, генерал-лейтенанта Михаила Семеновича Гаттовского.

Престон Томас Хильдебранд (2 июня 1886 — 30 декабря 1976), британский дипломат, выпускник Вестминстерской школы в Лондоне и Кембриджского университета, Политехнической школы в Париже и Мюнхенского университета.

Поступил на дипломатическую службу (1910). Назначен вице-консулом Великобритании в Екатеринбург (23 мая 1913). Консул в Перми (29 июня 1916). После эвакуации города в 1919 году был назначен консулом во Владивосток. Британский консул в Петрограде, а затем Ленинграде (с ноября 1922). Переведен на должность консула в Турине (1927). Консул при литовском правительстве в Каунасе (1929–1939). Чрезвычайный посланник и полномочный министр (1940). Находясь на этом посту, помог бежать от преследований нацистов, по разным данным, от нескольких сот до тысячи двухсот литовских евреев, в Палестину. Советник дипломатической миссии в Каире (18 июня 1941 — 1948).

Ранненкампф Павел Карлович (17 апреля 1854 — 12 апреля 1918, Таганрог), генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Окончил Гельсингфорское пехотное юнкерское училище. Участник кампании в Китае (1900), русско-японской и Первой мировой войн. В начале Первой мировой войны командовал 1-а армией Северо-Западного фронта. После неудач под Лодзью, в ноябре 1914 года был отстранен и отчислен в распоряжение Военного министерства. В 1915 году был уволен со службы. После февральской революции был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость. После октябрьской революции уехал в Таганрог, где был арестован и расстрелян большевиками.

Родзянко Михаил Владимирович (9(21) февраля 1859, Екатеринославская губерния — 24 января 1924, Белград), государственный и общественный деятель, лидер партии 17 октября, гофмейстер Высочайшего Двора (1899), один из инициаторов отстранения императора Николая II и передачи власти цесаревичу Алексею Николаевичу при регентстве великого князя Михаила Александровича. Окончил Пажеский корпус (1877), начал службу в Кавалергардском полку. Вышел в отставку в чине поручика (1882). Возглавлял Временный комитет Государственной Думы (с 27 февраля (12 марта) 1917). В бегстве в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1920).

Рукавишников Константин Васильевич (1848–1915), бывший Московский городской голова, известный российский предприниматель. В 1907 году вместе с М.Н. Граббе и И.Н. Сабиром основал товарищество Алапаевских горных заводов наследников С.С. Яковлева. Оно включало предприятия и рудники в Алапаевском горном округе, расположенном в Верхотурском, Ирбитском, Екатеринбургском уездах Пермской губернии. На всех заводах работало свыше 3 200 рабочих (в том числе, на Алапаевском — 2 000 человек). Выпускалось кровельное, листовое и сортовое железо, черная и белая жельсть. В 1913 году основной капитал — 5–8,8 млн. рублей, балансовая стоимость имущества 15 149 175 рублей. Правление находилось в Санкт-Петербурге (Васильевский остров, Средний проспект, дом 2). Его председателем был К.В. Рукавишников, а членами правления Е.Ф. Давыдов и В.П. Аничков.

Семчевская Елена Васильевна (1896 — 1977, Монтерей, Калифорния), рожденная Беляева; писательница, поэтесса, автор воспоминаний. Жена полковника К.В. Семчевского, участница Сибирского («Ледяного») похода как сестра милосердия. Награждена знаком отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход» 2-й ст. В беженстве с 1920 года. Автор ряда работ: «Очерки из Сибирского ледяного похода, 1919–1920» (Шанхай, [1920]); «Воспоминания о последних днях жизни великих князей в г. Екатеринбурге» // Двуглавый орел (Берлин). 1921. № 10. С. 27–32; «Рассказы и очерки» (1969).

Семчевский Константин Васильевич (6 мая 1894, Тифлис — 28 февраля 1978, Пасифик-Гров, Калифорния), полковник царской армии, потомственный дворянин, камер-паж (1912), окончил Пажеский корпус (1913), в службу вступил 1 сентября 1911 года с прикомандированием к лейб-гвардии Конной артиллерии. Участник Первой мировой войны. Поступил в Николаевскую Военную академию в чине штабс-капитана (октябрь 1917). Вместе с академией был эвакуирован

в Екатеринбург. Вместе с группой офицеров присоединился к отряду белых, действовавших около Екатеринбурга (июль 1918). Назначен начальником оперативного отдела штаба армии в Омске (август 1918), произведен в капитаны гвардии (сентябрь). Инструктор офицерской школы во Владивостоке (декабрь 1918). Начальник штаба 1-й Кавалерийской дивизии в чине подполковника. Участник Сибирского Ледяного похода. Награжден знаком отличия военного ордена «За Великий Сибирский Поход» 1-й степени. Произведен в полковники (1920, февраль). В беженстве в Китае (1920), Берлине (1938). Во Время Второй мировой войны начальник РОВС в Австрии. Уполномоченный Красного Креста в Германии и Австрии (1945). Переехал в США (1951), преподавал русский язык в Армейском колледже иностранных языков в городе Монтерей (1951–1965). Автор воспоминаний.

Награды: ордена св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (13.03.1915), св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (06.07.1915), св. Анны 2-й степени (14.09.1915); Георгиевское оружие (12.11.1915), св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (13.09.1915).

Сергей Александрович (29 апреля 1857, Царское Село — 4 февраля 1905, Москва), великий князь, генерал-лейтенант (1896), генерал-адъютант (1891). Пятый из шести сыновей императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Получил домашнее образование. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов (находился в Свите императора). Награжден орденом св. Георгия IV степени. Инициатор создания и председатель Императорского Православного Палестинского общества (1882). Служил в лейб-гвардии Преображенском полку (1882–1891). Московский генерал-губернатор (1891–1905). Член Государственного Совета (1894). Командующий войсками Московского военного округа (1896–1905). Меценат и благотворитель.

Сергей Михайлович (25 сентября (7 октября) 1869, Тифлисская губерния — 5 (18) июля 1918, Алапаевск), великий

князь, сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, внук императора Николая I. Генерал-инспектор артиллерии, член Совета государственной обороны (1905–1908). Близкий друг императора Николая II. Был сослан сначала в Вятку (апрель 1917), а затем в Екатеринбург и Алапаевск. Был убит вместе с другими представителями Дома Романовых (18 июля 1918).

Симанов Илья Иванович (в некоторых источниках **Симонов**) (10.09.1850 — ?), один из крупных предпринимателей и общественных деятелей Екатеринбурга; выходец из купеческой среды, получил незаконченное среднее образование. В течение ряда лет избирался сначала гласным Екатеринбургского уездного и Пермского губернского земств, а затем городской Думы. Известный благотворитель и меценат. Его пожертвования Ново-Тихвинскому женскому монастырю и деятельность на посту старосты гимназической церкви были отмечены грамотами Св. Синода (1880). По ведомству министерства народного просвещения И.И. Симанов был пожалован золотой медалью «За усердие» для ношения на шее на «станиславской» ленте (15 мая 1883 года). 24 января 1884 года И.И. Симанов был избран городским головой Екатеринбурга и занимал эту должность до 1888 года, значительно модернизировал городское хозяйство, улучшил быт горожан, способствовал культурной и научной жизни города, создал «Комитет по разбору и призрению нищих». Он принял живейшее участие в подготовке и проведении Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки, организованной в 1887 году по инициативе Уральского общества любителей естествознания. В 1886 году И. И. Симанов вновь был избран городским головой. Несмотря на изменение законодательства, значительно урезавшее самостоятельность городских дум, он продолжал содействовать модернизации городского хозяйства, хотя значительная часть сил и финансовых средств уходила на преодоление последствий голода, поразившего

ряд уездов Пермской губернии. И.И. Симанов немало сделал для организации помощи голодающим и для предотвращения холерной эпидемии. В конце XIX века И.И. Симанов разорился и был лишен возможности заниматься общественной деятельностью. Однако со временем он эти трудности преодолел. В 1913–1918 годах И.И. Симанов занимал пост заведующего городским благоустройством, активно работал в городской управе. В его ведении были городская больница, благоустройство города и многое другое. В годы Гражданской войны И.И. Симанов принимал участие в общественной жизни, баллотировался в гласные городской Думы, но в июле 1919 года был вынужден покинуть Екатеринбург. Сведений о его дальнейшей судьбе не имеется.

Смирнов Сергей Николаевич (4 (16) марта 1877, Санкт-Петербург — 1958, Монтевидео), потомственный дворянин Воронежской губернии, общественный деятель, строитель, археолог, администратор. Окончил институт инженеров путей сообщения. Губернатор Павловска. Гласный Санкт-Петербургской думы. Окончил 1-й кадетский корпус (1883). Окончил институт инженеров путей сообщения императора Александра I (1898). Определен на службу в министерство путей сообщения (1899). Участвовал в нескольких строительных проектах членов императорской фамилии, в том числе, Спасана-Водах (1909–1911), храма-памятника морякам, погибшим в русско-японскую войну. Проходит обучение в Санкт-Петербургском археологическом институте (1909–1911). Ведет научно-исследовательскую работу. Определен на службу в Министерство двора в должности управляющего имением города Павловска (1916). Вместе с княгиней Еленой Петровной был арестован в Екатеринбурге, сидел в пермской, а затем московской тюрьме. После освобождения в 1919 году — секретарь княгини Елены Петровны и личный библиотекарь короля Александра I Карагеоргиевича. В беженстве в Сербии, где работал в Канцелярии русского государственного уполномоченного по делам русских беженцев, а затем в Уругвае.

Соловьев Ефим Андреевич (14 октября 1874, Алапаевск — 1937), комиссар юстиции (начальник милиции) города Алапаевска, один из организаторов убийства членов Дома Романовых в Алапаевске; родился в крестьянской семье, учился в земской начальной школе. Трудовую жизнь начал в тринадцать лет, поступив масленщиком на паровую машину в листопрокатный цех Алапаевского завода. Затем работал на резке листового кровельного железа, машинистом паровых сортолистопрокатных машин. В 1902 году он становится членом кружка социал-демократов и социал-революционеров. Когда в марте 1905 года для руководства стачкой в Алапаевске возникает Совет уполномоченных, первый в России Совет рабочих депутатов, его председателем его избирают Ефима Соловьева. За свои убеждения он неоднократно арестовывался, а впоследствии был сослан в ссылку в Архангельскую губернию. Вернувшись в Алапаевск, он продолжил революционную деятельность. В дни февральской революции 1917 года большевик Е. Соловьев создает в Алапаевске народную милицию и становится ее начальником. В июне 1917 года он входит в штаб по формированию красногвардейских отрядов, а после октябрьских событий того же года Е. Соловьева избирают заместителем председателя Совета рабочих депутатов и комиссаром юстиции города Алапаевска. Е. Соловьев был одним из организаторов и участников убийства представителей Дома Романовых в Алапаевске в июле 1918 года. В декабре 1918 года он был схвачен контрразведкой белых в Бийске и препровожден в Алапаевск, а затем в Екатеринбург, в тюрьму. Наступление Красной Армии спасло его от расстрела. В дальнейшем Е.А. Соловьев работал председателем Алапаевского уездного исполкома и окружной контрольной комиссии. В марте 1934 года он вышел на пенсию, а через пять месяцев был арестован как враг народа. В 1934 году был осужден на три года. Умер в ссылке в 1937 году.

Соколов Николай Алексеевич (1882 — 23 ноября 1924, Сальбри, Франция), следователь по особо важным делам при Омском окружном суде. Окончил Пензенскую мужскую

гимназию (1900) и юридический факультет Харьковского университета. Назначен следователем Краснослободского участка Мокшанского уезда Пензенской губернии (1907). Назначен следователем по важнейшим делам Пензенского окружного суда (1911). Судебный следователь по важнейшим делам в округе Пензенского суда (до сентября 1918), председатель Союза судебных следователей Пензенского суда. После Октябрьского переворота нелегально перешел под видом нищего линию фронта, пробрался в Сибирь, был товарищем прокурора Иркутского краевого суда. Приказом министра юстиции Всероссийского Временного правительства назначен следователем по особо важным делам округа Омского окружного суда (5 ноября 1918). Вел дело об убийстве Царской семьи (с 7 февраля 1919). В эмиграции во Франции. Автор книги «Убийство царской семьи». Скоропостижно скончался от разрыва сердца (23 ноября 1924). Похоронен в Сальбри (Франция).

Спалайкович Мирослав (18 апреля 1869, Крагуевац — 4 февраля 1961, Севр), дипломат, посланник Сербского королевского двора в Петербурге (1913–1919). Окончил Парижский университет с дипломом доктора права (1897). Дипломатическую карьеру начал в качестве секретаря Сербской королевской миссии в Петрограде (1900–1904). Последовательно занимал должности сербского консула в Приштине (1904–1906), начальника политической канцелярии (1906–1907), генерального секретаря Министерства иностранных дел Сербии (1907–1911), сербского посланника в Софии (1911–1913). Исполнял обязанности министра иностранных дел Сербии (два месяца в 1913). Назначен посланником в России (1913). Владел русским языком. Был женат на Драгане Ефтанович, дочери Георгия Ефтановича (Сараево). Имели четверых детей, один из которых был крестником князя Иоанна Константиновича.

Столыпин Петр Аркадьевич (2 (14) апреля 1862, Дрезден — 5 (18) сентября 1911, Киев), государственный деятель, министр внутренних дел, председатель Совета министров (1906–

1911). Окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1885). Начал карьеру в Министерстве внутренних дел. Уездный (1889), а затем губернский (1899) предводитель дворянства в Ковно. Губернатор Гродно (1902). Губернатор Саратова (1903). Благотворитель. Назначен министром внутренних дел (1906–1911). Вошел в состав Государственного Совета (1907). Статс-секретарь (1908). 1 (14) сентября 1911 года был смертельно ранен в результате покушения Дмитрия Богрова.

Татищев Илья Леонидович (11 декабря 1859 — 10 июля 1918) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант Свиты Николая II (с 1915); происходил из древнего дворянского рода. В период Первой мировой войны находился в Ставке Верховного главнокомандующего (1915). Разделил вместе с царской семьей все тяготы тобольской жизни (август 1917 — апрель 1918). Остался с Августейшими детьми в Тобольске после отъезда императорской четы в Екатеринбург. Арест (10 (23) мая 1918). Расстрелян (27 июня (10 июля) 1918). Канонизирован Архиерейским собором РПЦЗ (1981).

Троцкий (Бронштейн) Лев (Лейба) Давидович (26 октября (7 ноября) 1879, Херсонская губерния — 2 августа 1940, Мексика), политический и общественный деятель. Один из руководителей и организаторов октябрьской революции. Окончил реальное училище в Николаеве. Занимался революционной деятельностью. Занимал пост народного комиссара по иностранным делам (8 ноября 1917 по 13 марта 1918). Возглавлял делегацию Советской России на переговорах в Брест-Литовске (1918). С 28 марта 1918 года — председатель Высшего военного совета.

Ульянов Всеволод Федорович (1880, Оренбург — 1940, Лос-Анджелес, США). Живописец, график, монументалист, педагог. Закончил Центральное училище технического рисования в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербургская

государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица). Преподавал рисунок и черчение в Екатеринбургской художественно-промышленной школе.

Ухтомский Петр Павлович (1884–1925), князь, однополчанин князя Константина Константиновича. Окончил Александровский лицей (1905). Служил в лейб-гвардии Измайловском полку (1907). Есть сведения, что он писал князю Константину Константиновичу в ссылку. Был женат на Лидии Ивановне Ухтомской (род. 1894). Они оба были арестованы по «делу лицеистов» (1925). Князь Ухтомский был расстрелян, а княгиню выслали без права проживать в крупных городах России. Дальнейшая судьба не установлена. У четы Ухтомских был, как минимум, один ребенок.

Чуцкаев Сергей Егорович (1867–1944), председатель исполкома Городского совета, член Уральского областного совета и член коллегии Уральской областной ЧК (1918), член РСДРП (с 1903). Занимал ответственный пост в органах Наркомзема в Москве (1918–1923), заместитель наркома РКИ СССР (1923–1927). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (с 1927). Председатель Бюджетной комиссии ЦИК СССР (1929). Репрессирован.

Шарин Николай Степанович (13 января 1900, Алапаевск — 6 февраля 1980, Ленинград), известный в Алапаевске краевед, родился в многодетной семье рабочего мартеновского цеха Нейво-Алапаевского чугунно-плавильного и железоделательного завода. Свою трудовую деятельность начал в двенадцать лет рассыльным в техническом бюро, а впоследствии освоил специальность чертежника. В сентябре 1918 года вместе с взводом Социалистического союза рабочей молодежи он уходит добровольцем в Красную армию и участвует в боевых операциях. В 1925 году он оканчивает Ленинградский политехнический институт по специальности инженер-строитель. Выйдя на пенсию в 1960 году, он увлекся историей рабочего движения на Урале, данные о котором в течение многих лет

скрупулезно собирал в ленинградских архивах. Н.С. Шарин является автором нескольких рукописей.

Шаховской Владимир Александрович (20 июня 1868 — 1927), князь. Окончил кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Адъютант Главного начальника военно-учебных заведений (1909–1910). Полковник (1912). Состоящий при великом князе Константине Константиновиче (с 25 июня 1912), а после его смерти при его вдове. И.О. управляющего двором великой княгини Елизаветы Маврикиевны (02 июня 1916 — 03 октября 1917). Уволен со службы по болезни с мундиром и пенсией.

Шнейдер Екатерина (Генриетта Екатерина Луиза) Адольфовна (20 января 1856 — 22 августа / 4 сентября 1918, Пермь), гоф-лестрисса, дворянка. Происходила из семьи выходцев из прибалтийских немцев. Лютеранка. Окончила Санкт-Петербургскую Литейную женскую гимназию (1875). Педагогические курсы Санкт-Петербургских женских гимназий (1880). Классная дама Московского Николаевского Сиротского института (1880–1894). Учительница русского языка и словесности великой княгини Елизаветы Федоровны (с 1894). По окончании уроков осталась у нее на службе. Учительница русского языка и словесности невесты цесаревича Николая Александровича (1894), затем осталась на службе при государыне. Помогала императрице в делах благотворительности. После Февральской революции добровольно последовала за их Величествами в ссылку в Тобольск. По прибытии в Екатеринбург арестована (23 мая 1918). Переведена из Екатеринбург в пермскую тюрьму (20 июля 1918). Убита (в ночь на 5 сентября (22 августа по старому стилю) 1918). Была канонизирована (1 ноября 1981) РПЦЗ как святая мученица Екатерина.

Юровский Яков Михайлович (1878, Томск — 1938), сын ремесленника, сосланного в Сибирь за кражу. Обучался часовому и портняжному делу. Член РСДРП(б) (с 1905). Участвовал в террористических актах и экспроприациях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Ф. 146 (Славянский стол);
Ф. 151 (Политархив).

БАХМЕТЬЕВСКИЙ АРХИВ РУССКОЙ И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (НЬЮ-ЙОРК, США)

Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture;
Papers of Helene Romanoff (1884–1962), duchess and daughter of
King Peter I of Serbia.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 339 (Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД
РСФСР);
Ф. 601 (Император Николай II);
Ф. 620 (Великая княгиня Милица Николаевна);
Ф.657 (Великая княгиня Елизавета Маврикиевна);
Ф. 660 (Великий князь Константин Константинович);
Ф. 673 (Великая княжна Ольга Николаевна);
Ф. 686 (Великая княгиня Ольга Константиновна);
Ф. 1837 (Материалы следствия об убийстве Николая II, членов
его семьи и их окружения);
Ф. Р-130 (Совет народных комиссаров РСФСР).

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

Ф. Р-1913 (Уральский областной исполнительный комитет Сове-
та рабочих, крестьянских и солдатских депутатов).

Народная библиотека Сербии (НБС)

Ф. Р-699. Фонд С.Н. Смирнова.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
(РГАСПИ)

Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1903–1991).

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ (РГИА)

Ф. 434 (Контора двора князя Иоанна Константиновича);

Ф. 538 (Контора двора великой княгини Елизаветы Маврикиевны).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (ЦГИА СПб)

Ф. 400 (Петербургское славянское благотворительное общество);

Ф. 411 (Петроградский совет детских приютов);

Ф. 2185 (С.Н. Смирнов).

ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ЦДООСО)

Ф. 41 (Коллекция Истпарта).

Опубликованные источники

Архив русской революции. М., 1993. Т. 17–18;

Великая княгиня Елисавета Федоровна. Документы и материалы. 1914–1918. В 2-х т. / Автор-составитель Е.Ю. Ковальская. Москва: Никея, 2018;

Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Материалы предварительного следствия судебного следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколова: Сборник документов. М.: Кучково поле, 2017;

Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.). 1911–1915. М.: ПРОЗАиК, 2013;

Дневник великого князя Константина Константиновича. 1907–1909 гг. М.: ООО Буки-Веди, 2015;

Записници седаница Министарског Савета Србије. 1915–1918. Београд, 1976;

Россия. Романовы. Урал. Сб. материалов. Екатеринбург, 1993.

Свидетельства современников

Буксгевден С., баронесса. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы Всероссийской. М.: Русский хронограф, 2010;

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: АСТ, МН.: Харвест, 2001;

Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта. Минск: Харвест, 2002;

Волков А.А. Около Царской Семьи. М.: Частная фирма «Анкор», 1993;

Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце. М.: Захаров, 2001;

Гаршин М.Ю. Королева эллинов Ольга Константиновна. Афины, 2011;

Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М.: Вагриус, 2005;

Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны в двух томах. Т. 1. М.: ПРОЗАиК, 2012;

Жуковски Анатолиј. Мој живот // Театрон. Часопис за позоришну историју и театрологију. Београд. 1995. Бр. 90;

Из мемоара кнегиње Јелене // Нови живот. 1922. X. 2 — 25.VI;

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М.: издательство «Республика», 1993. — 388 с.;

Палей О.В. Воспоминания о России. С приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира. М.: Захаров, 2005;

Переписка Николая и Александры. М.: Захаров, 2013;

Семчевская Е.В. Воспоминания о последних днях Великих Князей в г. Екатеринбурге // Двуглавый орел. 1921. Вып. 10. 15 (28) июня. Берлин: Издательство «Двуглавый орел». С. 27–31;

Семчевский К.В. С академией Генерального штаба в Екатеринбурге в 1918 году // Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии. 1914–1922. М.: Книжница, 2014. С. 601–617;

Смирнов С.Н. В плену у цареубийц. Белград: Логос, 2016;

Смирнов С. Принцеза Јелена у робству код большевика. Успомен господина Смирнова, гувернера царских имања у Павловску // Време. 1928. 3, 4, 5 априла;

Смолин И.С. Алапаевская трагедия; убийство Русских великих князей большевиками // *Первопоходник*. Лос-Анджелес (Калифорния). 1973. № 8. С. 3–13;

Табурно И. О сербских битвах. Впечатления очевидца войны сербов с турками в 1912 году. СПб., 1913;

Фрейлина ее величества Анна Вырубова. М.: Орбита, 1993;

Хлебникова В.Б. К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX и XX вв. // *Императорский Дом Романовых и Балканы*. Сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2014;

Preston Thomas. Before the Curtain. London: John Murray, 1950;

Smirnoff Serge. «Autour de l'assassinat des Grands-Ducs. Ekaterinbourg-Alapaievsk-Perm-Pétrograd». Paris: Payot, 1928.

Периодические издания

Вечерние новости. 1918, март;

Вечерняя звезда. 1918, март;

Возрождение (Париж). 1931, март;

Двуглавый орел (Берлин). 1921. Вып. 10. 15 (28) июня;

Наш век. 1918, март;

Правительственный вестник. 1913;

Русское слово. 1962. 6 ноября;

L'Illustré. 1958. № 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47;

Times. 1962. October, 23.

Интернет-ресурсы

Кислов Владислав. Страничка гатчинского краеведа // <http://kraeved-gatchina.de/ocherki/vydayushchiesya-zhiteli/gatchinskie/>;

Краеведческий сайт Алапаевского района Свердловской области «Край родной земли Урала. Осколки истории» // https://oskolki.moy.su/blog/vospominanija_a_tezjakova_neposredstvennogo_svidetelja_osmotra_trupov_knjazej_romanovykh_mezhnaja_alapaevsk/2017-03-12-717;

Фомин С.В. Алапаевский архив // <https://sergey-v-fomin.livejournal.com>.

Справочные издания

Пчелов Е.В. Романовы. История династии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. — 494 с.;

Федорченко В. Дом Романовых. Энциклопедия биографий. Красноярск: Бонус; Москва: Олма-Пресс, 2003.

Научные статьи, монографические и коллективные исследования

Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Новые документы о трагедии на Урале. Екатеринбург, 1993;

Алексеева Т.А. «В те счастливые времена...». К 100-летию бракосочетания князя императорской крови Иоанна Константиновича и королевы Сербской Елены Петровны // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы. Сборник статей. СПб.: ФГБУ «Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина», 2011. С. 111–144;

Аничков В.П. Екатеринбург — Владивосток. 1917–1922. М.: Русский путь, 1998;

Арсеньев А.Б. У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М.: Русский путь. М., 1999;

Базанов Н.П. «Ни красные, ни белые, а русские»: рецензия на книгу В.И. Косика «“Молодая Россия”: вариации на тему национализма в маршах эпохи». М., 2013 // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 1 (22), март. С. 182–185;

Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны. М.: РИСИ, 2016;

Бурлаков А.Н. Маршал Петэн в годы Первой мировой войны: время силы // Преподаватель XXI век. 2017. № 1. С. 286–294;

Вишняков Я.В. Братья по оружию. Очерк деятельности сербских добровольцев в России // Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. Сб. документов. М., 2014. С. 46–60;

Ган А. Екатеринбургская трагедия / Из неопубликованных материалов об убийстве членов дома Романовых // Возрождение (Париж). 1931. 03 ноября.

Голотик С.И., Ипполитов С.С. Российское общество Красного Креста (1917–30-е гг.). Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). Url.: http://www.nivestnik.ru/2001_2/17.shtml;

Дмитриев И.Н., Немытов О.А. Белый Алапаевск. Очерки истории города и района периода Гражданской войны. 1918–1919. Екатеринбург: Издательство УМЦ-УПИ, 2012;

Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Крячкова Л.В. Новые свидетельства к биографиям крестовых сестер Марфо-Мариинской обители милосердия. Седмица.RU. Url.: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/8883185/>;

Живојиновић Драгољуб. Краљ Петар I Карађорђевић. Живот и дело. У отаџбини 1903–1914. године. (2): Београдски издавачко-графички завод, 1990;

Жук Ю.А. Исповедь цареубиц. Убийство царской семьи в материалах предварительного следствия и воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления. М.: Вече, 2008;

Жук Ю.А. Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге. СПб.: БХВ-Петербург, 2013;

За балканскими фронтами Первой мировой войны. М.: Индрик, 2002;

Замойский Л.П. История Савойского королевского дома // Новая и новейшая история. 1992. № 1 С. 154–180;

Зенкович Н. Элита. Самые секретные родственники. М.: Олма-Пресс, 2005;

Зимин И.В. Врачи Двора Его Императорского величества, или как лечили царскую семью: повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2018;

История одной фотографии. 23 апреля 2015. ЦГА. КО (Центральный государственный архив Кировской области, структурное подразделение по работе с документами КПСС и общественных организаций). Url.: <http://gaspiko.ru/3330>;

Канинская Г.Н. Две войны в зеркале французской истории // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. № 6. С. 361–394;

Кинг Грэг, Вильсон Пенни. Романовы. Судьба царской династии. М.: Эксмо, 2005;

Королев Григорий. Екатерина Романова // Русские в Уругвае: история и современность. Монтевидео, 2009. С. 193–200;

Косик В.И. Младороссы: наброски к портрету в зеркале эпохи // Url.: <https://cyberleninka.ru/article/n/mladorossy-nabroski-k-portretu-v-zerkale-epochi>;

- Любимов Д.Н. Памяти В.К. Плеве, СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1904. — 152 с.;
- Маркелов А.В. Кончилась Вятка, кончились золотые деньки. Ссылка представителей Дома Романовых в Вятку в апреле 1918 г. — реконструкция событий. Вестник архивиста, 2013. № 17. С. 170–177;
- Мацукевич О.Ю. Социально-культурная ресоциализация русских эмигрантов в общественном движении «Русский сокол» // Вестник МГУКИ. 2011. № 3–4, май–июнь. С. 128–132;
- Мультиатули П.В. Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения императора Николая II. Url.: <https://history.wikireading.ru/212756>;
- Николаева М.В. К истории вятской ссылки Романовых. Константиновские чтения — 2017. Сб. материалов научной конференции 25 октября 2017. СПб., 2017. С. 197–218;
- От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции XIX–XXI вв. СПб.: Издательство РГХА, 2016;
- Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М.: Издательство «Наука», 1968;
- Принцеза Јелена у ропству большевика. Успомене г. Смирнова бывшего гувернера царского апанаже у Павловску // Време. 1928. 3, 4, 5 апреля;
- Репортаж Хелен. Рок семьи Романовых. «Мы не хотим и не можем бежать...». М.: Эксмо, 2018;
- Сергеев Е., Улунян Ар. Не подлежит соглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. М.: Реалии-Пресс, 2003;
- Силкин А.А. Король Александр Карагеоргиевич: «Храните мою Югославию!» // Листая страницы сербской истории. М.: Индрик, 2014. С. 171–206;
- Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2015;
- Хавкин Б.Л. Убийство графа Мирбаха: по следам преступления. Клио. 2007. № 4 (39). С. 37–47;
- Хрусталеv Владимир. Алапаевск: жертвы и палачи. М.: Достоинство, 2010;

Шарин Н.С. Рабочее движение в Алапаевском горном округе. Часть 5. XX столетие. 1918–1921 гг. (по документам исторических архивов Ленинграда, Свердловска, Алапаевска) // Алапаевский краеведческий музей;

Шевцова Г.И. Княгиня Палавандова, русская подданная // Константиновские чтения — 2015. Материалы научной конференции 28 октября 2015 г. С. 155–162;

Шевцова Г.И. Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. М.: ООО «Союз-дизайн», 2017;

Шевцова Г.И. Помощь российской общественности и государства сербским беженцам (октябрь 1915 — октябрь 1917 гг.) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 2 (65). С. 212–217;

Шевцова Г.И. Санитарные отряды княгини Елены Петровны (1912–1914) // Константиновские чтения — 2013. Сборник материалов научной конференции 30 октября 2013 г.: сборник статей / Государственный комплекс «Дворец конгрессов». СПб., 2013. С. 83–93;

Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Url.: <http://militera.lib.ru/research/shepelev1/05.html>;

Шершень Елена. В беспокойном 1918-м. Как в Вологде оказались посольства и миссии 11-ти государств мира. [Электронный ресурс] Интернет-газета «Столетие». 2018. 27 декабря. Url.: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/v_nespokoynom_1918-m_145.htm.

Содержание

Галина Шевцова Принцесса Елена Сербская: я горда тем, что разделяю судьбу, постигшую всех русских людей	3
Николай Неуймин, Ольга Потёмкина «В целях предупреждения и пресечения»: члены Дома Романовых в Екатеринбурге и Алапаевске. 1918	69
Ее королевское высочество принцесса Елена Сербская Я была в Екатеринбурге	135
Приложения	
Фрагмент письма княгини Елены Петровны Сербской великой княгине Виктории Федоровне. 26 декабря 1918, Сольтшёбаден	230
Протокол допроса Елены Петровны Романовой в Уральской областной Чрезвычайной комиссии от 14 июля 1918 года	238
Предисловие Мирослава Спалайковича, министра королевства Сербов, Хорватов и Словенцев к книге С.Н. Смирнова «Autour de l'assassinat des Grands-Ducs. Ekaterinbourg–Alapaievsk–Perm–Pétrograd» (Вокруг убийства великих князей. Екатеринбург–Алапаевск– Пермь–Петроград)	240
Письмо графа Юрия Павловича Граббе	251
Предисловие к воспоминаниям принцессы Елены Сербской из Бахметьевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США). Автор неизвестен	253
<i>Иннокентий Смолин.</i> Алапаевская трагедия; убийство Русских великих князей большевиками	270
<i>Николай Шарин.</i> Отрывок из рукописи «Из истории революционной борьбы уральских рабочих»	294
Аннотированный указатель имен и организаций	322
Список использованной литературы	367

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ:
СОБЫТИЯ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ И АЛАПАЕВСКЕ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ПРИНЦЕССЫ ЕЛЕНЫ СЕРБСКОЙ

Авторы-составители:
*Николай Неуймин, Ольга Потёмкина,
Галина Шевцова*

Директор издательства
Д. А. Ивашиных

Технический редактор
Д. У. Орлов

Художник
Д. Д. Ивашиных

Верстальщик
Н. Л. Балицкая

Учредитель и издатель: НП «Русская культура»
195220, СПб., ул. Фаворского, д. 12, лит. В
Адрес редакции: 195220, СПб., Гражданский пр., д. 24, офис 11
Контактные телефоны: (812) 534-96-34; +7 (921) 368-07-57
E-mail: info@russkyimir.org

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации причиняющей вред
их здоровью и развитию»

Книга предназначена для детей старше 16 лет

Подписано в печать 18.09.2023 г.
Формат 70×100/16. 24,5 печ. л.
Печать офсетная. Тираж 100 экз.
Заказ №